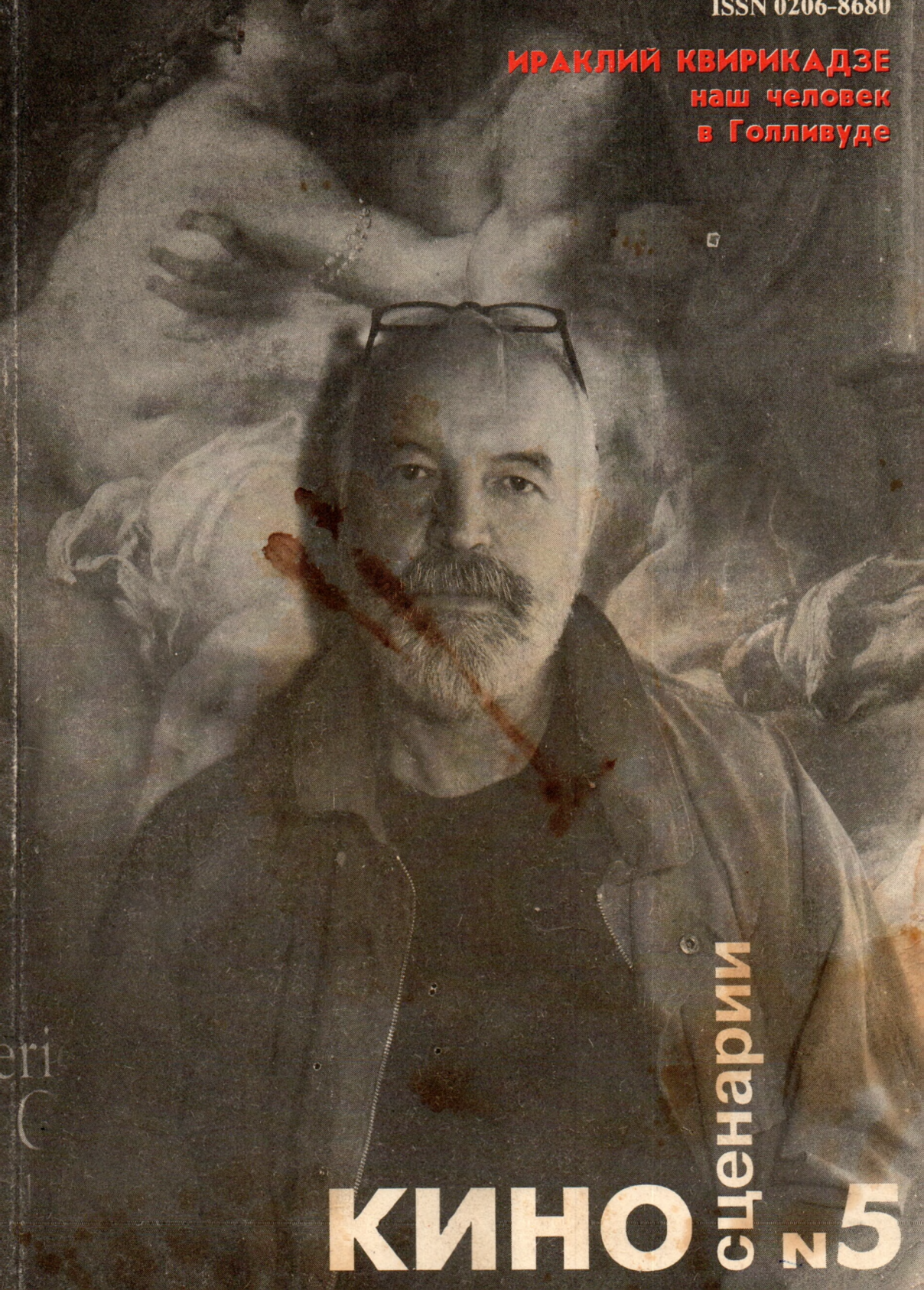

ИРАКЛИЙ КВИРИКАДЗЕ
наш человек
в Голливуде

eri
C

КИНО сценарии **№5**

Auguri!
Buonellto
Uostuzeri

сегодня
в
журнале

сценарии
КИНО № 5

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Ираклий Квирикадзе

Наталия Рязанцева

Петр Луцик
Алексей Саморядов

Владимир Меньшов
Виталий Москаленко
Андрей Самсонов

Иван Бирюков

Евгений Габрилович

Нейл Джордан

Эдуард Тополь

Григорий Горин
Вуди Аллен

Венди Ли

Александр Червинский

Приз Эйзенштейна
"Убийство Вилиама Шекспира"

Шестидесятники в 90-х
"Эффект Дориана"

Киноэпоха беспредела
"Кто-то там внутри..."

Победители конкурса "Надежда"
"Ширли-Мырли"

"Золотое дно"

Из рукописи мастера
"Игра в куклы, или мелочинки"

Анонс
"The Crying Game"

Рассказы киносценариста
"Асины рассказы"

Иронические мемуары
Рассказы Вуди Аллена

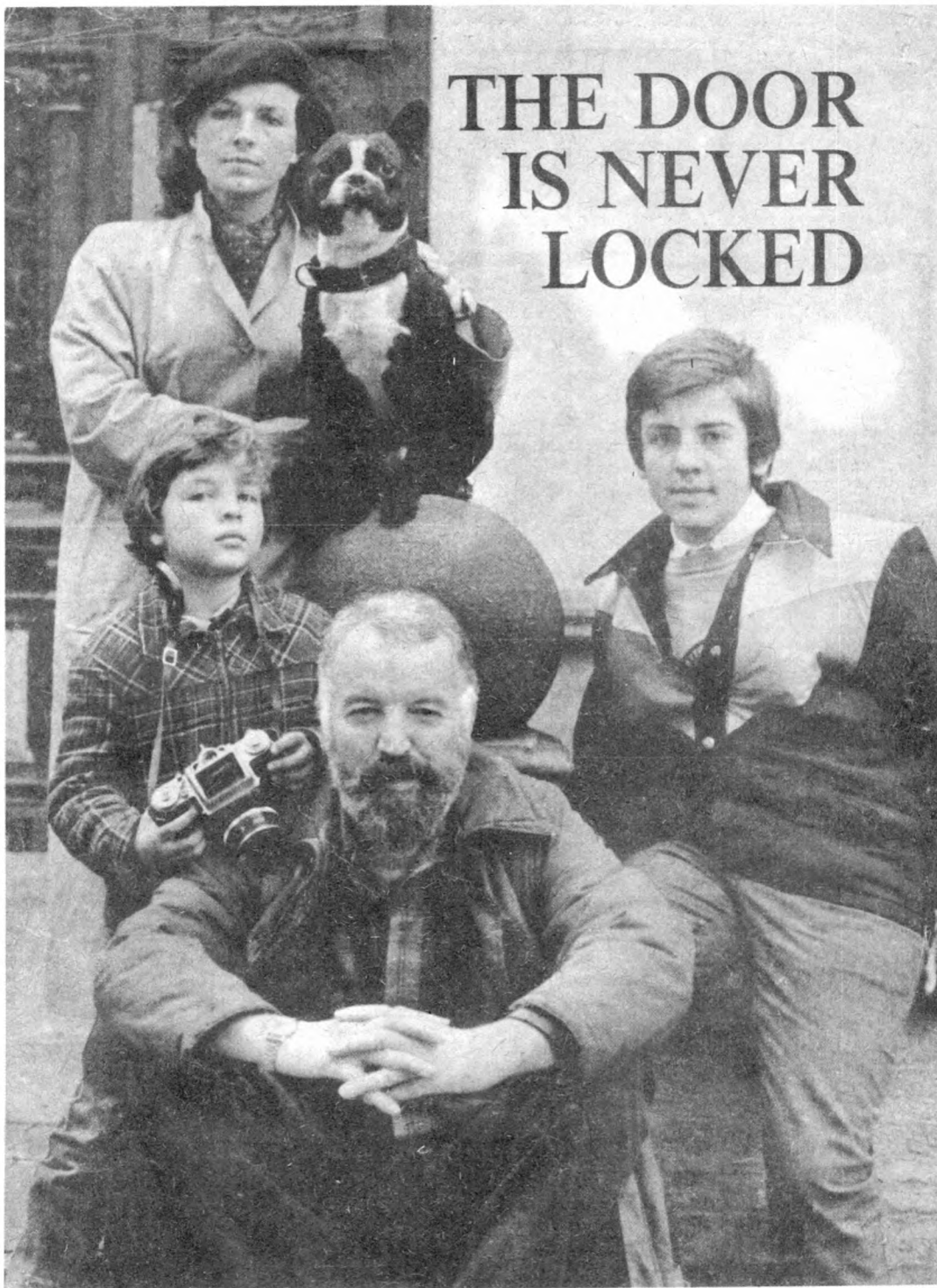
Из жизни звезд
"Лайза, рожденная быть звездой"

Бизнес в кино
"Как хорошо продать хороший сценарий"

Журнал издается
с 1973 года

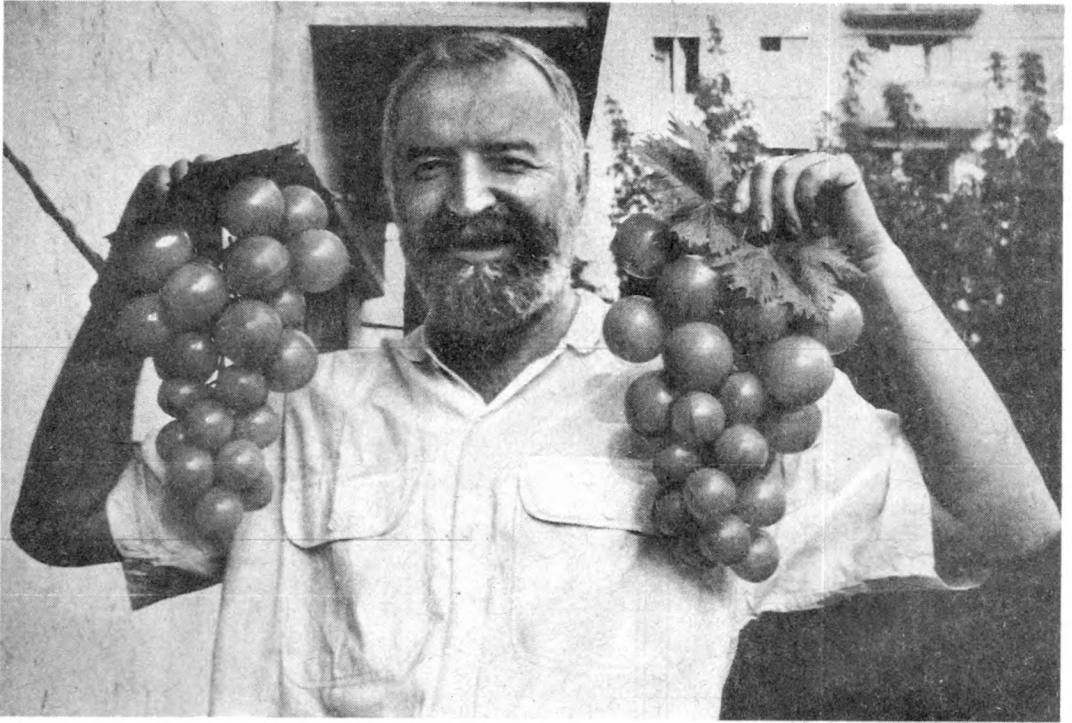
Учредители:
Комитет кинематографии при правительстве
Российской Федерации
Конфедерация Союзов кинематографистов

THE DOOR IS NEVER LOCKED

Дом открытых дверей. Ираклий Квирикадзе, Нана Джорджадзе, дети — Михаил (младший), Буба; собака Мао.

ИРАКЛИЙ КВИРИКАДЗЕ:

"Так для меня и сложился в то время образ кино — Канн, бутылка "Хванчкары" и Дина Дурбин в твоих объятиях"...

Сценарии Ираклия Квирикадзе, получившие премии на различных международных ки- нофестивалях и конкурсах:

"ГОРОДОК АНАРА" — Гран При на фестивалях в Габрово, Локарно, Белграде (реж. И. Квирикадзе),

"ПЛОВЕЦ" — Гран При на фестивале в Сан Ремо, специальный приз за сценарий на фестивале в Кемпере (реж. И. Квирикадзе),

"ПУТЕШЕСТВИЕ В СОПОТ" — шесть призов в Оберхаузене (реж. Н. Джорджадзе),

"РОБИНЗОНАДА, ИЛИ МОЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕДУШКА" — "Золотая камера" в Канне (реж. Н. Джорджадзе),

"СЛЕЗЫ ДОН ЖУАНА" — звание лучшего сценариста французского кино — 1989 года,

"АМЕРИКАНСКАЯ ШЛЮХА" — Первый приз на конкурсе сценариев "Хартли и Мерил" (США), приз центра "Новое кино" в Сан Денс (США),

"УБИЙСТВО ВИЛИАМА ШЕКСПИРА" — на российско-немецком конкурсе сценариев "Приз Эйзенштейна".

КИНО — НЕ БУТЫЛКА "ХВАНЧКАРЫ"...

*Беседу с Ираклием Квирикадзе
и Наной Джорджадзе
вела Наталья Рюрикова (1988 г.)*

Ираклий Квирикадзе. Я родился в 1939 году в городе Батуми, на самой границе с Турцией. Батуми всегда, из-за своего приграничного положения, был как бы полузакрытым, и это делало его совершенно чудесным и неповторимым, поскольку все остальные черноморские города давным-давно превратились просто в туристские центры. Батуми же перемешал в себе и как бы законсервировал несколько культур — грузинскую, турецкую, греческую. Может быть, правильнее было бы сказать — византийскую, но я не знаю, кто такие "византы", а греков в Батуми необычайное количество.

Директор нашей школы грек Илиопуло страстно увлекался хоровым пением. Я тоже пел в школьном хоре. Директор — огромный, могучий, кроме хора любил только бильярд и женщин. В бильярдной, напротив школы, он проводил практически все время. В бильярдную ему приносили бумаги на подпись, тут же он строго отчитывал провинившихся школьников... По вечерам же его видели на танцплощадке с красивыми любовницами. Любовницы у него были постоянно.

Однажды он играл в бильярд и вдруг упал на стол. Инсульт. Директор был такой большой, тяжелый, что неделю никто не решался к нему прикоснуться, все прекратили играть в

бильярд, а он все так и лежал на столе. Потом пришел в себя и потребовал школьный хор. Мы, человек шестьдесят бритоголовых пионеров, гуськом вошли в бильярдную и запели. Под наше пение он стал восставать, возрождаться.

Кстати, историю "Пловца" я услышал впервые именно в Батуми, в кофейне. Там старики в военных френчах пьют турецкий кофе и рассказывают невероятные истории. Странный город, необыкновенный. Письма, например, в моем детстве писали на магнолиевых листах. Можно было сорвать лист магнолии, написать "Я тебя люблю", наклеить марку, послать, и это письмо доходило до адресата. Дома у меня хранится желтый лист, где мой папа пишет маме "В субботу, в шесть у Особавахим".

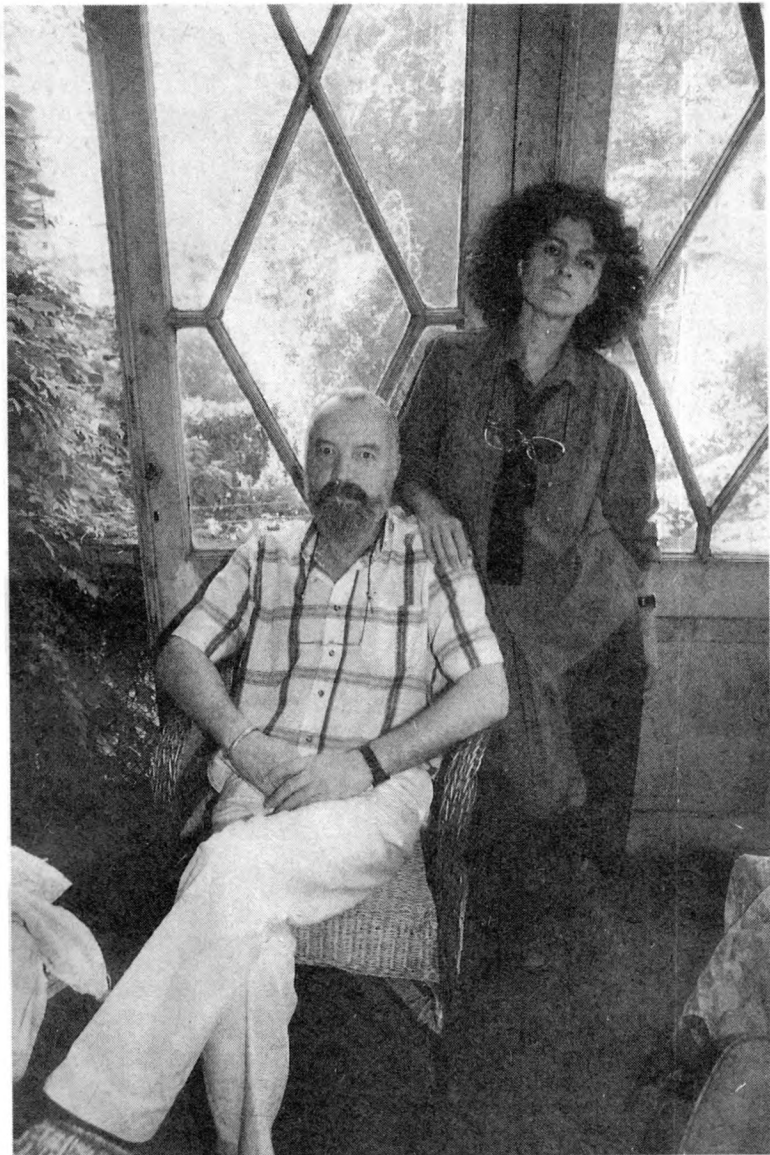
Так вот, историю "Пловца" я услышал в кофейне. Причем не единожды. Там даже споры велись про некоего водолаза, который однажды "на слабо" плюхнулся в воду и доплыл до Поти. Кто говорил — "доплыл", кто — "не доплыл". Все это сидело во мне с детства, и в какой-то момент я сделал фильм.

Наталья Рюрикова. Ну, а как же ты попал в кино?

И. К. В первую очередь от безделья...

Нана Джорджадзе. И сын его такой же. В четвертом классе заявил: "Все, я больше учиться не желаю. Читать-писать умею, и хватит".— "Но ты же будешь неучем!" — "Нет,— говорит,— буду режиссером".

вого человека, был самый настоящий враль и мистификатор. Батуми весь полон розыгрышей. Есть даже профессионалы розыгрыша. Если, скажем, вас кто-то обидел, вы можете пойти к такому профессионалу и заказать для

**Тбилисская веранда с выбитыми стеклами.
Нана + Ираклий.**

И. К. Я расскажу, как это началось. У нас был сосед Арчибальд Чхеидзе (не путать с директором киностудии), который, в отличие от своего однофамильца, прекрасного и дело-

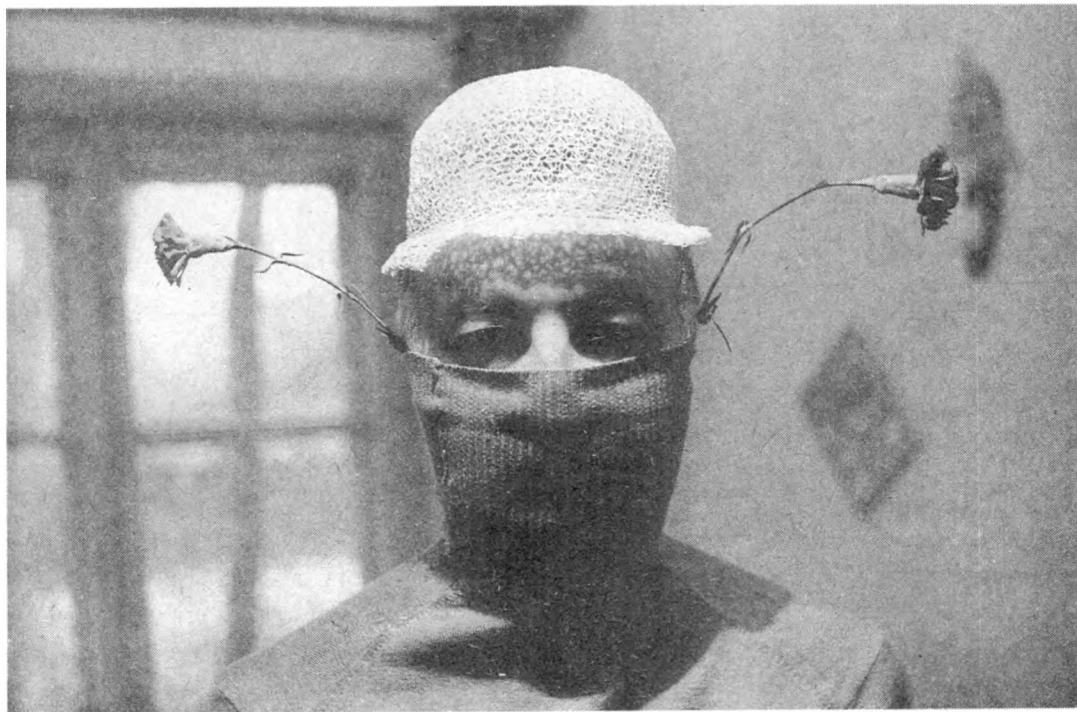
обидчика какой-нибудь розыгрыш. И это будет такая драматургия, такой спектакль!

Так вот, Арчибальд Чхеидзе работал в кинофикации. Заканчиваются сороковые, начи-

наются пятидесятые, я взрослою, не знаю, чем себя занять. Одно время меня интересовала астрономия, минералогия. А сосед этот ко всему был йог и учил меня делать стойку на голове. Он как-то рассказал мне, что с десятью бутылками "Хванчкары" ездил в Канн отбирать фильмы для Батумской кинофикации. И вот, отбирая эти фильмы, он танцевал в одном ресторане с Диной Дурбин, которая настолько влюбилась в него и в грузинское вино, что прижала к себе бутылку "Хванчкары", разрыдалась и оказалась в объятиях Арчибальда. Так для меня и сложился в то время

кинопродукцию, за которой стояли очереди. Хотя этап "Тарзана" и "Бродяги" я тоже прошел.

Как-то я увидел фильм "Чайки умирают в гавани". Это был бельгийский экспериментальный фильм, непонятно каким образом попавший в наш прокат в конце 50-х годов. В нем были очень странные вещи — стоп-кадры, рапид, рванный монтаж — то, что спустя много лет делал Годар. Странно, мало кто знает об этом фильме, но спроси грузинских режиссеров моего поколения про первый потрясший их фильм — все ответят: "Чайки

Домашнее дуракавальние

образ кино — Канн, бутылка "Хванчкары" и Дина Дурбин в твоих объятиях. Поэтому, не задумываясь особенно о своем будущем, я решил, что оно должно быть именно таким.

Потом на меня очень дурно действовали первые появившиеся тогда иностранные киножурналы — польские "Фильм" и "Экран", в которых, в отличие от наших, было все — красочные, пышногрудые, полуголые красавицы...

Н. Д. Короче, в кино его привел секс.

И. К. Нет, польские журналы "Фильм" и "Экран". Я стал киноманом, увидел несколько серьезных фильмов, непохожих на обычную

умирают в гавани". Я его смотрел раз семнадцать. Потом появился Вайда с "Каналом", пошло уже то кино...

Потом был ВГИК. Мне уже стало ясно, что кино — это не бутылка "Хванчкары", не Канн, но ощущение, что это игра, не покидает меня и до сих пор. Даже в серьезном кино присутствует элемент игры. Не только у Феллини, но и у Бергмана.

Во ВГИК я попал не с первого раза. Сначала, поступая в мастерскую Кулешова, срезался на истории. Пospорил с экзаменатором, он схватил мою зачетку и быстро поставил двойку. Я тоже вспыхнул, забрал документы. Как

выяснилось, напрасно. Кулешов меня разыскивал... И чтобы не болтаться бездельником, я пошел в Тбилисский университет на факультет журналистики.

Потом внештатная работа в газете "Молодой сталинец", теперь это "Молодежь Грузии",

дакции, устроили как-то творческий вечер этого поэта, на котором он читал свои стихотворные обращения к Никсону, королеве Елизавете, Мао Цзедуну и еще к кому-то... Думаю, я правильно сделал, забрав тогда документы из ВГИКа. Вообще, все, что ты ни делаешь,

Сорок восьмой день рождения Ираклия. Нана и Милош Форман.

первое разглядывание мира... Вот, например, в повести "Радуга в глазах хромой собаки" я рассказываю про железнодорожника, решившего все оружие мира скинуть в симонетский овраг, засыпать землей и выращивать на этом месте помидоры. Он посылал телеграммы со своим проектом главам всех государств, даже императору Японии. К нам в редакцию приходил такой поэт. Мы, молодые лоботрясы ре-

записано в Книге судеб. Когда через пять лет я поступил во ВГИК, то был уже сложившимся человеком, со своими взглядами, кругом общения.

Н. Р. А почему же ты все-таки пошел во ВГИК?

И. К. Увидел в Москве летом красивую мулатку. Она села в автобус. Я за ней. Ехали молча двадцать остановок. Автобус привез

меня ко ВГИКу. Там принимали документы. Мулатка исчезла, растворилась в воздухе. Но я попал в мастерскую Григория Чухрая. Наша мастерская делилась на феллинистов и антонионистов. Я, естественно, был феллинист. Мир, окружавший меня с детства, был наполнен юмором, гротеском, абсурдом.

Поэтому получилось, что первая моя картина — "Кувшин" — тоже с элементами абсурда. Это рассказ Пиранделло о том, как человек застрял в кувшине. У меня получилась Кахетия времени сбора винограда: все полно виноградным соком настолько, что когда кахетинцы здороваются, их сладкие ладони прилипают друг к другу.

"Кувшин" много раз показывали по телевизору, у меня даже появилась определенная известность. Когда в Тбилиси мою машину останавливает ГАИ, достаточно сделать усталый вид, сказать хриплым, простуженным голосом: "Я еду со съемок", и на вопрос, кто я такой, ответить, что автор "Кувшина", — тут же следует прощение, узнавание. Вот так все перемешивается — Канн, Дина Дурбин, негритянка, ГАИ. Может, правду говорил Арчибальд Чхеидзе о "Хванчкаре"?

Далее был "Городок Анара", получивший призы в Локарно, в Габрово, в Югославии, а здесь практически не пущенный в прокат. Далее история с "Пловцом", когда меня просто начали топить. Знаете, это западает в душу, когда после просмотра в Госкино произносится одна-единственная фраза: "Фильм надо сжечь!"

Вчера в парке Сокольники встретил бегуна в трусах и с топором в руках. Я крикнул ему: "Зачем топор?" Он ответил: "Защита". Мне так не хватало в Гнездиновском переулке топора!

Слава Богу, картину никто не сжег, но ее жутко изрезали. Единственное, что я смог — так это выкрасть из студии негативы. Это уже почти детективная история. Я сложил их в черный пакет и хранил в холодильнике. Моя покойная бабушка очень сердилась, что вместо сыра сулгуни, огурцов, помидоров в холодильнике хранится какая-то пленка.

В Доме кино прошла премьера "Пловца" в кастрированном виде. Я писал, что отказываюсь от этой версии, но она жила...

Н. Р. И даже имела прокат.

И. К. Да, к сожалению, эту изрезанную версию не сожгли, она шла каким-то пятым экраном в захолустном прокате. На дворе стоял закат брежневской эпохи, что-то начинало бурлить, появились киноклубы, в которых шли подпольные тайные просмотры. Я ездил по Союзу, нелегально крутил в этих киноклубах единственную полную версию "Пловца" — повсюду — от Таллина до Владивостока. Меня очень радовало, что люди гово-

рят о грузинском кино, о духе грузинского кино, о свободе грузинского кино, причем говорили не только рафинированные интеллектуалы в протертых вельветовых пиджачках. Такое я слышал в Казахстане, в табачном совхозе, в Кара-Богаз-Гол от рабочих соляных разработок...

Н. Р. В контексте этого можно вспомнить интимно-символическую стилистику фильмов Абуладзе. Его картины долго объясняли, растолковывали. Скажи, тебе хотелось сделать нечто символическое в своем фильме или это просто история жизни, времени?..

И. К. Я не могу сказать, что снимал фильм бездумно, но и какой-то особенной зашифрованности там тоже нет. Просто это история о батумском пловце. Мне хотелось вернуться в свой город, вспомнить детство и как бы организовать материал вокруг самой идеи запыля, вокруг преодоления непреодолимого, свершения чего-то, что выше тебя.

По ходу написания сценария, родилась эта форма. Некая генетическая цепочка от того великого пловца прошлого к сегодняшнему, разжиревшему, безвольному. Когда я выбрал актера для этой роли — Баадур Цуладзе (он мой прекрасный друг, чудесный актер, и мы говорим не о нем, а о его персонаже), мне представлялось, что жирность и безвольность — это символ нашего времени, моего поколения.

Я задумывал простую вещь, а в процессе съемок у меня получился остросоциальный фильм. Некоторые его эпизоды — реальности моего детства. Например, потопление бюста Сталина произошло прямо на моих глазах. Батумский сосед, мальчик шести лет, бросаясь всякой всячиной, случайно кинул в аквариум бюст вождя. Это увидел чей-то дурной глаз, и отца мальчика сгноили.

Н. Р. Но сегодня фильм живет новой жизнью...

И. К. Если честно, то второй жизни у него не получилось. "Пловец" не попал в обойму фильмов, задушенных в застойную эпоху. "Пловец" был кастрирован, но его никто не запрещал, карлик гулял свободно. Когда я вынул негативы из холодильника и полная версия дошла до кинотеатров с огромным опозданием — настало время абуладзевских лент, столь мощно прогремевших. Казалось, что "Пловец" — это пост-Абуладзе. Я же не буду всех тыкать в дату создания фильма — в 1980 год.

Н. Д. Я думаю, что пройдет время, схлынут политические страсти и "Пловец" будет оценен именно за принципиально новую стилистику.

Н. Р. А теперь расскажите не про кино. Как вы встретились?

Н. Д. В отличие от Ираклия, я родилась в самолете...

И. К. Ты хочешь сказать, что я родился в подводной лодке?

Н. Д. Нет, ты родился в Батуми. ...Не буду описывать свое детство, это будет "Ноль по

открылся кинофакультет. Это был первый набор, и курс набирали Тенгиз Абуладзе и Ираклий Квирикадзе. Курс, кстати, был потрясающий! Все делали свое кино — маленькое, большое, кто-то успел что-то отснять, кто-то еще раскачивался, тем не менее все делали

В гостях у Пиросмани.

поведению" Жана Виго... Закончила школу, закончила Академию художеств.

Н. Р. Архитектурный?

Н. Д. Да... Но я всегда хотела заниматься кино. После окончания Академии в 1973 году узнала, что у нас в театральном институте

ничто индивидуальное, непохожее ни на что.

Н. Р. Это Нана Джанелидзе...

Н. Д. Темур Баблуани, Гогита Чкония, Зураб Инашвили...

Н. Р. И что, Ираклий был учителем?

Н. Д. Мы начали занятия первого октября, а

двадцать седьмого уже решили пожениться.

Н. Р. То есть это не был союз творческих личностей. Ираклий сразу тебя приметил?

Н. Д. Ираклий уже рассказывал, как он обежал ради меня Тбилисское море?

Н. Р. Нет! Нет!

Н. Д. Это смешная история. Я называла его "батано Ираклий" и, как опытный шофер, учила его водить машину... Он только-только ее купил. Мы поехали несколько воскресных дней по пустым улицам и в одно прекрасное утро отправились на Тбилисское море. Там вокруг моря очень красивая дорога. Пустынная. Вдруг он говорит: "Я сейчас побегу и вернусь к этому же самому дереву, от которого начну бег". Впереди кольцевое шоссе — двадцать четыре километра. Я решила: "Треплется!" Он побежал, я еду за ним на машине, иногда высываюсь из окна, спрашиваю: "Может, хватит? Может быть, все-таки сядете, батано Ираклий"? Сама думаю: "Упрямый осел!" В конце концов он почти полз, но двадцать четыре километра сделал...

И. К. Она не совсем точно обрисовала экспозицию. Все было немного не так...

Н. Д. Я это видела так. Ты вдруг вышел из машины и начал стремительно раздеваться... Я ждала других действий от голого педагога...

И. К. Пропускаю мимо ушей эротизм курсистки. Мы говорили что-то о беге, я похвастался: "Хочешь, обегу Тбилисское море?" — "Этого не может быть!" — сказала ты. Я был влюблен, открылен, решил — сдохну, но сделаю! До этого однажды я бежал кросс в пять километров... Зимой на лыжах.

Н. Д. Ну, конечно, когда он обежал море, то все — я была покорена. Никаких объяснений в любви не надо было. Да их, собственно, и не было. Через день он сказал: "Надоело тебя провожать". Мы допоздна работали в монтажной: есть такой учебный прием — из старых фильмов надо смонтировать свой. Потом Ираклий развозил студентов по домам. Потом мы приезжали ко мне, к педагогу по вождению. От моего дома до его — прямая дорога, я уже не боялась отпускать его одного. И вот он мне и говорит... А я уже вся кривляюсь... "Батано Ираклий", то, се... В жизни не делала причесок, тут вдруг начала. Как раз в тот день надела заколку с бантом... Он на меня смотрит и говорит: "Слушай, ты почему такая уродина?" Я сразу сняла, только и промямлила: "Не знаю..." Он: "Ну, хорошо, хорошо, ты мне все равно нравишься..." Наверное, у меня было такое лицо, что он решил утешить.

Н. Р. И сделал предложение...

Н. Д. Нет! Никакого предложения! Предложил еще поездить. Я отвечаю, что, дескать, извините, уже поздно, меня не пустят домой. У меня очень строгая мама-немка. Я говорю: "Меня мама не пустит в дом, пожалуйста,

завтра, сейчас уже поздно". — "Ну и очень хорошо, что не пустит." Подъехали к его дому: "Ну, студентка, говорит, заходи".

И. К. Это для журнала "Плейбой" или "Плейгерл"!

Н. Д. И такая классическая бабушка встречается. Седая, в пенсне. Он говорит: "Екатерина Григорьевна, это моя жена". Я удивилась. Говорю: "Вы за меня решили? Уверены в моих чувствах?" — фраза из плохого индийского фильма. Он не отвечает, а звонит моей маме: "Meine liebe Лариса Михайловна (единственная фраза, которую он знает по-немецки), Нана сегодня не придет, мы с ней поженились".

Н. Р. Ну, такого человека можно любить всю жизнь!

Н. Д. Что я и делаю...

Н. Р. А как педагог?

Н. Д. Как педагог... Он давал нам полную свободу, не давил, вел так ненавязчиво, хитро, что мы постоянно шли по его пути. Хотя нет, он брал твой путь и просто поправлял.

Очень смешно: когда мы принесли свои первые этюды, то выяснилось, что не сговариваясь все впали в сюрреализм. Я помню, один мой товарищ говорил: "Я сейчас войду и буду наткаться на стол, стул, кровать, потому что я слепой медиум с острова Борнео, пролежавший в тбилисском сундуке двести лет". Ираклий нас слушал внимательно. Сейчас я понимаю, какая это была чушь собачья. Мы-то уже все думали, что мы режиссеры. Ираклий очень большое значение придает монтажу. Всем нам привил вкус к монтажу. Он дал нам почувствовать вкус той магии, когда ты ищешь: пленка туда-сюда, туда-сюда, и вдруг находишь тот единственный вариант, после которого дается совершенно другое осмысление эпизода фильма. Все мы, его студенты, монтируем сами, своими руками, а не руками милых монтажниц...

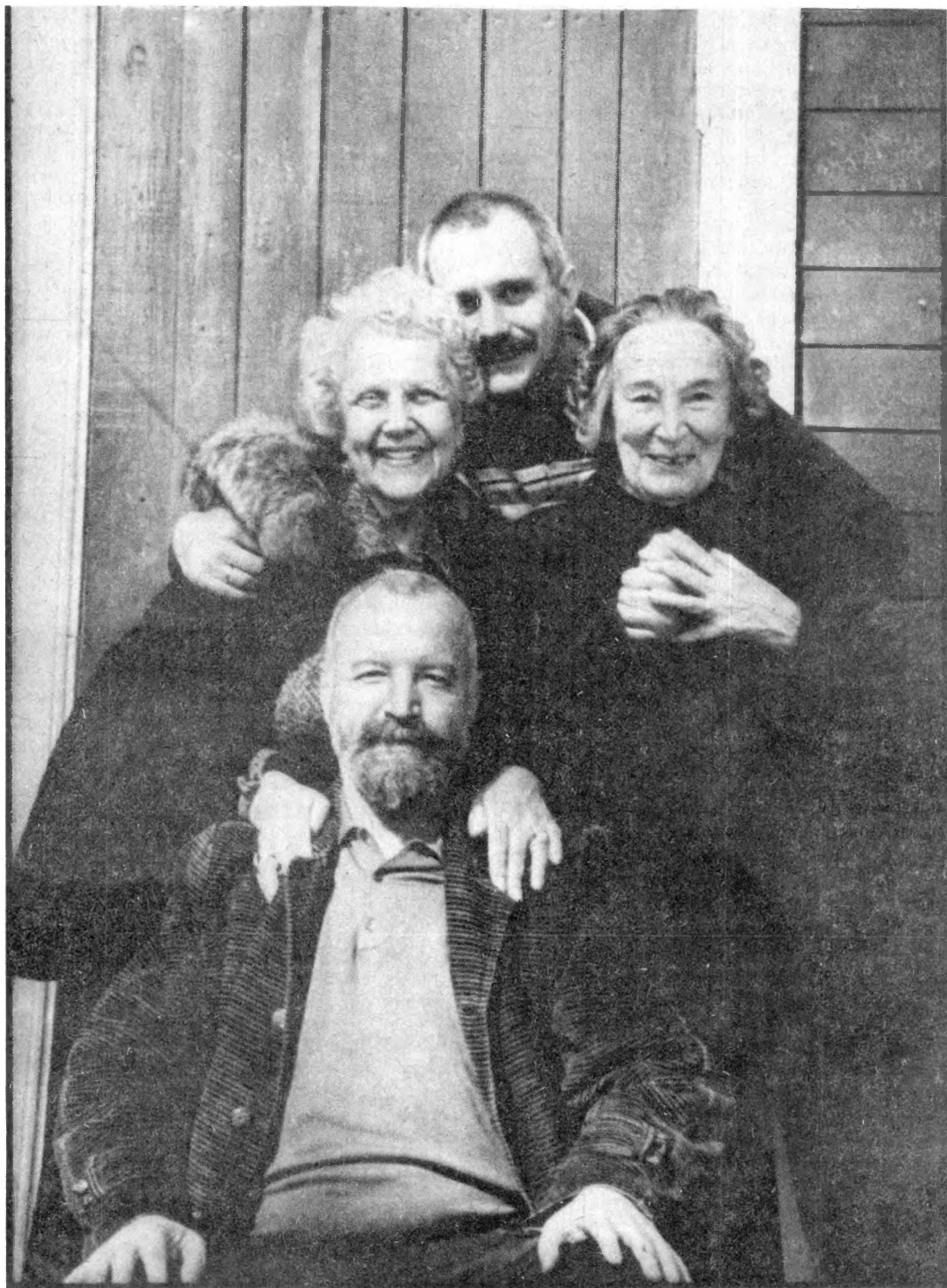
Н. Р. А "Пловца" вы делали, когда Нана еще училась?

Н. Д. Я заканчивала институт, снимала свой диплом "Путешествие в Сопот". Сценарий Ираклия. Я очень волновалась. Он дал мне сценарий и уехал в Батум снимать "Пловца".

Н. Р. И какое впечатление, Ираклий, от первого фильма жены?

И. К. Я искренне удивился. Мощный фильм. Он завоевал букет призов: Оберхаузен, Акапулько, Краков, Карфаген.

Н. Д. Но это не первый мой фильм. Первый я сняла в 1979 году. То была студенческая работа "Атлант". Какой-то странный фильм, очень мне близкий... Ираклия пригласили в Таллинн на фестиваль молодого экспериментального кино. И я прилепилась к нему, взяла своего "Атланта", показала и получила главный приз...

Позирование на Николиной горе. Наталья Петровна Кончаловская с французской подругой Жульет, Никита Михалков и Ираклий.

И. К. Который она потеряла в аэропорту... Я купил чешскую хрустальную вазу... Но диплом был подлинный... В Тбилиси мы привезли фальшивый приз и подлинный документ о призе... А что было делать? Рассказывать, что приз украли в дамском туалете Пулково?

Н. Р. У меня было впечатление, что вы вместе работали, вместе сделали "Пловца".

Н. Д. Мы очень много ссоримся. Вот "Пловец" например. Я знала совсем другой сценарий, который я любила. Он снял совсем другой фильм. Режиссер — все-таки диктатор, и очень трудно выносить чью-то диктатуру. Когда я привезла ему "Сопот", я попала на съемки "Пловца". Очень важно иметь на съемках своего человека, на которого можно кричать, послать куда-нибудь, потом пожаловаться ему же... И вот я стала таким человеком, который и пол помоед, и актера оденет, и когда надо, сам войдет в кадр, когда надо...

И. К. Не продолжай...

И. Р. Ну ты ему отомстила в "Робинзонаде"...

Н. Д. Да, Шенгеля сказал: "Зачем так мстить?" Я заставила Ираклия сбрить голову и весь фильм таскать огромное красное знамя... Этаким комиссар, сбежавший от бакинского расстрела и непонятно почему оказавшийся в болоте с красным полотнищем.

Н. Р. Сейчас начались новые контакты. Вы можете ездить на Запад, делать совместные постановки. Что-то изменилось в вашей жизни в этой связи?..

И. К. В начале 87-го я получил предложение делать для французов сценарий. Париж, Эйфелева башня, фирма "Гомон", средневековый замок моего продюсера. Но еще не сняв фильм, я понял, что жизнь на Западе, все эти красивые картинки, большие гонорары,

как голая красотка за стеклом секс-шопа. Она есть, и ее нет. Если у нас Госкино, то там свои проблемы. У продюсера есть деньги, вдруг нет денег, потом потерялся сезон, пошли дожди, кто-то подвел, отказал. Я написал сценарий, все говорят: "Ой, как здорово, так писал Фунтанье (кто такой Фунтанье?), но это не кассово, а нам нужно для кассы." Я встал перед дилеммой. Я всегда жил по пословице: "Пью из маленького стакана, но своего", а тут надо творить для кассы! Ты держишь бокал шампанского, танцуешь с Диной Дурбин восьмидесятых годов, тебе показывают Годара, стоящего у стены, от тебя даже ждут чего нового, а в итоге требуют старого, что смотрели бы минимум двадцать миллионов зрителей. Читают твой сценарий, говорят: "Что это за переброски во времени? Мы теряемся, а каково простому зрителю". И ты вдруг понимаешь, что то, что хотят они, это не твое кино — это их кино и напрасно тебя зазывали в роскошный Париж. И в этой битве наступает момент, когда начинаешь думать: "Ты столько пил, столько гулял, храпел в ложе Гранд Опера, теперь плати, а ты тут о принципах вспомнил"... Вот такая игра с принципами... Но я считаю, что не сдал позиций... Что там сдавать?

Н. Р. Значит эта свобода не совпала с тем, что вам виделось?

Н. Д. Наташа, я очень люблю ездить, смотреть мир, может, сказывается мое рождение в самолете, но работать мне хочется только тут. Чувствовать себя полноценным человеком можно только у себя...

И. К. Да-да-да... Каждый кулик должен хвалить свое болото.

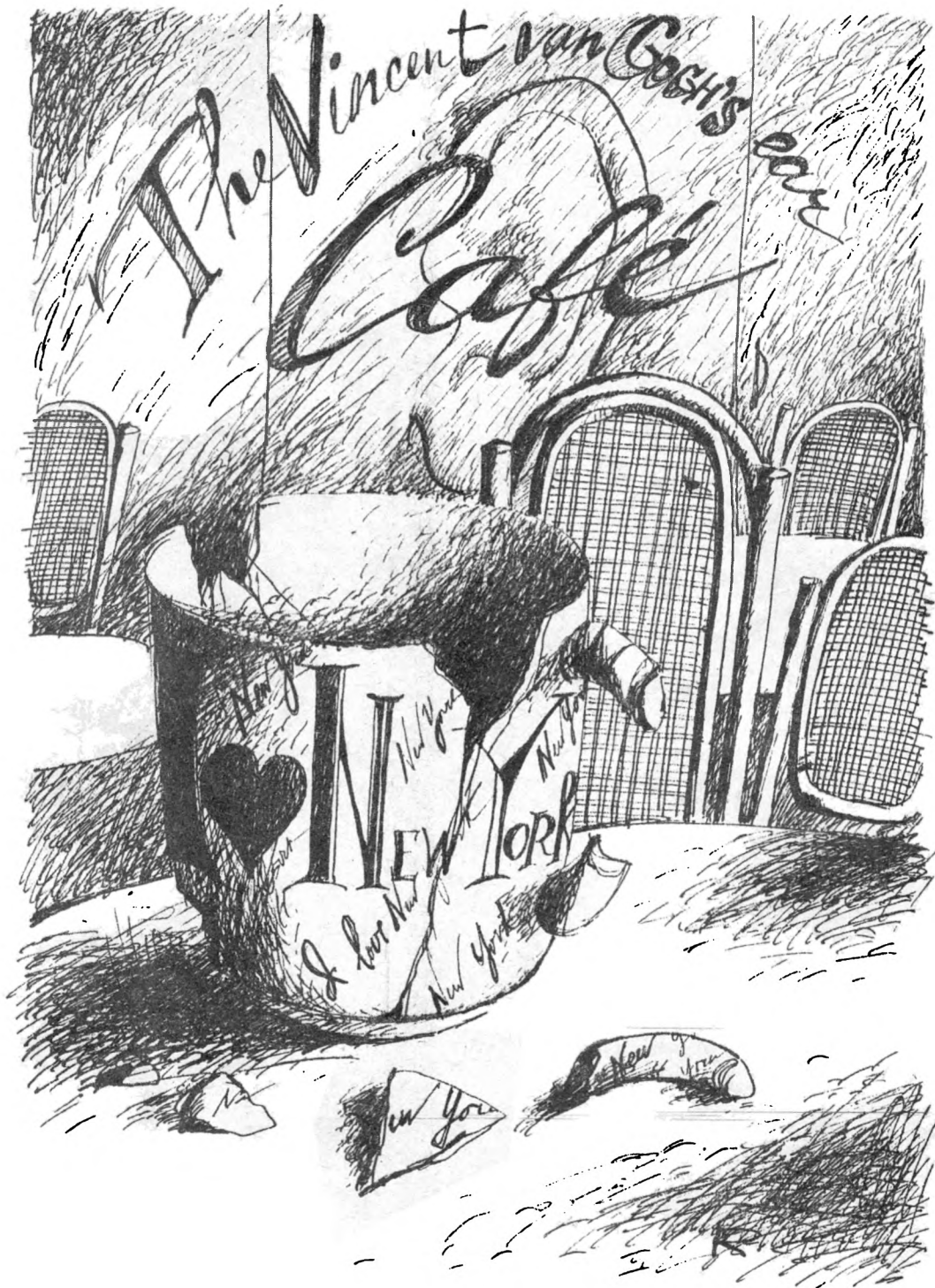
Все смеются.

Эта наша беседа с Ираклием и Наной состоялась в 1988 году. Так получилось, что в следующий раз мы встретились только через четыре года...

Продолжение интервью с Ираклием Квирикадзе — на странице 42.

A Enaehio,
Tanti Auguri!
Maddalena Mortimer

ИРАКЛИЙ КВИРИКАДЗЕ

УБИЙСТВО

ВИЛИАМА ШЕКСПИРА

Манхэттен. Жарко. Много прохожих. Из вынесенного на улицу динамика грохочет музыка реп.

Александр, молодой, энергичный мужчина, выходит из дверей кафе, поднимает руку, желая остановить такси. Шофер такси замечает Александра. Скрипят тормоза. Александр подходит к желтой машине, открывает дверь, делает движение, чтобы нырнуть внутрь, но, что-то вспомнив, пятится назад.

Александр (шоферу). Одну секунду, я оставил сигареты...

Александр быстро пересекает тротуар, входит в стеклянные двери кафе. Видно, как он подходит к столику, берет пачку "Мальборо" и поспешно идет к выходу. На вывеске кафе красуется огромное человеческое ухо. Кафе называется "Ухо Ван Гога".

С верхних этажей каменного дома стремительно падает какой-то предмет. Он ударяется об асфальт и вдребезги разбивается у ног Александра. Александр делает прыжок в сторону, смотрит вверх. Мрачные серые этажи (с точки зрения Александра). Некоторые окна открыты, видимо, оттуда вылетел... Александр опускает голову. Смотрит под ноги. Нагибается, поднимает часть разбитой фаянсовой кружки с надписью — "Я люблю Нью-Йорк". Вместо слова "люблю" — красное сердце.

Александр (читает вслух). Я люблю Нью-Йорк...

Произношение выдает в нем иностранца. Прохожие, видевшие падение фаянсовой кружки, остановились, подняли головы, смотрят на пыльные окна. Пышнотелая черная женщина ухмыляется.

Черная женщина. Попала бы в голову, на месте убила...

Заявка на этот сценарий была опубликована в журнале № 2, 93 г., под названием "Отто".

Шофер такси смотрит в окно машины на разыгравшуюся уличную сценку. Александр с обломком кружки подходит к такси, открывает дверцу, садится на кожаное сиденье. Видит кем-то оставленную монету, механическим жестом кладет монету в карман. Шофер вопросительно смотрит на Александра.

Шофер. Куда?

Александр. 207 Лафайет-стрит Сохо.

Шофер переспрашивает (в голосе удивление): 207 Лафайет-стрит?

Александр. Да.

Шофер поворачивает голову и внимательно смотрит на пассажира в зеркальце. Машина трогается. Александр замечает на майке шофера рисунок: велосипед, на котором сидят трое — Карл Маркс, Владимир Ленин и Михаил Горбачев. На правой руке шофера наколка: солнце с расходящимися лучами и имя Никита. Имя написано русскими буквами.

Александр (с интересом). Вы русский?

Никита. Русский (пауза)... Штольц.

Александр. Немец?!

Никита. Мой прадед, немец Штольц, сто лет назад приехал из Германии в Россию, а я десять лет назад из России в Америку. (Смеется.)

Александр. Звать Никита...

Никита. Да... А тебя?

Александр. Александр.

Никита. Давно в Нью-Йорке?

Александр. Приехал на неделю, четвертый месяц никак не уеду...

Никита. И не уедешь.

Александр. Почему?

Никита. Нью-Йорк — это капкан!

Машина затормозила на красный светфор. В окно виден мексиканец, стоящий посреди улицы и торгующий апельсинами. У него лопнул бумажный пакет, посыпались желтые шары. Шофер рассмеялся.

Никита. Сегодня все время что-то падает.

Между автомобильными колесами катятся апельсины.

Никита тронул машину. Он немолодой, потертый жизнью человек с опухшими глазами — то ли печень не в порядке, то ли алкоголь, а может, и то, и другое. Улыбка неожиданно детская, зуб золотой.

Никита. Чем занимаешься?

Александр. Пишу...

Никита. Писатель?

Александр. Вроде... Для кино пишу.

Воцарилась пауза. По лицам видно, что оба хотят продолжить беседу, но... нет темы. Александр неожиданно зевает.

Никита. Не выспался?

Александр. Да.

Никита. Девочки?

Александр. Нет... пишу ночами...

Никита (вновь улыбается, сверкает золотом). А я засыпаю в кино. Как свет потушат, засыпаю. Любой фильм (смеется) сплю.

Такси останавливается у подъезда дома 207 Лафайет-стрит. Александр выходит.

Александр кладет в потрепанный бумажник сдачу. Крутит обломок фаянсовой кружки, хочет выбросить его...

Со двора дома выезжает женщина на велосипеде. Она в черных очках, розовом платье, с бамбуковой палкой, которую вытянула перед колесом велосипеда, машет ею и тихо окликается прохожих: "эй, эй, эй". Она слепая. Никита, оставив машину, бежит к велосипедистке и что-то говорит ей. Та положила руку Никите на плечо. Они странной парой пошли-поехали по тротуару. На майке Никиты три велосипедиста: Маркс—Ленин—Горбачев. Рядом слепая велосипедистка в розовом...

Александр смотрит им вслед, кладет фаянсовый обломок в карман и входит в подъезд.

Александр звонит в дверь. Слышны резкие, прерывистые звонки. Дверь не открывают, Александр замечает записку, воткнутую в дверную щель. Раскрывает ее.

"Дорогой Алекс. Получилось нелепо. Меня вызвали на важную встречу. Звонила, чтобы предупредить тебя, но ты уже ушел. Буду в четверг. Извини. Мари Лу".

Александр скомкал записку, подошел к лифту. Потянулся к кнопке вызова, но лифт сам раскрыл дверцу. В проеме кабины стоит шофер Никита. Александр удивлен.

Александр. О!

Никита. Ты вышел из машины, я не успел сказать, что живу в этом доме... Вот моя дверь.

Никита указывает на дверь, рядом с той, в которую звонил Александр.

Александр. Смешно, живешь рядом с Лу...

Никита. Это красotka в рваных джинсах? Ты к ней?

Александр. Да, ее нет дома.

Никита. Заходи... Яичницу зажарю...

Никита всовывает ключ в свою дверь, кивает головой на дверь Лу.

Никита (улыбается). По квартире голая ходит.

Александр. Лу?

Никита. Классная фигурка...

Александр. Подглядываешь?!

Никита (кивает головой). А что делать в Сохо вечерами, когда твои окна смотрят в соседские...

Две небольшие комнаты, почти пустые. Мебель, приобретенная на гараж-сейлах. Много пустых бутылок из-под спиртного. Войдя в квартиру, Никита напялил на голову узбекскую тюбетейку, расшитую золотыми блестками.

Никита. К моим золотым зубам...

Александр не прореагировал на шутку. Он с любопытством осматривает квартиру таксиста. Портрет Брежнева приколот кнопками к стене. На Брежневе маршалский мундир с множеством бриллиантовых звезд.

Александр. Любишь вождей коммунизма?!

Входит Никита из кухни со сковородкой в руках. Улыбается, ставит ее на стол, заставленный бутылками Смирновской и Абсолют-водки.

Никита. Садись. Этих... (тычет в майку с велосипедистами) мне из Москвы привезли. А это чучело (о Брежневе) из "Лайф" вырезал. (Смотрит на Александра.) Ты что, обиделся, что я гляжу на ее голую жопку (смеется), имею грех, люблю заглядывать в чужие окна. На старой квартире имел телескоп...

Чокается с Александром. Они выпивают.

Никита. Вечерами скука, а в телескоп всё интереснее... В одном окне старик ест курицу, за стеной мальчик с девочкой трахаются в ванной, в двух шагах от них черный Отелло душит Дездемону (смеется)...

Александр, выпив, тоже развеселился. Достал из кармана обломок "Я люблю Нью-Йорк".

Александр (повторяет). А старик курицу ест... В Ленинграде курица убила одного поэта...

Никита. Курица?

Александр. Голландская, замороженная. Упала с шестого этажа, и в висок. Поэт писал

стихи, приносил их в журнал, где я работал, стихи бездарные, требовал, чтобы их печатали... скандалил... и вот курица... бам-ц! и кончилась его поэзия (смеется)... так и я...

Никита. А ты что пишешь в Америке?

Александр. Мемуары...

Никита. Мемуары? Свои?

Александр. Одной столетней богатой русской графини... "Ночью я приняла слабительное, но мне заехал граф Нарышкин, мы поехали на бал к императору... Император сделал мне комплимент "У вас не щечки, а персики" и пригласил меня на танец... Танцую с ним, я почувствовала позыв в желудке..." Слушаю этот бред и записываю. Графинины внуки хорошо платят... Лу помогает с английским...

Никита наливает водку по новой. Чокнулись. **Никита** выходит в соседнюю комнату-спальню.

Резко открывается ящик комода. **Никита** нетрезвой рукой скидывает ящик на пол. Видны носки, документы, счета, сверху лежит пистолет. **Никита** роется в бумажном ворохе, что-то ищет.

Никита (вполголоса). Где они?

Садится на пол. Берет пистолет, секунду смотрит на стальное дуло.

Никита (вполголоса). Зачем они мне? Их уже нет... Всё... Точка...

Замечает коробку из-под кубинских сигар, с оторванной верхней крышкой. В ней фотографии, пожелтевшие, обвязанные резинкой.

Никита. Вот они...

Никита садится за стол. Кладет коробку из-под кубинских сигар рядом с собой. Смотрит на **Александра**. Тот хмельной, веселый, улыбочивый.

Никита. У меня есть история...

Александр. Мемуары нью-йоркского таксиста?

Никита. Нет... Мемуары убийцы...

Александр (изумленно). Мемуары убийцы?!

Никита. Да.

Александр. Ты убил?

Никита. Да.

Александр. Кого?

Никита. Вилиама Шекспира...

Александр. Ты что, как моя графиня, тоже сумасшедший?

Никита. Нет... Показать тебе его фотографию?..

Никита достает из сигарной коробки кипу фотографий. Мелькают русские лица, русские пейзажи. Кто-то в пальто катается на коньках по замерзшему пруду. Трое всадников в степи. Женщины на пляже. Школьники в противогазах. Самолет стоит на поле. Под крылом

самолета мальчик, две женщины и мужчина с банджо в руках.

Никита (указывает на фотографию). Вот нашел... Смотри... Его звали Вилиам Терентий Смитт, кличка — Вилиам Шекспир. Он был американец... Убил я его на Урале, сорок пять лет назад... В деревне Пескарики...

Александр. Сорок пять лет назад тебе было лет десять-одиннадцать...

Никита. Тринадцать.

Александр. А что делал американец Вилиам Шекспир на Урале?

Никита. Слышал о красных американцах?

Александр. Это какие-нибудь марксисты..?

Никита. Они приехали в тридцатых годах в СССР, помогать Сталину строить коммунизм...

Александр рассмеялся.

Никита. Где-то у меня была фотография. Сталин жмет руку Вилиаму Терентию Смитту...

Александр. Фраза хорошая: "Сталин жмет руку Вилиаму Шекспиру".

Никита. Американцы поняли очень быстро... что строят в СССР. Многих из них арестовали, сослали в Сибирь, расстреляли...

Александр. А ты убил Вилиама...

Никита. Не перебивай... Я убил... и... в то же время... (Он замолчал.)

Александр. Не говори... (пьет водку) о чем-нибудь веселом поговорим. "Мальчик трахает девочку в ванной..."

Александр (перебирает фотографии). А кто эти красотки?

Крупно, на весь экран — самолет. Перед самолетом американец. На плечах его сидят две молодые женщины. Они в кожаных штанах, куртках. Смеются. На мощных плечах американца они смотрятся, как две бабочки.

Голос Никиты. Справа — Соня. Слева — Лейтенант. Ее все звали — Лейтенант. Имени никто не знал. Соня и Лейтенант — летчицы. Приехали в нашу деревню сразу после войны... поселились в амбаре, где стоял их самолет, опыляли колхозные поля химическими удобрениями... В войну они летали на бомбардировщиках, бомбили Берлин... "Кожаные женщины", как их звали в деревне, ни с кем не общались, жили замкнуто. Мужчины толпами ходили вокруг амбара. Соня и особенно Лейтенант "отшивали" их выстрелами из парабеллума...

Голос Александра. А Шекспир?

Голос Никиты. Он жил в американской сельхозкоммуне. Лечил коров, свиней, собак...

Голос Александра. Ветеринар...

Голос Никиты. Да...

Голос Александра. Но твои бомбардировщицы очень даже счастливы на плечах амери-

канского ветеринара... Соня красивая... Расскажи, интересно...

Моросит дождь. Уральский пейзаж — горы, леса, река. Над рекой густой туман. По реке Пескарики медленно движется паром. Скрипят цепи. На мокрых досках парома лежит гроб.

Голос Никиты. В день приезда летчиц шел дождь... Хоронили Клару, деревенскую проститутку. "Клара-профессор" была ее кличка. Профессор трудилась как вол. Семь деревень обслуживала...

В бумажных цветах лицо "Клары-профессора". Красные, напомаженные губы. Свежее полное лицо, по которому прыгают капли дождя. Человек двадцать мужчин сбились в одном углу парома. У всех печальные, скорбные лица. Большинство мужчин в резиновых плащах.

Паром растворяется в тумане. На берегу стоят две женские фигуры в кожаных штанах и куртках. На головах летные шлемы. Это Соня и Лейтенант. Они курят папиросы, смотрят на паром, выплывающий из тумана.

Рядом стоят, мочатся в речной песок коровы. Пвозка с керосиновой бочкой, рябой керосинщик. Священник в черной рясе, калошах. Все ждут парома. У ног летчиц два больших фанерных чемодана.

Паром приближается.

Керосинщик. Кого хоронят?

Священник. Клару-профессора.

Керосинщик. Одной блядью меньше стало...

Священник. Грех говорить так об усопшей...

Керосинщик хихикнул. Пальцем ткнул в сторону летчиц.

Керосинщик (видно, что он пьяный) подошел к летчицам, рассматривает их в упор. Летчицы не смотрят на пьяного. Паром пристал к берегу. Священник примкнул к процессии, которая медленно движется по мокрому, скользкому склону. Мужчины оглядываются на летчиц, пожирают их глазами. Керосинщик вдруг крикнул в сторону мужчин, идущих за гробом.

Керосинщик (кричит). Кларки-профессора сменщицы приехали!

Кто-то в похоронной процессии засмеялся. Чей-то голос негромко, но слышно для остальных, сказал:

— Та, что слева, классный станок!

Второй мужчина. И справа ничего...

Третий мужчина. Надолом к нам?

Второй мужчина. А хер их знает...

Несущие гроб подскользнулись, чуть не уронили Клару-профессора. Из гроба посыпались бумажные цветы. Их собирает бритый

наголо, в гимнастерке, в кавалерийских высоких сапогах, школьный учитель военного дела Юстин по кличке Динозавр.

Второй мужчина (Динозавру). Главный ебарь, а ты что молчишь?

Динозавр положил мокрые, грязные цветы на грудь Клары, гроб подняли.

Динозавр. Я о них все знаю...

Третий мужчина. Скажи...

Динозавр. К этой, что красивая, клеился генерал армии Самохин, она уютю раскаленный прижала к его херу, когда он на нее полез... Скандал был, но дело замали, ее и подругу погнали из армии, вот они к нам, поля опылять...

Второй мужчина. Опасные птички...

Первый мужчина (смеется). Если генералу армии не побоялся хер спалить, что она с тобой сделает? А?

Мужчины смеются, процессия приближается к вырытой яме. Внизу под склоном, у берега реки виден паром. На него взбираются коровы, керосиновая пвозка, летчицы с чемоданами. На дальнем берегу реки видна деревня Пескарики, белая церковь, стая черных ворон, кружащих над медным церковным куполом. И туман, в котором исчезает дождливый уральский пейзаж. Паром поплыл назад. Мужчины, собравшиеся у вырытой могилы, слушают бормотание священника и смотрят на уходящий паром. Там пьяный керосинщик что-то говорит женщинам-летчицам. Неожиданно керосинщик упал, получив удар в челюсть.

Паром тает в тумане. Слышно лишь тихое звяканье цепей.

Яркий солнечный день. Жарко. Поет невидимая птица. Поле. Амбар. Маленький, легкий самолет У-2. Недалеко от самолета, в густой траве лежит голая молодая женщина — одна из летчиц. Рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки, пистолет-парабеллум. Женщина загорает. На носу приклеен обрывок газетного листа, чтобы нос не сгорел. Из дверей амбара выходит другая обнаженная женщина. Она несет фаянсовую кружку с горячим чаем. Это Соня.

Соня. Лейтенант, я кинула два куска...

Слышен голос лежащей в траве.

Лейтенант. Не балуйся сахаром...

Соня смеется, проходит под крылом самолета.

Соня. Да ладно... Что жадничать, война кончилась...

Соня с высокой грудью, длинными, упругими ногами. Голова коротко острижена. Подойдя к Лейтенанту, она нагнулась, растянув большие, белые ягодицы. Протянула Лейтенанту кружку. Чуть поодаль от женщин и

самолета высится стог свежескошенной травы. Лейтенант смотрит на стог и глотает горячий чай. Взгляд внимательный, напряженный.

Лейтенант. Что-то слышу...

Соня. Что?

Лейтенант. Что-то...

Вдали виднеется белая церковь, на колокольне фигурка звонаря бьет в колокол.

Соня. Колокол?

Лейтенант. Нет, что-то рядом.

В отличие от Сони, Лейтенант загорелая, худая, костистая и неожиданно с детскими пухлыми губами.

Лейтенант. Сука буду!

Соня (смеется). Будь...

Лейтенант. Кто-то на меня смотрит...

В церкви полумрак. От узкого окна тянется яркий луч света, в котором плавают сизое облако дыма. Оно поднимается вверх от кадила священника Афона, мы его видели на похоронах Клары-профессора.

Небольшой хор: три старые женщины, тощий узколицый мужчина и мальчик — Никита Штольц, поют церковный хорал. В церкви немного прихожан. По каменным плитам ходит петух. Никита смотрит на петуха, который попал в яркое солнечное пятно на полу. Никита улыбается.

Голос Никиты звонкий, чистый...

В углу церкви Афон шепчется с одним из прихожан.

Афон. ...В них дьявол! Гроб Клары-профессора из деревни вынесли, и в тот же день появились эти две чернокровки... Рогатое творение не дремлет, не любит пустоты... Одну прибрал к себе, двух выпустил к нам...

По церковному двору бежит Никита. Сандалии его торопливо касаются мраморных плит, заросших колючками и крапивой. Нагнувшись над одной из плит, Никита сунул руку в крапиву, достал старый театральный бинокль с побитым перламутром. Быстро сунул его в карман штанов и продолжил бег.

Сток сена, который стоит недалеко от самолета и загорающих летчиц. Из стога сена слышны приглушенные детские голоса: мальчика и девочки.

Голос девочки. Дай бинокль, я тоже хочу посмотреть...

Голос мальчика. Подожди...

Голос девочки. Насмотрелся уже...

В стогу мелькает перламутр бинокля.

Голос девочки. Тебя не было, Лейтенант подошла, стояла-стояла, смотрела-смотрела, в руках пистолет, я от страха чуть не обкакалась...

В окуляры бинокля видна трава, по ней ползет черепаха. Внимание смотрящего в бинокль какое-то время отдано черепахе, потом он выбирает другой объект — пышные женские груди с темно-розовыми сосками.

Голос девочки. Когда вырасту, тоже буду летчицей и буду иметь такие груди... Спорим...

Голос мальчика. Они уходят...

Обнаженные летчицы идут к амбару. Останавливаются, смотрят на длинный шест, вбитый в землю. На шесте пузырится полосатый (в черно-белую полоску) сачок. Это определитель направления и силы ветра. Лейтенант что-то говорит Соне. Слов ее не слышно.

Голос девочки. Чья жопа лучше?

Голос мальчика. Сонина!

Голос девочки. Большая!

Голос мальчика. Что ты понимаешь?

Голос девочки. Не жопа, а царь-жопа.

В стоге слышен приглушенный смех. Летчицы оглядываются, словно услышали смех. Дети смолкают.

Голос мальчика (шепчет). Забыли пистолет...

На траве лежит оставленный летчицами парабеллум. К нему подползла черепаха, остановилась, смотрит на незнакомый предмет. Лейтенант, услышав смех, срывается с места, бежит к вилам, воткнутым в землю у стены амбара. Хватает их и с криком бежит к стогу. Железные вилы в руках разъяренной голой женщины смотрятся ужасающе.

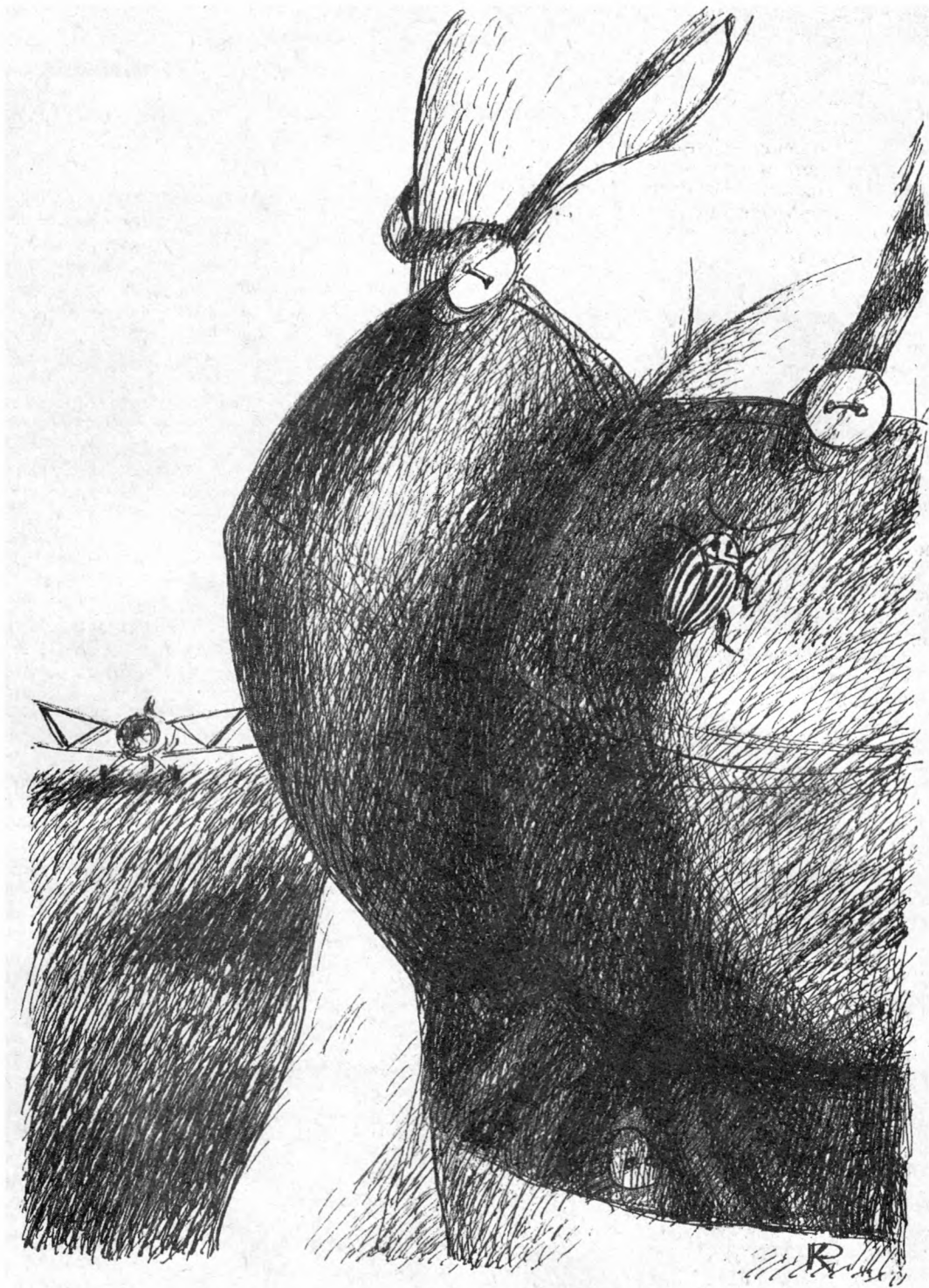
Лейтенант (кричит). Дрочильщики!!! Гды!!!

Из стога кубарем вываливаются детские фигурки. Это Никита, знакомый нам по церковному хору, и девочка Марфа — подруга Никиты. Лейтенант, увидев детей, растерялась, остановилась, не ожидала, что это дети, да еще один из "дрочильщиков" — девочка. Но через секунду волна нового гнева подхлестнула Лейтенанта, и она с воплем погналась за детьми.

Там, где кончается взлетно-посадочная полоса, начинается капустное поле, усеянное зелено-желтыми капустными шарами. По полю бегут испуганные дети. За ними Лейтенант с вилами в руках. Дети бегут, как зайцы, зигзагами. Лейтенанту не догнать их. Она метнула вилы.

Лейтенант. Змееныши, чтобы больше я не увидела вас здесь...

Вилы, брошенные сгоряча, не в детей, а так, чтобы избавиться от них, врезались в большой кочан капусты.

Соня, уже одетая во все кожаное, раскручивает самолетный пропеллер. Он набирает обороты, быстрее, быстрее...

Лейтенант сидит в открытой самолетной кабине. На голове ее кожаный шлем, на глазах круглые очки в резиновой оправе. Лейтенант показывает Соне кулак с поднятым вверх пальцем: "Отлично". Соня ловко прыгает на крыло самолета и мгновенно оказывается в кабине за спиной Лейтенанта. Самолет тронулся. Он старый, зеленая краска облупилась. На боках и хвосте ржавые пятна. Трудно поверить, что такая развалина может летать. Но ведомой умелой рукой Лейтенанта, воздухоплавательный аппарат, прыгая по кочкам, несется вперед до места, откуда, оторвав свои велосипедные колеса, взлетает... На траве лежит пистолет-парабеллум.

Соня, сидящая сзади, тянется к Лейтенанту и кричит:

— Соль, мука, мыло, какао, мармелад... Что еще?

Лейтенант. В Пескариках нет мармелада, полетели в Боброво, там же возьмем мед...

Соня (смеется). Жизнь какая замечательная началась (Лейтенант оглянулась, хохочет), за мармеладом и за льдом летаем на самолете...

Лейтенант. Кино посмотрим?

Соня. "Мост Ватерлоо"?..

Лейтенант. Это мы уже смотрели...

Соня. Но там играет Роберт Тейлор!!!

Самолет летит низко над землей. Видны река Пескарики, две-три деревни с церквями, памятники Ленину на деревенских площадях, грузовики, коровы, мальчишки, играющие в футбол. На одном из футбольных полей самолет приземлился.

Полумрак. Прохладно. Лысый армянин в ватнике стоит посреди пустой лавки, где в больших морозилках хранятся бруски льда. Армянин держит резиновыми перчатками прозрачный брусок, в котором видна замерзшая во льду серебряная рыба. На рыбу во льду смотрят Соня и Лейтенант. Армянин подносит брусок к лампочке, ввинченной у потолка.

Армянин. Мне кажется, она глаз открыла... Если лед растопить на солнце, она оживет...

Летчицы смеются.

Армянин. Не смейтесь. У меня одна после льда жила два месяца... в ведре...

Летчицы вспомнили о кино. Заспешили.

Соня. Мы придем в семью...

Армянин. Буду ждать... Но... (Пауза.)

Соня. Что — но?

Армянин. В эту пятницу, в ложе кинотеатра, директорскую жену, шесть человек (армя-

нин сделал жест, дающий понять, что сделали шесть человек с женой директора)... Директор запер жену в ложе, одну, а они — в темноте по карнизу пробрались и... Народ после войны голодный на женщин... Даже я, старый, гляжу на вас и думаю: что имел бы, кроме льда, все отдал бы... Но зачем вам старый армянин и его лед... Не ходите в кино...

Битком набитый зал. Сизый табачный дым. По рядам ходят опоздавшие, но мест свободных нет. Хохочущие лица, кричащие рты, бумажный пакет с мукой упал с галерки кому-то на голову. Взорвался белым облаком, несколько лиц в муке. Галерка хохочет. Пожилая, прихрамывающая женщина ходит меж рядов с металлической линейкой и бьет по головам тех, кто курит.

Женщина. Не курить! Не курить, подлюги...

Каждый удар линейки рождает взрыв хохота. В кинозал входят Соня и Лейтенант. Их появление вызывает эффект затишья. Зрители, в большинстве это мужчины, провозжат жадными взглядами двух красивых незнакомок. За ними семенит женщина с линейкой. Ударами по головам она поднимает сидящих на местах Сони и Лейтенанта. Погас свет.

На белом полотне экрана Роберт Тейлор и Вивьен Ли танцуют знаменитый вальс. В темноте с галерки кто-то пустил вниз в партер раскрытый газетный лист. Он летит по воздуху, медленно опускается, все больше и больше разгораясь огнем. Тот, кто пустил его в полет, поджег край, и вот огненный газетный лист приближается к головам партера. Вальс с экрана и полет огненной газеты почти синхронны. Галерка хохочет. Партер визжит в игривом испуге и ужасе. Лейтенант вскакивает на стул. Ловит лист и комкает его, не страшась огненных языков. Гул удовлетворения, восхищения, разочарования. Для тех, кто пустил газету, фокус не удался. На экране Роберт Тейлор и Вивьен Ли завершают вальс.

Резкий телефонный звонок перебрасывает нас с Урала в Америку. Никита поднимает трубку.

Никита. Здравствуй, Шерон... Мисс Дэзи проводил в парк... Она на велосипеде... Да... Отнести ей ключи?... Это секундное дело!.. Ладно! Если ты сама... Я еще буду дома... (Вешает трубку.)

Александр. Мисс Дэзи, это слепая на велосипеде?

Никита. Да... Ты ее видел?

Александр. Видел...

Александр пьет стопку водки.

Александр. А где американец? Где Шекспир? Я все узнал о Соне, Лейтенанте... А

Шекспир? Красная сельхозкоммуна американцев?

Никита. Их было человек сто... Коммуна называлась "Красное Колорадо". Трактора, косилки, комбайн, ветряная мельница, электростанция... все привезли из Америки. Вокруг нищие уральские колхозы, грязь, и вдруг... электрическое чудо!!! Как "Луна-парк" в пустыне. Почему они приехали? Что они доказывали своим американским трудолюбием? Не знаю... Никто с них пример не брал... До того как их стали арестовывать, они жили весело, свой джаз-банд имели, устраивали ковбойские танцы, приглашали местных, но те к ним не ходили, боялись НКВД... Вилиам играл на банджо... носил очки с толстыми стеклами...

Небольшая сцена. Много бумажных цветов. На сцене играет джаз-банд: черный контрабасист, девушка-скрипачка, саксофонист и огромный, заполняющий собой полсцены Вилиам Терентий Смитт, играющий и пританцовывающий. Все поют лихую ковбойскую песню. В глубине сцены висит портрет Иосифа Виссарионовича Сталина.

Камера выплывает из дверей клуба под звуки джаз-банды и оказывается на улицах "Красного Колорадо" — сельхозкоммуны американских марксистов. Негритянский юноша проезжает на велосипеде мимо памятника Ленину. Контраст черного юноши и бетонного Ленина — есть необычная реальность затерянного в уральских горах американского поселения...

Черный велосипедист едет по пшеничным полям. Звучит далекая музыка джаз-банды. Навстречу ему на велосипеде едет русская девочка-подросток, светлые, пшеничного цвета волосы, веснушки, голубые глаза. Черный юноша и девочка-подросток останавливаются, оглядываются по сторонам, обнимаются, падают в придорожные кусты папоротника. Звучит последняя нота диксиленда.

На сцене играют пьесу из американской истории времен президента Линкольна. Война северян с южанами. Заседает военный совет. Генералы с ватными усами и бородами склонились над картой военных действий. Обсуждают план ведения войны. (Актеры-любители играют театрально, с "нажимом".)

Голос Никиты. Я тайно ездил в "Красное Колорадо" на американские праздники... Вилиам Терентий Смитт восхищал меня своей

огромностью, силой, весельем... Из-за близости он часто попадал в нелепые ситуации... А может, он специально веселил коммунаров...

Один из генералов подносит палец к губам. Остальные генералы с удивлением смотрят на него.

Генерал. Тсс, господа! Нас подслушивает шпион!

Все смолкают. Генерал достает револьвер и осторожными шагами подходит к двери. Прикладывает к ней ухо. Слушает. Смотрит на генералов, застывших у карты военных действий. Удовлетворенно кивает им головой: "шпион за дверью"... и, направив на дверь револьвер, стреляет.

Открывается другая дверь, откуда валится на пол убитый шпион. В зале хохот. Это Вилиам, играющий шпиона, спугал дверь, за которой он должен стоять, дожидаясь выстрела. Хохочут зрители. Хохочут генералы. На полу лежит убитый шпион, который сжимает губы, чтобы не расхохотаться.

В коридоре стоят школьники. Они выстроились в длинную шеренгу. На лицах противогазы. Перед шеренгой ходит учитель военного дела Динозавр. Мы видели его на похоронах Кларты-профессора. Динозавр вглядывается в противогазы и громко спрашивает:

— Кто портит воздух планеты?

Противогазы молчат. В стеклянных глазницах сверкают детские глаза. Здесь стоят Марфа, Никита. Динозавр быстрым энергичным шагом идет вдоль шеренги.

Динозавр. Америка! — После недолгой паузы продолжает: — Мы, советские люди, живем в замечательной стране! Мы счастливы! Мы дышим чистым воздухом!!! А там, за океаном... (Динозавр указал куда-то вдаль) в Соединенных Штатах над городами стоят черные тучи копоты и сажы. С неба падают камнями мертвые птицы... Американские дети, сегодняшние Томи Сойеры и Гекльберы Финны валяются в обмороки от удушья...

Глаза Никиты за стеклами резиновой маски расширились от ужасов картин американской жизни, рисуемых Динозавром.

Динозавр. Зачем нам нужны противогазы? (Пауза.) Ответ получите в учебно-боевой обстановке... Бегом, марш!

Сорвавшись с места, Динозавр побежал. Школьники в масках за ним.

По капустному полю бегут школьники. Бегут тяжело. Слышно биение детских сердец. Динозавр оглядывается, грозно машет отставшим: "Быстрее, быстрее". Из-за холма вылетает самолет У-2. Летит низко над капустным

полем. За самолетом вьется густой шлейф химических удобрений. Школьники шарахаются в стороны. Динозавр остановился, сорвал маску с лица, кричит:

— Не разбегайтесь! Стойте! Вам ничего не грозит! У вас на лице родной советский противогаз...

Школьники стоят в густом облаке химических удобрений. С ревом пролетает над головами учителя и учеников У-2. Сыпется серый пепел.

Динозавр. Кто выпустил на наши мирные поля страшного вредителя — колорадского жука?

Динозавр наклоняется к земле и срывает большой кочан капусты. Указывает на выеденные в кочане дыры...

Динозавр. Нетрудно догадаться, кто, раз жук — колорадский... Оттуда (вновь указывает куда-то вдаль), из-за океана, тайно привезли ящики с жуками... Почему?

Динозавр застыл с поднятым пальцем.

Динозавр. Мы сильная военная держава, нас не победить танками, пушками, снарядами! Это понимают господа империалисты, поэтому — жук!!! На вид маленький и безобидный... Он должен уничтожить Советскую власть! (Смеется.)

Самолет вновь пролетает над их головами. В реве мотора исчезают слова учителя. Динозавр натянул на лицо маску противогаза и побежал. Школьники за ним.

...По проселочной дороге параллельно капустному полю едет мотоцикл Харлей-Дэвидсон. На нем сидит американец Вилиам Терентий Смитт. Усталые школьники остановились — смотрят на мотоцикл. Кто-то содрал маску. Это девочка Марфа. Она открывает рот, тяжело дышит, словно рыба, выброшенная на берег. Указывает на мотоциклиста.

Марфа. А это кто, враг?

Динозавр. Вилиам Терентий Смитт не враг! Ему лично товарищ Сталин руку жал!

Динозавр на секунду задумался, чужа, что неправильно выразился.

Динозавр. То есть Вилиам Терентий Смитт жал руку товарища Сталина...

Марфа (искренне недоуменно). Но он же американец!?

Динозавр. Он американский коммунист! А это большая разница! Чарли Чаплин — коммунист, поэтому он любимый во всем мире артист... Чаплин сказал Вилиаму: "Езжай в Россию, помоги русским строить светлое будущее..."

Школьники, видя, что Динозавр не ругает Марфу за снятый противогаз, последовали ее примеру. Мы узнаем Никиту, рядом с ним Паша-понос — парень с металлическими зубами, бритоголовый — Знак Зорро, девочка, это она упала на пшеничном поле в объятия

черного юноши из "Красного Колорадо". Все они герои истории, которую рассказывает нью-йоркский таксист Никита Штольц.

Динозавр. Не стоять! Не стоять! Вы на уроке военного дела! Надеть противогазы!!! Бегом — марш!!!

Светит большая круглая луна. Окраина леса. Посреди лесной поляны, на ковре, разостланном в черной траве, сидят трое: Вилиам Терентий Смитт, Никита и старая башкирка Анна — бабушка Никиты. Анна — широколицая, узкоглазая старуха в мужском зимнем пальто, из карманов которого она достает жестяную коробочку, протягивает ее американцу.

Анна. Намажь лицо, руки, шею... им нравятся этот запах... они подойдут, обнюхают, будут рычать, но не тронут.

Вилиам открывает жестяную коробочку.

Вилиам. Что это?

Анна. Я уже давала тебе рецепт...

Голос Никиты (нью-йоркского таксиста). Бабушка Анна, мамина мама, была башкирка. Она знала язык волков и учила Вилиама Терентия Смитта волчьей азбуке. Волки часто нападали на деревню, задирали коров, лошадей... Председатель колхоза, Рыжий Наполеон, прозванный так за рыжие волосы и любовь носить газетные треуголки на голове, приходил к бабушке Анне с просьбой изгнать хищников из Пескариков. На разговор с волками Анна брала Вилиама, иногда меня. Вилиам считал себя учеником башкирки-шаманки. Анна ходила в огромном мужском пальто, у которого была сотня карманов, в каждом она держала самодельные лекарства. Анна раздавала и рассылала их, не беря ни с кого денег...

Луна вышла из-за облаков. Анна подняла свое широкое, азиатское лицо и громко завывала. Тут же послышался дальний ответный вой.

Анна. Я ему говорю "Я пришла", он ответил "Иду"...

Вилиам. Я уже знаю, как провить "Я пришел"... Попробовать?

Анна. Не ошибись. Они заподозрят недоброе... Послушай, как это звучит.

Анна тихонько завывала. Не успел Вилиам повторить, как на поляне появились две большие тени. Анна завывала какую-то новую ноту. Услышала в ответ новые голоса.

Анна (шепотом). В Златоусте на базаре живет старый волк (Анна слушает волчий вой)... За собаку выдает себя, питается базарными остатками (Анна слушает)... Он очень старый, немощный, они навестили его... К нам заглянули по дороге, злы на Рыжего Наполеона, он в сорок четвертом убил их вожака...

Волки трусцой приближаются к сидящим на ковре.

Анна. Не шевелитесь.

Анна вновь завывала. И в этот момент раздались два громких выстрела. Одна большая тень упала в траву.

Анна осеклась в вое.

Вилиам вскочил. Из-за деревьев показались человеческие фигуры. Возбужденные голоса охотников.

Анна (обессиленным голосом). Негодяи... Как они смели убить, когда я разговаривала...

Вилиам подбежал к убитому волку.

Вилиам. Это нечестно. Не по-человечески... Они пришли на разговор с Анной...

Говорит он маленькому человеку в военном френче, орденах, Рыжему Наполеону. Никита поднимает с ковра бабушку, старую, обессиленную от коварства председателя колхоза...

Анна (шепчет). Мальчик, возьми меня домой...

В кресле сидит Динозавр. Щеки его густо намылены. Парикмахер, человек очень низкого роста, стоит на двух толстых книжных томах "Географического атласа мира". В руках он держит бритвенный нож и аккуратно водит им по динозавровским щекам. В окна парикмахерской летит белый тополиный пух. Среди парикмахерских зеркал человек шесть деревенских мужчин пьют пиво из стеклянной банки, которая передается из рук в руки. Слышны звуки жадных глотков и жужжание больших сонных мух.

Военный (во френче без погон). Слышали, эти летчицы Рыжего Наполеона чуть в расход не пустили (смеется). Он бежал от них, они за ним с пистолетом...

Динозавр смеется. Парикмахер ждет, когда тот успокоит лицо, чтобы продолжить бритье.

Парикмахер. Но кто-то их все-таки трахает?

Военный. Лейтенант воткнет тебе в жопу парабеллум (общий хохот) и сама отрахает тебя в свое удовольствие...

Динозавр. Вот таких цацек обожаю...

Военный. С этими не справишься...

Динозавр. Спорим! Литр мочи выпью!

Военный. Выпьешь...

Динозавр. Спорим.

В открытую дверь парикмахерской заглянула курица. Военный захлопнул дверь.

Военный. Чья?

Парикмахер. Не знаю...

Военный. Жирная, вареная, вкусная...

Парикмахер начал гоняться за курицей. Та взлетела к зеркалу, сбила коробку с пудрой, была поймана. Парикмахер взял бритвенный нож, которым брил Динозавра, вышел за занавеску, послышался куриный предсмертный выкрик... Парикмахер вышел, помыл

окровавленный нож, встал на два тома "Географического атласа мира" и продолжил бритье динозавровских щек.

Парикмахер. Бросил в кипяток. Федор, обципай перышки...

Тот, кого звать Федор, встал, заглянул за занавеску.

Парикмахер. На чем остановились?

Динозавр. Завтра я иду в амбар, через четыре дня они мне штопают носки, я трахаю одну — по четным числам, другую — по нечетным...

Большая комната. С потолка свисает электрическая лампочка. Она высвечивает множество сухих трав, корней, развешанных в комнате пестрыми венчиками. На стуле сидит старая Анна в холщовой ночной рубашке. Ноги ее в тазу. Над тазом поднимается пар. Анна дремлет. Внук Никита сидит рядом и доликает в таз кипяток из чайника. Со двора слышен свист. Никита смотрит на бабушку. Осторожно ставит на пол чайник и на цыпочках выходит из комнаты.

На черном небе луна. Тусклый желтый свет высвечивает мраморные плиты старых могил. У одной из них стоит Марфа. Она свистит, заложив два пальца в рот. Из дома напротив церкви выбегает Никита. Он видит Марфу, наклоняется к кустам крапивы, вынимает пистолет-парабеллум.

Тусклый лунный свет заливает капустное поле... Но вот луна вырвалась из плена облаков, и свет ее стал необычно сильным, словно включился прожектор. По полю бегут Марфа и Никита. Перед ними амбар, который сияет таинственным светом.

Марфа (шепотом). Может, у дверей оставим?

Никита (шепотом). А если кто другой возьмет?

Марфа (шепотом). Не надо было брать: воровать...

Никита. Я не воровал...

В тишине слышны шаги. Дети смолкли.

Никита. Динозавр...

По тропе идет Динозавр. На нем черный костюм, высокие кавалерийские сапоги. Белая роза в петлице. Аккордеон на широком ремне свисает с плеча. Никита и Марфа падают в капусту. Динозавр, скрипя сапогами, прошел мимо них.

Никита (шепотом). К летчицам идет...

Они провожают взглядами учителя.

Марфа. Никита...

Никита. Что?

Марфа. Если скажу, ты никому не скажешь?

Никита. Что скажешь?

Марфа. У меня уже груди появились...

Никита. Ну и что?

Марфа. Хочешь, дам потрогать... если не веришь.

Динозавр. Могу показать... Такого вы никогда, ни у кого не видели...

Лейтенант. Покажи!

Динозавр. За показ деньги вперед.

Лейтенант. Сколько?

Динозавр. Так и быть, вам бесплатно.

Лейтенант. Снимай штаны, показывай...

Никита. Дура ты, Марфа! Груды появились!.. До женщины тебе еще жить да жить...

Марфа встала и, обиженная, зашагала по полю, назад к деревне.

Никита (примирительно). **Марфа**, пошли к амбару. Посмотрим, что там Динозавр?

Никита и **Марфа** прижались лицами к пыльному окну. В амбаре, перед курящими папиросы летчицами ходит Динозавр. Белая роза из петлицы черного костюма перебралась за ухо.

Динозавр вдруг деланно захохотал.

Динозавр. Ох, ох, ох... Какие вы презрительные! И кого вы из себя корчите? А? Может, целочек? (Хохочет.) Летали в войну на бомбардировщиках! А сейчас вдруг стали недотроги... Да вас с бомбовозов вместо бомб повыкидывали бы, если бы вы ножки не задирали, когда вам приказывали... Не так? Так! А что здесь, у нас, в Пескариках? Почему председателя пистолетом пугаете, никого к себе не подпускаете...? Почему стреляли в почтальона? Ножку ему оцарапали... Он почту принес и попросил рачком встать? Тебя или тебя? Что в

этом дурного? Да вся деревня и семь других только и думают, как засадить вам козликов...

Летчицы курят "Беломорканал" и молча слушают Динозавра.

Динозавр. Умерла Клара-профессор. (Пауза.) Трахать стало некого. Клару-профессора не знали? В тридцать седьмом приехала на гастроли на сезон, тогда здесь золотишко было, приехала на сезон, а осталась навсегда... Провожали на кладбище все семь деревень. (Пауза.) Золото и сейчас кой у кого найдется! Подумайте, пташки! Хорошенько подумайте! И не надо из себя разыгрывать героев... Приехали колорадского жука уничтожить?! Низкий поклон за это! Но самолет самолетом, жуки жуками, а... (смеется) сорока-воровка кашку сварила, и этому дала, и этому дала, и этому дала. Золотая сказка... (Смеется.) Теперь покажу вам, целочкам-недотрогам, одну такую штучку, дар речи потеряете...

Динозавр взял за ширинку, расстегивает ее... И в этот момент Соня накинула на учителя военного дела пустой мешок из-под химических удобрений... И на глазах изумленных учеников летчицы стали избивать учителя. Он, опутанный мешком, ничего не видит и не может сделать. Соня не дает ему скинуть мешок, а Лейтенант мощно, сильно, со знанием дела бьет Динозавра в пах, солнечное сплетение, в скрытое под мешковиной лицо. Смотреть на четкие действия летчиц даже приятно. Действуют профессионалки кулачного боя.

Скрипит двухколесная тележка, в которой лежит Динозавр. Тележку катят Лейтенант и Соня. Динозавр тихо стонет.

Соня. Жалко.

Лейтенант. Не жалко. По заслугам...

Соня. Перестарались...

Лейтенант (раздраженно). Я этих гадов была и бить буду... Пока не поймут...

Соня (перебивает). Не поймут...

Лейтенант. И будут биты.

Скрипит тележка. Кто-то пробежал с тяжелым мешком на спине, видимо, капустный вор.

Лейтенант. Какие-то триста грамм между ног еще не значит...

Соня (перебивает). Триста? Не многовато?

Лейтенант. Ну... двести... Не взвешивала. (Смеется.)

На тропу выскочил мужской черный силуэт. Бежит навстречу летчицам, прихрамывает.

Хромой. Что, подлюги, убили человека?! Надо мной издевались, ногу прострелили... А Динозавра в расход пустили!

Лейтенант. Отвали, почтальон...

Почтальон (Хромой). Для Гитлера война

кончилась, для Сталина кончилась. А для вас, сук, еще не кончилась? Все воюете и воюете...

Лейтенант. Бери тележку, придурок, и кати своего дружка к дому или к врачу... Куда ближе...

Горит тусклая лампочка на длинном шнуре. Старая Анна спит на стуле. Ноги опущены в таз с остывшей водой. Скрипнула дверь, входит Никита. Подходит к бабушке.

Никита. Пошли в постель, Аннушка...

Анна открывает глаза:

— Не ходи, малыш, к летчицам...

Пусто. Тихо. Две деревянные кровати, на которых высятся большие подушки с вышитыми алыми розами. На одной кровати лежит синий атласный лифчик. Со стены улыбается портрет вождя. Рядом кнопками приколот рисунок серого волка с восседающими на волчьей спине сестрицей Аленушкой и братцем Иванушкой из детской сказки. На стуле лежит аккордеон, оставленный Динозавром. Зеркало. В зеркале лицо Никиты. Он осторожно открывает коробок пудры. Нюхает белый порошок. Берет флакон духов. Нюхает. Наклоняется к постели, тычется носом в чашечку лифчика.

Никита (шепчет). Пахнет Соней...

Замечает альбом фотографий. Подносит поближе, открывает его.

На летном поле стоит тяжелый бомбардировщик. Перед ним группа летчиков. Среди них Лейтенант и Соня. Другая фотография: к крылу бомбардировщика подтягивают на цепи огромную бомбу. Рядом с бомбой Соня и Лейтенант. Развалины, пожарища немецкого города. В дымах стоят Соня и Лейтенант. Они держат большую фарфоровую куклу, смеются. Вновь группа военных. А вот Соня и Лейтенант друг другу приставили к вискам пистолеты...

Никита стоит на коленях перед Сониной кроватью. Листает альбом. Слышны звуки шагов, голоса летчиц, шорох ключа в замке. При первом же звуке Никита вскочил, заматся, бросился к полуоткрытому окну, но к окну кто-то снаружи подошел, и раздался голос Лейтенанта.

Лейтенант. Окно ты оставила открытым?

Соня. Не помню...

Шаги к дверям.

Никита подбежал к шкафу. Летчицы вошли. Лейтенант поставила на стол ведро с ягодами малины. Нашла медный таз, высыпа-

ла в него малину. Соня заметила открытый альбом фотографий, заметила белую пыль от пудры. Открыла дверцу шкафа и увидела расширенные от испуга глаза Никиты. Молча закрыла дверцу. Посмотрела на Лейтенанта, та не видела инцидента у шкафа.

Соня. А сахар?..

Лейтенант. Черт, забыли... Садись на велосипед...

Соня. Через двадцать минут мне радиogramму посылать...

Лейтенант. Ладно, поеду, лень...

Соня. Ягода скиснет...

Лейтенант обмыла в рукомойнике сладкие от сока ладони. Вышла на поле. Слышен скрип велосипедного колеса. Соня достает банку, сыплет из нее сахар на ягоды...

Соня. Выходи.

Шкаф не открывается.

Соня. Не бойся.

Шкаф не открывается.

Соня. Лейтенант вернется, сам знаешь, худо будет...

Дверка шкафа открылась.

Соня. Это тебя зовут Гитлер-гондон?!

Никита смутился, покраснел.

Никита. А вы откуда знаете?

Соня. Слышала. Заводила ваш, Пашка, кричал... А у него какая кличка?

Никита. Пердун...

Соня. Ну и имена! Гитлер-гондон, Пашка-пердун. А почему ты Гитлер-гондон?

Никита. Папа мой, немец, работал аптекарем...

Соня. Гондон, потому что аптекарь?! Понятно... А мать?

Никита. Мама башкирка.

Соня. То-то ты такой скуластый. Немец. А где родители?..

Никита. Сослали. В Сибирь.

Соня (после долгой паузы). Зачем сюда ходишь? То в стогу прячешься, то в шкафу. Лейтенант увидит тебя... Клянусь, пристрелит! Лифчики мои воруеть...

Никита. Я не ворую...

Соня. Зачем они тебе?.. И трусы мои... Фу...

Никита. Я не ворую...

Соня. А кто?.. Пашка-пердун?..

Никита. Не знаю...

Соня. Динозавра знаешь? И этих парикмахерских алкашей?

Никита. Знаю. Динозавр — учитель...

Соня. Скажи им, девочки в войну за день работы тысяч пять-шесть человек на тот свет отсылали... запросто... красную кнопку нажмешь, с самолетика бомбы посыпятся (Соня скидывает с ладони дюжину ягод), и нет человечиков... сильных и смелых, как Динозавр... Уходи...

Меж зеленых капустных шаров идет Никита. Лицо красное — след только что перенесенного стыда и унижения. Слышен голос Сони.

Соня. Эй, Гитлер-гондон!

Никита остановился. Оглянулся. В дверях амбара стоит Соня.

Никита. Что?

Соня. Иди ко мне. Как тебя звать, не знаю...

Никита возвращается к амбару. С рук Сони стекает малиновый сок.

Соня. Как тебя звать?

Никита. Никита.

Соня. Никит... Полетели купаться?

Никита (не верит своим ушам). Как это, полетели? На самолете?!

Соня (смеется). А на чем же еще? Поищем красивое озеро, приземлимся и бул-тых в воду... Поплескаемся, жарко ведь. Хочешь?!

Все быстрее и быстрее раскручивается пропеллер У-2. Самолет мелкими прыжками побежал по взлетной полосе, растянутой меж капустных полей. В кабине самолета Соня. За ее спиной сидит ошалевший от счастья Никита. Затаив дыхание он следит за сониными руками, ловко щелкающими металлическими рычажками, что-то включая и выключая. Самолет взлетел.

Никита смотрит с борта кабины. Видны крыши домов. Школа. Стадо коров. Мотоцикл американца Вилиама. Соня не поднимает высоко самолет. Она как бы заигрывает с мчащимся в облаке пыли Харлей-Дэвидсоном. Летит с ним параллельно. Но вот мотоцикл отстал. Соня оглядывается на мальчику. В резиновых очках видны ее смеющиеся глаза.

Соня (кричит). Хорошо?!

Появились озера. Голубые блюдца в изумруде полей и лугов.

Соня (кричит). Выбирай!

Никита (кричит). Что выбирать?!

Соня (кричит). Озеро! Какое нравится — твое!

Никита (кричит). Это!

Самолет снижается. Соня затормозила у самой воды. Спрыгнула на озерную гальку. С ходу скинула кожаные штаны и куртку, оказалась в голубых атласных трусах и лифчике. Побежала к воде, упала в нее, подняв фонтан брызг. Проплыв метров десять, она с шумом и фырканьем вышла на берег, стала прыгать с ноги на ногу, как большая собака, которая страхивает брызги. Потом легла на горячие камни рядом с Никитой. Атлас скрипит на ее большем, упругом теле.

Никита смотрит на летчицу, открыв рот.

Соня (смеется). Оса в рот влетит!
Никита закрыл рот. Воцарилась долгая пауза.

Никита. Не зовите меня Гитлер-гондон!

Соня. Имя знаю, а фамилия?

Никита. Штольц.

Соня. Штольц? Как какой-нибудь обер-группенфюрер. Поменяй фамилию.

Никита. Папа сказал, мы, Штольцы, сто лет в России с этой фамилией жили, отказался менять, его ночью в грузовик с мамой... и в Сибирь...

Соня. Вот видишь...

Никита. И я не поменяю...

В озере плеснула большая рыба. Подпрыгнула, сверкнула серебряным боком и исчезла, на поверхности воды пошли круги...

Соня. Сколько ударов в минуту делает сердце?

Никита. Не знаю... Сто?

Соня. Дай ухо...

Она потянула никитино ухо к своим огромным атласным грудям. Мальчик опешил от неожиданного жеста летчицы. Слушает ее гулко бьющееся сердце.

Соня. Считай.

Никита. Раз, два, три, четыре, пять...

У озера на песке лежит молодая женщина, к ней прижался мальчик. Слышен тихий счет. Кинокамера медленно удаляется от них, слово взлетает в воздух. Расширяется пространство кадра, мы видим две фигуры, озеро, поле, старые уральские горы, облака, солнце...

В черном мужском пальто шагает старуха Анна. Старуха несет речной камень, валун. Под косыми лучами вечернего солнца она, строгая, суровая, с восточным лицом Будды, в огромном квадратном пальто, похожа на движущийся шкаф. Только стеклянная виноградная гроздь на лацкане пальто — кокетливая женская деталь. Рядом с Анной идет Никита, чуть поодаль Вилиам Терентий Смитт. Луна освещает три разные по виду фигуры: старуху-башкирку, мальчика-немца и американца.

Вилиам. Нет их. Я осмотрел все поля, сады. Нигде их нет. А газеты, радио — с утра до вечера: колорадский жук, колорадский жук, колорадский жук... Я не специалист, но у меня есть глаза...

Анна. Которые плохо видят...

Вилиам. Нет этих жуков. Я обыскал каждое дерево, куст, кочан капусты, вредителей разных много, но колорадского жука, привезенного из Америки, чтобы воскресть людей морить голодом... нет... В воскресенье товарищ Сталин выступал по радио и тоже говорил о колорадском жуке. Даже великий Сталин, каждое слово которого слушают милли-

оны... Я написал ему письмо... Кто-то, кто хочет сделать русских и американцев врагами, придумал этого несуществующего колорадского жука...

Анна. Ты послал письмо Сталину?

Вилиам. Да.

Анна. Зачем ты это сделал, Вилиам?! Будет много неприятностей у тебя... Я вижу.

Вилиам. Но жука нет...

Анна. Если товарищу Сталину нужен жук — он будет. Сколько бы ты писем ни писал... Тебя не будет, Вилиам, а жук будет!!! Много лет живешь в России, а не понял еще...

Старуха споткнулась.

Никита. Аннушка, дай камень.

Анна. Понесу еще немного, потом дам...

Никита. Тяжелый же...

Вилиам идет, ушедший в свои думы. Сверкают стекла очков.

Вилиам. Анна, не обижайся... Хорошо?..

Старуха остановилась, развернула своим пальто к Вилиаму, протянула ему тяжелый черный камень. Вилиам взял его, понес, прижав к животу.

Вилиам. Я учусь у тебя языку волков... И он становится мне понятен... Ты умеешь отсылать от человека смерть, если человеку не пришло время уходить в другой мир... У рожаящих женщин ты убираешь боль... Я твой прилежный ученик. (Пауза.) Анна, я никогда не говорил тебе... Встреча с тобой дала мне смысл моего приезда в Россию... Но когда каждый день, в каждой советской газете я вижу рисунки страшных, полосатых людей с кабаньими клыками и читаю, что это американцы, я не могу не обращать внимания... (Широко открывает рот.) Никита, ты видишь клыки, не видишь, но я же — американец?!

Анна. Успокойся, Вилиам, нас ждет девочка, ей семнадцать лет, ей страшно рожать, ей надо помочь... Ты сейчас очень нервный, я вижу плохой огонь вокруг тебя, ты будешь увеличивать ее боль — успокойся... или уходи...

На тропе появилась велосипедистка, это летчица Соня. Зазвенев звонком, она проехала мимо путников. Но тут же развернулась и, нагнав их, остановила велосипед.

Соня. Здравствуйте. Вы Анна?

Анна. Я.

Соня. Мне о вас Серафима-молочница говорила. Скажите, можно посмотреть, как вы это делаете?..

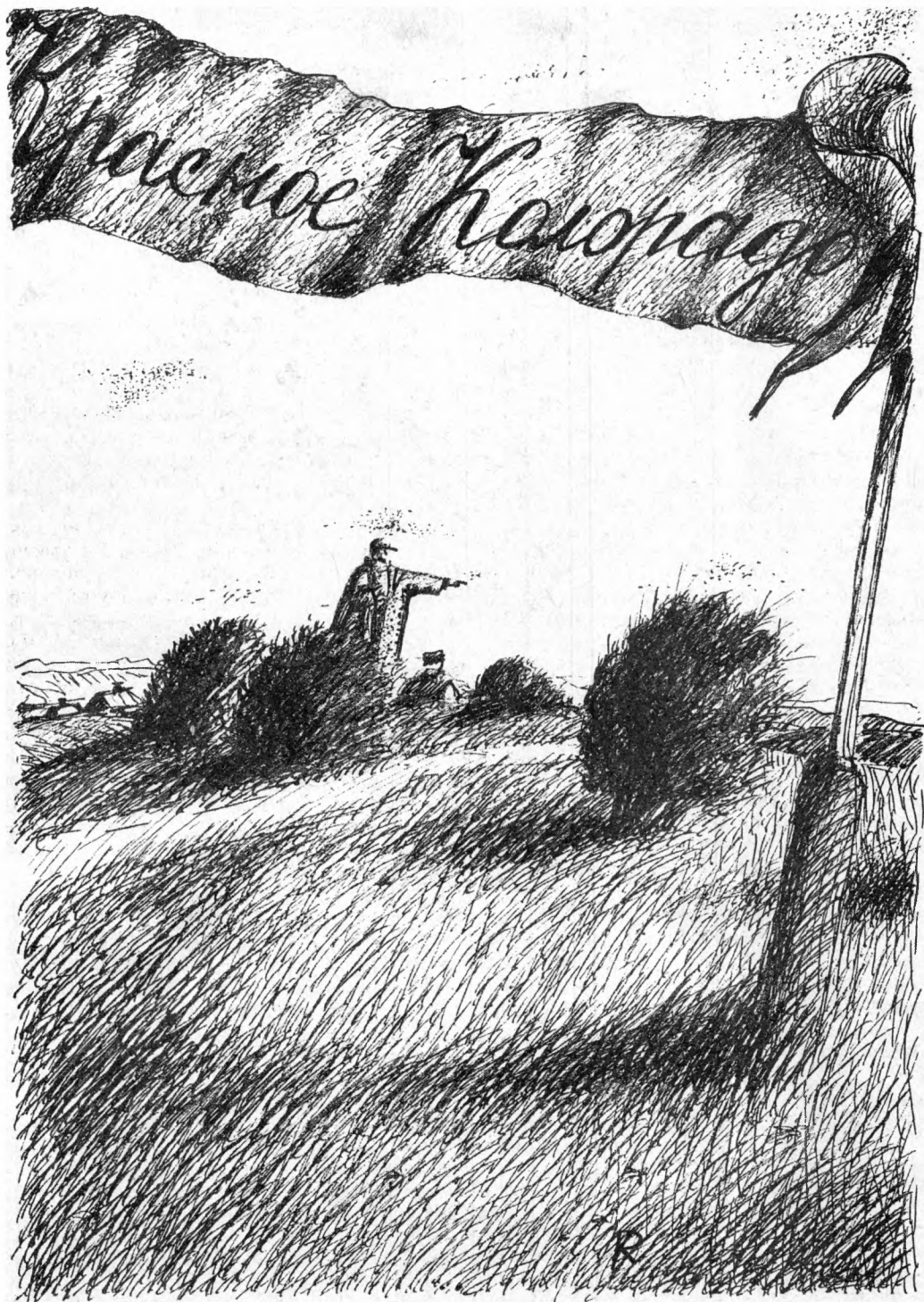
Анна. Подойди поближе...

Соня послушно подошла. Старуха наклонилась к сониному лицу, внимательно осмотрела его.

Анна. Красивая, но...

Соня. Что?

Анна. У недоенной коровы молоко скисает.

Старуха отстранилась от Сони и пошла по тропе. Не оборачиваясь, она говорит.

Анна. Хочешь посмотреть... запру в шкаф или под кровать залезешь. Они не должны видеть тебя...

Соня. Кто они?

Старуха не отвечает.

Никита, неотрывно смотрящий на красивую летчицу, говорит за бабушку.

Никита. Духи.

Соня (удивленно). Духи?

Никита. Я тоже от них скрываюсь, в шкаф лезу...

Соня (улыбается). В шкафу сидеть, вижу, твое любимое занятие...

Никита смутился. Увидел Вилиама.

Никита. А это Вилиам.

Мужчина и женщина пожали друг другу руки...

В шкафу сидят Никита и Соня. Узость пространства прижала их друг к другу. Никита утонул в большом теле летчицы. В глазах мальчика — страх прикосновения и сладостное блаженство. Свисают чьи-то рубашки, штаны, платья. Снаружи слышны чьи-то громкие стоны и крики. Соня напряженно вглядывается в щель шкафа. Она видит старуху Анну, которая в белой ночной рубашке мечется на постели. Анна воеет от боли. Руки ее стягивают простыню в комок.

Соня. И как долго это... длится?

Никита. Пока не родится дитя.

Анна руками давит на свой тощий живот, помогая выбраться из чрева воображаемому дитю.

Анна (кусает от боли губы). Иди, иди, иди...

Соня, завороженная, смотрит на пантомиму, имитирующую роды у старой женщины. Апофеозом этого чрезвычайно странного действия является камень, который нес Никита. Анна медленно вытягивает камень из ночной рубашки.

Анна (голосом радостным, счастливым). Иди, иди, не бойся. Я взяла боль твоей мамки.

Вытянув камень, она прижала его к груди и стихла, словно ушла в сон.

Соня (завороженная зрелищем). Все?!

Никита. Да.

Соня. Можно выходить?

Никита (страшно заикаясь от волнения). Можно, я тебя... поцелую?..

Соня. Поцелуй...

Никита (не верит). Можно?

Соня. Ну да...

Голоса их, прижатые друг к другу теснотой шкафа, чуть потянулись и оказались в долгом поцелуе. Соня с трудом отняла у мальчика свои губы.

Соня. Всё. Выходим.

Дверь шкафа открылась. Соня вынесла на голове чью-то рубашку, вернула ее шкафу.

Анна спит в обнимку с камнем.

Соня. Ты всегда ходишь с бабушкой на эти дела?

Никита (не может отдышаться после поцелуя). Когда... ее зовут в ночь... Я... ее веду назад домой... Вилиам... всегда остается с рожавшей...

Соня. Вилиам, он же за коровами, собаками, свиньями следит, лечит их...

Никита. Да. У бабушки он учится... шаманству...

За стеной в соседней комнате раздался детский плач. Соня пошла на голос.

На кровати лежит девушка. Рядом с ней дитя, только-только появившееся на свет. У постели сидит Вилиам Терентий Смитт. Низко склонившись к блокноту, что-то записывает. Поглочен записью, не замечает Сони. Соня смотрит на дитя. Молодая мать улыбается.

Соня. И никакой боли?

Молодая мать, счастливая, качает головой. Американец отрывается от блокнота. Смотрит на Соню. Соня смотрит на американца. Кажется, что Вилиам впервые увидел, разглядел красивую женщину. Он по-детски открыл рот.

Скрипят колеса велосипеда. Вдали глухо ухает филин. Старуха движется как сомнамбулла. Никита несет черный камень.

Анна (тихо). Найди хорошего, доброго мужчину и сделай с ним дитя... То, что недоеной коровой обозвала, не обижайся, ты и есть (тихо смеется) недоенная корова...

Соня (тихо). Я не обижаюсь... я и есть недоенная...

Анна. Да, девочка, да. Повоевала и хватит. Теперь найди мужчину, который тебя согрет... И ты отгаешь...

Соня. Я такая оттаявшая... во мне все льется... выливается...

В лунном свете светятся сонины волосы, глаза, губы... Никита пожирает глазами Соню. Она увидела взгляд мальчика, положила руку ему на голову. Так они движутся по ночному капустному полю.

Анна. Рожать будешь, приду, боль твою себе возьму... Меня многие зовут, я не ко всем иду... к тебе приду... Заметила, как американец смотрел на тебя...

Соня подняла голову на луну, улыбнулась. Никита вздрогнул, споткнулся, выронил из рук черный камень.

Светит солнце. Вдоль гребня глубокого оврага идет Никита, рядом Марфа. Она поет мелодию из фильма "Серенада солнечной долины".

Марфа. Чата-нача-чучу...

В одной руке у нее ведро с выбитым дном, в другом оловянная вилка. Вилкой по ведру выбивает ритм...

Марфа. Чата-нача-чучу...

Группа их сверстников сгрудилась у велосипеда, на котором сидит девочка, та, что падала в пшеничном поле с черным юношей из американской сельхозкоммуну. У девочки глаза завязаны черной тряпкой. Она тихо полизывает.

Девочка. Разобьюсь. Не надо.

Подростки толкают велосипед со "слепой" к краю оврага. Внизу, на дне оврага, болото, через которое переброшена доска.

Мальчик (с металлическими зубами). По жопе плетью двадцать ударов или болото?

Девочка. Но я не виновата...

Мальчик (бритоголовый). В библиотеке черный свою руку в твоих трусах держал... я видел, Филатова видела...

Филатова (девочка с белыми ресницами). Видела...

Велосипед столкнули вниз. Набирая скорость, он катится по крутому склону. Все смотрят, что будет? В болото грохнется или по доске проедет? Видно, что ему не миновать болота, но в последний момент кривое колесо сделало зигзаг и велосипед влетел на дощатый мостик. Общий возглас разочарования.

Мальчик (бритоголовый). Спаслась.

Мальчик (с металлическими зубами). Смотрите. Гитлер-гондон!

Мальчик (бритоголовый). Прокатим? Эй, фашист!

Никита и Марфа остановились.

Марфа. Не трогайте его... он не фашист.

Мальчик (бритоголовый). Он не фашист... он Гитлер-гондон! Дай ведро!

Бритоголовый вырывает из рук Марфы ведро.

Никита ударил бритоголового, но его в мгновение скрутили. Глаза завязали тряпкой. Подкатили велосипед. Бритоголовый накрыл голову Никиты ведром. Все хохочут. Руки привязали к велосипедному рулю. Столкнули со склона. Велосипед мчится вниз к болоту.

Марфа (кричит). Влево, Никита.

Филатова. Молчи, падла...

Марфа. Влево, Никита.

Филатова кулаком ей в нос.

Проскочив доску по диагонали, велосипед сделал в воздухе большую дугу. С головы Никиты слетело ведро, а сама голова грохнулась в болотную жижу...

Резкий телефонный звонок мгновенно выбрасывает нас из деревни Пескарики в Нью-Йорк.

Никита (в телефонную трубку). Да, мисс Дэзи... Хорошо... Спускаюсь. Буду через двадцать секунд...

Никита вешает трубку, улыбается Александру.

Никита. Выйду на минутку. Машину надо переставить. Подъехали ремонтники, в нашем доме кондишен барахлит. Сполосну лицо, видно, что нализался... Я быстро... Тебе, наверно, надоела моя болтовня? Нет?

Никита вышел. Александр достает из кипы фотографий ту, где на плечах огромного, пожего на белокурого Гарзана, американца, сидят летчицы Соня и Лейтенант. Александр всматривается в их лица. Прячет фотографию в карман. Потом вынимает, возвращает назад в кипу. Подходит к окну, смотрит на панораму Манхэттена. Берет телефонную трубку. Набирает номер. Слушает гудки. Включается автоответчик.

Голос в автоответчике. Лу Бенсон нет дома. Если вы хотите ей что-нибудь сообщить, говорите...

Александр. Лу, люблю... Даже если ты у своего француза, которого я вызову на дуэль и убью, даже если ты у него... все равно... люблю, Лу! Я в твоём доме, в квартире рядом с твоей. Придешь, позвони в дверь 807...

Входит Никита. Улыбается. На голове узбекская тубетейка сверкает золотыми узорами. Лицо человека, потрепанного жизнью. На груди майка с лихими велосипедистами — Марксом, Лениным, Горбачевым.

Никита. Еще по стопке? Да?

Александр. Давай...

Выпили.

Никита. Не умею я рассказывать...

Александр. Где американец? Ты забываешь его...

В облаке пыли едет мотоцикл Вилиама Терентия Смита. Вилиам видит около озера самолет У-2. Остановил мотоцикл, спустился к самолету. Неожиданно в кустах на песке наткнулся на две фигуры: мальчика и женщины. Головы прижаты друг к другу. Тела врозь. Кажется, целуются...

Вилиам близоруко щурится, надевает очки. Вилиам. О, здравствуйте, чуть не наступил на вас. Я же слон.

Соня вскочила, словно ее кто-то ужалил, стала быстро собирать разбросанные на песке кожаные наряды. Ее большое красивое тело сверкает белизной, резкие движения доставляют удовольствие для глаз мужчины, хоть он и близорук. Вилиам сел на гальку. Соня не-

удачно вдела ногу в штанину, запрыгала на одной ноге, упала. Разозлилась на себя.

Вилиам. Хотите в цирк? Я приглашаю. Это тут, недалеко. Бродячий цирк шапито. У них есть замечательный номер "Кто оседлает мула"!

Соня. Слушайте, откуда вы взялись, почему подошли к нам, это невоспитанно, я и мой кавалер... (показывает на Никиту) одни на пляже, каждому должно быть понятно, что нам хочется быть одним. А вы подходите без спросу, предлагаете цирк...

Вилиам снимает очки. Загорелое лицо, глаза, как васильки. Соня молча смотрит на американца. Выражение лица ее трудно понять, злится и в то же время засмотрелась...

Вилиам (робко). Это мои слепые глаза. Я всегда попадаю с ними в истории... Простите... Увидел самолет, пошел к нему, а вас и вашего кавалера не заметил...

Вилиам повернулся и пошел. Оглянулся.

Вилиам. Если вдруг надумаете... Около Златоустья, у черепашьей поляны, белый шатер... прилетайте. Увидите замечательный аттракцион.

Белый шатер. Зрители. Арена. На арене опилки. На опилках копыта необъезженного мула выбивают искры. Вряд ли из опилок можно выбить искры, но грозный вид Риголетто — так назван мул в афише — создает у зрителей впечатление, что копыта мула дают искру, а сам Риголетто дымит и огнедышит. Клоун с лицом, обсыпанным пудрой, пытается удержать бешеного зверя. Пудра веет облаком, из глаз клоуна льются водные струи слез. Ведущий программу в засаленном черном костюме кричит в жестяной рупор.

Ведущий. В заключение сегодняшней программы мы предлагаем скромное развлечение. Прокатиться на этой тихой скотине... (Деланно смеется.) Как вы понимаете, смельчака ждет приз. Шесть, повторяю, шесть бесплатных билетов на завтрашнее представление. Кто оседлает мула?

Грянул оркестр. Трубы, медь, барабаны. Меж рядов зрителей идет Вилиам Терентий Смитт. Клоун тихо шепчет ведущему.

Клоун. Опять этот болван полез...

Ведущий. Сумасшедший...

Зрители аплодируют Вилиаму.

Ведущий (громко, в зал). Герой все тот же. Вчерашняя битва его с мулом была битвой двух мулов... Простите, я хотел сказать — двух гигантов.

Вилиам перешагнул через бархатный барьер арены. Мул, увидев Вилиама, стал лить струю на опилки.

Ведущий. Наш герой техасец, а там любят состязаться с неоседланными мулами...

Вновь грянули медные трубы. Клоун и ведущий ушли за барьер. Соня с любопытством смотрит на скинувшего рубашку американца. Сильные, упругие мышцы, легкая, танцующая походка, на плече наколка — две рыбки плывут друг к другу. Никита смотрит на Соню. Взгляд полон ревности. Тринадцатилетний мужчина ревнует. Вилиам подкрадывается к мулу. Тот повернулся к нему задом и кружит на месте, подставляя страшные копыта для предполагаемой встречи с Вилиамом. Неожиданно Вилиам прыгнул и дотянулся до спины мула. Но в последнее мгновение Риголетто сделал короткий рывок, и Вилиам упал на мокрые опилки. Зал захохотал. Вилиам встал. Оркестр грянул медью приветствие герою.

Вилиам вновь бросился на мула. Тот стал носиться по арене, разворачиваясь в самые неожиданные моменты своего бега. Вилиам вновь прыгнул, оказался на спине дикого зверя. Он хочет обнять его за шею, но мул задирает вверх зад и тут же становится на дыбы. Разболтанный этим ловким приемом, Вилиам падает на опилки. Теперь мул как бы кланяется зрителям. Гомерический хохот зрителей. Вилиам воспользовался расслабленным вниманием противника и с самых опилок взлетел вверх. Обхватил шею Риголетто, сжал ноги и закрутилась адская пляска. Риголетто подпрыгивает вверх, вниз, чуть ли не делает сальто, чтобы сбросить непрошеного наездника. И сбросил. Вилиам в третий раз больно ударился об опилки. Лопнули штаны на зад. Это удесятрило веселье зрителей.

Самолет с включенными фарами опускается на посадочную полосу. К самолету бежит Лейтенант. Из самолета выходят трое.

Вилиам (продолжая разговор, начатый в воздухе). Я учусь у шаманов. Я записываю их слова, фотографирую, рисую, фиксирую... Я хочу понять их чудеса... Они умрут, и все их исчезнет...

Лейтенант бежит к самолету.

Вилиам (меняя тему разговора). Никита (поворачивается к мальчику), тебе нравится Соня? (Мгновение смотрит на оробевшего мальчика и сам отвечает.) Нравится! И мне нравится, очень! Ты позволишь, я прочту ей стихи, которые сочинил в воздухе, когда мы летели...

Лейтенант бежит к самолету.

Вилиам (декламирует). Я помню чудное мгновение, передо мной явились вы, как мимолетное видение, как гений...

Соня (перебивает). Вы не только укротитель мулов, вы и поэт... Вы Вилиам Шекспир.

Вилиам. Чистой красоты!!! Пушкин...

Лейтенант подбежала.

Лейтенант. Сука! Шалава! Стерва! Где ты весь день? Чего только я не передумала!

Мальчика отпускают домой. Взрослые идут к амбару. Никита удаляется от них. Оглядывается, слышит возбужденные голоса. Лейтенант ругает Соню за исчезновение с самолетом на весь день. До Никиты доносятся обрывки хриплого голоса Лейтенанта. Луна освещает фигуры у амбара. В глазах Никиты слезы. На тропе появилась Марфа.

Марфа. Где ты? Бабушка с ума сходит...

Никита. Отстань от меня. Что ты вечно за мной вяжешься?

Марфа. Что такое — вяжешься?

Никита. Цепляешься!

Марфа. Я?

Никита. Ты!

Марфа. Говно ты оловянное!

Никита. Сама говно оловянное! Стеклое! Деревянное!!!

Марфа. Отец твой — Гитлер, ты — гондон!

Никита со всего размаху ударил Марфу. Марфа бросилась на Никиту. Мальчик и девочка упали в капусту. Марфа оказалась на Никите. Бьет его наотмашь. Никита змеей от нее, вскочил, побегал, Марфа за ним. Никита неожиданно повернулся и головой Марфе в живот, свалил ее, сам упал.

Никита. Сегодня я лежал на ней, голой...

Марфа. Сойди с меня...

Никита. Грудь ее ласкал...

Марфа бьется под Никитой. Из кармана Никиты выпал бинокль. Марфа им по голове Никиты. Никита грохнулся, как подстреленный.

Марфа (испуганно). Никита! Никита...

Выбралась из-под тела мальчика.

Марфа (скулит). Никита... Ты что... Умер?!!

В окуляры бинокля видна внутренность амбара. Горит лампочка. Под ней сидят Соня и Лейтенант. Чуть поодаль огромный, курчавый американец. Лейтенант держит аккордеон, растягивает меха и поет. Ей в унисон подпевают Соня.

Лейтенант и Соня (поют).

За речкой, за речкой,
На том бережочке,
Мыла Марусенька
Белые ножки...

Лица женщин просветленные, они с наслаждением поют. Вилиам смотрит на них и льет из самовара чай — кипяток. Лейтенант пододвигает к нему малиновое варенье.

Никита сидит на мешках химических удобрений и смотрит в освещенные окна амбара. Опускает бинокль. На глазах слезы. Песня

льется. К голосам Сони и Лейтенанта присоединяется голос Вилиама.

Поют.

Мыла Марусенька

Белые ножки...

Летающий над полем самолет сбрасывает химические удобрения. Динозавр и его ученики в противогазах бегут по полю. Динозавр срывает с лица маску.

Динозавр. Как быть, если враг застигнет нас врасплох? А мы без противогаза, нашего верного друга и защитника?!

Серая крупа сыплется с неба. Динозавр кричит, заглатывая химию.

Динозавр. Есть способ спастись от удушающих газов, ядов и прочей химии...

Ученики стоят в противогазах, слушают.

Динозавр. Надо смочить платок собственной мочой, как это делается, вы знаете, прижать платок к лицу и дышать сквозь него...

Неожиданно в небе что-то произошло. Раздался громкий треск. Из самолетного мотора повалил густой дым. Пропеллер остановился, самолет стал падать. В глазах Никиты ужас. Он смотрит на происходящее в небе сквозь стекла противогаза. Самолет падает.

Никита срывает маску. В оцепенении следит за старой развалиной, которая беззвучно падает на него. Но в какое-то последнее мгновение мотор затарахтел, самолет неуверенно, боком, боком стал садиться на поле, продолжая густо дымить.

На медицинском столе лежит Соня. Она тяжело дышит. Несколько резиновых трубок отходят от ее тела и соединяются с телом Вилиама Терентия Смитта. Американец отдает ей свою кровь...

К больничному зданию подъезжает машина "Форд". На крыше машины привязан огромный футляр контрабаса. Из машины выходит негр, снимает футляр, раскрывает его, достает контрабас. Выходит Вилиам с банджо и толстяк в шляпе с саксофоном. Все смотрят на окна больницы и по команде контрабасиста начинают играть. В окне появляется лицо Сони. Бледное, с повязкой на лице, но улыбающееся лихой команде музыкантов.

Слышны звуки джаз-банды. По коридору идет Никита. Он подходит к Соне, стоящей у окна. Смотрит на счастливую, улыбающуюся летчицу в сером больничном халате. На шее у Сони бусы из голубых уральских камней. Соня берет бусинки и показывает их Вилиаму.

Соня. Очень красивые! Спасибо...

Неожиданно рвется нитка, и бусы падают и рассыпаются по больничному полу. Соня огорченно смотрит на пустую нить, с которой в мгновение исчезли голубые камни.

Соня (Никите). Никита, прости, но я не могу собрать. Это подарок... Вилиама.

Соня виновато смотрит на мальчика. Она не может нагнуться, спина ее в гипсовом корсете. Никита не дал ей договорить. Играет джаз-банд. На дворе стоит Сонин американский Ромео. По больничному коридору от стены к стене ползает Ромео-2.

Человек в сером больничном халате (бледный, нервный, больной) стоит у телефона, висящего на стене.

Человек (в телефонную трубку). Начинается... Приехал ее хахаль... Опять вопить будет. Уже третья ночь. Только врач сказал, что она не отдаст копыта, он стал приезжать и вопить под ее окнами. За такие дела арестовывать надо, но они иностранцы... Слышишь? (Человек оторвал трубку от уха)... Она кто? Летчица. Самолет под ней взорвался. Не слышу, что?? Что? Соберу кипяток и вылью на этих пидеров...

Больной в сером халате повесил трубку. Пошел по коридору, зашел в какую-то дверь.

Играет джаз-банд. Вилиам поет. Соня смотрит из окна. Улыбается.

Больной в сером халате несет кастрюлю, над которой поднимается пар. Подходит к окну. В момент, когда он заносит кастрюлю за подоконник, он роняет ее, не удержав в руках... Кастрюля вываливается за окно.

Падает кастрюля. С грохотом, шумом. Крышка ее катится по асфальтовому двору... Брызги кипятка залили музыкантов и их инструменты...

В траве под самолетом на корточках сидит Лейтенант. Она смотрит на обугленный мотор, в котором гаечным ключом орудует Вилиам. Он раздет до пояса, мощные мускулы лоснятся от пота. Лейтенант неотрывно смотрит на Вилиама. Тот сквозь толстые стекла очков смотрит во внутренности поврежденного мотора.

Вилиам. Нужна сварка...

Лейтенант встает, подходит, смотрит вместе с Вилиамом на металлические детали.

Вилиам. Вот трещина... с ней ничего не поделаешь... Я имел такой случай, когда работал на почтовом на Амазонке, в джунглях...

Лейтенант. А глаза?..

Вилиам. Глаза после аварии тоже над Амазонкой. Тогда чуть крокодилчиков не накормил собой... А глаза от удара по коробке (стучит по голове). Поеду в Колорадо, привезу сварочный аппарат...

Лейтенант. В Колорадо? Возьми меня с собой, мне скучно, жарко, сполоснемся... Тебе же тоже жарко...

Вилиам. Да. Но Соня?..

Лейтенант. Спит. И пусть спит, силы восстанавливает... А нам силы некуда девать... (Берет Вилиама за плечи, пальцем гладит табуировку.) Что это за рыбки?..

В кровати спит Соня. Лоб и щека перевязаны бинтами.

Мотоцикл Харлей-Дэвидсон, подняв облако пыли, рванулся с места. На мотоцикле сидят Вилиам и Лейтенант.

На песке лежит Вилиам. Рядом Лейтенант точь-в-точь в таких же, как у Сони, голубых атласных лифчике и трусах. Но все в ней гораздо мельче: грудь, бедра, ноги. Стройно, без изьянов и без эффекта...

Лейтенант (страстно, нервно). Я доедаю твои яблочные огрызки... Я вылизываю горлышки пивных бутылок, из которых ты пьешь, я украла твой носок, ты спрашивал, где он. Я украла твои трусы, ты оставил их для стирки, я ношу их. Я знаю все звуки, которые ты издаешь, мучая Соню в постели... Вам кажется, что я не слышу, но я приползаю к вам каждую ночь, я слышу, я вижу... Старуха Анна, к которой ты ходишь учить волчью азбуку, учит меня рецептам любви, но не знает, что для тебя, я ловлю летучую мышь, жарю сердце ее в петушиной крови и подаю тебе с петушиными потрохами, но ты съедаешь, облизываешься, рыгаешь и ждешь ночи, чтобы наброситься на Соню... Я ненавижу тебя, я люблю тебя... Люблю, люблю...

Вилиам шарит рукой по песку, ищет очки. Нашел. Надел. Смотрит на Лейтенанта.

Вилиам. Зачем ты мне это говоришь?

Лейтенант. Чтобы ты сейчас, здесь, на этом месте взял бы меня и я кричала бы под тобой, так громко, чтобы Соня там, в амбаре, проснулась, услышав мой крик, здесь!!!

Вилиам встал, подошел к мотоциклу, завел его.

Лейтенант. Куда?

Вилиам. В Красное Колорадо. Сиди здесь. Привезу сварочный аппарат...

Лейтенант. Не хочешь меня?

Вилиам. Нет...

Лейтенант. Хорошо... Я тоже не хочу говорить, но скажу. Приходили из НКВД, спрашивали о тебе. Ты написал Сталину, что нет в СССР колорадских жуков?! Что американские шпионы их не завозили в СССР, чтобы морить голодом страну Советов??? Ты, марксист, защищаешь врагов марксизма?! Люди НКВД...

Вилиам оборвал речь Лейтенанта ревом мотора...

Лейтенант. Куда ты, Вилиам?

Вилиам. Плевать на твоё НКВД...

Мотоцикл поехал. Лейтенант подбежала к кожаной куртке, выхватила из кармана пистолет и бегом за мотоциклом...

Лейтенант. Сука, стой!!!

Лейтенант бежит в облаке пыли, сверкая голубыми атласными трусами. Поднимает пистолет, стреляет...

По экрану ползет огромный колорадский жук. Он безжалостно грызет капустный лист. Вот несколько жуков синхронно грызут сахарную свеклу, а вот десятки, сотни жуков обгладывают виноградник. Дикторский голос, музыка Вагнера, хруст челюстей жука, многократно усиленный, создают тотальный страх перед завезенной из Америки мелкой сельскохозяйственной тварью.

Сюжет кончается. Загорается свет. Зрителей нет. Только три человека в серых пиджаках, галстуках — работники НКВД и Вилиам Терентий Смитт сидят в пустых рядах.

Степанов (один из НКВД). Вы продолжайте утверждать, что их нет...

Вилиам. Они есть: на экране, в газетах, в мозгах людей, но в СССР их нет... Колорадский жук — это утка...

Никифоров (один из НКВД). Дорогой товарищ Смитт! Если бы не товарищ Сталин, который лично вам руку жал... если бы не фотография, которая облетела весь мир, разговор с вами был бы другой...

Вилиам приложил два пальца к виску, изобразил ими пистолет и произнес "паф".

Долин (один из НКВД). Совершенно верно, дорогой товарищ Смитт. Эта фотография — ваша индальгенция. Знаете такое слово?

Вилиам подтвердил кивком головы.

Долин. Странно! Я слышал, что американцы темные, необразованные люди. Умеют только считать, класть ноги на стол и громко пердеть... в обществе...

Степанов. Пердят в обществе немцы.

Долин. Немцы? Тогда извиняюсь...

Вилиам встал, вышел из пустых рядов кинозала.

Вилиам (обращаясь к Долину). Ничего, ничего, вы не совсем ошиблись. Спасибо за фильм, за интересную беседу. Спасибо за предложение уехать назад в Америку, может, так и лучше. Идея соединить мускулистые руки пролетариев Америки и России не очень получилась...

На этой фразе Вилиам Терентий Смитт громко перднул. В пустом кинозале звук, усиленный эхом, получился громким, смачным. Вилиам не обратил никакого внимания на совершенное им, не изменил ни выражения лица, ни интонации.

Вилиам. Да, я еще что-то хотел сказать... Хотя нет, все сказал...

По полю идет Соня. Впервые мы видим ее не в кожаном летном наряде, а в женском платье. Соня чрезвычайно красива. Только два небольших шрама на лбу и щеке чуть портят персиковую нежность лица. Впереди Сони на краю оврага видна группа подростков, возбужденно бегающих вокруг железной бочки от самолетного керосина. Соня видит, как Никиту запихивают в бочку. Он сопротивляется, кого-то бьет, но противников много.

Соня (кричит). Эй, стойте, вы что?

Подростки услышали Соню. Компания та же, что в прошлый раз скатили Никиту со связанными глазами на велосипеде. На этот раз к компании примкнула Марфа. Из защитницы она превратилась в палача. Увидев Соню, Марфа энергичнее других стала подталкивать бочку к краю оврага.

Марфа. Ну ее в жопу, эту Соньку.

Мальчик (с бритой головой). Жопа у нее класс!!!

Все хохочут.

Мальчик (с металлическими зубами). Эй, Гитлер-гондон... (Заглядывает в бочку.) Это правда, что иногда, если Сонька очень попросит, ты ей жопу целуешь?!

Хохот.

Соня убыстрила шаги. Побежала. Но железная бочка уже катится, набирает скорость, подпрыгивает на валунах, с грохотом несется к болоту.

Соня за ней, старается догнать грохочущее железо. Задев деревянный мостик, бочка взлетела вверх в воздух и, сделав параболу, упала в болотную жижу.

Соня на скорости, не приостановившись, вбежала в болото, уйдя по пояс в грязь, добралась до бочки, которая медленно погружается в жижу. Рывком вытянула Никиту. С ним, оглушенным, побитым, вышла на берег. Смотрит на пустой гребень оврага.

Соня. Почему такие злые?

Перед плакатом, на котором нарисован пионер, стоящий на железнодорожном полотне и машущий красным галстуком приближающемуся поезду, пытающийся его остановить, так как рельсы разобраны, учитель военного дела Динозавр произносит речь.

Динозавр. Вы знаете подвиг Героя Советского Союза пионера Филимонова. Он случайно увидел разобранные железнодорожные рельсы. Встал на пути поезда, сигнала красным галстуком о беде. Погиб сам, но поезд спас! Жизнь пионера Филимонова достойна подражания. А кто разобрал рельсы? Диверсанты, засланные в нашу страну, кем?

Динозавр оглядел класс.

Класс (хором). Американскими Содинеными Штатами!

Туманный дождливый день. Вдоль рельсов идет Никита. Внимательно смотрит на стыки. В глазах надежда увидеть разобранные рельсы. Замечает фигурку девочки — это Марфа. Она идет навстречу. Никита замешкался, но не остановился, продолжает идти и смотреть на стальные полосы. Мальчик и девочка молча, не поднимая головы, проходят мимо друг друга.

Яркие огни фейерверков разрывают черноту ночи. В честь 1 Мая — Международного дня трудящихся в Красном Колорадо фейерверк. Один оранжевый шипящий заряд падает в листву старого дуба на окраине деревни. Оранжевый огонь высвечивает Никиту Штольца, который сидит на ветвях дуба и смотрит на подъехавший Харлей-Дэвидсон, с которого сходит Вилиам. Двухэтажный дом перед дубом. Вилиам поднимается по лестнице, звякают ключи, открываются двери. Загорается окно. Никита достает из кармана бинокль.

Виден Вилиам в объятиях Сони. С помощью сонинных рук он поспешно срывает с себя пиджак, брюки, сорочку, трусы. Все делается в четыре руки, спешно, чтобы быстро оголиться и в постель. В постели мелькают ягодицы Сони, Вилиама. То мужчина сверху, то женщина. Тушится забытый свет.

Соня лежит и молча улыбается луне.

Соня. На войну пошла, не знала мужчину. Бомбила Берлин. (Беззвучно смеется.) Я и Лейтенант летали на ночных бомбардировщиках и воевали на двух фронтах: с фашистами и с мужчинами.

Вилиам. Почему с мужчинами?

Соня. Военные мужчины казались нам насильниками, лгунами (смеется), с одной только мыслью — "заманить, трахнуть"... Мы их били. Страшно били. После войны остались одни. Кроме как водить самолеты, ничего не умели. Приехали сюда, получили этот старый уют — У-2... (Смеется.) И вся моя жизнь только для того и была — чтобы встретиться с тобой...

Вилиам. Насильником и лгуном...

Соня. Нет. Ты мое счастье!

Никита сидит на ветвях дуба. Смотрит в бинокль. Неожиданно рядом в листве что-то пронеслось с шумом и грохотом. Какое-то животное. Нет — человек! Кожаный человек! Женщина.

Никита (шепчет в страхе). Лейтенант...

Освещенная луной женская фигура, прихрамывая, побежала к велосипеду, оседлав его, уехала, растворилась.

Всходит солнце. Около шеста с полосатым метеосачком стоит Никита, опирается на велосипед. Идет. Из амбара никто не выходит. Никита осторожно подходит к окнам. Заглядывает в них. Видит пустую комнату, горящую электрическую лампочку и Лейтенанта, которая лежит голая на полу. Вокруг Лейтенанта пустые бутылки из-под дешевого вина "Солнцедар". Никита идет к дверям амбара.

Никита входит. Садится на стул. Смотрит на голую спящую женщину. Долгая сцена.

Никита (шепчет). Лейтенант!

Лейтенант открывает глаза. Мгновенно вскакивает.

Лейтенант. Не оборачивайся.

За спиной Никиты она собирает разбросанную одежду. Ставит чайник на плиту. Неожиданно говорит.

Лейтенант (голос хриплый, похмельный). А Соня твоя этому американскому шпиону яйца лижет... (Смеется хрипло, похмельно.) Хотя ты же сам видел вчера...

Лейтенанта знобит. Она осматривает бутылки в поисках остатков от выпитого.

Никита. Я привез велосипед. Вчера вы мой увезли, оставили свой...

Лейтенант (безразлично). А! Бог с ним!

Ищет в бутылках спиртное. Находит. Наливает.

Лейтенант. Тебе не надо?! А мне надо опохмелиться... Я вчера перебрала... (смеется, но глаза тоскливые)... немного...

Выпила. Ожила.

Лейтенант (обрадованно). Ой! Вспомнила. Есть бутылочка! Помоги.

Они отодвигают тяжелый комод, за которым у стены пыльная поллитровка. Лейтенант

целует ее в пыльный бок. Открывает. Наполняет стакан водкой. Пьет медленно, смакует, словно не водку, а малиновый сок пьет.

Лейтенант. Хорош-ш-шо! И петь захотелось! Спеть?!

Радостная, возбужденная, она берет аккордеон, оставшийся после избиения Динозавра. Лицо Лейтенанта зарумянилось. Пухлые губы запунцовели. Стала она красивая.

Лейтенант (поет).

За речкой, за речкой,
На том бережочке
Мыла Марусенька
Белые ножки...

Никита листает фотоальбом. В нем все те же фотографии самолетов, бомб разных калибров, люди вокруг самолетов и бомб. На всех фотографиях Соня и Лейтенант — в военной форме, с орденами, медалями.

Лейтенант. Мыла Марусенька... (Останавливается.)

Наливает водку. Пьет. Мрачнеет.

Лейтенант. Скажи, Никита. Ты умный немецкий мальчик. Ненавижу немцев. Но ты наш, советский немец, хороший и умный. Скажи, неужели дело только в сиськах? Они у нее шестого размера. Лифчик не может достать, все, какие покупает, маленькие. Не влезают ее "белые грудки" (пропела на манер "белые ножки"). А гаду этому американцу, этому шпиону, я знаю точно, он завез колорадского жука — голову на отсечение дам — он завез, в НКВД сказали, лифчик шестого размера, этот мясокомбинат, нравится... (Пауза.) Сосьники груди хорошо, а мои значит не годятся?!

Лейтенант отбрасывает аккордеон (видно, как быстро она опьянела), берет никитину руку и подносит к своей груди.

Лейтенант. Потрогай! Есть же сиськи? Есть? Возьми второй рукой! Чувствуешь?

Лейтенант начинает рыдать. Неожиданно, громко.

Лейтенант. Чем я хуже нее?.. (Пауза, плачет.) Чем? Чем? Чем? Как яблочко свежая. Никем не тронутая... Никто меня не хочет... Я не могу больше, не могу... (Завыла громко, по-волчьи.)

К амбару подъезжает черный легковой автомобиль, из которого выходят три работника НКВД, те самые, что смотрели с Вилиамом фильм о колорадском жуке.

Серые пиджаки, галстуки, набриолиненные волосы. Входят.

Степанов. Мальчик, бери ноги в руки и бегом отсюда... не оглядываться... Хорошо?!

Никита смотрит на Лейтенанта.

Та молча смотрит на гостей.

Степанов. Ну, сопляк, вали отсюда, у нас с Тамарой Максимовной разговор тет-а-тет...

На широкой постели лежит Анна. Тяжелая, похожая на Будду. Чуть в стороне от нее лежит Никита. Бабушка и внук спят. Стук в дверь.

Анна. Кто?

Мужской голос. Председатель...

Анна. Сейчас открою...

Она встает, на ночную рубашку натягивает свое огромное пальто. Впускает рыжего человека в военном кителе.

Председатель. Анна, опять волки!

Анна. Нет...

Председатель. За два дня задрали трех лошадей, дико лютуют, помоги!

Анна. В прошлый раз, когда я с ними разговаривала, ты стрелять начал... Сейчас они не будут меня слушать...

Председатель. Анна! Ты же знаешь, как у меня с лошадьми... Вот палец мой отруби, только лошадь не тронь... А тут за два дня трюх!!! Сегодня ночью что будет, не знаю... Волки сибирские, под выстрел не идут... Анна, только ты.

Анна. Где они?

Председатель. У Свиной горы их видели...

По склону поднимаются Анна, Вилиам, Соня и Никита.

Анна (Вилиаму). Хочет идти, пусть идет. Я с волками давно разговоры веду, ты знаешь, они меня слушаются... Потом, она же смелая, Берлин бомбила. (Смеется.) Вот, пришли... Расстелите ковер...

Вилиам снял с плеч рулон и раскрутил его на траве. Большой ковровый квадрат лег на место, указанное Анной.

Анна (говорит Соне и остальным). Садитесь. Не очень двигайтесь. Будьте, как камни. Молчаливые и бездвижные. Когда волки придут, вы совсем как камни... Но не бойтесь... Я буду их ругать, они будут вести себя как виноватые... (Соне.) Мальчики знают, для тебя говорю...

Наступила тишина. Где-то квакает ночная жаба. Никита видит, как Соня прижала к своему животу руку Вилиама. И Анна заметила этот жест.

Анна (шепотом). Сколько уже?

Соня (шепотом). Четвертый месяц...

И Анна поднесла свою руку к сонинному животу. Никита видит, как руки взрослых соединились. Старая башкирка, русская и американец слушают какую-то тайну.

Соня (шепчет). Вилиам хочет, чтобы он родился там, в Америке.

Анна (шепчет). Правильно.

Вилиам (шепчет). Мы скоро уедем...

Анна (шепчет). Правильно.

Соня (шепчет). Я боюсь...

Анна (шепчет). Не бойся. Твой Вилиам знает, что два раза два не всегда четыре.

Соня (шепчет). А сколько?

Анна (шепчет). Тринадцать. Двадцать восемь!

Завыл волк. В глубине поляны мелькнула тень. Анна подняла лицо Будды и забыла в ответ. Волк ответил. Пара желтых глаз двигается в темноте, приближаясь к ковру. За желтыми точками читается силуэт большой собаки-волка.

Анна (шепчет). Пришел один... Говорит, их четверо... Сводят счеты с золотоустской милицией. Она застрелила того немощного старика, который жил зимой при базаре, выдавая себя за бродячую собаку. К нам заглянули насолить Рьжему Наполеону.

Анна забыла. Слушать ее и смотреть на нее интересно не только американцу, который быстро-быстро записывает в блокнот. У Сони глаза расширены от страха и любопытства. Никита смотрит на воющую бабушку, переводит взгляд с нее на красивую летчицу, теперь уже беременную, как он понял из разговора взрослых. За спинами сидящих на ковре появился второй волк. Никита оглянулся и увидел воочию волчью морду с фосфоресцирующими зрачками... Он испугался, закричал, вскочил, изо рта посыпались слова. Страх, ревность, ненависть руководят его бессвязной речью.

Никита (кричит). Бабушка, бабушка! Вот он, волк!!! (Показывает на Вилиама.) В Америке человек человеку волк... Соня уедет туда в Америку, а там черное солнце, там мертвые птицы, там облака из пепла... Он американский шпион! Он советские поезда пускает под откос. Пионер Филимонов погиб из-за подлых американских диверсантов... Соне он сделал дите, потому что у нее грудь шестого размера.

Анна. Никитушка! Что с тобой?!

Никита побежал. За ним погнались волки, так ему показалось.

На кровати поверх одеяла лежит Лейтенант в черной кружевной комбинации. В волосах черепаховый гребень. Лейтенант похожа на Кармен. Спит. Рядом с Лейтенантом спит Никита. На его животе покоится рука Лейтенанта с зажатым пистолетом. Храп и тихое посапывание. На подушке пустая бутылка из-под "Солнцедара".

Никита открывает глаза. Видит возбужденное лицо Лейтенанта.

Лейтенант. Вставай! Вылетаем!

Никита. Куда?

Лейтенант. Будем бомбить!!!

Никита. Что?

Лейтенант. Красное Колорадо!

Из-под навеса, где сложены мешки с химическими удобрениями, выходят Никита и Лейтенант. Они в четыре руки тащат мешок весом в 40 килограммов, в котором химическая крупа. Под самолетом стоят три таких мешка. К ним привязаны длинные веревки. Лейтенант взбирается в кабину и кричит Никите:

— Кидай концы...

Никита подкидывает веревки к Лейтенанту, та ловит и тащит мешки вверх. Никита поддерживает каждый мешок в отдельности. Вскоре приготовления к "боевой операции" завершились таким образом: четыре нераспакованных мешка с химическими удобрениями застыли по бокам самолетной кабины. Два мешка с правого бока, два — с левого. Веревки держат их на весу...

Лейтенант (хлебнув из бутылки). Разнесем дом Шекспира и его крали!!!

Выдув из бутылки последний глоток, Лейтенант выбросила ее в траву и вскочила на крыло самолета.

Лейтенант (Никите). Закрути!

Никита толкнул пропеллер. Тот, получив силу от включенного мотора, радостно завертелся. Никита прыг на крыло, оттуда, как обезьяна, ловко забрался в кабину за спину Лейтенанта.

Лейтенант (смеется). Скажем свое фэ империалистам!

Никита. Скажем!

Лейтенант. Вот тебе нож!

Она протянула Никите остро отточенный кухонный нож.

Лейтенант. По моей команде ты режешь веревки, мешки летят вниз...

Самолет поскакал по кочкам, взлетел и, сделав круг над капустным царством, взял курс на Красное Колорадо, место обитания когда-то многочисленной американской колонии.

Веселье царит в душах товарищей по борьбе. Они смотрят на мир под крыльями самолета, хохочут. Никита примеряет нож к веревке.

Показались дома Красного Колорадо. И оба, и Лейтенант, и Никита, увидели мотоцикл Харлей-Дэвидсон, который выехал на проселочную дорогу и мчится по тропе меж капустных полей. На мотоцикле сидят двое. Они смотрят на самолет и машут руками. Лейтенант сделала круг над Красным Колорадо и

полетела вдогонку мотоциклу. Стала снижать самолет.

Лейтенант (оглядывается на Никиту). Когда скажу, режь!

Никита. Но...

Лейтенант. Никаких но, я устрою им ласковые ночи... (Смеется.) Не бойся, мешки будут падать перед ними...

Самолет вторично догнал мотоцикл.

Лейтенант. Приготовься... Режь! Только один!.. Режь!

Нож, острый, как бритва, мгновенно освободил мешок от веревки. Никита высунулся за борт и увидел, как мешок летит к земле. Огромное белое облако взорвалось рядом с мотоциклом. Оно накрыло мотоцикл, ездоков. Лейтенант и Никита смотрят. Через секунду из облака выехал белый мотоцикл, белый Вилиам и белая Соня. Они растерянно смотрят в небо.

Лейтенант и Никита разом захохотали.

Лейтенант. Давай еще раз!

Самолет сделал дугу и вновь зашел за спину мотоциклистам.

Лейтенант. Режь!

Вновь белый взрыв. Мотоцикл остановился. Потом съехал с тропы и понесся по капустному полю к дереву, одиноко растущему у оврага... Самолет ревет над беглецами. Вот овраг.

Оставив мотоцикл, мужчина и женщина сбежали вниз в овраг, потом вверх к дереву, надеясь, видимо, скрыться под ним от сумасшедшего самолета.

Лейтенант. Режь!

Никита полоснул ножом. Посмотрел вслед мешку. Соня уже перебежала доску через болото и ждала Вилиама. Но мешок не дал сделать ему шага, на доске он врезался в спину Вилиама. Густое облако скрыло мужчину и женщину. Когда облако рассеялось, не было доски, не было американца. На земле лежала одна Соня. Она протягивала руку к мужской ноге с ботинком, который странным видом, детально смотрелся из самолета.

На столе пустая коробка из-под кубинских сигар. Вокруг нее разбросаны фотографии. В скорородке остатки яичницы. Никита в узбекской тюбетейке смотрит на Александра.

Александр. Всё?

Никита. Нет. (Улыбается.) Знаешь, зачем я рассказал эту историю?

Никита встал, подошел к окну.

Никита. Почему я, немец, в Нью-Йорке? Почему не на родине, в Германии? Еще две минуты можешь вытерпеть мой треп?

Александр. Никита, мы же русские, раздавили бутылку, о чем ты спрашиваешь... Ну?

Никита. На другой день Лейтенант исчезла. Видели ее на пароме с чемоданом и все.

Соня меня не называла, может, и не заметила меня в самолете, не знаю. Было шумное дело об убийстве американца. Потом дело замяли. Родилась девочка Дэзи. Соню приняла американская коммуна. В пятьдесят втором, в разгар борьбы с космополитами, Соню арестовали как американскую шпионку. Коммуну разогнали. Дэзи, я забыл сказать, родилась слепая, то ли наследственное — Вилиам очень плохо видел, то ли это шок Сони, она же держала Дэзи в животе, когда мы кидали мешки...

Никита нервно ходит по квартире от стены к стене, словно заключенный в одиночке.

Никита. Было время ненависти ко всему американскому, иностранному. Я тайно радовался, что убил врага. Я был немец, но у меня были советские вывихнутые мозги...

Никита вышел на кухню. Вернулся.

Никита. Кофе поставил... Дэзи увезли в Америку остатки коммунаров. Я женился на акробатке. Двадцать лет ездил с филармонией по уральским дырам. Рая-акробатка, я — музыкальный клоун, на лице пудра, из глаз слезы, играл на пиле... Рая была чемпион СССР по блядству. Детей у нас не было... "Беременная акробатка, ты что, рехнулся", кричала она. Когда немцы стали уезжать из России, я уехал. Увидел мир. Починил советские мозги... Но убийство Вилиама, Соня, Дэзи, мое черное участие в их судьбах... мучает меня. Прошло столько лет, но мучает. Приехал в Нью-Йорк и кого-то ищу, ищу. Сам не знаю, кого... Хотя нет, теперь знаю. Нашел Дэзи. Ей сорок пять. В два раза старше матери. Американка. Ничего не знает, не помнит России. Дочь ее — менеджер этого дома. Мисс Дэзи одинокая женщина, сидит целый день среди розовых подушек, пьет кофе, слушает приемник, танцует одна, катается на велосипеде в парке. В парке я ее и увидел. Увидел Соню из моего детства. "Здравствуйте, Дэзи", — сказал я, она откликнулась.

Кофейник засвистел.

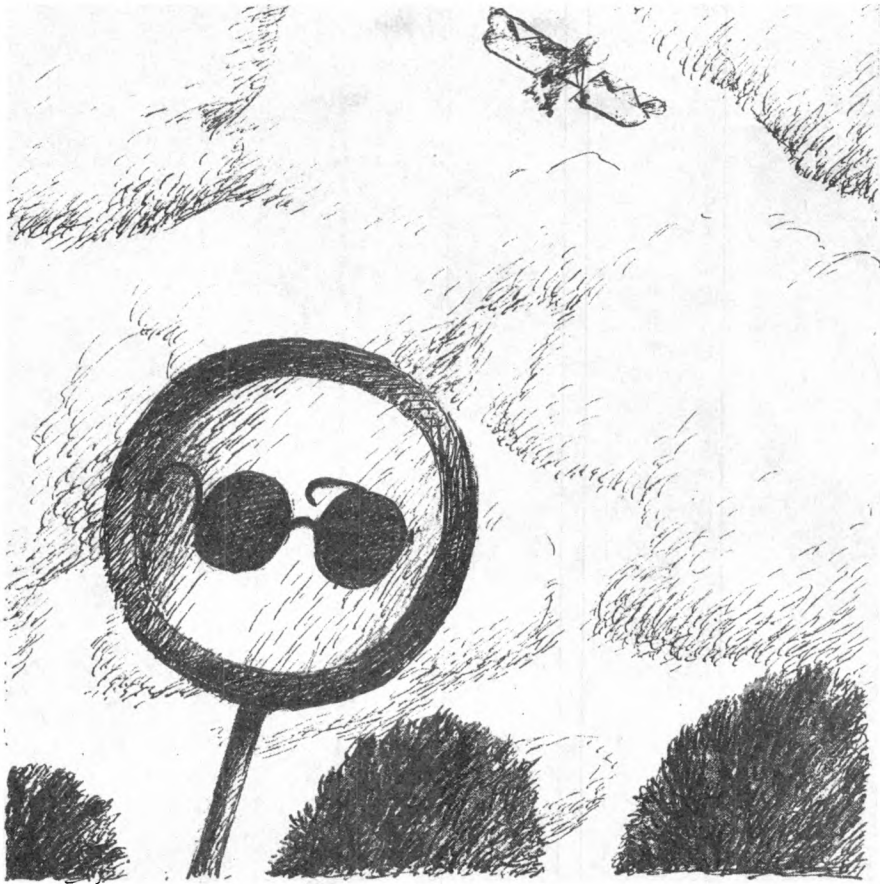
Никита. Слушай... Выпьем кофе, ходим в парк. (Смеется.) Я тебя изнасиловал... Это двадцать шагов отсюда. Она сейчас там... Александр, я сумасшедший... Она взрослая, не имеющая никакого отношения к моей истории женщина, у нее своя жизнь... но... она очень подружилась со мной. Вчера мы танцевали, одни... среди ее розовых подушек. Это смешно, да? Но я... и мне кажется... не знаю, как она, но я люблю ее... как ей сказать...

Александр. Пошли в парк... И ты скажешь...

Они встали. Никита оглядел себя в зеркале. **Никита**. Зубы почищу, чтобы запаха не было...

Александр. Я постучу Лу...

Александр звонит в квартиру Лу. За дверями тишина. Подходит Никита. Они идут. к

кабине лифта. Дверки раскрываются, с огромной бумажной кипой стоит юная миловидная Лу.

Лу. Бери, это копии твоего сценария... (Смеется.) Почему я должна тащить их через весь Нью-Йорк?

Александр. Лу, пошли в парк.

Лу. Вот так вот, в парк?

Александр. Оставь все это бумажное дерьмо в лифте. К черту выстрелы, вампиры, крысиный яд...

Лу. Мальчик, крысиный яд наш хлеб...

Зажатый в каменных громадах небольшой нью-йоркский парк. Видна одинокая розовая велосипедистка.

Никита. Вот она.

Лу (разочарованно). Это мать нашей медджерши. Ну и что?

Велосипедистка приближается. Аккуратная стройная женщина, выставив перед велосипедом бамбуковую палку, тихо повторяет: "Эй, эй, эй". Она проезжает мимо Никиты, Александра, Лу. Делает круг по тропе.

Александр. Иди, поговори с ней, скажи, что хотел ей сказать... Мы с Лу посидим здесь.

Никита. Я пьяный... Я не смогу сказать...

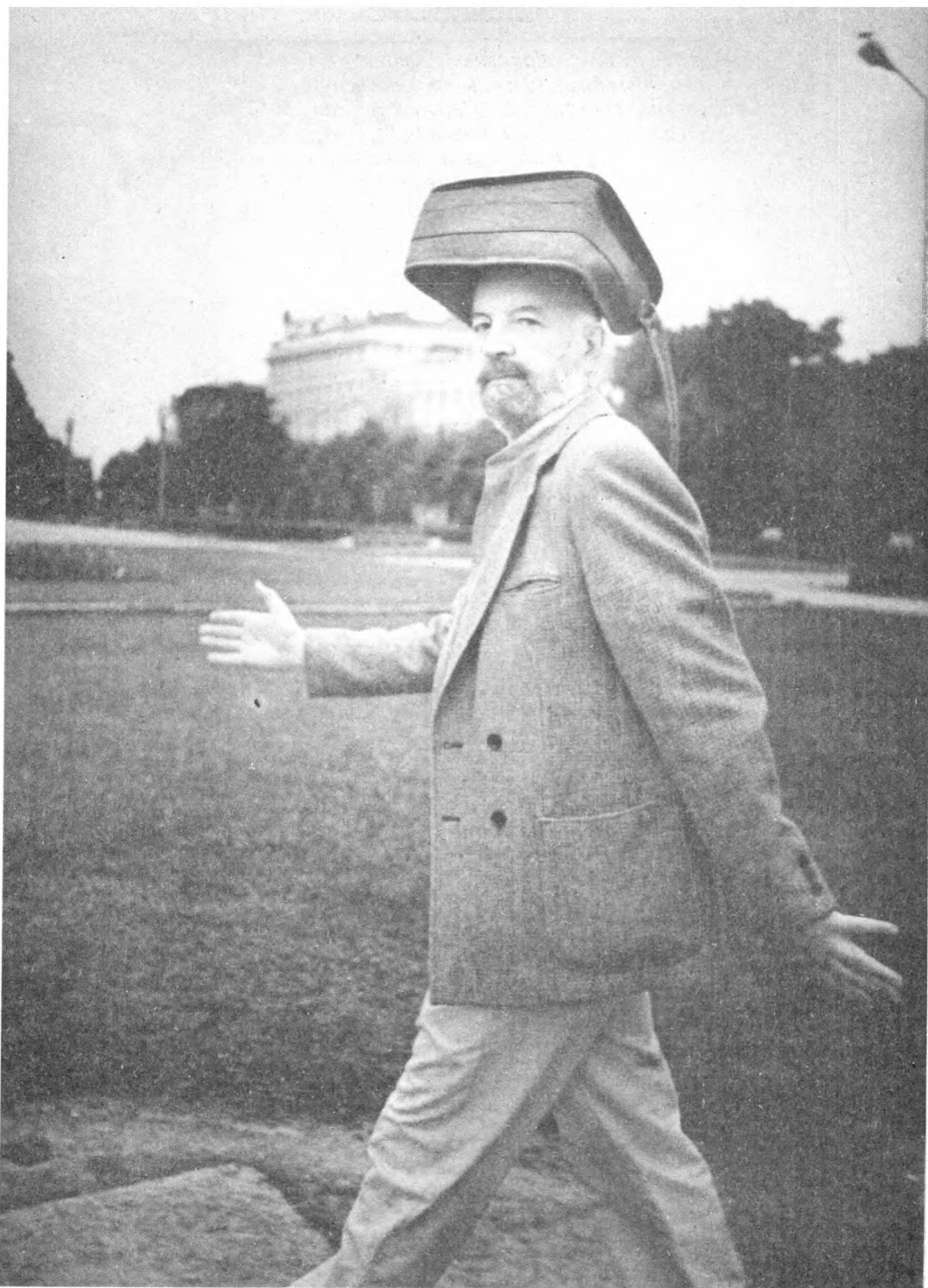
Александр. Ты смелый... скажешь!..

Александр сел с Лу на скамейку. Смотрит. Никита поравнялся с велосипедисткой. Окликнул ее. Они пошли рядом. Велосипедистка положила руку на плечо Никиты, и так они двигаются по тропе. О чем-то говорят.

Лу. Почему ты так нервничаешь?

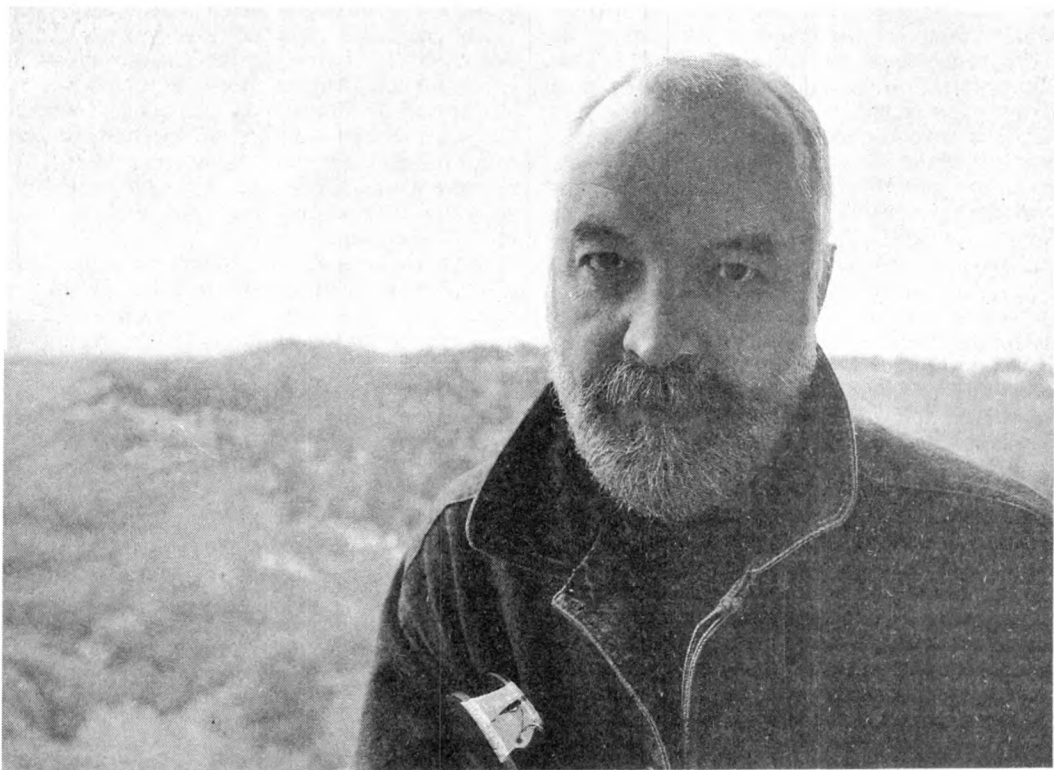
Александр. Я?.. Не знаю. Сейчас что-то происходит. Мне трудно объяснить тебе. Очень важное... для этих людей (показывает на Никиту и Дэзи), для этого парка, для этого города, черт побери, для мира, для меня, для тебя... Нет, я очень пафос придал, ничего особенного — мужчина говорит женщине "люблю, будь моей", всё...

Камера медленно отъезжает. Нью-Йорк. Каменные лабиринты домов. Парк. Тропинка. Велосипедистка в розовом платье и ее пеший спутник в тубетейке с золотыми узорами.

С сумкой на голове

Продолжения беседы с Ираклием Квирикадзе мы ждали четыре года. Разные обстоятельства мешали нашей встрече в Москве. Сначала печально известные события в Тбилиси в мае 1989 года, затем долгое пребывание Ираклия, по приглашению, в Париже, где он писал сценарий "Слезы Дон Жуана", а потом занимался многомесячными переговорами о постановке фильма по этому сценарию; после парижского периода Ираклий работал над фильмом "Путешествие товарища Сталина в Африку" и сценарием "Американская шлюха" к конкурсу киносценариев "Хартли и Мерил" (США). В январе 1991 года Ираклий поехал на две недели в Америку, а вернулся через два с половиной года... И вот он снова в Москве. Пришел к нам в редакцию, принес сценарий, который вы только что прочитали, и рассказал нам о том, как он прожил все это время в Соединенных Штатах.

«СПИНОЙ К АМЕРИКЕ...»

— Два года и шесть месяцев. Почти три года, как я исчез с этой земли, как я пересек Атлантический океан... В январе 1991 года я оказался в Америке, совершенно не предполагая, что поехал не на положенные две недели, а на огромный отрезок моей жизни... Два

с половиной года — это очень много, для меня во всяком случае.

Каким образом я стал перебежчиком? Все было прозаично и даже печально поначалу. Я отправился в числе делегации советских кинематографистов в Голливуд. Неким своеоб-

разием в этой поездке было то, что впервые кинематографисты СССР поехали с женами, с мужьями. Американцы предложили очень любопытную программу, в нее входили отдых и развлечения на шикарных морских курортах (Санта-Барбара и прочее) и в то же время деловые встречи, контакты. У меня с собой был сценарий «Американская шлюха», точнее, «Американская блядь». Так он назывался в оригинале. Я знал, что к нему есть интерес в Америке. Сценарий получил престижный приз на конкурсе «Хартли и Мерил». Взяв его под мышку, я рванул в Америку. Первая наша остановка состоялась в Лос-Анджелесе. Была ночь. Мы были в негритянском джазовом ночном клубе, там было душно, и я схватился за сердце. Попросил валидол, но ни у кого из советских сценаристов валидола не оказалось. А американцы сердечных лекарств не дают, тут же гонят человека в больницу. Там, за океаном, считается преступлением, если ты кому-то дал сердечное лекарство, а не повез человека в госпиталь или ближайший медицинский офис. Меня силой засадили в машину, а мне ничего не надо было, всего лишь глотнуть таблетку — и дальше наслаждаться черным джазом.

Таким образом в одной из лучших клиник в мире, знаменитой «Сидр Синай», я оказался среди огромного количества телевизионных камер, мониторов, увидел свое собственное сердце, увидел, как по нему движется кровь, и понял своим непрофессиональным глазом — что-то нехорошо. Лица врачей как бы доказывали это. Они начали шушукаться и вынесли такое решение — меня никуда не отпускать, уложить на операционный стол и делать операцию на сердце. Они сказали мне по-американски открыто — жизнь ваша подошла к финишу. Не сегодня, так завтра вас не станет в этом мире. Выяснилось, что операция безумно дорогая, нужно было заменять какие-то сердечные сосуды. Я до сих пор плохо это понимаю, но цифра «четыре» все время фигурировала в необычных рассказах врачей. Четыре главных сосуда надо было заменить... В течение всей ночи хирург, знаменитый хирург, стоял надо мной, образно говоря, с поднятым скальпелем, ожидая, когда же за операцию будет заплачено. Стоила она восемьдесят тысяч долларов. К моей радости, в Гильдии американских драматургов, пригласившей нас, были те, которых я когда-то принимал у себя в Грузии. Ничего-ничего не проходит бесследно! Мои «грузинские американцы» встали во главе инициативной группы, памятуя замечательные застолья в той старой Грузии, — сейчас я еду в Грузию, еду и чувствую, что я ее уже не встречу, а встречусь с другой Грузией, — и звонили по всей Америке по филиалам и отделениям Гильдии. Мне

рассказывала Нана, в быстро организованный штаб отовсюду шли телеграфные переводы: Чикаго, Филадельфия, Сиэтл, Нью-Йорк, Бостон — две тысячи долларов, четыре тысячи долларов, семь тысяч и т. д. За двадцать четыре часа было собрано восемьдесят тысяч долларов. Вот такой замечательный сюжет. Я в это время лежал под хлороформом, был безжизнен, а какие-то неизвестные люди меня спасали, забрасывая меня деньгами. Когда говорят, что американцы прижимисты, у них нет широты, наверное, это так, но на события — серьезные и важные, экстремальные что ли, на абсолютное SOS — они мгновенно реагируют. Не знаю, что со мной в итоге стало бы, если бы этих денег не собрали. Наверное, бросили бы в какую-нибудь яму, как кидают бедных, и залили бы меня хлоркой или еще чем-нибудь. В этой связи я вспомнил фильм Формана «Амадеус», как бесславно закончил свою жизнь Моцарт. Но а я тем более не Моцарт... Я действительно мог попасть в больницу для бездомных, кто-то бы попрактиковался на моем сердце, неизвестно, чем бы все это кончилось. Клиника «Сидр Синай» взялась за меня и решила, что мне стоит жить — второй жизнью...

Меня вскрыли, как консервную банку, — сердце мое было у кого-то в руках, кто-то штопал его, как старый шерстяной носок... А до этого я был здоровым, делал утреннюю гимнастику, ел витамины, взбирался на Эльбрус, в Турции вместе с Никитой Михалковым участвовал в марафоне рок-н-ролла. Но было много стрессов, а это, видимо, бесследно не проходит. После спасшей мне жизнь операции мне нельзя было лететь, уезжать, покидать Америку.

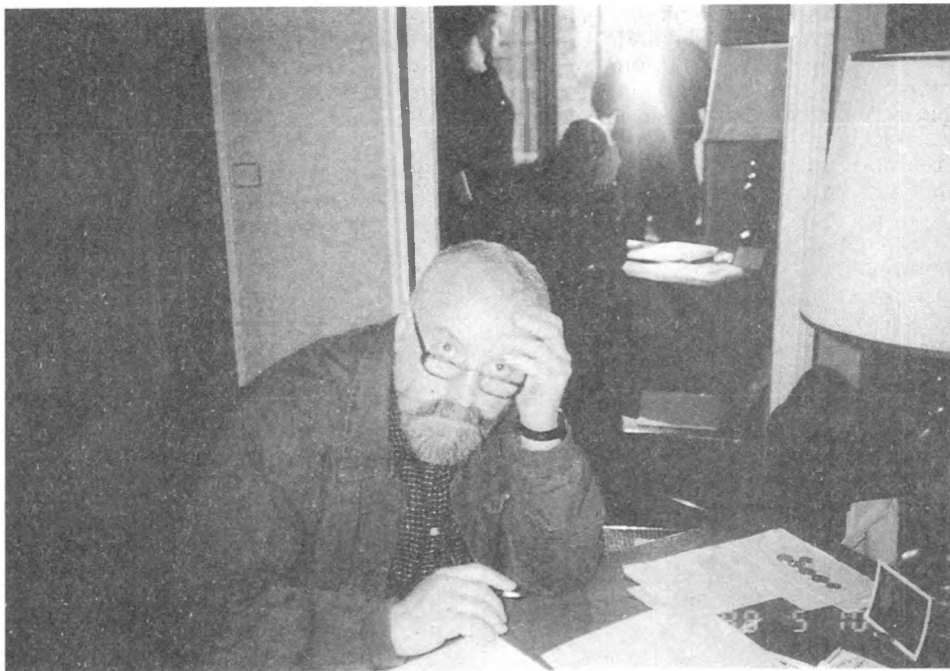
Появился замечательный человек, Альберто Гримальди, знаменитый продюсер Гримальди, который делал в свое время известные фильмы Пазолини: «Декамерон», «Кентерберийские рассказы», «Тысяча и одна ночь», классика, которую экранизировал в последние годы Пазолини на деньги Гримальди. Он работал с Феллини, с Бертолуччи. И вот каким-то образом к нему попал мой сценарий «Американская блядь», переведенный на английский. У него были планы снимать в России. И ему мой сценарий пришелся по душе. Он приехал ко мне в больницу. Он предложил мне (о-го-го) 100 тысяч долларов. Я был готов уже подписать контракт, как тут произошла странная история. Появился другой замечательный человек, знаменитый американский драматург Френк Пирсон. Человек, которому под семьдесят; он и режиссер, но больше он известен как сценарист, в его послужном списке есть два «Оскара» за сценарии. Он пришел ко мне, когда я неотрывно глядел на сумму гонорара в контракте

Канн. Перед вручением Нане «Золотой камеры». Но они еще об этом не знают.

Гримальди, и сказал, что хочет быть соавтором моей «Американской бляди», он читал его на конкурсе «Хартли и Мерил» и ему очень он понравился. Я вначале растерялся, сценарий уже написан, в чем роль его соавторства? Он объяснил. Есть американская часть сценария, есть российская часть, процентов восемьдесят сценария — это Россия, американец попадает в Россию; Россия Пирсона пленила, и он хочет, если я позволю ему, переписать американскую часть, которая, в представлении Пирсона, бледная на фоне России... Когда я расспросил друзей, как мне поступить — некоторые даже возмутились: сам Пирсон пришел к тебе? Это небывалое событие! Это просто чудо! Как можно сомневаться в выборе?! «Сам Пирсон» произнес уйму лестных для моего авторского уха комплиментов, что этот сценарий напоминает ему «Доктора Живаго», что я описал замечательную Россию, вояж по которой очень увлечет американскую публику. Друзья, переживающие за меня, называли это звездным часом моей творческой биографии. «Ты с ним ворвешься в Голливуд, как на бешеном мустанге». Хорошо это или

плохо — врываться на бешеном мустанге в Голливуд, я не решил, и сказал Пирсону: «Да». И тут же включилась американская система кинопроизводства, о которой я ничего не знал. Тут же появился агент Пирсона. Получив информацию, что некто Гримальди положил глаз на этот сценарий, он вышел на контакт с ним. Гримальди, узнав, что Френк Пирсон заимел к «Американской бляди» отношение, что он соавтор сценария, пришел в восторг. Имя Пирсона для рекламы — это прекрасно, Гримальди вдохновился, но не тут-то было. Агент потребовал у Гримальди шестьсот тысяч долларов. Казалось, не такая уж страшная сумма. Сценарий фильма «Основной инстинкт» стоил два миллиона долларов. Но Гримальди — европейский продюсер, а в Европе совсем другие цены; шестьсот тысяч — это кость поперек горла, он не мог столько платить. Сейчас с неким американским опытом (хотя я по-прежнему профан в этих делах), но тем не менее сейчас я знаю, что мне надо было делать. Но тогда я был профан в квадрате, потому что я восторженно блеял: о, Пирсон! о, Гримальди! о, Агент!

Дом на Венис Бич.

Я слышал, что в Америке главное — агент. А агент оказался негибким, и непонятно, какую политику он вел. Он не уступал ни на один доллар, ни на один сантим, шестьсот тысяч на бочку — и все! Гримальди готов был вести торг, этот же стоял на своей цене. Я сказал Пирсону: «А не проигрываем ли мы?» «Да-да», — ответил он робко. И я почувствовал, что он так же робок, как и я, по отношению к своему агенту. Странно, но агент дирижировал всей ситуацией. В свою очередь, Гримальди — старый волк европейской закалки, у него были свои какие-то особые отношения с янки, буквально на моих глазах джентльменские взаимоотношения Гримальди—Пирсона переросли в кровавый кулачный бой. Над моей головой свистели пули, часто я не очень понимал, что происходит вокруг моего сценария. Наконец, Гримальди сказал: «Ребята, мне все это надоело. Я любил сценарий, но вы эту историю так затрапали, превратили ее действительно в американскую блядь, поэтому я выхожу из игры». Американцы похорохорились — «подумаешь, какая-то маленькая итальянская птишка! — есть и большие компании!»

А «большие компании» не проявили никакого интереса к моему сценарию. Под большими компаниями я подразумеваю такие компании, как: Парамаунт, Коламбия, Уорнер

Бразерс, Двадцатый век. Там — глухие ворота. В больших компаниях идет большой расчет, интересует ли американского зрителя русская тема? Года три назад интересовала, сегодня компьютер показывает: провал такого-то «русского» фильма, провал такого-то и т. д. Даже с именем Френка Пирсона на титуле сценария, хоть он не успел переписать свою часть, ответ был однозначным: сценарий хороший, но Россия превращается в третий мир; что Кения, что Ангола, что Россия — интереса никакого нет. Так бесславно закончилась эта история. Но спортивная злость во мне все крепла. Как же так? Нет, я должен что-то свое сделать в этой Америке. Я графоман, — меня хлебом не корми — дай только писать. В Америке это очень легко. Жизнь дешевая, машина дешевая, бензин дешевый — плюс письменный стол, компьютер... Я поселился в маленьком доме на берегу Тихого океана. Мало участвовал в американской жизни, а окунулся в бумаги и стал таким писакой из книги Марио Варгаса Льюсы. Вот и по сей день сижу и пишу. Написал несколько сценариев. Я продал один из них маленькой независимой компании, что дало возможность мне существовать.

— Какая примерная цена? Любопытно, после ваших астрономических откровений?
— Думаю, она соответствует моему рейтин-

гу. Тот, первый, который я продал, был оценен в тридцать пять тысяч долларов. Независимых студий по стране очень много, они не делают кассовых картин, их фильмы не стоят ни в каких финансовых табелях. Но это то, что попадает на европейский рынок... В Америке также есть заказчик — телевидение. К примеру, прекрасная артистическая телевизионная программа «АРТ», где можно увидеть не только боевики, выстрелы, мускулы, но и интеллектуальные серии: Трюффо, Сабо, Кустурица... Такое телевидение дает деньги на бесперспективные, в понятиях Голливуда, проекты. В данном случае одна из таких независимых студий купила у меня сценарий, организовалась группа, которая приедет в Россию, чтобы делать фильм. Я приехал в Москву со своим продюсером, она сама будет снимать мой сценарий «Убийство Вилиама Шекспира», который получил Приз Эйзенштейна. Таким образом, этот сценарий обрел реального и режиссера и продюсера в лице Юлии Робинсон. Она ставила театральные постановки вне Бродвея, снимала документальные фильмы. В Москве она ведет переговоры о будущих съемках, заключаются договоры на использование производственной базы.

— И в том, и в этом сценарии присутствует тема России. Насколько она может быть интересна американским зрителям?

— Герой у меня американец, действие происходит в Америке, встречаются два человека, не знающих друг друга. Один из них рассказывает историю, происшедшую с ним в его русском детстве. Потому что чувство вины — он случайно убил человека — преследует его всю его жизнь, и ему надо высказаться, выплеснуться, исповедаться. Феномен попутчика в поезде. Ночь, мелькают пейзажи, и ты почему-то рассказываешь незнакомцу всю свою жизнь...

— И все-таки Россия присутствует в этом сценарии?

— Да, конечно. В независимых компаниях, которые сами борются за существование, можно встретить интересных людей, которые откликаются на чуждый для них сюжет, материал, если в нем затронут какой-то общечеловеческий мотив. Эти люди финансировали, к примеру, новозеландский фильм, который в этом году в Канне получил Золотую пальмовую ветвь. Фильм «Пианино» — изумительный, далекий от американских стандартов, от прогнозируемых сюжетов и тем. Ведь у больших компаний — я вроде повторяюсь — все запрограммировано, целые списки, чем можно торговать, какие темы уходят, что будут смотреть на будущий сезон. Это примерно то же самое, какой фасон, что нынче в моде, что будут носить, какие прически и т. д.

— А как ты думаешь, что «будет модным» на следующий год в Голливуде?

— Есть кинематографисты, которые живут по компьютерным прогнозам. Спилберг, например. Хотя, с другой стороны, у него темы — вечные: детские мотивы сказок... Такие Страшилки, которые чуть поугадают, а в конце ты улыбаешься. Мне очень нравится Спилберг.

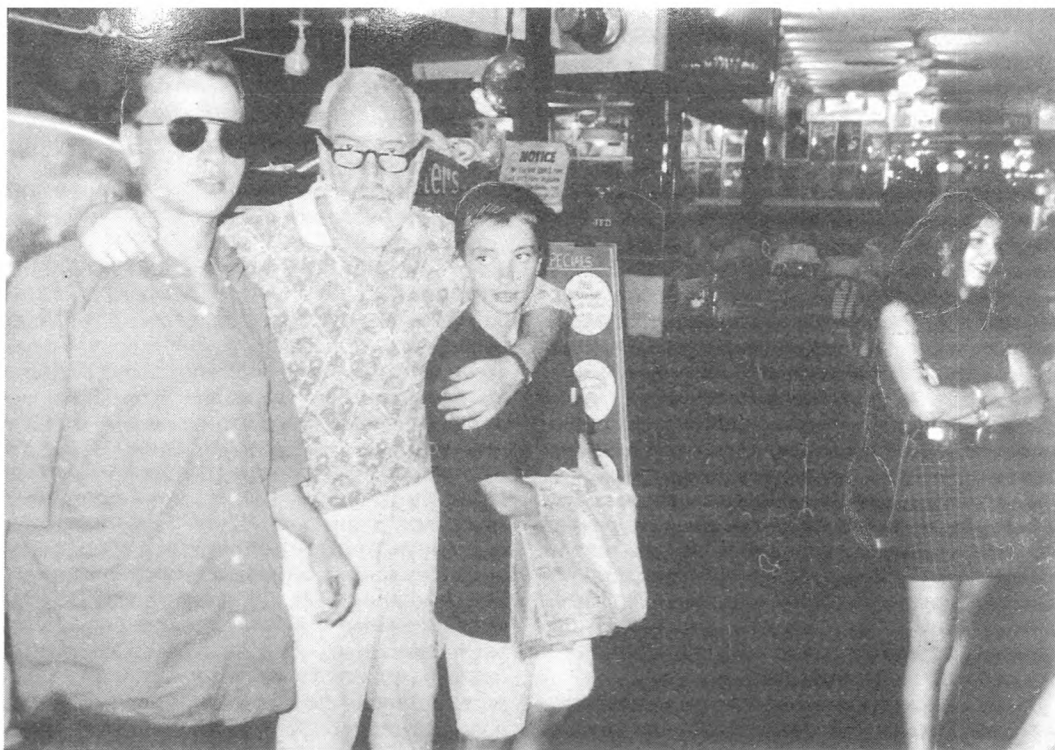
— Когда ты предлагаешь свой сценарий, играет ли роль, что съемки в России дешевле?

— Конечно. Один из главных мотивов интереса к России тот, что можно вложить небольшие деньги в производство и получить небольшую прибыль. И хотя всё в России сегодня безумно вздорожало, все-таки, когда вы переводите на доллары, выясняется, что вполне нормальную картину можно снять за триста-четыреста тысяч долларов, а доход — один миллион. И все о'кей. Вот розовый сон независимых компаний. Поэтому они идут на «русские» авантюры. Хотя есть некоторые опасности, они знают, что в нашей стране нестабильность, непредсказуемость, страховые компании часто не дают страховку, если предположим, в Средней Азии снимать... Я знаю случай, из Лос-Анджелеса собиралась приехать группа актеров, планировалось снимать историю русского еврея врача-венеролога, лечившего американского генерала в послевоенное время в Берлине-Москве-Нью-Йорке. НКВД хотело сделать Шапиро осведомителем, а он ничего, кроме генеральского простатита, не знал... Страховая компания отказала актерам в страховке. Проект разстроился... Очень жаль, я слегка приложил руку к сценарию этой грустной человеческой комедии...

— И все-таки, как прокатываются фильмы, сделанные маленькими студиями?

— Два-три показа по телевидению — затраты на картину полностью окупаются. Есть прекрасно налаженная сеть университетских просмотров. Картина, сделанная интересно, образно, авторская картина, попадает в обойму университетских просмотров и имеет доход. Все довольны. Рецензии, мнения, продюсер Икс горд своей маленькой гордостью, о фильме говорят. В Америке очень много фестивалей, их около двухсот. И на каждом втором фестивале эта картина демонстрируется, обращает на себя внимание. Этим независимые студии и удовлетворяются... Но тайно вынашивают мечту набрести на такой сюжет, где вложишь три миллиона, а получишь сто... О таком случае я расскажу.

— Ты провел в США долгое время. Как ты видишь себя в американском кинопроцессе? В каком направлении ты пойдешь? Будешь ориентироваться только на независимые студии? Или все-таки на голливудские вы-

Лос-Анджелес. Сын Михаил, дочь Ирина в кафе «Ухо Ван Гога».

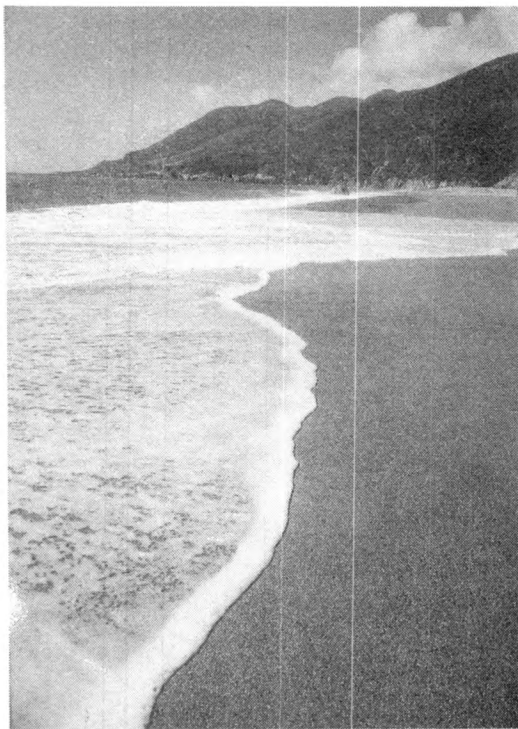
— У меня нет точного ответа. Все так непредсказуемо. По воле случая мне была дарована вторая жизнь... В общем не знаю. Только сейчас я пересек океан. Для начала поеду в Грузию, чтобы повидать свою маму, побывать на своей родной киностудии. С Резо Чхеидзе, директором «Грузия-фильм», я виделся месяцем раньше, когда был в Канне. Я предложил ему один сюжет, который очень ему понравился, и он сказал мне: приезжай и все будет о'кей. Я везу в Тбилиси готовый сценарий, я хочу снимать фильм по нему сам. Предложи мне кто-нибудь в Голливуде делать фильм как режиссеру, неважно, маленькая студия или крупная кинокомпания,— я бы отказался. Это очень специфично — там снимать фильм. Почти невозможно для меня. Снимать я бы хотел только в Грузии. Но и не хочу терять Америку, там у меня, пускай небольшой, но дом, и я считаю, что самое главное, что я смог,— это дать своим детям образование. Старший сын — медик, я думаю, где бы он ни жил, но иметь американский диплом о получении медицинского образования везде полезно. Он учился в Грузии, окончил медицинский институт, затем поехал в Америку, хотя ему очень не хотелось. В Америке у него появ-

вилась возможность получить практику. Я предполагаю, что он чего-то хорошего достигнет. Младший сын учится в колледже и работает в ресторане «Ухо Ван Гога» (какое название!), готовит турецкий кофе. Когда он приехал в Америку, он говорил: «Чтобы я что-то такое делал?! Никогда!» Америка так перемалывает людей и обнаруживает в них качества, о которых они даже и не подозревали. Там надо бороться за существование, там все время надо что-то делать. И будь ты сын самого богатого, самого Рокфеллера, как только тебе исполняется шестнадцать лет, тебя выкидывают на улицу... становишься самостоятельным. Дочь Ирина написала очень смешную серию «Вторая книга Мышастого» — появились издатели. Она тоже драматург.

— Можно прокормиться писательским трудом?

— Я продал два сценария, небольшие деньги, если сравнивать с теми гигантскими суммами, которые были так реальны в случае с «Американской блядью». Но, видимо, это и моя вина, что так произошло. На каком-то витке я должен был сказать Пирсону и его адвокату: «Я вас уважаю, вы замечательные люди. Но у меня есть договор с Гримальди,

скромный, но реальный, сто тысяч долларов — не шестьсот, но лучше синица в кулаке, чем журавль в небе». А может быть, все правильно, и было бы несправедливо, если я сразу оказался бы в таком роскошном положении: Гримальди, Пирсон, Квирикадзе! И, покотившись кубарем вниз, я оказался на правильном месте, я этим местом доволен. Протирая стул,— такой у меня есть стул, из которого выскакивают пружины, я живу каторжным сценарным трудом, в окне замечательный вид — Калифорния. И вообще, что Грузия, что Франция, где я писал сценарий «Слезы Дон Жуана», что Москва — где бы я ни писал свои сценарии — это для меня всегда вид из окна. У меня к ноге привязано ядро, я сижу у стола, и спроси меня, что такое США — я ничего не скажу. Я не выучил английского. Я сижу у самого океана, волны заливают свай моего дома, перед окном стоит огромная пальма, на которую я смотрю. Я больше похож на Робинзона Крузо. На пляже нет никого, только по воскресеньям традиционно пестрая прогулочная толпа. Вся Америка — за моей спиной. Я очень мало к ней поворачиваюсь, я пишу и пишу. Романтичный рисунок я нарисовал, но так я живу. За два с половиной года я впервые выбрался в Новый Свет, и прежде чем приехать сюда, я побывал в Канне, на традиционном ежегодном кинофестивале. Там я встретился с моей женой Наной. Впервые я заговорил о режиссуре, я вспомнил, что я режиссер. В Америке я об этом и не думаю. Для меня киносъемка — это веселая загородная прогулка с друзьями. Кинопроизводство США — это жесткий конвейер, все по минутам выверено, сегодня, в феврале, известно, что двенадцатого июля, в полдень, ты будешь снимать кадр сто шестьдесят шестой. В моей голове это не укладывается. В тот день, когда я выхожу на съемку, я чаще всего не знаю, что я буду снимать. Видит Бог, сколько раз это было. Просто хорошее настроение, замечательный закат, камера стоит здесь, а мы убегаем туда, потому что там увидели что-то заманчивое, что-то лучшее для съемок. Или актрисы нет — не приехала. Ну и Бог с ней. В моем последнем фильме «Путешествие товарища Сталина в Африку» мне нужна была героиня, я договорился с Наташей Андрейченко, она очень подходила к этой роли. Но в последний момент она уехала в Германию, у нее разболелся маленький ребенок, и она со слезами на глазах (ей очень нравилась роль) уехала. Я сказал ей: я тебя подожду. Но она не возвращалась. Надо было найти замену, пересмотреть много фотографий, найти актрису, похожую на Андрейченко — я вбил себе в голову, что это она и только она. А так как экспедиция была в зимнем Бакуриани, звонить в Москву, искать кого-то, представь себе — из Бакуриа-

Калифорнийская Робинзонада.

ни! — это был ужас! Поэтому я махнул рукой и просто вымарал из сценария женскую роль, которая была главной. Просто всю историю перевел на четырех одиноких мужчин — офицеров НКВД и придумал такой «объясняющий» эпизод: за героиней, которую должна была играть Андрейченко, поехали на вокзал, но привезли только ее чемоданы, потому что она пропала, зашла, загуляла с неким генералом Кабахидзе в Кутаиси и не вошла в сюжет; как ни странно, весь фильм сложился, смонтировался. Это возможно в Америке? Снимать кино по-бакуриански? Нет. Я пересек океан, и во мне опять появилась эта бацилла режиссерствования. В таком духе я готов снимать, ради Бога. Я пишу сценарий, снимаю совсем другой фильм, а монтирую третий...

— За эти годы жизнь в Грузии изменилась, возможно, и условия работы там другие?

— Не знаю, но думаю, что нет. Это называется импровизация, если культурно. А на самом деле, я дуракавалыльщик...

— Но на Западе все рассчитывают и прогнозируют, почти любой американец или европеец наверняка знает, что он будет делать в четверг пятнадцатого ноября тысяча девятьсот девяносто третьего года. Никаких неожиданностей, все спланировано заранее...

На съемках фильма «Путешествие товарища Сталина в Африку».

— Да-да. Меня это ужасает. Хотя я понимаю, что это очень удобно для жизни. Я живу в неведении завтрашнего дня и тут же забываю, что было вчера. Может быть, у меня память отсутствует как таковая. Даже когда сажусь писать, я не знаю, о чем будет моя история. Я все время живу чувством, что кто-то вдруг скажет: «Да он же голый! Он ни хрена не умеет». У меня все время такое чувство, что никакой я не режиссер, никакой не писатель, пускаю только мыльные пузыри. Некоторые лопаются, а некоторые — странно — нет. И слава Богу, что не лопаются. Я иногда перечитываю написанное и думаю — а вроде неплохо. И мне даже нравится — смотрю — хорошая фраза! И еще. Я туп, как аллигатор. Вот

заставь меня в отдалении от письменного стола и бумаги что-нибудь придумать. Полный пшик. Но что-то происходит со мной, когда я поднимаю ручку, что-то происходит на кончике пера. Я до сих пор не знаю, что это. И поэтому меня так тянет к бумаге. В Америке я пристрастился к написанию рассказов. Короткий жанр мне стал очень нравиться. Уплывать в плавание и не знать, где выплывешь... Это что-то вроде вспышки ночного фейерверка — сесть и за три-четыре часа, не вставая от стола, закончить рассказ. Я печатаю свои рассказы в еженедельнике «Панорама», хозяин которого один из лучших русских американцев — Саша Половец... Я с наслаждением печатаю свои расска-

зы в этом журнале, который читает вся русскоговорящая Америка. Звонит Саша и говорит: «К понедельнику мне нужен рассказ». «Да, конечно», — говорю я и сажусь. Ничего в мыслях нет, я даже не знаю, о чем буду писать. Главное — это первая фраза. Главное, ее найти. Я обезьянничая и вспоминаю первую фразу у Маркеса в «Сто лет одиночества». Она такая изумительная. Что-нибудь такое. Я придумываю фразу, какую угодно. Скажем, вот в Берлине встретил женщину, которая коллекционирует бегемотов, у нее шестьсот бегемотов-игрушечек. Я пишу фразу о женщине, которая в Берлине коллекционирует бегемотов. Неожиданно возникает первый кирпич, и пошло, пошло. Может быть, это и есть путешествие по неизведанным лабиринтам, где ты ходишь с фонариком, как в детстве. Все мы обожили в темных подвалах что-то выискивать. Курица сидит на яйцах и на тебя смотрит... Это в батумских подвалах... Она тайно снесла дюжину яиц, и никто об этом не знает. И ты мальчишка маленький, это просто чудо для тебя. Где-то среди ящиков обнаружил курицу... Почему у меня только зоологические примеры? Потому что шестьсот бегемотов — это так необычно! Это такая сумасшедшая женщина. Бегемот-мыло, бегемот фарфоровый, бегемот резиновый, гонконгский, корейский — она этим и живет. И если ты добавишь ей шестьсот первого бегемота, ты ей будешь самым близким в мире человеком.

Я прочел книгу Саши Червинского, как писать американские сценарии. Очень полезная книга. Червинский — умный человек. А я шел к тебе на интервью, мучаясь, что мне нечего тебе сказать. Дай мне высказать какую-нибудь теоретическую, аналитическую мысль! Полный профан! И я увиливаю, рассказываю путаную историю про батумскую баню или про кутаисский оперный театр, где пьяный Отелло душил Дездемону за ноги, спутав, где шея, где ноги... Я тебе пыль в глаза пускаю. И так всю жизнь. Имея дурную память, я при этом имею десять тысяч историй. Я хочу их все написать — то есть я графоман. Политика меня не интересует, а вот то, что моя учительница химии Маргарита Михайловна проглотила швейцарские часы, они застряли в закоулках ее большого молодого тела и тикали два года, она давала нам слушать их, и прикладывание уха к животу химички были наши первые сексуальные мучения. Эта история требует придумать ей место в рассказе — графоман не спит, пишет, ищет, куда приоткрыть живот молодой химички.

Жить в Америке человеку с таким характером очень легко и очень трудно. Поэтому я ушел от Америки, от проблем, океан меня ни о чем не спрашивает. Первого января

справлял Новый год. В воду вошел за пять минут до Нового года, вода безумно теплая, через пять минут, точнее, через год выплыл. Ощущение Робинзона Крузо меня не покидает...

— Ваша жизнь с Наной сейчас?

— Ей до сих пор кажется, что я тот человек, который может быть ей полезен. Два года она ждет от меня сценарий. Она в Грузии, жила в Москве долгое время, теперь она в Германии. Изредка приезжает сюда, в Америку...

— Она была в последнюю осень у тебя и, насколько я знаю, всего десять дней. Так мало?!

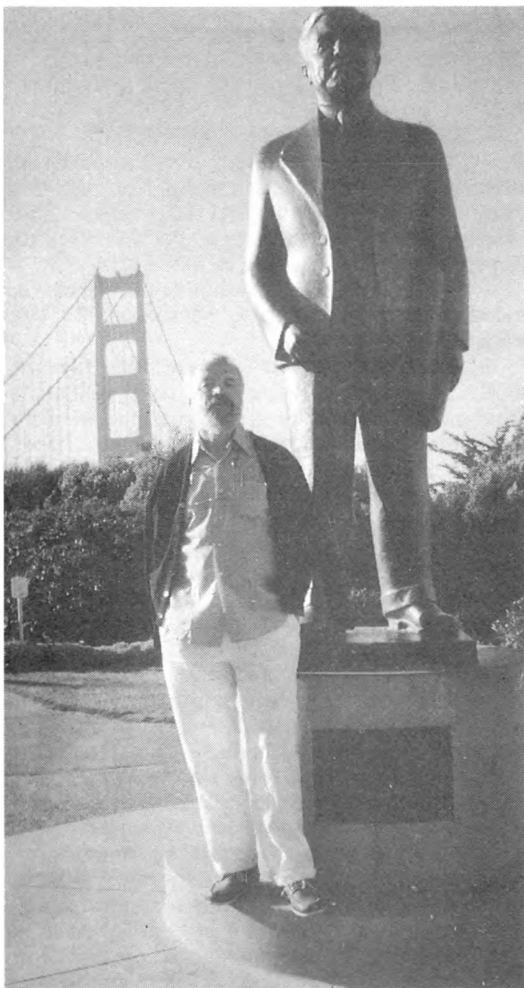
— Американско-советская киноинициатива АСК делала премьеру моего последнего фильма в Нью-Йорке в музее современного искусства. Должен был приехать режиссер из России. Они не знали, что я у них под боком живу. Рустам Ибрагимбеков, мой друг, послал Нану. Спасибо ему. Ну а сейчас у нас будет возможность соединиться на более продолжительное время. С января девяносто четвертого года на шесть месяцев меня пригласила Академия Киноискусств Германии на программу, которая называется: DAD. Я даже не знаю, как это расшифровать. Но это возможность жить в Берлине и писать. Я не знаю, то ли у меня разжижились мозги, то ли веселое одиночество в Америке — я очень легко стал жить. Как бы то ни было, жизнь номер два — после операции сердца — получилась совсем другая. Я стал другим Ираклием Квирикадзе. Не потому, что меня Америка поменяла, хотя я могу сесть в машину и восемь часов ехать до Гранд-Каньона и видеть совершенные чудеса природы, я могу опуститься на дно каньона, затем подняться, уехать еще дальше к мормонам. Я делал такие гигантские вылазки. У меня огромный «форд», я немного представляю себя героем замечательной вещи Стейнбека «Путешествие с Чарли». Это я себе позволяю. Это я часто делаю, уезжая на пять-шесть дней в глубинку Америки, в мир, совершенно нам неизвестный, потому что весь наш опыт — это большие города: Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес... Но то, что происходит в глубинке, — это, конечно, изумительно.

— А как без языка?

— Знаешь, я жил без языка в самых экстремальных ситуациях, мычанием или на пальцах, на жутких грамматических оборотах, под хот тех людей, с которыми я разговариваю, я вхожу в контакты.

— Итак, совсем другая жизнь...

— Говорят, в четыре-пять лет у человека меняется вся кровь. Мне кажется, Ираклий Квирикадзе, предположим, образца 56-го года, когда я кричал на тбилисской набережной «Сталин! Сталин! Ты с нами!», потому что

Ираклий и Джозеф Страус в Сан-Франциско.

сносили повсюду памятники — это другой человек. С другими мозгами. В тот год в Тбилиси приехал китайский генерал — как же его звали, не помню, — мы, вся тбилисская молодежь, на площади на коленях стоим — он выглянул из гостиницы «Интурист» — такой маленький китайский человек. Вспомнил, его звали Джу Де. Генерал Джу Де — друг Мао Цзедуна. И двадцатитысячная толпа мальчишек, как я, кричала что-то вроде: «Товарищ генерал, защити Грузию от сноса памятников великого Сталина». Шестиметровый мраморный истукан стоял на набережной; петиции какие-то писались... была совсем другая жизнь. Потом был ВГИК, было вгиковское озорство, бессонные ночи. Все время мы другие. В нас живет человек номер 1, номер 2,

номер 3, номер 4... Помню, на одном из московских международных кинофестивалей в ресторане «Москва» я украл огромное блюдо с осетром, целым гигантским осетром. Была прекрасная советская пора, времен книги «О вкусной и здоровой пище», и, как иллюстрация к этой книге во время Московского фестиваля, готовился какой-то банкет для какой-то иностранной делегации. А мы, голодные второкурсники, сидели поодаль. Я подкрался к банкетному столу и выкрал гигантское блюдо с гигантским осетром. И наша голодная студенческая команда набросилась и в одночасье все уничтожила. Сейчас я совсем другой. Приехал в Москву, мрачную, странно бурлящую, которая мне очень нравится, но я никуда не выхожу, сижу все время дома, не могу объяснить, почему...

— Странно, раньше, если ты жил в Москве, то тебя всегда можно было увидеть в кругу друзей в Союзе, в Доме кино...

— Я не выхожу из дома. У меня чешутся руки — хочу писать. Я открываю блокнот или тетрадь в клетку, которую я нашел в доме московских родственников, и начинаю заполнять эти клетчатые страницы. Совсем с ума сошел, стал «с приветом». Мне интереснее быть вот в этих бумагах, быть в том мире, где я сочиняю, чем быть в этом мире... Слушай, а не очень ли я рассказываю все это легковесно и несерьезно? Слово я действительно того...

— Да нет, конечно. Все жутко интересно! В Америке круг общения образовался? Много разных людей?

— Там, в Лос-Анджелесе, в русских компаниях можно представить, что ты в фойе или ресторане Московского Дома кино. Юра Нейман, Марина Нейман, Наташа Негода, там же Андрейченко со своим замечательным мужем Максимилианом Шеллом, очень гостеприимный у них дом... Миша Суслов, я о нем уже упоминал, — великолепный оператор. Видит Бог, я кого-то пропустил. Драматург Саша Буравский, с ним я очень дружу. Луша — его жена, актриса и певица, Сергей Бодров, Саша Митта, лекции в Германии читает, а его семья живет в Лос-Анджелесе. У него чрезвычайно талантливый сын Женя — художник. Марк Гехт, Леван Иченишвили, Яша Бронштейн, Илья Баскин... И еще, и еще, и еще! У нас тесные контакты, хорошие отношения. Андрон Кончаловский, когда он в Лос-Анджелесе, он всегда с удовольствием проводит с нами время. А вместе мы все праздники, дни рождения, так называемые «парти»... В этом смысле дом у Юры очень открытый. В наш круг часто вливаются некиношные люди. Там их огромное количество... Как правило, это эмиграция конца семидесятых годов. В основном — это люди, успешно устроившие свою

Анна Вулах имеет двести шляпок и один «Movie line».

жизнь. У них особняки в Беверли Хиллз, полный ассортимент радостей жизни: теннисные корты, бассейны, замки... Многие из них завоевали Америку, некоторые из них отворачиваются от своих соотечественников, чтобы стать американцами. Но я не знаю ни одного, кто бы стал «американцем». Есть также замечательная женщина Анна Вулах, это «хозяйка» киножурнала «Муви лайн». Это очень талантливая, очень необычная женщина. Анна приехала в те самые семидесятые годы с мужем и двумя детьми. И произошло чудо: ее маленький мальчик стал гением Америки. Изобрел небольшую компьютерную штучечку, которая запирала компьютер от проникновения вовнутрь компьютерных воров. Огромные лаборатории гигантских корпораций работали над этим секретом, а мальчик Вулах придумал. И они стали обладателями патента и безумно богатыми людьми. Анна невероятно энергична. Она стала делать журнал, который теперь конкурирует с самыми знаменитыми киножурналами Америки и Голливуда.

— Нет у тебя ощущения, что ты не сможешь достичь там того, что удалось тебе здесь?

— Я продолжаю экспериментировать. Я хочу научиться писать такие сюжеты, которые

были бы американскими сюжетами. То есть это не значит — «пиф-паф», убийства, трупы в холодильнике... Нет, это меня не привлекало и не привлекает.

— В этом отношении тебе очень полезна книга Александра Червинского «Как хорошо продать хороший сценарий»...

— Как только вернусь в Америку, буду ее штудировать... У меня большой аппетит на эту книгу. Я человек злой и спортивный. Мало когда проигрывал в своей жизни. У меня было немного битв, небольших, негромких, но когда я в них участвовал, то чувство победителя во мне жило. А тут я проиграл самым неожиданным образом. В первом же раунде. И я сказал себе: так дело не пойдет. Глядишь, я еще раз вступлю в битву с Голливудом. Понимаю, что это донкихотские ветряные мельницы, но...

— Но опыт не только русских кинематографистов, но и западных и англоязычных стран показывает, что это невозможно.

— Снимать — нет. А вот писать, мне кажется, возможно. Я подбираю ключик к американскому амбарному замку. Вот сейчас, перед самым отъездом, получилось маленькое американское чудо! Там, где я живу — это район Венис Бич, — я все время говорю о пустынном

океане, а между тем вокруг меня артистический район, известный во всем мире — Венис Бич. Это как Париж 20-х годов, описанный Хемингуэем, это как кафе «Ротонда», куда заходил Модильяни и рисовал на салфетках, а потом продавал за франк, я видел на аукционе «Сотбис» такую салфетку, проданную когда-то за франк, которая теперь стоила два миллиона франков. Вот такая аура у места, где я живу. Сюда привозят туристов. Это особая Калифорния, особый Лос-Анджелес. Потому что остальной Лос-Анджелес — деловой город, где человек с утра выходит за дверь своего дома, под вечер приходит домой как выжатый лимон, пьет пиво, смотрит TV и храпит. В том Лос-Анджелесе люди живут на износ. А это — карнавальный Лос-Анджелес, мир Венис Бич... Тут обитают художники, музыканты, писатели, артисты. Широоченная набережная вдоль океана, где бродячие музыканты, клоуны, шпагоглотатели, йоги, загорелые девушки на роликах, джаз-банды, шум, музыка, крики, гадалки с астрологическими шарами и огромное количество кафе, где можно сидеть, где можно писать. Шумный, вольный и вместе с тем пестрый мир Венис Бич был когда-то родоначальником хиппи шестидесятых годов. Здесь возникло это движение и потом уймалось в Европу, в Азию, в Катманду. А сейчас Катманду переехало назад на Венис Бич. И здесь живут люди вольные. Я вот поселился... Здесь все пишут. Весь Лос-Анджелес, кстати, — сценаристы. Лос-Анджелес не город, а скопище городов. Как в Кахетии. Ты едешь по внутренней Кахетии и по столбам определяешь: выехал в Цинандали, потом в Ахашени, а потом в Мукузани... И здесь так же, правда, без таких ароматных названий. Тот же Беверли Хиллз, район миллиардеров, где, кстати, живет много русских. И тут же рядом — пролетарский район Валли. Здесь же, по соседству, Голливуд. Здесь же наркоманы, гомосексуалисты, которые имеют свои клубы и свои... парады. Как первомайская демонстрация: «Полицейские гомосексуалисты Лос-Анджелеса приветствуют вас!» — кричат конники в бикини. На них полицейские каски и лифчики. Они — настоящие полицейские. Но в этот день они пришли на свой гомосексуальный праздник. Трибуна, на ней сидят гомосексуалисты и мимо — бесконечные, часами движущиеся ряды: «Гомосексуалисты Санта Моника — (как будто Свердловского района или Орджоникидзевского) — приветствуют вас!» Все в женских нарядах, чуть ли не под гармошку пляшут. Но это — не в моем районе, это в Голливуде. В общем, тут можно встретить кого угодно. И все пишут, пишут... Так что получается: сценаристы всех стран, соединяйтесь! — вот это и есть Лос-Анджелес. Если вы встретите юношу, девушку, сталеваара,

подметальщика, домохозяйку, продавца с набором бумаг, то обязательно увидите листки бумаги, расписанные: диалог, общий план, наезд... Как Червинский и велит, вот по этому канону. Все пишут сценарии, абсолютно все. И, естественно, все считают себя гениями. Есть такое кафе «Роз» недалеко от моего дома. И в этом кафе я встречал одного замечательного человека по имени Берт Леонард. У меня два старинных замечательных друга-эстонца. Я знал их еще в Таллинне. В брежневские времена они по льду ушли в Швецию. Два музыканта — Тармо и Томас Урбы осели в Лос-Анджелесе. Мы очень дружны. Они великопепные ребята. И вот они меня познакомили с этим Бертом Леонардом. Он тоже один из тех сумасшедших, которые пишут сценарии. Да и сам я такой же сумасшедший. Никакой разницы между мной и несколькими миллионами лос-анджелесцев нет. Ты идешь, например, снимать квартиру, а менеджер, солидный седовласый человек, спрашивает: кто ты? Ты говоришь: сценарист. Он заводит тебя в свою менеджерскую комнату, а она вся завалена перегоревшими лампочками и стопками сценариев. Он успел написать триста сценариев. Что они с ними делают? Псылают в Голливуд... Так вот, в том странном мире, в котором мы там живем, эстонцы меня познакомили с Бертом Леонардом. Он приехал из глубинки, необыкновенно толстый человек, ему 35-36 лет всего лишь. Он не похож на типичных американцев, в нем какой-то латиноамериканский дух, он все время пританцовывает, несмотря на свои 200 килограммов. Мы встречались в кафе «Роз». Я принял его за типично сценарно-сумасшедшего человека, и так и было на самом деле. Он прочел мой сценарий «Американская блядь», тот ему очень понравился, а что честолюбивому автору надо? Чтобы его похвалили. Поэтому он мне сразу стал симпатичен. При этом он смотрел на меня, как на некоего маэстро, который замечательно пишет, но судьба маэстро в Америке не складывается. Вдруг он исчез. Я спрашиваю: где Берт? Эстонцы отвечают: «Фильм снимает». Выясняется, Берт проснулся в щель большого Голливуда. Кстати, сценарий его был написан по рассказу Стивена Кинга, который знаменит своими триллерами. Стивен Кинг разрешил сделать сценарий по своему рассказу, и никому неизвестный Берт Леонард очень ловко и остроумно сочинил сценарий и заинтересовал им больших продюсеров. Они сказали ему: «Ты прекрасно написал, вот тебе двести тысяч долларов — и до свиданья». На что тот заявил: «Нет, я буду сам снимать». Дальше продюсеры, что называется, дверь закрывают, а он ногу подставляет, они хотят закрыть дверь, а

он ногу держит. Как бы то ни было, он туда протиснулся.

— Несмотря на свой гигантский вес?

— Настолько он их всех изнасилвал, что ему дали три миллиона долларов на постановку: «Ах, ты хочешь быть режиссером? — Будь». Продюсеры решили, что он тут же сломает себе нос... А три миллиона долларов — это ловушка, это капкан, три миллиона для голливудской постановки Большой Компании ничто, это копейки. Он сломает нос, они отнимут у него право постановки. Так или иначе, выиграл эту битву Берт Леонард. За три миллиона он снял фильм, будучи, оказывается, фантастическим знатоком компьютерной графики. Весь сюжет, весь фильм он смог снять у себя в гараже, где стояли компьютерные установки, сооруженные из старых чугунных компьютеров, выброшенных на помойку (компьютеры можно, как и холодильники, подобрать на помойке). Одно из великих американских чудес — он снял фильм за три миллиона долларов, а за год проката фильм получил сто пятьдесят миллионов долларов, такого даже у Спилберга не было. Мой друг, с

которым мы попивали кофе по утрам в кафе «Роз», стал сейчас одним из самых выдающихся сценаристов, режиссеров и продюсеров. У него гигантская компания. Майкл Джексон ему заказывает фильмы. Его зовут: Орсон Уэллс девяностых годов, потому что он такой же гигантский, толстый, с сигарой. К его чести, простота в общении его осталась такой же, какой была в период наших общений в кафе «Роз». Мы и сейчас общаемся в этом кафе за утренней чашкой кофе. Он мне напомнил об удовольствии, которое он испытывал от сценария «Американская блядь». И сказал, что хотел бы что-то такое же, но кассовое (о, боже!), чтобы было энергичное движение сюжета, чтобы был action. И вот, как ни странно, я сижу сейчас и пишу. Это к вопросу, могу ли я... просунуть ногу в чугунные ворота Голливуда. Подкинув монету — доллар, я посмотрел, на что она упала. На «орла» — и решил: снимать кино буду в Грузии — как режиссер. Писать в Америке — как сценарист. И так опя. Я — живу...

Август 1993 года. Москва

Вниманию читателей и книготорговцев!

Редакция нашего журнала готовит к печати

новую книгу ГРИГОРИЯ ГОРИНА

"СТОП, НА СЕГОДНЯ ХВАТИТ!"

**В книге — обо всем, что для писателя
связано с кинематографом:**

о людях и судьбах, событиях и ситуациях.

И обо всем этом —

с присущим автору юмором.

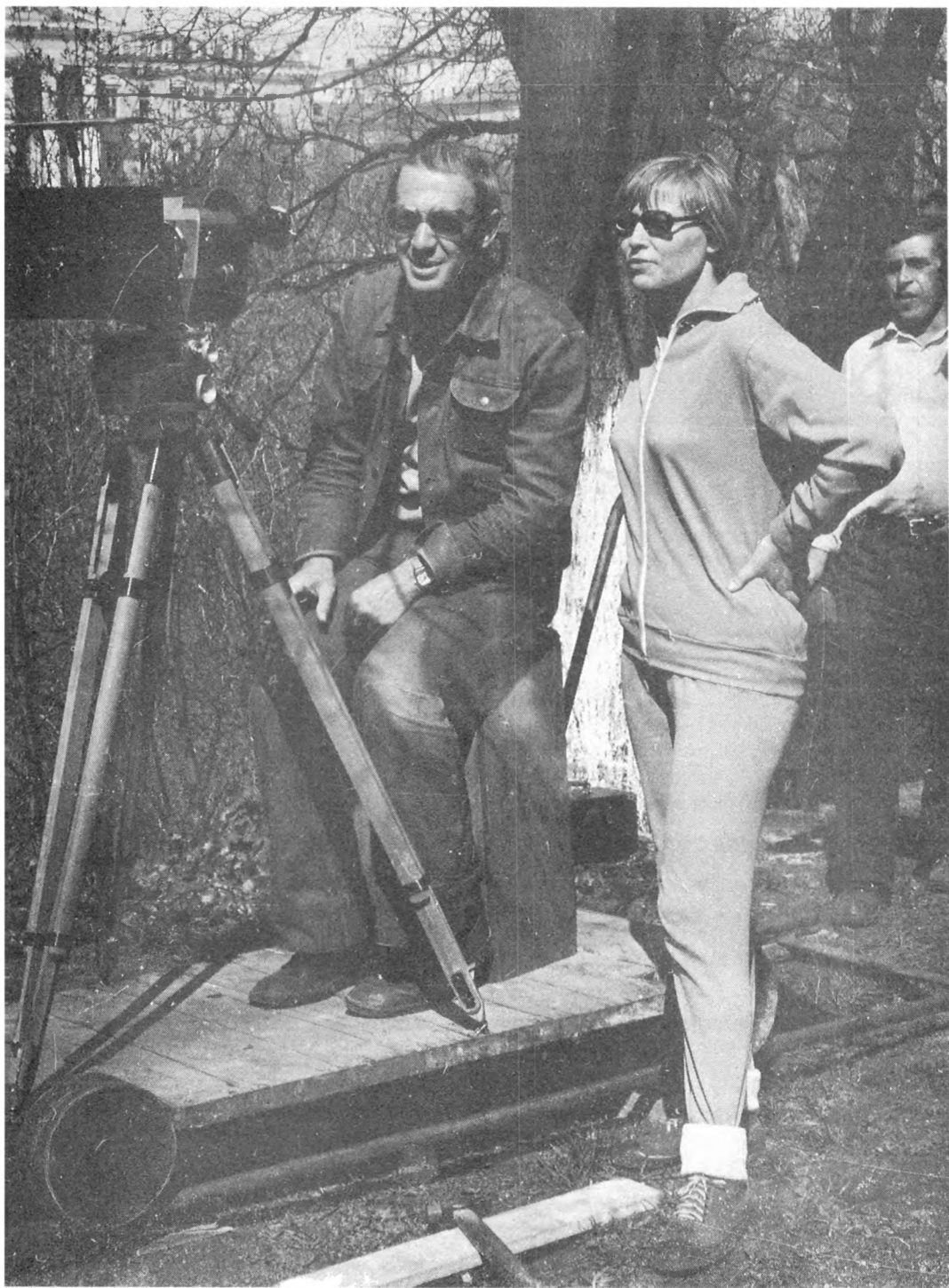
Предварительные заявки (без оплаты)

присылайте по адресу:

103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12,

в редакцию журнала "Киносценарии".

О выходе книги в свет мы вас оповестим.

Илья Авербах и Наталия Рязанцева на съемках фильма «Чужие письма» в Калуге (1975 г.).

НАТАЛИЯ РЯЗАНЦЕВА

ОБЛОМОК ТРЕХ ИМПЕРИЙ

Сколько всего сценариев Вами написано и сколько из них поставлено?

Поставлено четырнадцать, а написано... трудно подсчитать. Иногда писала совершенно разные варианты, исходя из одной заявки. Примерно двадцать пять.

А по каким причинам — как Вам кажется — другие сценарии не были поставлены?

Причины разные, но если вынести за скобки времена суровой и абсурдной цензуры,

получится, что сама виновата. Бросала на полдороге, не умела довести сценарий до привлекательной четкости, надоедало, отчаивалась, легко выбрасывала свои труды. Иногда вспомнишь — какой был отличный сюжет, надо бы к нему вернуться — и никогда не возвращаешься. Тем более, другие сделали нечто близкое по теме. Так бывало много раз. Ведь мы работали в очень ограниченном пространстве, и оно все более сужалось. Мы

называли это «щель». Смешно вспомнить — даже «Чужие письма» пришлось протаскивать в очень узкую щель, и не всё удалось протаскать. История наших компромиссов — кому это теперь интересно? Это уже история.

Личности. Это можно уподобить легкому флирту и истинной, иногда мучительной, любви. Для любви нужна личность, может, и не прекрасная, даже ужасная, но — личность.

А Вы писали когда-нибудь по заказу?

Зинаида Шарко в роли Евгении Васильевны в кинофильме «Долгие провода» (1972 г.).

А когда был поставлен Ваш первый фильм? Какой опыт Вы вынесли из этой работы?

Первый большой фильм был «Крылья», режиссер Лариса Шепитько, а сценарий мы писали с В. И. Ежовым. Он был напечатан под названием «Гвардии капитан». С Ларисой мы были ровесницы и дружили еще со ВГИКа. Боже, как мы ссорились, когда случалось вместе работать! До слез. Я часто роптала, я еще не научилась тогда подавлять авторские амбиции, но ходила за ней, как тень, и получила представление о режиссерской профессии.

С чего для Вас начинается написание сценария, каков первоначальный импульс — тема, сюжет, характер?

Пожалуй, с центрального персонажа. Если есть характер, достаточно противоречивый, чтобы о нем было интересно думать, чтобы он не надоел, мог что-нибудь «отчебучить» — тогда дело пойдет. Иногда я поддавалась профессиональным соблазнам — придумываешь интересную фабулу, даже сюжет — вот он весь на ладони, только сядь и прилежно работай, но нет — сценарий выдыхается, он становится каким-то неодошвенным, если нет

Что называть «заказом»? Те, что не по душе и не по силам, естественно, не берешь. Прежде я часто отказывалась от заказов, которые могла бы выполнить, а теперь никто ничего не заказывает. Я не стала таким гибким профессионалом, который может все. Но в чужих сценариях разбираюсь — чем они дальше от меня, тем объективней вижу просчеты, могу давать советы. В этом смысле я как раз профессионал, прошла большую выучку в кино, способна воспринимать чужое и на бумаге, и на экране.

А писать в соавторстве Вы пробовали? Как по-Вашему, есть преимущества у тех, кто пишет в соавторстве?

Когда-то пробовала — с Валентином Ежовым, Владимиром Валущиком, Ларисой Шепитько. Но вообще я кустарь-одиночка. Хотя, вероятно, могла бы вписаться в общий сюжет, например, телесериала, со своим отдельным куском. Вообще кино это сплошное соавторство. Оно требует общения, обсуждения, и прекрасно, когда есть человек, которому можно показать даже свой черновик, будь это режиссер или просто друг. Пока был жив мой муж, Илья Авербах, я не могла оценить, как это важно: мы постоянно все обсуждали,

Мая Булгакова в роли Н. Петрухиной из кинофильма «Крылья» (1966 г.).

спорили и ругались, но на одном, нажитом общими годами, языке. Для режиссера это вообще поддела — создать товарищество, группу единомышленников. Это как семья. Впрочем, я говорю о кино, каким оно было и пока остается — трудоемким, громоздким делом. Когда каждый сможет взять видеокамеру и снять что хочет — хоть свой дневник, хоть письмо другу, — кино станет принципиально другим, и мы живем на этом переломе. Мы отходим в историю, как паровозы. А до новой техники — не доживем.

Но ведь хорошие фильмы не стареют. Как Вам кажется — у Вас были несомненные удачи? Вы любите пересматривать свои фильмы?

Ни в коем случае, видишь одни просчеты. Но однажды мне представилась возможность оглянуться, составить некоторое о себе общее впечатление. Я выступала в Казани, в Доме молодежи, там показали по несколько частей из «Голоса», «Чужих писем», из «Крыльев» и из «Долгих проводов». Не то чтобы мне устроили бенефис, а просто там много любителей кино, и все режиссеры у них бывали, а тут они позвали драматурга поговорить на тему «Женщины и кино». И я смотрела с интересом

фрагменты из своих картин, и что-то даже связанное из них сложилось, галерея женских портретов — причем таких женщин, которых уже не будет. Так сказать, «Россия уходящая». Я осознала, чем я занималась и почему.

А почему именно женщин? В предыдущих Ваших интервью много говорилось про феминизм. Вы феминистка?

Видимо, да. Хотя до сих пор никто не знает, что это такое, и ни в какой «тайный орден» я не записывалась. Но теперь не отвертись: газета «Семья» так и напечатала мое интервью под заголовком «Я — феминистка!», хотя я собиралась его назвать «Матриархат с человеческим лицом». Но это особая тема для длинного разговора и к моему сценарному делу не имеет прямого отношения. Так совпало, что я работала не раз с женщинами-режиссерами и главные героини были женщины. Но это не от хорошей жизни — не могла же я писать про директоров завода, секретарей обкомов и генералов, как требовалось во времена жесткого планирования кинематографа. А мы проскальзывали только под рубрикой «морально-этические» и получали упреки в «мелкотемье». Впрочем, это был сознательный выбор, во избежание слишком большого

вранья. Потому и героинями оказались женщины, и не только у меня — во всем кино 60-80-х годов. Мужчины были в принципе «неотразимы»: он, предположим, работает в «ящике», а в оставшееся время стоит за водкой и выражается нецензурно — как его «отразить»? Я, к сожалению, реалистка, прятаться за жанрами сказки, или фантастики, или чистого детектива не умею да и не хочу. Старалась избежать «ползучего реализма», но ведь кино всегда под сапогом у реальной фактуры. «Абстрактного кино» не бывает.

А что Вы называете «ползучим реализмом»? Отсутствие кинообразности, буквальность? Но ведь это больше зависит от режиссера.

Да, конечно, но и от сценария тоже. Даже от выбора персонажа, от характера, диалога. Я запомнила выражение Сэлинджера — «пропускает потоки поэзии». Он описывал одну даму, чья личность ну абсолютно не пропускала никаких «потоков поэзии». Есть люди изна-

чально некиногеничные. Они говорят именно то, что хотели сказать, совершают то, чего от них и ожидаешь, они всегда как бы адекватны самим себе. А реализм XX века, начиная с Чехова в драматургии и с Фрейда в психологии, — весь в проговорах, в подтекстах, в мучительном неумении себя выразить. Тут и обитает поэзия. Неоднозначность, многозначность.

А Вы считаете, что кино близко к поэзии?

Конечно, ближе, во всяком случае, чем к прозе. Оно более емкое, даже самое емкое из искусств. Но мы залезем, боюсь, в очень специальный разговор, о знаковых системах, о символах и так далее. Я лучше скажу как кинозритель: у меня с годами появился простой критерий — хочется ли фильм пересматривать, стоит ли его смотреть по второму разу, есть ли в нем обаяние, которое обычно, правда, подменяется обаянием кинозвезды и песней, которая застревает в ушах. Я не об этом обаянии, но когда читаешь сценарий, его

Ирина Купченко в роли Веры Ивановны («Чужие письма», 1976 г.).

полезно проверить музыкальными и поэтическими формами: романс, баллада, сонет, поэма, просто частушка. Есть истории, которые можно спеть, а есть — ну никуда дальше газетной полосы или сплетни не годятся. Сами себя исчерпывают.

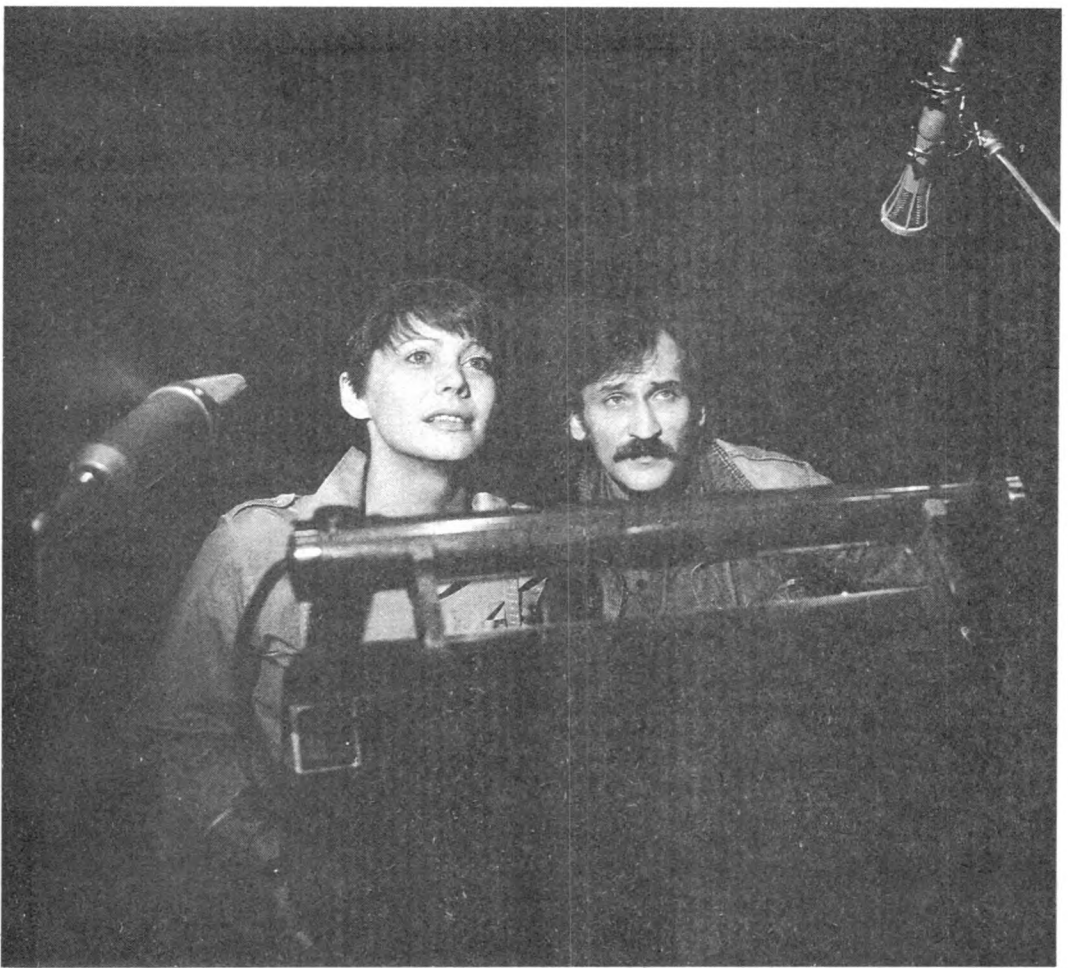
Менялся ли со временем Ваш подход к профессии, способ работы и, если менялся, что его меняло — личный опыт, требования меняющегося времени?

Вопрос, мягко говоря, многосерийный. Все равно что всю жизнь рассказать. В основном

замечаю, что становлюсь все легкомысленнее. Вот как зритель после тяжелой работы не желает смотреть «тяжелое кино», так и я — хочется написать что-то смешное, легкое, сказочное. По инерции, лезут в голову истории трагические, ужасные, но их отторгаешь инстинктивно, прячешь голову под крыло. И хуже того — любая трагедия легко переворачивается в комедию. Раньше я бы ужаснулась своему цинизму, но с годами, с утратами в жизни утрачиваешь серьезное отношение к вещам, и память имеет целебное свойство

Светлана Смирнова в роли Зины («Чужие письма»).

Наталья Сайко и Леонид Филатов в фильме «Голос» (1982 г.)

вытряхивать самые болезненные переживания. Знаете выражение — «время лечит»? Увы, оно лечит и от «высоких болезней».

Какие у Вас отношения с критикой?

Никаких, кроме того, что иногда сама становлюсь критиком, пишу какие-то отзывы. Критика вообще мало влияет на режиссеров и тем более на сценаристов, у нее другие задачи — влиять на читателей, зрителей, продюсеров, прокатчиков, поддерживать критерии, создавать общественный климат. Информировать — как минимум. Я читаю и «Искусство кино», и «Экран», смотрю передачу Б. Бермана «Абзац» и вообще все, что касается кино. В нашем деле нельзя жить отшельником.

А Ваши отношения с режиссерами? Были случаи идеального партнерства? И вообще — это бывает?

Придется повторить единственный всем

известный пример — Александр Миндадзе и Вадим Абдрашитов. Но вопрос опять-таки непосильный. Я, наверное, могу лекцию прочитать с примерами из собственной и чужой практики — как следует строить свои отношения с режиссерами в разных случаях. Могу дать очень полезные советы, но сама никогда не умела им следовать. Тратила уйму времени и сил на безнадежное дело. Всегда казалось — если ты будешь делать все-все-все, что в твоих силах, — это поможет. Я знаю случаи, когда из совсем «завального» материала получались приличные фильмы. Знаю и обратные — когда в монтаже режиссер не может справиться со своим же материалом, и тут нужен свежий взгляд, хладнокровие и бескорыстная поддержка, а отношения с драматургом испорчены вдребезги.

Вообще режиссерская профессия — это

искусство управления людьми, и страшно подумать, как много зависит от этой тонкой материи. Вы можете придумать божественный фильм и даже написать недурной сценарий (совершенных сценариев вообще не бывает, сценарий не есть нечто застывшее и окончательное), а в производстве все начнет сыпаться и рушиться по каким-то вздорным, почти необъяснимым причинам. Молодые сценаристы обычно приходят из литературы и совсем не представляют себе режиссерской профессии. Да это и не профессия, а образ жизни и суть личности. Это диагноз, как кто-то удачно пошутил. Так было, когда мы начинали работать в кино, и так снова будет, уже по другим причинам — если кино вообще выживет. В нем выживут только фанатики, одержимые и те, кто способен их понять и служить им.

Вы считаете, что кино на грани выживания? Ведь делается много фильмов...

Которых никто не видит. Наша киносеть разрушена, люди сидят у телевизоров, им вообще не до кино, и их можно понять. Вообще современный человек перенасыщен впечатлениями, шумом в ушах и все более хочет тишины и покоя. Есть какой-то порог восприимчивости. Катастрофы, ужасы, сенсации — кино сильно постаралось подрубить сук, на котором сидит, притупить эмоциональную сферу человека. Но это, как говорится, процесс объективный, он вписывается малой долей во всеобщее самоубийственное безумие. А если поближе к нашей теме, а тему эту я бы назвала «тогда и сейчас», то войти в кино «тогда» было очень сложно, но это сулило награды, это была престижная область деятельности, изредка — высокооплачиваемая. Но главное: твое кино посмотрят миллионы, ты кому-то нужен, фильм будут обсуждать, спорить, он будет жить среди людей. В последний раз это случилось после «Покаяния» — такой общественный резонанс. А больше я не припомню... И конечно, люди нашего поколения (а я закончила ВГИК в 62-м, а первый большой фильм вышел в 66-м) уже чувствуют себя «обломками империи», то есть дважды «обломками» — и СССР, и нашей малой «киноимперии». Все это можно было предвидеть? Да, теоретически, я, например, многое предвидела, но ни уезжать из своей страны, ни уходить из кино не собиралась. Можно назвать это «легкомыслием обреченности». Я

ведь чувствую себя еще и обломком той империи — «России, которую мы потеряли» — так что — «обломок трех империй», что-то из антиквариата.

Кстати, я тут обнаружила, что в фильме «Крылья» многое было запрограммировано, меня тогда уже занимала тема человека, пережившего свое время. Там есть такой эпизод: героиня, бывшая военная летчица, оказывается в музее, где висит ее фотография, и дети спрашивают экскурсовода: «А она погибла?» А она стоит рядом и улыбается. Актриса Майя Булгакова. Тогда нам с Ларисой Шепитько было по двадцать пять лет, и героиня сорока четырех казалась нам старой, одинокой и неприкаянной. Теперь я бы посмотрела на нее по-другому. Но там есть хорошие, даже провидческие эпизоды. Они теперь насытились временем. Например, эту ветеранку, героиню, известную в городе персону, не пускают в ресторан, говорят — «вечером с кавалерами надо ходить, мы без кавалеров не пускаем». Видите, я и тогда была уже феминисткой.

А ведь я хотела Вас расспросить как преподавателя Высших сценарных курсов: каких сценариев Вы ждете от молодых, какие требования к ним предъявляете, кто Вам нравится из следующего поколения кинодраматургов?

Многие нравятся, и особенно много женщин талантливых, и, как ни странно, мне это приятно, никакой ревности и зависти не испытываю. Имена? Марина Шептунова, Надежда Кожушаная, Елена Райская, Алена Крилицына, Мария Хмелик, Светлана Василенко, Рената Литвинова, Марина Мареева. С последними двумя я и вовсе незнакома, но читаю, когда их печатают. Открыв журнал, почему-то сначала читаю женщин. Каких сценариев я жду? Главное качество — чтобы этот сценарий мог написать только он, именно этот человек. Или она, ведь Она теперь может не скрывать, что она — Она, а не Он. У нее много накопилось, и Она может оставаться самой собой, по крайней мере в пределах сценария.

Да нет же, я не завидую и поставлю эпиграфом к новому сценарию глубокомысленное предостережение:

«Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться» (К. Г. Юнг «Архетип и символ»)

Беседу вела М. Крымова

Не забудьте подписаться!

НАТАЛИЯ РЯЗАНЦЕВА

ЭФФЕКТ ДОРИАНА

Тихим деревенским вечером два городских господина — не молодые уже, но еще и не старые — сидели на берегу озера возле бани. Все было прекрасно на земле, на воде и выше: солнце не спешило уйти за озеро, лодки с рыбаками застыли, словно затаили дыхание, словно знали, что Гуляев их рисует, сидя на парусиновом стульчике. Давно он не брал в руки кисти, да и стульчик был ему маловат, и брюшко мешало, и старинный друг Челноков создавал нервозность. Он сидел верхом на перевернутой лодке, перелистывал с негодованием газеты и журналы, поглядывал на часы и дергал ногой — все-то ему нехорошо, все-то ему не так...

(Прошу только не путать моего Челнокова с тем, которого вы привыкли видеть по телевизору, никакого отношения к парламенту и к тому Челнокову он не имеет, но менять фамилию нам уже поздно.— *Прим. автора*).

— О-хо-хо-хо-хо-хо-хо...— промычал Челноков и вскопчил, поглядел из-под руки на озеро. Там, за камышами, за мостками, кто-то купался.— Ты нас отвезешь до станции?

— Почему, кстати, ты без машины?

— Машина у Риммы.

— А кстати — почему ты без Риммы?

— Потому что я с Машей!

«Ты мог бы не задавать глупых вопросов, ты все знаешь», — вертелось на языке у Челнокова, но он сдержался.

Маша плыла к мосткам и срывала лилии. Потом она скрылась за камышами, потом появилась на мостках, подхватила свою одежду, пошла к дому в окружении детей и собак. Само совершенство. Не только Челноков, а все — дети, собаки, рыбаки, даже Ольга Гуляева со своего огорода, и сын Гуляева, хлопотавший у гаража, и невестка с пятилетним мальчиком — все любовались Машей. И крепкий, свежепокрашенный дом Гуляева сиял ей навстречу всеми окнами.

Гуляев и Челноков не спеша двигались к гаражу.

— ...Как-то глупо получается — приехали на полдня да еще поездом... Может, останетесь? — выдавил из себя Гуляев и посмотрел на Ольгу. Она этого не одобрит. И Челноков посмотрел на Ольгу.

— Нет, мы сейчас уедем. Мы можем пешком.

— Да нет, ты пойми меня правильно,— бормотал Гуляев,— мы полюбили Машу, она прекрасный работник и вообще славная девушка, но...

— Но!...— невесело передразнил Гуляев.— «Ты все понимаешь, я все понимаю, зачем столько слов?»

— Все-таки ведь Ольга дружит с твоей женой...

«Я тоже дружу», — пошутил Челноков, но про себя. Гуляев с сыном стали подкачивать колеса, а женщины, дети и собаки собрались у калитки и разом повернули головы к крутому холму за деревней. «Ах! Ой!» Некто маленький и ловкий съезжал на велосипеде с бидоном молока в вытянутой руке, пересек ручей по хлипкому мостику, взлетел на последний пригорок и благополучно подкатил к дому. Аплодисменты.

— Кто этот головастик? — спросил Челноков у Гуляева.

— Это наш добрый гений.

Ольга разливала на крыльце парное молоко, все подставляли кружки.

— Правда, золотой мужик, все может,— сказал сын Гуляева, пытаясь над колесом.

— Что может?

— А все! Как золотая рыбка,— сказал Гуляев.

— Достать что ли?

— Это само собой. Но не только. Вот загадай желание, он исполнит. Ей-богу, он что-то может. Загадал?

— Еще с утра загадал,— скучно отвечал Челноков. Это была чистая правда.

— Экстрасенс что ли? И ты веришь в эту чертовщину? Привет вам, птицы!

Кто-кто, а Гуляев и его сын всеми четырьмя

Фильм по этому сценарию снимает режиссер Валерий Пендраковский на студии «Союз» — «Мосфильм»

ногами и четырьмя колесами прочно стояли на земле, и дом их прочно стоял, и домочадцы улыбались довольные, а Маша уже кокетничала на крыльце с маленьким экстрасенсом. Почему-то серьгу вынула из уха.

— Это не чертовщина, это наш дальний родственник.— Гуляев достал инструменты — полный набор, чистенькие, в красивой упаковке.

— Охо-хо,— поморщился Челноков.— В каждую семью по экстрасенсу, и квартирный вопрос будет решен.

— А у нас как раз и решен,— отозвался Гуляев.— С его, кстати, помощью. Вот ремонт сделаем и заживем. Без детей. Разъехались, ты представляешь, как разъехались, так и помирились.— Он имел в виду Ольгу с невесткой. Он хотел сказать, что семейные бури их тоже не миновали, все образуется в конце концов.— Ты еще не видел нашей новой квартиры?

Больно было слышать это Челнокову: он как раз хотел попросить ключи от новой квартиры, но почему-то не мог...

Родственник поднял жерди, заменяющие пока ворота, и машина выехала на дорогу.

— Ты загадал? — спросила Маша у Челнокова.

— Загадал, загадал, поехали!

— Мы загадали! Когда сбудется?

Гуляев притормозил, экстрасенс подошел и вернул Маше забытую серьгу.

— Скоро. Через двадцать пять минут.

Молодой человек был очень серьезен, смотрел сквозь людей и шуток не воспринимал. Челноков вежливо простонал: «Поехали!»

— Дорчик, ты ему сон хороший закажи,— обернулся Гуляев,— он спит плохо.

— Уже, уже, записано! — родственник похлопал по кармашку на груди.

— Ну вот, считай, что ты уже попал,— подмигнул Гуляев Челнокову.

— Куда попал?

— В контингент.

Подошла электричка. Челноков и Маша побежали. Гуляев остановился, но потом вдруг что-то вспомнил и побежал за ними.

— Забыл! — Он бежал, звеня ключами. Передал им эти заветные ключи, когда они уже садились в вагон.

— Я как раз хотел попросить, но как-то... Спасибо!

— Так что же не попросил? — Оба они тяжело дышали после пробежки, но зато на душе было легко и весело.

Фотопроба к фильму «Эффект Дориана». Челноков — Валентин Гафт

— А я гордый,— улыбнулся Челноков и обнял Машу за плечи.

— Мария, ты там все записывай, все звонки,— давал инструкции Гуляев,— и если какое ЧП — прямо, знаешь кому...

— Знаю, знаю!

— Какого я тебе нашел секретаря, а?

В электричке Челноков переложил ключи из кармана в карман, чтобы не дай бог не потерять, он и ехал-то за этими ключами.

— Вот видишь, я загадала, и он наколдовал. Ты тоже это загадал? А что, что ты загадал? Скажешь? — Маша склонила голову на его плечо.

— Чтобы тебе не надоело скитаться со мной по чужим углам,— после паузы, втянув упоительный запах озера, и лета, и молодости и снова опечалившись, отвечал Челноков.

— Мне не надоело,— помотала головой Маша и улеглась на его колени.

— Когда надоест — скажи.

Поезд резво мчал их к городу, колеса громко отстукивали последние секунды свидания. И вот их выбросило в неприглядную толпу, и

они шли все медленнее, их обгоняли, толкали, все что-то тащили, кто рюкзак огурцов, кто ведро с флоксами, а эти двое, налегке, еле двигались по перрону. Обманывали время.

Зашли в камеру хранения. Челноков взял свою длинную теннисную сумку.

— Только ты не говори Римме Александровне, что весь день играл в теннис,— заботливо посоветовала Маша.— Придумай что-нибудь другое...

— Она не спросит, это во-первых...— Он начинал злиться. Их опять толкали — то люди, то двери, они вошли в метро.— А в-третьих, не твоя забота, голубушка. Я сам еще соображаю, что говорить своей жене. Знаешь что? Слушай — поедем сейчас к Гуляевым! Обживать квартиру, у нас же ключи...— Челноков переложил ключи в теннисную сумку, решительно обнял Машу: — Семь бед, один ответ!

— Что ты, что ты! Нет. И не провожай.— Маша непреклонно мотала головой. Шла к другому эскалатору.— Ну зачем зря волновать Римму Александровну?

— Знаешь что... твое благоразумие меня иногда...

— Пугает! — договорила Маша, остановившись.— И это хорошо. Так и называй меня: «ваше благоразумие»,— она улыбнулась, помахала рукой, встала на свою лестницу и провалилась.

Римма не заметила, как он вошел. Пишущая машинка издавала неврастенические залпы. И это хорошо. Популярный женский журнал изматывал Римму настолько, что Челноков мог не опасаться пристального внимания к своей персоне. Он проследовал в кухню. Тринадцатилетний его сын Гоша вдвоем с приятелем изучали затейливую бутылку. В желтоватой жидкости плавали шипы и иголки.

— Это что такое?

— Это подкуп прессы,— хихикнул приятель, маленький очкастый Миша.

— Это сибирский колдун принес,— объяснил Гоша.— Приворотное зелье.

В кухню ворвалась Римма, размахивая какими-то бумажками.

— Привет! Хочешь тяпнуть? Кедровое приворотное. Нет, они из меня сделают идиотку! Ты почитай только эту ахинею! В этом журнале я одна пока сохраняю голову, так они мне поручили этих колдунов, чтоб их...

— Это что за отравы? Спрятала бы хоть от детей! — пошел в атаку Челноков.

— Пап, да нормальный спиртяга,— успокоил сынишка.— Попробуй.

— Это взятка,— похотывал умный Миша.— Не подмажешь — не напишут. Хитрый колдунишка!

— Опять у нас проходной двор! Ты зачем кого попало в дом пускаешь?! Тут все-таки вещи... И дети... А вам вообще спать давно пора! Брысь!

Дети заливались смехом.

— Не кого попало! Он химик, из Омска, он мне нужен, для другого...— Римма вертелась посреди неубранной кухни, чувствовала себя виноватой.

— Па, попробуй эликсирчика, приворотного, не взорвешься,— дразнил Челнокова сынишка,— мы уже пробовали...

Тем временем в прихожей кошка Дуня забралась в теннисную сумку, проверила все содержимое, разбросала по полу мячи, уронила ракетку, испугалась и сбежала. Сумка сползла на пол. Из нее вывалились ключи.

Гоша провожал приятеля. Миша нехотя уходил, он всегда уходил долго.

— ...Хорошо тебе, ты живешь при демократии, а мне идти в мрачный каземат...

— Мишаня, может, останешься? Я позвоню бабушке,— вышла Римма в прихожую. Это повторялось каждый день. Такой начитанный, такой тщедушный Миша — жалко его...

И вдруг она увидела на полу ключи. Подняла, спрятала в карман. Дети еще долго возились, поднимали мячи, гоняли кошку...

Челноков что-то ел прямо из холодильника. Когда за Мишей захопнулась дверь, он ощутил какую-то неприятную, пронизывающую тишину, будто дом опустел.

— Ну что, тяпнем приворотного? — Римма появилась неслышно, достала рюмки, закуску, уселась на табуретку. Запела тихонько, почти про себя. И наблюдала за ним, наблюдала. Он отводил глаза и видел ее отражение в дверном стекле. Он стал убирать посуду, что было ему несвойственно. Римма хмыкнула и запела вслух:

— «Давай закурим, товарищ, по одной... Давай закурим, товарищ мой...» — Голос у нее сделался хриплым, неуправляемым.— Наше бабё поголовно свихнулось, не умеют подавать этих колдунов с юмором.— Одной рукой она вертела рюмочку с приворотным зельем, другой — крепко сжимала в кармане ключи.— Надо все за них переакцентировать. Как ты думаешь — если рубрику назвать: «Крыша поехала»?

— Неплохо,— кивнул он и заставил себя сесть за стол.

— Кстати, что это за ключи там валялись?

— А-а-а...— Челноков запнулся.— Это от раздевалки.

— А-а-а...

— Я уходил последним. Надо будет завтра отдать... Антипову.— Он очень естественно взял со стола ключи и хотел выйти из кухни. Но услышал сзади:

— Так жить нельзя...

— Это ты мне? Я последним уходил с кор-та...

— Это я себе... Так жить нельзя.

Бледная, полнеющая женщина раскачивалась на табуретке взад-вперед, взад-вперед, вертела рюмочку с приворотным зельем... Оглянись, Челноков! Она загадала.

В прихожей висел портрет кошки Дуни. Детский рисунок Гоши. Кошка на нем улыбалась. Челноков не оглянулся, он смотрел на улыбающуюся кошку и ругал себя последними словами.

Пропустим несколько страниц. Не описать словами страшный сон, приснившийся нашему герою. Рысь лезла из дивана. Все звери, сложенные в диван, все шубы, шапки, воротники заблели, залаляли, завывали, а рука, чья-то косматая рука — не его ли? — дряхлая и скрючивалась и превращалась в теннисный мяч, как только он пытался записать... Нет, сдержать весь этот зоопарк изящной лапой — нет, ракеткой. В общем, «сюр» какой-то, кошмар и чертовщина.

Пропустим и нежную сцену с Машей в квартире Гуляевых. Напомним, что там шел ремонт. Они лежали, как на дне колодца, вокруг вещи громоздились до потолка, до форточки не долезть, там баррикада из кресел, книг, в аквариуме чайник и часы... Все может рухнуть.

— ...Нет, тут жить нельзя... Тут чем-то пахнет...

— Не лаком и не краской. А чем?

Маша пыталась достичь форточки, а Челноков развернул, но тут же завернул походный ужин.

— Нет, тут есть нельзя. Я сказал дома, что не приду ночевать, ей-богу, я думал, что тут можно жить, — бормотал обескураженный Челноков.

— Все, я звоню матери, и мы поедем ко мне. — Маша приняла решение и, завернувшись в какую-то скатерть, пошла — нет, полезла — ходить было негде — в коридор, к телефону. — Только ты не подслушивай.

— А подсматривать можно? — из последних сил пошутил Челноков. Ему сделалось дурно, поташнивало, он искал свою одежду, как слепой. Но он сделал еще усилие: — Подожди, это слишком серьезно. Ты готова представить меня своей матушке? Но в каком качестве?..

— Mam, это я. Я с работы звоню. Ты дежурство не проспий?

— Я бы не хотел предстать перед ней старым ловеласом, я бы хотел как-то по-человечески... — бормотал Челноков, натягивая джинсы.

Вдруг Маша с воплем влетела обратно в комнату:

— Ой, мамочки! Там кто-то есть! Ой, как я испугалась! — Она бросилась к Челнокову, повисла у него на шее. Лоб ее покрылся испариной. — Тебе тоже плохо?

За дверью послышались шаги, бесстрастный голос:

— Рекомендую освободить помещение. Вы дышите ядом.

— Кто там? Извините, а вы как же? — С трудом попав ногами в туфли, Челноков побрел вслед за голосом. Пустая, развороченная квартира. Козлы, ведра, банки с краской. А вот и балкон. Над балконом раскрыт пляжный зонтик, по перилам висят ковры, посреди балкона — матрас, подушки, столик, чашки — обжитое логово, и на электроплитке варится кофе. Некто маленький, в тубетейке и темных очках, проскользнул под рукой Челнокова на свое хозяйское место:

— Надо было раньше приходиться. Теперь зверя гоним. Таракан уже пошел. Не хотите ли чашечку ароматного крепкого напитка?

— Нет, спасибо... — Челноков глубоко вдохнул и посмотрел вниз. У подъезда стояла его машина.

— Не бойтесь, это кофе.

— С чего вы взяли, что я боюсь? Да мы с вами где-то встречались. Забыл, извините, ваше полное имя. Маша! Подожди! Я отвезу!

Маша выбежала из подъезда, пошла, пошатываясь.

— Не советую, — веско произнес голос из-под зонта. — Меня зовут Дориан.

— Ах да, вспомнил! Мари-я! Я сейчас!

— Не кричите, она ушла. Уйдет. Уже ушла.

— Откуда... Ах да, вы же тот самый... Дориан!.. Имя подходящее, чтобы делать себе имя в узких кругах.

— Так называли, — развел ладони Дориан. Движения его были скупы и плавны, а мимика... Мимика вовсе не было, никакой. — От Додона и Риты, артистов цирка. Извините, я рос под куполом, а вы думали — я лорд?

Челноков уже не слушал, он согнулся по полам. Все признаки острого отравления.

— Это что за отравы? — спросил он про запах. Сел на порог, испачкал руку какой-то черной гадостью. — От нее помирают?

— С гарантией. Помирать лучше дома, не правда ли? — безжалостно изрек юноша, похожий на старичка, и голос его как-то двоялся. Звенело в ушах.

— Вот что мне делать с машиной? Здесь оставить? — Челноков подполз к балконной решетке, глотнул воздуха, стал неудержимо зевать.

— Продать надо, — вяло посоветовал Дориан.

— Зачем? Мне она нужна.

Фотопроба. Римма — Наталья Егорова.

— Все равно угонят.

У Челнокова брови полезли вверх:

— Ах, да, ты же экстрасенс...— Про себя он добавил несколько крепких слов, но вслух — нет, следовало быть предельно вежливым:

— Ты же сны показываешь! Ты что мне за сон показал?

— Хороший сон.— Дориан достал из-под тюбейки ту же бумажку, что была у него в кармашке, и прочитал с южным акцентом: «Зверь. Хищник». Хорошо чистит. Первый слой мы уже почистили.

— Ты меня почистил?! — захотел Челноков.— Ах ты, мой эскулап! От всех болезней...? А можешь сделать, чтоб не тошнило?

— Не хочешь — не надо,— слегка обиделся Дориан и разорвал бумажку. Его спокойствие вывело из себя.— Перейдем обратно на «вы».

Клочки бумажки полетели на машину Челнокова.

Домашняя его жизнь превратилась в ад.

— ...Где я тебя просил ставить машину?! — кричал он на Римму и сам себя не узнавал.— Ты опять забыла включить сигнализацию?

— Не буду, я фаталистка! — Римма выгребала из машины тяжелые сумки.

— Ах, ты фаталистка? А мне предсказали, что ее угонят!

— А мне предсказали, что у меня муж с ума тронется! Так что, мне теперь ночи не спать?! Она завоет и не остановится!

— Другая бы и не спала, между прочим!

— Вот пусть «другая» и не спит! Сам победишь, сам победишь, когда завоет!

Немолодые, интеллигентные люди. Неприличный скандал во дворе.

Хлопали дверцы и двери, дрожали руки, из сумок текло.

Ночью машина заголосила. И он побежал.

— Ну?...— злорадствовала за пишущей машинкой бессонная Римма. — Я не побегу! — По ночам она работала в кухне. Отсюда, если влезть на подоконник, можно было видеть, как орали проснувшиеся жильцы соседнего дома, как Челноков укрощал взбесившуюся сигнализацию, извинялся на все стороны... Потом сел в машину и поехал со двора. Был рассвет.

Римма побежала в комнату — смотреть из другого окна. Машина выехала на набережную, развернулась, пропала... Римма — опять в кухню, на табуретку, открыла форточку. Высунулась — вот, кажется, машина мелькнула в переулке. Римма снова побежала в спальню, опрокинув табуретку. Глаза были мокрые.

— Так жить нельзя,— потирая глаза, вышел из своей комнаты заспанный Гоша.— Что вы людям спать не даете? Ты топаешь, как слон!

— Как слониха. Это слониха топает,— пошутила Римма, но как-то в нос, в носовой платок, и сын заметил, что она рыдает, и тихо скрылся.

Гуляевы, сделав ремонт, позвали гостей на новоселье. Им было, чем похвалиться, и было, чем угостить. И случилось такое недоразумение, такая, можно сказать, нестыковка: Гуляев прямо с работы притащил Машу и Челнокова, а Ольга — само собой — позвала Римму. А Римма с Машей были давно знакомы, и Маша больше всего на свете боялась встретиться с ней. Она почему-то была уверена, что Челноков все предусмотрел. А тут — глаза в глаза.

У Ольги, само собой, испортилось настроение, и это передавалось гостям. Пока дамы охали да вздыхали — какие потолки! какая ванна! — Челноков успел поцапаться с Машей, Ольга — с Гуляевым и со всей семьей, она и так падала с ног, пельмени раскисали, старые друзья и особенно подруги неумеренно разглядывали — с кем это теперь Челноков? И Маша бы ушла, но...

В темном чулане, в бывшей комнате для прислуги, колдовал Дориан. У Маши была своя цель, иначе зачем ей вся эта компания старых — всем под пятьдесят, и чужих ей людей? У них своя компания, свои шутки-прибаутки, а ей обещано свидание с экстра-сенсом.

Римма тоже, прослышав про Дориана, решила на себе испытать его воздействие, чтобы написать о нем в журнал. Может быть, взять интервью — она и диктофон захватила.

Опуская всю томительную суету, пока все не сели за стол и не расслабились, отметим только, что Римма никак не связывала свою бывшую сотрудницу Машу, перешедшую к Гуляеву ради твердой зарплаты (журнал-то совсем висел на волоске), со своим неверным мужем Челноковым.

— ...Смотри, Володичка, я скоро Машку обратно перемаму,— говорила она Гуляеву, подливая ему из бутылки с приворотным зельем, которую принесла сама.— Мы скоро сможем хорошо платить хорошим девушкам... Чтоб не сглазить! — Она постучала по дереву.

— Ну что, поехали!

— А кто у вас сегодня за рулем? — спросила бывшая балерина Марина, сидевшая по левую руку от Челнокова. Он вертел свою рюмку и был какой-то скучный. Напротив пустовали два стула — Маша и Дориан скрылись в чулане.

— Ленечка, конечно. Безработный Челноков служит у нас шофером с личным автотранспортом,— пошутила Римма, и Челнокова передернуло.

— Это ты безработный? А я слышала — ты в Германии... боже, как мы редко видимся! Никто ни про кого ничего...— Все хором подхватили — про тяжелую жизнь, про цены на такси, ни к кому не доберешься, а ведь как бывало раньше — и до рассвета сиживали...

— А грибы, Ольга, божественные!

— Говорят, их нельзя есть в этом году,— сказала Люся Пшенова, резкая женщина, и скомандовала мужу: — Ты не ешь! — А сама подцепила еще гриб и съела.— Где тут была «кедровочка приворотная»? Челноков, ты чего как неживой? Вас опять, что ли, закрывают?

— То откроют, то закроют,— нехстати встревала Римма,— так жить нельзя!

— Ничего, Ленчик, мы еще поборемся,— утешал Гуляев.

— «То как зверь она завоет, то заплачет как дитя»,— отрешенно шутил Челноков, наблюдая, как быстро все пьянеют, а веселья все нет и нет.

— По-моему, у вас вся надежда на Дориана,— усмехнулась Римма, и пошло-поехало — к сверхъестественному, у всех было свое мнение, и все заговорили одновременно.

— Нет, вот только шутить с этим не надо!

— Нет, он себя не рекламирует, хотя им уже заинтересовались два института, а в Италии, в каком-то журнале...

— Нет, мы в нашем журнале подаем это в ироническом ключе. «Крыша поехала». И знаете, народ обладает запасом юмора, даже женщины! — уверяла Римма.— Ну почему не поиграть на досуге?

— Да ладно, женщины, вот мой Пшенов помешался на гороскопах,— кричала Люся,— а теперь у знахарки лечится, а какой был научный атеист!

— Тут нет никакого противоречия, голубушка, сколько раз я тебе объяснял...— Пшенову было не пробиться с лекцией, он подцепил гриб на виду у жены и съел: — Была не была!

Все разомлели. Завели Вертинского, но не слушали, а говорили — попарно, крест-накрест — у кого что болит. Ольга внесла пельмени.

В передней хлопнула дверь. Это Маша ушла — все догадались.

— И не попрадалась?.. Проводил бы хоть кто-нибудь... мужики? — Ольга вышла, пошукалась с Дорианом. Римма встала — теперь была ее очередь. Повертела на пальце кольцо, оно не снималось.

— Да, нужно золото,— шепотом подтвердила Ольга.

— А я побрякушек не ношу, только обручальное.— Римма побежала в ванную, намылила руки, сняла кольцо. «Боже, до чего докатилась!» — посмотрела она на себя в зеркало.— «И пальцы опухают. Глупая, толстая, старая баба. Нет, так жить нельзя!»

Дориан бесстрастно ждал у двери. Смотрел на сконфуженную женщину и про себя повторял ее мысли — слово в слово.

Челноков улучил момент и побежал вслед за Машей.

Она растворилась в тумане. Он пометался по двору, вернулся к своей машине, пустился в погоню. Он заметил Машу у метро.

И вот он бежит по эскалатору, а Маша снова нигде нет. Длинная, пустынная станция, отдельные парочки прощаются. Да вот же Маша! Он проскочил — Маша сонно брела, не спешила к подошедшему поезду. Подняла почему-то капюшон плаща и улыбалась своим мыслям.

— Ой, как хорошо! — сказала она в пространство.— Я, пожалуй, тебя разлюбила, да...— Ноги ее немного заплетались, а на лице было детское блаженство, будто ее только что разбудили после кошмарного сна.— Вот и все, никаких проблем! Представляешь, какое счастье! Просто чудо!

— Слушай, что он с тобой сделал?! — Челноков не поверил своим ушам, и главное — он почти не узнавал Машу. Она улыбалась, прислушиваясь к своим чувствам, и нюхала кружевной платочек. — То есть — я для тебя совсем чужой человек? Что с тобой? — Она была, как пьяная.

— Ну да, совершенно чужой! — радостно сообщила Маша и двинулась к поезду.

— Не верю! Что он с тобой сделал?

— Ничего...

— Слушай, подожди, Маша!.. — Он все равно не поверил и крикнул вдогонку: — В понедельник в шесть у главного входа, где всегда!

Маша не оглянулась.

Когда Леонид Дмитриевич вернулся на вечеринку, стол был отодвинут, гости танцевали под незабвенные мелодии своей молодости. Особенно отличались Римма с Гуляевым, они выделяли такие фигуры, что всех вытеснили. Ольга приберегла для Челнокова тарелку пельменей, и он в одиночестве поедал их в спальне у зеркала. Но вдруг почувствовал, что за ним наблюдают.

Бывшая балерина Марина подошла незаметно и положила руку ему на лоб:

— У тебя слишком развита мышца гордеца.

— Это где такое?

— А вот тут, на переносице. Расправь лицо. Нет, он еще ничего... Не надо ему проверяться, по анализам затаскают.

Две женщины — Люся Пшенова и детский врач Аникушкина — смотрели на него как-то слишком внимательно и сердобольно.

— Ты очень похудел, Ленчик, мы беспокоимся.

— Да что вы, красавицы? Что вы на меня так смотрите? Это вы потолстели, а я занимаюсь спортом. — Он встал, и Марина оказалась рядом, потащила его танцевать.

— Когда нам заниматься?! — хором возмутились Пшенова с Аникушкиной.

А Челноков с Мариной медленно качались на пятчке, между огромной кроватью и окном, и она вслушивалась в его внутренние органы и делала таинственные пассы тоненькой балетной рукой:

— Ну да, язвочка уже есть, небольшая... Можно травки попить. Авитаминоз, как у всех, остеохондроз... Надо посидеть на диете. Депрессивные симптомы, да... И нос. Что у тебя с носом?

— А что у меня с носом?

— Нос береги, это очень важный орган. А почему ты в Германию не поехал? Мог марки заработать...

— И подлечиться заодно, — вставила Аникушкина.

— Да так как-то — прозевал, одним словом. Обещал Гуляеву кончить объект, не мог подвести. Ну да все к лучшему...

— Потому что там вкалывать надо, а у Гуляева можно баклуши бить и за бабами бегать, — напрямик высказалась Пшенова.

— Девочки, что вы от меня хотите? Разборку тут устроили!

— Мы помочь тебе хотим.

— В наши тяжелые времена хороший парень — это не профессия.

— Да что вы говорите?

Вывался он от балерины, задев колени старых подружек, устремился к выходу и в передней услышал:

— Загнул наш Митрич как-то, и гитары в руки не берет, — объяснял Гуляев сильно выпившему Пшенову.

— Надо его немедленно к Дориану! Ведь был человек — душа общества... — Пшенов тыкался не в те двери в поисках жены.

— Нет, Дорчик сегодня больше никого не примет, он очень устал. — Отбиваясь от дам, Ольга проскользнула в кухню.

— Все равно, Олечка, вечеринка удалась, несмотря на Челнокова.

— Т-ш-ш...

Челнокову улыбались — как-то виновато и ободряюще, как больному.

Дориан ужинал в кухне. Ольга подвязала его салфеткой и расставила перед ним много маленьких тарелочек — все-все-все, что было на столе, по кусочку, по ложечке. Челнокову показалось забавным это кормление, он хмыкнул за их спиной.

— Передайте женщинам, они забыли, — сказал Дориан и выложил на стол Машину серьгу и Риммино кольцо.

— Ну подумаешь, ну забыла! — крикнула Римма, садясь в машину. — Как это я забыла кольцо?! Я его даже не снимала!

— Пить надо меньше, — проскрипел Челноков сквозь зубы, заводя машину.

— А я с пьяным не поеду! Гаишники на каждом углу!

Что толку спорить с пьяной женщиной?

— Если у меня отберут права, тебе же лучше — будешь всегда при машине.

— Нет, нет, нет, я не то хотела сказать... — Римма вдруг протрезвела и насупилась. Повертела кольцо и не стала его надевать. — Мне лучше... На вот, пожуй таблетку.

— Я не пил.

— Тогда слушай. Я приняла решение. Квартиру ты оставишь нам с Гошей, надеюсь. Так что машина твоя, я не претендую.

— Это как понимать?

— Вот так... окончательно. Нет, я тебя не гоню, живи сколько хочешь, но... в общем,

кольцо я больше не надену, считай себя свободным и меня тоже.

— Ты... хорошо подумала?

Остановились у светофора, бесполезного на пустынной улице.

— А я не думала,— выдохнула Римма.— Я просто тебя разлюбила, вот и все.

Челноков только рот открыл, но не произнес ни звука — давно забытое выражение блаженства и покоя появилось на лице жены.

В шесть часов в понедельник Челноков нервно расхаживал у главного подъезда, а Маши не было. Осень пожаловала в город, ветер рвал из рук газету, да и темнело рано. Он пошел за угол, к машине, потом снова вернулся.

Окна гасли одно за другим, выходили последние сотрудники.

Он поднялся на третий этаж и сунулся в приемную. Маши не было, вместо нее орудовала за столом немолодая всклокоченная дама из тех, что сгорают на работе.

— Вам что? — не поднимая головы, произнесла она.

— Извините, а Маша ушла?

— Отгулы у ней.— Дама быстро-быстро листала бумаги, но была начеку и перепрыгнула к двери, как только он спросил:

— Гуляев у себя?

— Нельзя! Там люди! — Дубовая дверь была чуть приоткрыта, и Челноков хотел заглянуть. Тетка встала грудью: — Привыкли тут ногой дверь открывать!

— Простите, я никогда не открываю дверь ногой. Я Челноков.

Пока он с достоинством отступал к двери, сложная гамма чувств разыгралась на злобном канцелярском лице дамы.

— Вижу. Теперь вижу. — Умиление, разочарование, что-то ностальгическое...— Господи, неужели это вы? Мальчик моей мечты! — Она задумчиво потрясла головой, разглядывая его, как старую забытую вещь — починить или выбросить? Нет, скорее — она смотрела сквозь него, окончательно ушла в себя.

— Нельзя ли мне позвонить?

— Ради бога!

У Маши было занято.

— Так где же мы с вами встречались? — полюбопытствовал Леонид Дмитриевич, продолжая нетерпеливо нажимать кнопки. Занято. Занято.

— Бесполезно. Там телефон сломан. Я весь день ей звоню,— откликнулась дама из своей глубокой задумчивости и вдруг протяжно, сладостно зевнула.

— Так где же мы с вами встречались? — Да, знакомое что-то, но нет, он ее не помнил.

— Неважно. Это мне важно, понимаете? —

Теперь она улыбалась ему какой-то потусторонней, но в то же время доверительной улыбкой: — Я должна была поставить точку. И вот входите вы. И сердце у меня не забилось, ничто не дрогнуло, представляете? Я даже вас не узнала, я могу говорить с вами откровенно — вы мне дороги только как память... Да, всего лишь! Как славно... Можете поздравить старую дуру.

— Что ж, поздравляю.— А у Маши все занято и занято. Ему было сейчас не до старой дуры, а то бы он заметил ее умудренную, просветленную улыбку — как у Маши в метро, как у Риммы в машине.

Дверь долго не открывали. Потом приоткрыли на цепочку, молча изучали его из темноты.

— Я к Маше. А что, ее нет дома? Вы, вероятно, Машина мама?

— Не смотрите, я очень страшная.— Цепочка звякнула, крупная женская фигура отскочила от двери, скрылась в кухне. Он вошел.

— У вас телефон не работает? Может, трубка не положена?

— Правильно, звонят как оголтелые!

— Извините, а Маша... скоро будет?

— А вы кто? — В подвернутых штанах, в тельняшке, с головой, замотанной полотенцем, Машина мама проскочила в ванную и опять скрылась.

— Я — Челноков, если вам это что-то говорит.

— Ни фига себе!..

— В каком смысле?

Она хохотнула, выключила стиральную машину и протянула из-за двери руку:

— Ой, я думала, с тебя уже песок сыпется, а ты еще орел! Не смотри на меня, не смотри на меня, я стесняюсь. Александра,— представилась она, закрываясь одной рукой. Перебежала в комнату.— Ой, не смотри сюда, иди туда, а то тут... некогда, на трех работах работаю! Логово снежного человека, да?

Пока она переодевалась, Челноков не спеша оглядел квартиру. У Маши — чистенькая светелка, ничего лишнего, вещи тщательно отбирались и знали себе цену: старинный комод, подсвечники, сундучок и коврик, иконка на белой стене, горшок с пушистым растением. А у матери — нагромождение вещей разных времен и тряпки, тряпки, нитки, лоскутки — особый беспорядок помещения, где шьют и пьют, и убирать посуду не нужно, потому что скоро опять придут...

Александра появилась в короткой джинсовой юбке, с ярко-рыжими волосами и лиловым румянцем, шлепнула перед ним самодельные тапочки:

— У Машки-то — как в музее.

Фотопроба. «Теща» — Нина Русланова.

— Я, собственно говоря, не стану скрывать — пришел просить руки вашей дочери. У нас с ней вышла небольшая размолвка, недоразумение... и я беспокоюсь — где она может быть?..

Александра прыснула:

— А ты уж прямо свадьбу хотел сыграть? — Она делала вид, что убирает со стола, и бесцеремненно его разглядывала. Он же избегал на нее смотреть — до того смешно она размалевалась — как клоун.

— Назовем это — сговор.

— Сговор! Точно! И шампань имеется?

— Шампанского нет, но коньяк — вот, захватил. Правда, я на машине. — Он двинулся в прихожую к своей сумке, музейные тапочки выскальзывали из-под ног.

— Какой догадливый! Давай по-простому: называй меня просто — «теща». Ой, выпить хоча! Ты не смотри, что бардак, это мы щас... — Освободив уголок стола и поставив рюмки, потирая руки и подпрыгивая, «теща» принесла какое-то черное одеяние и велела ему примерить. — Это я от клиентов телефон отключаю. Батюшка у нас — отец Георгий — стро-огий. А тебе идет! — Челноков, как манекен, стоял в сутане. Александра ползала вокруг, что-то подкалывала и болтала как заве-

денная, пьянея на глазах от предвкушения хорошего вечера. — Воще-то удачно, что ты сегодня подскочил, к «Вестям» вся фирма подвалит, а мы уже! Давай выпьем, на брудершафт! Вот Нинка уссется! — Александра запрокинула рюмку, села на пол и заливиство расхохоталась.

— Какая Нинка?

— Баронесса Фру-Фру. Васькина жена. Она меня жить учит, меня!.. Давай по второй, давай! Они еще принесут, не бойсь. А мы им не скажем, вот номер будет! А вообще-то я людей люблю, у меня пунктик. Тебе Машуня не говорила? Я без людей, как ад без чертей — не могу, боле-ю. А ты побрейся поди, а то как с вокзала. Вон там, три бритвы лежат, на любой вкус.

— Спасибо, я свою захватил. — Челноков в сутане проследовал в ванную. — А что, у вас какой-то праздник?

— Так сговор же! — заразительно смеялась «теща», поддерживая его подол. — А мы не скажем! Называй меня «Шурочка», и как будто ты — моя пассия!

Он увидел себя в зеркале — осунувшееся, небритое лицо.

— Ночь не спал, понимаешь — ушел от жены. А где Маша-то? Куда ей позвонить, не знаешь?

— Да куда она денется? Да... а ты бледненький. Кто на тебя порчу-то навел?

— Как ты догадалась? Да, меня сглазили. Что, заметно?

«Теща» прищурилась, покачала головой, подала ему полотенце. Потом достала какой-то пузырек:

— На, нюхни. Ничего, я сейчас тебя разглажу. Теперь все кому не лень порчу наводят, хаос вавилонский! На, пожуй и выплюни. — Она сунула ему какую-то травку, отскочила и засмеялась. От горечи у него глаза на лоб полезли.

Но через пять минут он уже сидел за пианино и весело тарабанил по клавишам — что помнил, например, «Цыганочку».

— Ну ты владеешь инструментом! — восхищалась Александра. — Мог бы в кабаке играть... А ты правда хочешь на Машке жениться? Со мной — можешь говорить откровенно!

— Так что же делать, теща? Любовь! А ты что, против?

— А я тебе от-кровенно скажу: она — не подарок!

— А я и сам не подарок. А кто — подарок? Ты, что ль, подарок?

— Два ноль в твою пользу! Дай пять!

Бутылку они почти прикончили, и когда ввалились гости, он уже мог сыграть хорошо

забытую пионерскую — «Это чей там смех веселый, чьи глаза огнем горят?»

Гости принесли мешок арбузов, бутылку самогона и много молдавского вина.

Дальше все было, как во сне. Челноков играл туш и снова «Цыганочку», крутился на вертящемся табурете у пианино, но в то же время как будто спал. Но не совсем. Запомнились какие-то лица: мускулистый мужчина с крестом на распахнутой груди, жена его Нинка с лошадиными зубами, отчего и называлась Фру-Фру, томная, цыганского вида Катя, которая все повторяла — «Я Катя-бессарабка, с когтями и с хвостом, позолоти ручку, скажу, кто на тебя порчу навел» и вызывала его плясать. Был с ними еще негр по прозвищу Ямайкин и какой-то охламон по кличке Кутя, чистый «бомж», он лыка не вязал, только катал по полу арбузы, а маленький трезвый татарин следил, чтобы Кутя не упал. Впрочем, Челноков и не вдавался — что там происходит за его спиной, слышал лишь обрывки разговоров и как Кутя лез к «теще» целоваться, а потом летал по комнате и падал, а Нинка Фру-Фру поучала Александру громким шепотом:

— Да ты что, обалдела — опять к себе возьмешь?! Это ж люмпен, вшивота базарная! — Нинка вытолкала Кутю из комнаты, а Александра снова привела:

— Ты нашего Кютю не трожь, он у нас нервный, ранимый, Кютю нельзя обижать, вот мы с Ленчиком в церкви обвенчаемся, а Кютю усыновим.

— А чего — свадьба? У кого свадьба?

— Схвор! — хохотала «теща». — Мы его на машине будем катать, правда, Ленчик?

— Горько! — заорал толстолапый Василий и вонзил кухонный нож так, что арбуз с хрустом раскололся. Под общий гомон Челнокова круганули на табурете так, что он бы, пожалуй, спяну свалился, но Александра удержала, бузнулась ему на колени, обвила его цею крепкой рукой, другой тем временем придерживая слюнявого Кютю, чтоб на них не свалился:

— Сынок, сынок, арбуза дай, да отвали ты козел, понял, тут судьба решается!

То-то смеху было! «Мы будем петь и смеяться, как дети...» — барабанил Челноков по клавишам и под крики «Горько!» целовал лиловые щеки не то своей будущей тещи, не то Кати-бессарабки, кто знает.

Потом его заботливо раздели-разули, уложили в Машину чистую кровать. Когда телевизор заржал лошадиными голосами перед программой «Вести», он уже видел этих лошадей во сне. И видел попа в недошитой сутане, слюнявого Кютю на колених у рыжей тещи и Катю-бессарабку с когтями и с хвостом, а потом все смешалось, Нинка Фру-Фру обернулась Люсей Пшеновой, а бессарабка —

балериной Мариной, и все они куда-то полетели, а Ольга Гуляева вместе с канцелярской дамой из приемной сметали с крыши арбузы. Он застонал, перевернулся, вдруг улынулся во сне и продолжал смотреть хорошие сны.

А чего он не видел — и хорошо, что не видел, — сцену во дворе. Бомж Кутя угонял его машину. Он петлял по двору, наткнулся на кусты и так бы и уехал, если бы отважный Василий не кинулся под колеса. Потом вся компания, слегка протрезвев, кинула Кютю за ящики у магазина. Немного побазарили и пошли осматривать машину, сильно ли поцарапана и кто виноват — конечно, Александра — нечего всякую рвань в дом пускать.

— Хорошо посидели? — спросил Челноков, сладко потягиваясь, когда «теща», вся в розовом, с бантиком в рыжих волосах, принесла на подносе пиво и тарелку щей:

— С добрым утречком.

— Маша не звонила?

— Нет пока что. Да ты не волнуйся, кушинькай, кутя мой.

— Я не Кутя, я другой. — Он глотнул пива, хотел подняться, но какая-то апатия навалилась. Снова лег. — Что же ты — мать — и не волнуешься?

— А у нас с ней развод. Она мне знаешь что сказала? Не хочу даже вспоминать! Да ты за нее не волнуйся, у ней есть куда податься.

— Куда?

— Некогда сейчас. — «Теща» махнула рукой в точности как Маша. — Подпиши вот здесь. Лежи, лежи, не падай. — Она бережно разложила перед ним какие-то бланки и ручку дала в руку. Но следила, чтобы он не погорячился, не разорвал бесценный документ. — Это мы с тобой машину продали. Фирме. Вон, нам денег мульон принесли, ты таких и не видел.

«Доверенность». Это он, Челноков Леонид Дмитриевич, доверяет какому-то... Кизилову? И все цифры четко проставлены. Тут он, конечно, выпрыгнул из постели и побежал к своей куртке, к сумке, задавая на ходу идиотские, жалкие вопросы. Но получалось, что он сам виноват.

— Ты где куртку-то вешаешь? Кто же здесь сумку кладет?! Ты что, наших не знаешь? Угнали твою тачку, угнали, украли! Хорошо еще — люди честные нашлись, вон тебе — компенсация! В общем, подписывай! Караул устал!

— О-стр-умная теща, — выговорил он, заикаясь. — А ты в тюрьме не сидела? Я сейчас милицию вызову!

— Ой, испугал! — Она согнулась пополам от смеха.

— Вызову! — Он схватил Александру за шиворот, она увернулась, в руке остался розо-

вый бантик. Ну не драться же с женщиной. Во всем теле бродила похмельная усталость. Он пошатнулся, подписал бланки и заполз обратно под одеяло с одной мыслью: «гори все огнем, образуется».

— Ну и ладушки! Ладушки-ладушки, где были — у бабушки! — развеселилась Александра и стала играть с ним в ладушки.— Теперь жить будем! На первый случай хватит!

— Да иди ты! — проурчал он в подушку. «Теща» на цыпочках ушла, пошушукалась с кем-то в прихожей и вернулась с чемоданчиком, напевая и приплясывая: «На полочке лежал чемоданчик, на полочке лежал чемоданчик...» Теперь меня в фирму возьмут, куда не денется! Я им все нашла — подвал им нашла, кому взятку дать сама носила, а они мне — не доверяют! Ты — говорят — шизонутая! А какая же я — шизонутая? Ты вот последи.

Он открыл глаза — может, и в самом деле шизонутая? Над ним стояла огромная розовая кукла и хлопала глазами.

— Маша где? Ты что-то скрываешь.— Он схватил «тещу» за руку.

— Не трожь! Я покамест не твоя теща!

— Не скажи.— Он демонстративно перевернулся на бок, натянул одеяло.

— Ну и лежи, отдыхай. Будем вести здоровый образ жизни. Вон у Машки книги всякие заумные. Можешь пользоваться библиотекой.

Он затрясся от смеха.

Александра, сидя на полу, вынимала лоскутки из двух мешков, раскладывала их задумчиво на разные кучки. Она творила лоскутное одеяло. Челноков в бодром утреннем настроении вышел из ванной, завернувшись в махровую простыню.

— И черт с ней, с машиной, давно пора продавать.

— Ну? Целуй теще ручки. Только оденься сперва, на вот, халат накинь.— Она сняла с себя кимоно и осталась в майке с тигром на груди.— А то ты меня возбуждаешь.

— Этого еще не хватало!

— Ой, какой хорошенький, прямо кукленочек японский! Да, фигурку ты сохранил...— Она повертела его и так, и сяк с портняжьим прицелом, заметила некоторый испуг в его глазах: — Да больно ты мне нужен! Не бойся, мне смазливые никогда не нравились!

Он пошел позвонить по телефону. «Теща» смеялась все тряпки, что так тщательно раскладывала, и закинула в угол мимо мешков.

— Погоди, я буду звонить! Мне надо! Уйди, не слушай, я при тебе не могу!

— Ты Машу будешь искать?

— Да всех уж обзвонила, ее нет нигде.— Александра застыла с трубкой в руке, оцепе-

нело уставившись в одну точку. Ее посетила какая-то мрачная идея.

— Ну что ж ты не звонишь? Ты ее подружку то знаешь?

— А ты?

Челноков подумал — нет, Машиных подруг он не знал.

— На работе она не появлялась, там что-то темнот.

— Вот именно! — вдруг взорвалась Александра.— Чурка она, полено дубовое! Не буду никому звонить! Знаю я, куда она пошла. Мне назло!

— Знаешь — так скажи.

Она ушла к себе, уткнулась в свои тряпки, смотрела волком.

— А тебе она ничего не говорила?

Он съежился под «тещиним» сверлящим взглядом.

— Да у нас, понимаешь ли, вышла размолвка. Посторонние силы вмешались.

— Да она тебе и не скажет. На аборт она пошла.

— Почему ты так думаешь? Она мне ни слова...— бормотал Челноков, почесывая в затылке.— Ты что-то заметила или ты всегда об этом думаешь?

— Как ты догадался? — «Теща» хотела было обидеться, но другие чувства душили ее, она прошла в зад-перед по квартире, выкрикивая в пространство: — Внука хочу, внука хочу, внука хочу! Я ей говорю — роди от кого хочешь, сами воспитаем, сами воспитаем, я сама воспитаю! А она мне знаешь что сказала?.. «Сюда,— говорит,— я своего ребенка не принесу, и не жди, я вообще в дурдоме не размножась!» Вот здесь она мне это сказала, вот на этом самом месте! У меня даже голос пропал, слышишь — труба иерихонская... Она зачеркнула всю мою жизнь! Всю! Это мне своего ребенка нельзя давать?!

— Которого нет,— вставил Челноков осторожно.

— Вот! Поэтому его и нет — так она мне сказала! В этот дом человека нельзя привести, не то что ребенка! А тебя — говорю — кто воспитал?! Разве она у меня плохая выросла? Ну ты скажи! Разве она у меня плохо воспитанная?

— Хорошая. Хорошая, все ее любят.

— Вот! Она все назло мне делает! Сволочь она! — Теща горько заплакала и, хлюпя носом, пошла к своим лоскуткам.— Здесь ей — дурдом... Она еще в дурдоме не была, она не знает, что такое дурдом... Она меня — ненавидит! Она тебе говорила?

— Что?

— Что она меня — ненавидит? Я знаю, но тебе, она тебе говорила, что она меня ненавидит? Нет, ты скажи...

— Слушай, успокойся, я пока позвоню.

— Нет, ты скажи — она тебе про меня вообще ничего не говорила?!

Он пытался не обращать внимания, набирал номер, отворачивался, но «теща» следовала за ним по пятам, и в глазах ее было, пожалу, безумие.

— Привет. Челноков,— сказал он, дозвонившись до Гуляева.

— Ну где тебя носит?! Всѐ, доигрались, ваша лавочка закрыта. Включи телевизор, там как раз показывают.

— Да понимаешь, тут такие обстоятельства...

— Пить надо меньше.

Под печальную музыку показывали его родные коридоры, макеты, папки, альбомы, тонны чертежей, мелькали знакомые растерянные лица, а комментатор поспешно говорил:

— ...Как известно, скупой платит дважды. Если правительство Москвы не находит средств для осуществления этого великолепного проекта, вам придется распустить весь коллектив мастерских и, так сказать, выбросить на ветер результаты десятилетнего труда...

На экране появились три одинаковых мужчины при галстуках, один из них — Гуляев.

— Двадцатилетнего,— поправил он, горестно качая головой.— Коллектив по существу уже самораспустился, мы отчаялись бороться, мы искали поддержки у коммерческих структур, но...

Челноков встал и хотел выключить телевизор.

— Вот и все, привет вам, птицы! — Он старался бодро улыбаться.

— Это вы столько рисуете, и все побоку? — Александра загородила телевизор, досмотрела репортаж из проектного института.

— Зато я теперь вольный стрелок,— подбодрил себя Леонид Дмитриевич.— Сам себе хозяин. Чучхе!

— Что?

— «Чучхе». По-корейски — «сам себе хозяин».

«Теща» участливо следила за его передвижениями по квартире. Выключила телевизор, поставила на стол две рюмки:

— Ну их всех в ж... Мы с тобой свой бизнес открыли! «Чучхе и теща», класс!

— Ладно, теща, надо смотреть правде в глаза. Значит, остались мы с тобой у разбитого корыта.— Они сели и стали смотреть друг другу в глаза.— Не мы одни, нас, таких, как собак нерезаных. Может, мы сами в чем-то виноваты? Надо поискать свои ошибки... или грехи. Почему именно у нас жизнь не удалась?..

— Ни фиги! Почему это не удалась?! Ты у меня смотри... Ты на меня посмотри...

— Я смотрю, смотрю. Да ты только что сама говорила.. вон, зареванная вся,— он махнул рукой и пошел к себе.

— Что я говорила? Ничего я не говорила! Я — тебе — ничего не говорила, ты ей не говори, что я тебе говорила, я — тебе — ничего не говорила! А что я говорила?! — И впрямь — «шизонутая». Челноков вздрогнул и даже зал, что он теперь безработный, бездомный — он боялся сумасшедших, особенно баб, и мысленно прикидывал «теще» диагноз.

Утром его разбудили странные звуки: в прихожей что-то двигали, елозили по полу картоном, и мужской голос спросил:

— А этот еще здесь?

— Ну прикинь, прикинь! Это же задаром!

— Главное — как сидит! На Шурке все сидит! Чистая рысь!

В квартиру ввалились подруги — Катя и Нина, а мужчина исчез, завалив прихожую коробками.

— Эй, Чучхе, иди глянь — не узнаешь? Нравится? — Александра прошлась в шубе. Она была неузнаваема — волосы почему-то стали зелеными, глаза тоже позеленели, а выражение лица, царственная улыбка — все к шубе.

— Нравится.

— Покупаем! — объявила теща подругам, прошлась, как манекенщица, присела в ногах у Челнокова и заворковала: — Что, Чучхе, купишь теще шубу? Носить нечего, жакет Машке отдала.

— С него калым! — засмеялась цыганка.

— Калым, калым! За невесту платить надо! Хороший восточный обычай! Сейчас и обмоем! Берешь девушку — плати! — Подруги принесли шампанское, развернули на краю стола копченого сома. Александра так и сидела в шубе, перебирала коробочки, бутылочки, упаковки аптечного товара.

— Калым так калым,— сказал Челноков, выйдя из ванной, когда завтрак с шампанским был в разгаре.— Но хотелось бы деньги свои увидеть — может, в руках подержать, может, в банк положить.

— Ишь какой быстрый! Не бойся, в сейфе они.

— А где у тебя сейф, теща? — Выражение непринужденного веселья давалось ему с трудом.

— Деньги должны работать,— сказала Фру-Фру, разрывая сома.— Вон сколько ингредиентов завезли на твоей груди железа. Ну и старье он подсунул!

— А вообще-то он твой или чей? — спросила цыганка.— Что-то я не врубилась.

— Да, вообще-то, какой у меня тут статус?
— Статус беженца! Поехали, девочки! — «Теща» плеснула ему шампанского.

— Нет, девочки, не могу, спешу, у меня с сыном свидание. В спортивной школе.

— Да пусть он идет! Он одобрил, одобрил! — раскричались «девочки».

— Сын — это святое!

— погоди, Чучхе! Нарисуй вот мне здесь — покрасивше,— вскочила Александра, протянула ему какую-то картонку,— а то у меня все вкривь и вкось. Рекламу надо. Вот тут нарисуй собачий нос. Можно с юмором, в виде сердечка. Катя, принеси карту червовую. А собаку умеешь рисовать?

Он расхохотался — на картонке было объявление: «АРОМАТОТЕРАПИЯ, метод проф. Гималайского. Лечение и предсказание судьбы по запаху». И место для рисунка. Он попробовал новую карточку и, давась от смеха, приготовился рисовать. Александра уселась рядом, тыкая пальцем:

— Вот здесь буквы, а здесь собачку, у собачки губки бантиком, пусть будет сердечко, с намеком на любовь.

— Слушай, дай мне свободу творчества, а? А кто такой Гималайский?

Дамы шумели, тоже давали советы, но вдруг притихли.

— Профессор,— отвечала Шура серьезно.— Владеет древними секретами, чем они там натирались, чтобы привлечь. Секреты утрачены, нужны новые эксперименты. Ну чего ты уставился? Рисуй! — Он смотрел на нее, постепенно догадываясь, кто такой Гималайский. Она взъерошила свои зеленые волосы: — То одну хну привезут, то одну басму, никак дозу не найду.

Подружки перелгдывались и хихикали. Фру-Фру покрутила пальцем у виска, а Катя подмигнула Челнокову за спиной у Александры,— мол, она и есть профессор, пункт у нее, не обращай внимания.

— Деньги где, теща? Выдай на мелкие расходы,— пошутил он шепотом.

— Так она тебе и скажет! Поищи по запаху! — Подруги взорвались нехорошим смехом.— Ой, он Шурки не знает!

— Проверь его на интеллект. Пусть найдет, где деньги спрятаны.

— Не слушай их, кутя мой, рисуй! Дуры они. Машка!

— Машка-то, конечно, найдет!

В комнату вбежала крупная дворняга.

— Машка, покажи дяде носик. Вот какой у нас носик — классический,— обняв собаку, приговаривала Шура,— мы им все чуем, а сказать не можем. Покажи дяде, где у нас деньги лежат.— Подпрыгивая рядом с собакой, она дала ей понюхать какую-то тряпочку.

Подруги перехватили тряпочку, стали перебрасываться.

— Ты ему дай, ему, пусть по запаху найдет!

— Это была старая их игра, и Челноков, как ни старался, не мог соответствовать жеребьящему их веселью.

— Поищи как хлеба, поищи как хлеба! — приплясывала перед ним Катя.

— Это вы — про меня? — Он встал, картонка вывалилась из рук.

— Смотри-ка, обидчивый...

— Он шуток не понимает.

— Он у них нежный, ранимый,— кривлялись пьяные тетки, угощая приبلудную дворняжку остатками рыбы.— Ты чего от него деньги прячешь, чтоб не убер?

— Ну? — подыгрывала Шура.— Так он деньги взял да пошел, а пока денежки тут лежат, куда он денется? Правильно?

— Да на кой он тебе сдался? Для опытов? Ха-ха-ха! А Машку где носит?

Следовало хлопнуть дверь, это как минимум, но Челноков только брови поднял и улизнул от дурного общества с молчаливым достоинством.

— Брысь отсюда! — вдруг взревела Александра.— Прощу покинуть помещение! Чтоб вашей ноги тут не было!

Женщины мигом выкатились из квартиры вместе с собакой.

Во дворе они догнали Челнокова, окружили с двух сторон:

— ...Тебе надо когти рвать, она ж — того!

— Как на большое попали — все, соскочила...

— Гляди, чтоб она тебе «легкую смерть» не подсунула, она же препарат изобрела, на Нобелевскую премию, ну?

— Только не говори, что мы тебе сказали!

— Ты ей ни слова не говори, что мы тебе говорили!

Леонид Дмитриевич расхаживал у ограды теннисных кортов. Дул ветер, летели листья с деревьев. Карты, подмоченные осенними дождями, пустовали, только мальчишки лупили о стенку. Гоша был не в духе — поднимал ракетку, словно делал одолжение. Челноков курил и волновался — разговора с сыном не избежать.

— Пап, я не буду больше теннисом заниматься.— Гоша сам вдруг подбежал сзади.— У меня времени нет. Мне домой надо.

— Ты же сам хотел...

— А теперь не хочу. Я раздумал.

— Ну как хочешь. Поехали.

— А ты к нам поедешь?

Сын немного удивился, но не выразил ни радости, ни огорчения.

Челноков тоже удивился: что значит — «к нам?» Уже — «к нам?»

— А ты знаешь, что мы с мамой разводимся? Она сказала? — спросил он у самого дома. Гоша нетерпеливо поскакал вперед.

— Знаю. Пап, ну пошли! Там, наверно, уже всё отсняли. Там съемки. Пап, я хочу видеокамеру. Я очень хочу! Я уже снимал...

В квартиру он вошел на цыпочках и сразу успокоился — оказалось, он ничего не прозевал, снимать только начали. В большой комнате, как в приемной врача, сидели ожидавшие своей очереди клиенты. А самое главное происходило в спальне. Видна была только джинсовая куртка оператора. Спина, рука... Гоша не дышал, он был весь там.

— Что тут происходит?

— Тише, пап,— зашептал сын, отгесняя его в коридор.— Когда они кончат, мне Олег обещал дать поснимать.

Римма вышла из спальни, деловито пробежала мимо, будто не узнавая.

— Что тут происходит?

— Привет, извини, мы зашиваемся. Поешь там что-нибудь.

— «Спутник»,— пояснил сын.— Служба знакомств, для заграницы. Ваще цирк! Смотри, какая бабулька сидит, тоже за границу хочет.

Клиенты застенчиво прихорашивались. Римма пронеслась обратно в спальню, улыбнувшись Челнокову:

— Хочешь, тебя снимем? По знакомству — бесплатно.

— Благодарствую...— И вдруг он услышал знакомый приятный голос:

— Кто у нас следующий?

Маша вышла с блокнотом, с ободряющей улыбкой, выпустила из спальни вспотевшего толстяка.

— Все, отстрелялся! Можно идти? — Маша стояла перед ним с блокнотом и деликатно ждала.— Ах да, манюшки! — Толстяк стал отсчитывать деньги, а Маша пока наставляла клиентов:

— Мы иногда задаем самые неожиданные вопросы, не по анкете. Когда человека застают врасплох, он может показать все свое обаяние. Ну, например, чисто американский вопрос: «Если вы такой умный, то почему вы не богатый?»

— А можно в очках? — приготовилась румяная «бабулька».

— Спокойнее, не надо трепетать перед камерой...— И тут Маша заметила Челнокова. На какой-то миг улыбка слетела с ее лица, но она тут же взяла себя в руки, подошла сама.

— Леонид Дмитрич, а я теперь у вас живу. Римма Александровна меня взяла в «Спутник», такое перспективное дело, но пока нет помещения...

— Нам нужно поговорить,— шепнул Челноков.

— Не сейчас. И не здесь. А хотите, мы вас снимем? — пошутила она, завидев Римму.— По знакомству — можно со скидкой.

— В порядке общей очереди,— хором сказали ожидавшие, и сердитый мужчина буркнул: — За мной будете,— и чуть подвинулся, чтобы Челноков мог сесть на свой собственный диван.

Но садиться он не стал, а пошел в комнату к сыну, примостился с тарелкой каши на коленях и невеселой мыслью — «то ли кашу доест, то ли уйти по-английски, то ли дверь хлопнуть, кому я тут нужен?»

В маленькой комнате появился большой телевизор, и Гоше не терпелось показать, что снял лично он.

— Смотри, смотри! Первый съемочный день обмывали! Открытие фирмы! В парке — это я сам снимал! Тебе видно? Вот отсюда лучше — смотри!

На экране телевизора появились Маша и Римма. Они сидели на скамейке в парке, смеялись, кого-то подзывали. Появился один мужик, потом второй, вот этот самый оператор Олег, он сел рядом с Машей, обнял ее за плечо, а другой рукой руководил Гошей прямо из кадра. Появилась бутылка, походные стаканчики, закуска. Гоша хвастался своей работой:

— Видишь, видишь, даже иголки видно! Это тот самый колдун, который спиртягу приносил, Олег. Он оператор.

— Его аппаратура? — полюбопытствовал Челноков мрачно.

— Это все его собственное! — восхищался Гоша.— Только у них помещения пока нет. Я считаю, мне крупно повезло, он меня ассистентом возьмет!

— Да, тебе повезло.— Челноков доедал кашу, исподлобья поглядывал на экран и не заметил, как в комнате появился старый Гошин дружок Миша с видеокассетой. Мальчики стали шептаться и ссориться. Сынок стал заносчив и груб, как быстро ребенок портится под чужим влиянием, просто не узнать.

— И вообще уходи! — кричал он на безответного Мишу.— Алик не разрешает порнуху крутить!

— Это не порнуха, это классная эротика, на один вечер дали списать...

— Я сказал — не мешай, мы тут работаем! Челнокову стало жалко очкастого Мишу, как самого себя. Он вмешался:

— Если тебя ударили по правой щеке,— надо — что?..

— Подставить левую,— отвечал умный Миша.

— А если тебя ударят по левой? — Миша хитро оглянулся, шмыгнул носом...— Правильно, врежь ему с правой! — В прежние времена все бы кончилось веселой возней и боксом. Но нет — Гоша стоял подбоченившись, очень серьезный, взирал с высоты международной фирмы.

— Папа, выйди, здесь же не курят.

— Ну извини.

Потрясенный Леонид Дмитриевич с тарелкой недоеденной каши и с подобием улыбки на лице попятился в кухню. В коридоре висели детские Гошины рисунки, дружеский шарж на папу с мамой, к какому-то празднику... Все в недостижимом прошлом. Он тихонько поставил в раковину тарелку и решил уйти.

— Леонид Дмитриевич! — в кухню вбежала Маша.

— Что, дорогая?

— Вот, Римма Александровна просит здесь нарисовать... нам для рекламы нужно, ну, например — бурное море, и по нему плывет бутылка, а в бутылке... ну, например, сердечко, или червовый король, или дама червей — что хотите, в общем с юмором. А море может быть даже не море, а толпа, много-много человечков, а посреди бутылка с сердечком.

— Понял,— кивнул он, по-новому присматриваясь к Маше.

— Нет, вы можете переосмыслить, но сердечко — Римма Александровна просила обязательно.

— А знаешь, ты стала очень похожа на свою мамушку.

У Маши вытянулось лицо. Она сначала не поняла:

— На маму?! На мою? А откуда вы... знаете?..

— А я как раз оттуда. Тебя искал.

— Да, нам надо поговорить,— пролепетала Маша,— не здесь.

В тусклом вагоне метро Маша стала тусклой и грустной, как все женщины, ехавшие домой с работы. Они клевали носом, а Маша, стоя к нему в профиль, только мрачно кивала, пока он сбивчиво пересказывал свои приключения.

У эскалатора их прибила друг к другу волна пассажиров. Маша злилась, толкалась локтями, плечами. Потом она смотрела на него устало, сверху вниз, и жевала жвачку, что было ей не к лицу. Виз надоело слушать.

— Да что ты понимаешь в этой жизни, кутя мой? Я и то не понимаю. Лажанулся и молчи.— Все было новое в ней, Челноков не подозревал, что Маша может так уничижи-

тельно усмехаться.— Деньги я твои найду, если они еще там. Я знаю, где у нее сейф.

— Да при чем тут деньги?!

— А что? Что тебя волнует? — Маша устало махнула рукой и сказала назидательно: — Деньги всегда при чем.

— Я любил тебя, может быть, еще люблю. Мне безразлично, где ты и с кем.

— Ну так махнемся жилплощадью? — хмыкнула Маша.— Вы готовы на жертвы?

— Уже махнулись. А ты... ты теперь любишь сибирского колдуна?

Они запутались у выхода из метро. Они мешали людям выходить, все их толкали. Челноков решительно остановился, он хотел услышать горькую правду. Маша засмеялась:

— Да ты что?! Я никого не люблю, ты разве не понял? Дориан снимает зависимость с полной гарантией! Ты не веришь?.. Феномен Дориана уже изучают два института, это нам крупно повезло, что он у Гуляевых свой человек. Хочу теперь мать ему показать, но у него свой контингент, он так просто с улицы не берет. Ну что ты так смотришь?.. Да, два института! Потому что — ну сам подумай, если его метод после серии экспериментов станет доступен любому, вот этим... всем? Представляешь, чем это грозит человечеству? — Маша с безразличной grimасой вывернулась из толпы.

Человечество, груженное сумками, бежало с работы, не поспевало в магазины, торговалось у ларьков и киосков. Приплясывали над своим товаром красноносые торговки, продавцы цветов коченели в своих прозрачных усыпальницах. Человечество перекрикивалось на ветру, оставляло груды мусора, он летел, вздымаемый ветром, и над всем этим столпотворением гудел радиорупор, зазывавший на христианского проповедника. Человечество выглядело ох как невзрачно! Если даже красавица Маша, его последняя радость, да и сам Челноков, элегантнейший из всех мужчин бывшего Союза, если их взаимная любовь дала такую трещину, то как же вот эти все, едва ли кем-нибудь сильно любимые, неприглядные девяносто процентов — как они-то перенесут эффект Дориана? Тут и впрямь было о чем подумать. Но ветер подгонял, и глаза слезились. Рядом истонно взвизгнули тормоза, и бедные наши любовники, короткими перебежками одолев площадь, выглядели ничуть не лучше остального невзрачного, никем не любимого человечества.

В своем дворе Маша остановилась, будто хотела попросить о чем-то:

— Знаешь, мы ведь можем остаться друзьями, если хочешь. Я вообще-то неплохо к тебе отношусь...

— Я не хочу остаться друзьями.

Вдруг к подъезду подкатила машина. Из нее вышли два мужика с напряженными лицами,

одного он узнал — это был Василий, и машину свою узнал, хотя она вся была в бурьх пятнах.

— Привет, Машутка! — сказал Василий, а второй, что вылез из-за руля, обратился прямо к Челнокову:

— Я дико извиняюсь, но надо все обратно переиграть. Мы тогда по пьяни не врубались, а шеф глянул...— Тут придется пропустить несколько слов, которые шеф сказал про машину. Мужики держались предельно вежливо, даже сконфуженно.— Это бабы подначили, Шурка с Нинкой, нельзя был слушать.

— Сами лопухнулись, а теперь на баб? — балагурила с ними Маша. Все вчетвером погузились в лифт.— Сами чего смотрели? Ой, с таким народом разве капитализм построишь?

— Да ни в жисть! — пошутил Василий.— Как дела, Марыска? Я чего-то не просек — это твой или чей?

— Ничей! — Маша увидела бутылку, которую он вытащил из-за пазухи, и дала Васье по рукам.— Ты что, опупел? Спрячь! Ей на дежурство...

— Дык ведь... к Шурке надо с подходом.

— Ща как дам! — замахнулась Маша локтем. Мужики ее уважали. Бутылку спрятали и достали только в кухне, куда вошли потихоньку, в музейных тапочках.

А Маша потихоньку вошла к матери. Александра спала.

Взять деньги из «сейфа» оказалось непросто. В углу, за мешками с тряпьем, пряталась старая швейная машинка «Зингер». Это и был сейф. Маша осторожно сняла колпак, поискала в темноте отвертку. Окна были занавешены. Она отодвинула край шторы, что-то звякнуло, хрустнуло, мать застонала во сне. Маша замерла, потом снова принялась за работу. Литое чугунное тело машинки не хотело подниматься, оно было заперто по бокам самодельными замочками. Маша попытала с отверткой, чертыхнулась и решила поднять машинку, отнести в кухню. Подставила ступню, ухватилась поудобней и выдернула машинку из-под мешков. Споткнулась о деревянный колпак, обругала себя...

— Поставь, не трожь! — завопила Александра.— Дура! — Она выпрыгнула из постели, двинула Машу плечом, сама ухватилась за машинку.

— Мать, ты так убить можешь...— От неожиданности Маша вся обмякла.

— Убить тебя мало!

— Чего дрыхнешь, тебе на дежурство!

— Не твое дело! Ты опять дите убила?

— Мать, ты свихнулась?

— Дай честное слово!

— Да пусти ты, кому говорю! — Обе они хватились с двух сторон за машинку, отпихи-

Фотопроба. Дориан — Аким Салбиев.

вали друг друга и снова хватались, чтобы водрузить ее на стол.

Водрузили, наконец, но стол был складной, он тут же подломился, и машинку пришлось держать вдвоем. Они держали и орали друг на друга, одновременно починяя обвалившийся стол:

— Зачем полезла, ставь назад!

— Мать, не ори, люди тут! Деньги давай, позорище!

— Дай честное слово!

— Мать, я принимаю таблетки! Не ори!

— Ну и дура!

— Деньги давай! Чтоб я твоей фирмы тут больше не видела!

— А ты и не видишь! Тебя тут и нету! — Обе задыхались от злости и рвали машинку в разные стороны, больно ударяясь об углы коварного стола.— Ты зачем мне жильца подсунула? С какой целью? Что мне с ним — жениться? А он и не в зуб ногой!

— Да кому ты нужна, ведьма зеленая! — Тут Маша не выдержала и засмеялась, увидев мать в новом цвете.— Ты ж мозги пропила, за тобой глаз да глаз...

— Да я в рот не беру, только за компанию.

Стол они, как ни странно, выправили и машинку не уронили, а открыли перочинным ножом. В чреве машинки вместо мотора лежал пакет с крупными купюрами. Это и был «сейф».

Маша поспешно кидала в сумку свои вещи, за которыми она и приехала.

Александра в гордом молчанье пошла в кухню отдавать деньги. Вспомнила, что она в одной рубашке, потом вспомнила, что и шубу надо отдавать. Накинула ее на рубашку, завернула к Маше, молча показала во всей красе, на что ответом был меховой жакет, полетевший из Машинного шкафа. «Теща» бросила на стол деньги, скинула шубу Василию на колени и удалилась.

Челноков с Машей сидели в пятнистой машине и никуда не двигались.

— Куда тебя везти? Ко мне? То есть... к Римме?

— А ты куда? Ты к себе? То есть — к Римме Александровне?

— А мне — некуда. Я тут живу. — Он все еще ждал от Маши каких-то важных слов, тянул время. — Знаешь изречение: «Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться».

Раньше она любила, когда он начинал философствовать, но теперь это было совершенно неуместно.

— Дать тебе ключи? Может, правда, поживешь? Сделай милость, я буду тебе очень признательна. Я не могу тут находиться, ты ведь понял? Ты ведь все понимаешь, ты такой мудрый... «чучхе!» — И мигом преобразившись в юную леди, Маша выпорхнула из машины, отдала ему ключи и поцеловала в нос. — Я сама доеду, сама доеду, не провожай!

Она уходила легкой походкой счастливого человека, с легким рюкзачком на плече, у ворот оглянулась и послала ему благодарный поцелуй.

Александра слонялась по квартире и беседовала сама с собой. Иногда из нее громко и страшно выскакивали отдельные слова:

— У, рожа! — И хохот ее напоминал лошадиное ржанье. — Что, получила?! Ау! Ква-ква-ква! Катись колбаской по Малой Спасской! Стой, кто идет! У-ууу... Кутя моя, цапа, капут! — Черт-те что вытряхивалось из подвалов души; ничего хорошего, одна гадость и злость.

Челноков прокрался на кухню — посмотреть, не наполнилась ли «теща». Но нет, бутылка стояла нетронутой, а голоса звучали с разных сторон, именно голоса, то мрачный и хриплый, то визгливый. Потом она включила музыку, и беспорядочный фонтан обрел ритм. «А не то я залаю, а не то я завою, а не то я кого-

нибудь съем!» — подпевала она, изображая тигра. Челноков заглянул:

— Можно?

— Чего тебе?

Она уселась перед телевизором, неподвижная, как статуя. На экране томно сплетались чьи-то обнаженные части тела. Леонид Дмитриевич присел на край стула и стал наблюдать, как «теща» реагирует на «мягкое порно». Она сидела в глубокой задумчивости. Потом зевнула, поморщилась и изрекла:

— Жизнь прошла мимо. — И помчалась в кухню открывать бутылку.

Нельзя сказать, что они жили душа в душу, но он приспособился: главное, отвлекать Шуру от неотступной, тайно свербившей мысли — о Маше.

— ...Знаю, знаю я, зачем ей этот «Спутник!» Меня сплавить! И правильно: что я тут делаю, дура бесполезная! Только площадь занимаю! Надо уступить молодым дорогу! — И пошло-поехало, тут важно не спорить, а чем-нибудь тещу насмешить. Она хохотала до упаду, неизвестно чему. Отхохочет, потом скажет: — А правда, найдем мне какого-нибудь негра преклонных годов? А? Как думаешь — реально? Давай прорепетируем! На три минуты — это ж можно все наизусть зазубрить! Главное — имидж! Давай обмозгуем! Я приду, а он меня — не узнает!

И она начинала переодеваться — то в Маргарет Тэтчер, то в Аллу Пугачеву, то в Клоуна. И требовала, чтобы жилец подыгрывал:

— А ты поспрошай, поспрошай, возьми интервью по личным вопросам! Чего там спрашивают? Она сама спрашивает?

— Нет, спрашивает опытная журналистка, Римма Александровна. Ну, например, скажите, Александра, как, по-вашему, вы ревнивы?

— Это не по делу! — «Теща» почесала в затылке, стащила с себя парик. — Чего это мне ревновать? То есть кого?

— Ну, скажем, у вашей дочери часто бывали молодые люди, которые вам не нравились? Или, допустим, старшие подруги, которым она доверяла больше, чем вам?

«Теща» — вся внимание — вдруг как хлопнет в ладоши:

— Ой, до чего ж он на Машке заиклился! Кутя мой, выкинь из головы! Даже думать о ней не хочу! Пусть живет! Пусть живет как хочет! Нет у меня дочери, так ей и передай!

— Вернемся к нашему интервью, — попросил отвлечь Челноков. — Последний вопрос, Александра Васильевна...

Но не тут-то было: Александра стала носиться по квартире, разбрасывая костюмы и

реквизит, совершенно забыв про «имидж» и про интервью.

— Пусть здесь живет! А я исчезну, как утренний туман! Думаешь, мне негде? Да я завтра комендантом назначусь и возьму власть в свои руки! У меня ввести метров нежилого помещения, захочу — всех пересажаю! Всех торгашей повыгоняю, раскладушку себе поставлю, буду жить, как королева! Ты у меня еще мильон заработаешь!

— Последний вопрос, Александра Васильевна, — мягко улыбался Челноков, расхаживая за ней по квартире. — Если вы такая умная, то почему вы не богатая?

— Я?! Ну, достал... Да потому что я шизонутая! Они тебе говорили? Говорили! Я сама с собой говорю — слышал?! Но учти... Я это помещение освобожу! Молодым везде у нас дорога! Так что вам через мой труп ходить не надо! Ты «Живой труп» видал?

Челноков испугался — у нее в глазах сверкнула какая-то гениальная, вполне реальная идея. Он пробормотал:

— Слушай, тебя лечить надо.

— Это кто кого будет лечить — посмотрим! Сам порченый!

Маше никогда не жилось так хорошо и удобно, как у Риммы Александровны. Их объединяла работа, к тому же они обе были «совы», по ночам любили поесть и пошутить. Вот сидит Римма, правит свою рукопись, ловит неуловимую мысль, и полбублика — как не бывало. А у Маши за машинкой — простой, но вокруг — газеты, журналы, все материалы по службам знакомств, надо же знать конкурентов.

— Вот это да!.. — доедая бублик и давясь от смеха, читает Маша. — Рост сто семьдесят, вес — сто сорок кг, ищет блондинку славянской национальности, интеллигентную, практичную и сексуально раскрепощенную! «Полных прошу не беспокоиться». Худенькую ему! Ну какие же мужики наглые! Сам — сто сорок кило живого веса! Его прокорми...

— Все, все, больше не отвлекаемся, пишем дальше. — Римма диктует проблемную статью про Дориана: — «Возможно, мы имеем дело с гипнозом, ученые уже исследуют этот феномен, а я передам только личные ощущения. Что это было? Будто штормка опустилась между прошлым и будущим. Воспоминания, то есть впечатления, хранимые нашей эмоциональной памятью, вдруг обесцветились, утратили вкус и запах, стали словно чужими. И тот же человек, а это, не скрою, мой бывший муж... — тут Римма немного запнулась, но продолжала: — предстал в новом качестве, то есть — без качеств вовсе. Простой какой-то мужчина, каких много. Читатели спрашивают:

разрушая зависимость, ставшую нам в тягость, можем ли мы быть уверены в том, что не разрушаем ту почву, из которой вырастает вся наша душевная жизнь? Каковы отдаленные последствия? Да, молодежи я бы пока не советовала прибегать к столь эффективному, но непроверенному методу. Я понимаю, что в наше тяжелое время хочется сбросить груз сложных душевных переживаний, и преждевременная капитуляция перед болью многих приведет к Дориану, но подумайте...»

— Правда? — остановилась Маша. — Вы молодым не советуете? — Ей всегда хотелось поговорить с Риммой не для журнала, просто про мужа и про все.

Они сделали паузу, разодрали еще бублик и отвлеклись на долгую ночную беседу.

«Теща» не шутила — она и впрямь исчезла. Весь этот бред про нежилые помещения и раскладушку оказался правдой. Только Челноков не сразу догадался, где ее искать. Работала она вахтером в общежитии, через двое суток на третьи, а тут — нет и нет, и что наводило на размышления — будильник взяла из дома и любимый халат.

— ...Бабий бунт, бессмысленный и беспощадный, — жаловался Леонид Дмитрич кому-то по телефону. — Я и не знаю, где это общежитие... Ну да ладно, надо что-то делать...

Первый этаж общежития заняли три новых предприятия — кафе «Семь пятниц», магазин «Мистер Твистер» и «Тик-Так» — часовая мастерская. В подвалах были склады, подсобки, и шла бурная ночная жизнь — новые владельцы между собой воевали, держали кое-какую охрану. Александра жила, как на боевом посту, посреди театра военных действий — в бельевом складе, а то ведь займут, оглоеды, под шумок и все растащат, потом доказывая.

Долго пробивался Челноков в эти живописные подвалы, насмотрелся, наслушался грузчиков и охранников, но все же обманом проник и обнаружил там «тещу» с ее будильником, халатом и домашней подушкой-думочкой.

— Проходи в будуар, чего стряслось-то?

— Да т-ты... соображаешь? Звонить надо! Когда... з-задерживаешься! Тебя такому не учили?! — На нем лица не было, он даже стал заикаться от возмущения.

— А чего? Я сказала: я ушла, меня нет! Все — я уехала за бутор! В бессрочную командировку!

— Не валяй дурака, Шур, в какое положение ты меня ставишь?

— Тебя?.. — Но тут во всем подвале вдруг погас свет, послышалась ругань, захлопали двери. Челнокова оглушил протяжный свист,

это «теща», заложив пальцы в рот, подавала сигнал тревоги.

Но не стану описывать все ночные приключения, тревога оказалась ложной. Когда объявили отбой, Александры в комнате не было. Он нашел ее по беспечному хохоту, за какими-то тюками в бывшей душевой. Она вырядилась в пятнистое военное обмундирование, держала автомат наперевес и куражилась перед толстухой-сменщицей:

— Не бойсь, они у меня все под прицелом. Захочу — пересажаю!

— Тебя первую прибьют, как свидетеля, — урезонивал Челноков. — Пошли домой, хватит романтики!

— А мне идет? — «Теща» рылась в новой партии чужого криминального товара. — Давай, вооружайся, чучэ, пойдём банк грабить. — Шутки твои idiotские. Ты что, за деньги тут нанялась сторожить?

— Нет, по призванию, — огрызнулась Александра.

— Ой, она бесстрашная, — начала было сменщица, — пускает тут всяких... Вы кто ей будете?

— Не твое собачье дело! А ты семью обеспечи! Ты кто такой, что пришел тут командовать?! — Вдруг ни с того ни с сего она разразилась на весь коридор бурным семейным скандалом. Совершенно сбитый с толку Челноков оставил всякую надежду вызволить «тещу» из подполья. Она захлопнула перед ним дверь бельевой.

— ...Я два раза повторять не буду! Живите, обо мне забудьте!

— ...Да, пикантная ситуация, — покачал головой Гуляев.

— Дурдом, ну дурдом! Иногда мне кажется, что все это мне кажется и вот сейчас перестанет казаться... Просыпаюсь в пустом доме, и дом чужой и вообще — я ли это?... — Челноков поглядел в стекло книжного шкафа.

— Ты, ты, — успокоил Гуляев, налил коньяка, вызвал секретаршу и осторожно предложил: — Может, Дориана кликнуть?

— Да, тут без Дориана не разберешься, — горько рассмеялся Челноков, но на душе после коньяка потеплело, и он решил взять себя в руки, хватит изливать душу, отнимать время у деловых людей. Тем более что вошла секретарша с подносом, с чашками кофе и с печеньем. Миловидная, кокетливая дама без возраста.

— Это просто чудо — ваш Дорианчик! — щebetала она, расставляя чашки. Он с трудом узнал ту нервную заработавшуюся особу, что сменила Машу в роковой день. — У него такое поле, такое поле — ну просто все болячки как рукой снимает! Вы меня не узнали? Вот види-

те! А я ведь тоже не верила, тоже не верила, тоже не верила. Главное — верить! — Она сверкнула улыбкой благодарности к шефу, заботливо спрятала спиртные напитки и ласковым, умудренным взором принялась лечить своего несбывшегося, но, кажется, вновь любимого Челнокова. — Только нельзя просить невозможного, — вкрадливо советовала новая поклонница Дориана, — надо вернуться сначала в исходную позицию.

— Уговорили.

Челноков думал не столько о себе, сколько об Александре. Натура внушаемая, только надо подстроить встречу в непринужденной обстановке, а для этого — выманить «тещу» из подвала, предварительно договорившись с Дорианом.

Предлог нашелся — в ту осень вся Москва запасалась картошкой и яблоками, и какая же теща, даже и самая непреклонная, откажется от дармового урожая? Так что Челноков и Дориан поджидали Александру у общежития, сидя в машине. Челноков и сам решил отдаться на волю маленького чародея — ведь вот люди же верят, и все у них хорошо, а чем он лучше других? Честно говоря, такая мысль посетила его впервые. Смирная гордыню, он очень серьезно и несколько даже подобострастно беседовал с Дорианом о своих проблемах.

— Нет проблем, — сказал Дориан, помечая крестиками схему местности. — Тут баня, тут озеро, вот мостки, ваш случай — банальный, можно не мудрить. Но уверены ли вы, что хотите вернуть все как было? Именно в этот день?

— Да, да, я понимаю... нельзя дважды войти в одну и ту же реку?

— Кто вам сказал? — хмыкнул Дориан. — Тем более, это озеро.

— Водохранилище. Это имеет значение?

— Все имеет значение. — От него и правда исходил какой-то гипноз.

Челнокову стало противно, что он лебезит перед скучающим мальчишкой.

— Я верю, что вы превосходно снимаете зависимость, но вам не приходило в голову задуматься о последствиях? Ведь ваше воздействие непредсказуемо отражается на многих, это цепная реакция, вы ведь должны знать, что никто не остров, если вы читали хорошие книги!

— Я все читал, маэстро, — сказал Дориан и зевнул. — Ну где же ваша дама?

Александра вышла с рюкзаком, в пятнистом одеянии и военном берете.

Поехали. Дориан угостил ее яблоком. Она недружелюбно всматривалась в его профиль. Потом спросила:

— И ты за картошкой? Он с нами?
— За яблоками. Задаром отдают. А что? Дом большой...

— Да нет, ты нам не мешаешь. Ты Гималайского знаешь?

— Какого?

— Профессора.

— А... Слышал.

— А не боишься отдаленных последствий? Тебя ведь по головке не погладят, нет... Дмитрий, ты хоть знаешь, кого везешь?

— Каких последствий? О чем толкует эта женщина?

Челноков встал в длинную очередь к бензоколонке и пошел выяснять ситуацию с бензином. Дориан как-то заерзал под взглядом Александры.

— Я тебя сразу вычислила. Ты у нас на учете.

— Не сомневаюсь,— отвернулся Дориан.

Подбегали мальчишки с канистрами, предлагали дорогой бензин. Дориан хотел было выйти, но Александра ткнула его пальцем в спину и сказала строго:

— Гималайский этому не учил.

— Ну и что? У нас свои методы.

— Знаю я ваши методы! Вот — придурков наплодили — нищих и слабонервных! — раскричалась вдруг Александра.— Одну семью разрушил, другую не создал, это кто ж так делает? Тяп-ляп! Человек им до лампочки! Это называется свобода личности?! А ты эту личность спросил — она хочет быть свободна?

— Сударыня, мы это проходили в прошлом веке... Вы откуда свалились?

— Слив бензина,— вернулся Челноков,— час простоим. У вас философский спор?

— Да куда уж нам! — Александра протянула Дориану кошелек.— Сбегай, юноша, купи канистру у мальчика.

— Я при деньгах.— Дориан с облегчением вышел из машины.

— Тем более.— Александра вышла вслед за ним.

Челноков вышел открыть бензобак и на секунду потерял их из виду, только слышал, что Александра продолжала кричать и наступать на Дориана. Он, разводя руками, пытался к бензоколонке и исчез в сумерках.

— Поехали! — Она села на переднее сиденье.

— А где Дориан?

— А не нужен он нам! Третий лишний! — заржала «теща».— Поехали!

— Что ты ему сказала?

— Не бойся, он все вернет, как ты просил. Мальчонка способный, только с гонором.

Римма включила телевизор, внесла только что испеченный яблочный пирог и прогнала Машу от пишущей машинки. Большая комната, что прежде служила Челноковым гостиной, превратилась в офис: машинки теперь было две, появился еще и компьютер, а бумаги, бумаги — они громоздились со всех сторон — негде чаю попить, негде на голове постоять, а Маша, когда уставала, делала стойку на голове (отлично снимает головную боль), и Римма, объявив тайм-аут, не сразу набрасывалась на пирог, а делала «ласточку», или «самолетик» от радикулита, или «мостик». Но это мечта. С помощью Маши она могла уже, перегнувшись, поцеловать стенку.

И вот однажды, в разгар их вечерних упражнений, по городскому телевизионному каналу, среди объявлений о пропаже собак и людей, они услышали: «... ушел из дома и не вернулся Челноков Леонид Дмитриевич, сорок девятого года рождения. Был одет в темно-синюю куртку, клетчатую кепку, при себе имел спортивную сумку. Убедительно просим всех, кто что-нибудь знает о местонахождении Челнокова Леонида Дмитриевича, позвонить по телефонам...»

Они бросились к телевизору, сделали звук погромче. Нет, они не услышали, фамилию повторили дважды. И показали фотографию. И номер телефона...

— Наш телефон! — закрылась руками Римма.— Ничего не понимаю...

Маша схватила пальто, сумку:

— Только без паники... это недоразумение. Сидите у телефона!

А у самой руки не попадали в рукава, и монетки — у нее было всего две монетки, чтобы позвонить, и автомат сломан; она добежала до метро, позвонила. У матери, конечно, никто не отвечал. На работе — занято и занято. Куда кидаться?

Она еще раз позвонила, выбежав из метро. Не отвечают. Занято.

Двенадцатый час ночи. Она помчалась проходными дворами. Окна в знакомых пятиэтажках гасли одно за другим. Ключи у соседки, хорошо, если ключи, как всегда, у соседки. Но соседка ничего не знала — «жил какой-то мужчина...»

Маша попала в свою квартиру, пустую, прибранную, словно нежилую, включила повсюду свет и от усталости, от страха заплакала в три ручья, закричала «Ма-ма!», как в детстве, когда оставалась одна в квартире, словно мама могла воплотиться из пустоты.

Но следовало что-то делать, не терять времени — уже ночь на дворе.

В слезах она добежала до Кати-«бессарабки».

— Да я уверяю — за картошкой поехали,— успокоила Катя,— все сейчас за картошкой.

Как-то вечером Римма и Маша, изнемогая после тяжелого дня, решили немного рассла-

Хочешь яблочка? — Катя перебирала гору яблок, чистила и варила.

Во дворе Маша встретила еще знакомых. Вот и Василий с Нинкой выгружают из микроавтобуса картошку и яблоки, тащатся, навьюченные, к своему подъезду. И с какого-то балкона катится, падает картошка — люди не спят, запасаются...

Стало спокойней.

Сменщица матери Серафима тоже не волновалась:

— Да они уж неделю как поехали — с этим... муж он ей или кто?

— На машине? А куда?

Этого Серафима не знала.

Маша не спала в эту ночь.

И Римма не спала, застыла у телефона, придумывая, что предпринять, когда наступит утро. Вздрагивала от телефонных звонков.

— ...Ах, это ты?..— Это опять была Маша.— Ну да, Гуляевы, конечно, в деревне, а больше я никому... Не хочу никого будить, знаешь, я не привыкла... быть идиоткой! — Она тяжко выдохнула и всхлипнула.— Ты, может быть, не знаешь, но он же мне изменял. Ну вот... не хочу, не хочу быть посмешищем!

— Какое это имеет сейчас значение?! — кричала Маша.

— Никакого.

— Вы знаете адрес Гуляевых? Где эта деревня?

— Помню приблизительно...

— Я завтра узнаю точно. Постарайтесь заснуть, Римма Александровна!..

— Ну вот и хорошо, вот и славненько! — ликовала Ольга Гуляева.— Они остаются, они еще поживут, а мы потом за ними приедем.

Таким образом проблема транспорта была решена, и многочисленные сумки, мешки, коробки и банки в один миг заполнили машину Челнокова. Трудилось все семейство, все спешили в город, суетились, ссорились, но в одну машину они никак не помещались. Она стояла, нагруженная доверху, горбатая, сын и невестка прилаживали велосипед к багажнику. Гуляев хотел непременно вывезти свою живопись, а банки с огурцами и смородиной еще стояли на крыльце, и вот — все так просто устроилось, и можно не навешивать тяжелые ставни, не закрывать пока дачу на зиму.

Александра прогуливалась под яблонями, никому не мешала, подбирала упавшие яблоки. Степенная женщина в цветастом платке, с певучим голосом Ольге очень понравилась:

— Да вы не беспокойтесь, ни о чем не беспокойтесь, я тут все переваю, все от мышей попрячу, баньку разок натопим, а

Леонид Дмитрич говорит — так бы и жил, и жил, как в раю, очень воздух целительный...

— Так и живите, хоть всю зиму! — Ольга бегала с банками, командовала погрузкой.

А Челноков на берегу таскал воду для бани. Наконец, все уехали, стало совсем тихо.

Он неторопливо хлюпал по мосткам в резиновых сапогах, набирал чистую воду, выбрасывал желтые листья. В задумчивости он опять забыл пригнуться и ударился головой — уже в который раз! — о низкую притолоку. Чертыхнулся, схватился за лоб — на лбу уже не шишка, а ссадина.

Александра засмеялась, подглядывая, как он смотрится в крохотное оконце бани — вместо зеркала. Она принесла зеркало, раскладной стул, веник и меховую шапку. Надела на него.

— А шапка-то зачем?

— Чтоб шишек не набить.

— Догадливая... Да кто такие двери строит?!

— Вот-вот, избобличай. Да ты не тут сидел, вон там ты сидел. Вон, я стул принесла.

— Что? — Он пошел в предбанник, но опять — бац о перекладину!

— Я говорю — сядь, как тебе велели, на то же место. Вспомни...

Он уселся на перевернутую лодку. Александра подошла с веником, бормоча что-то себе под нос. Потрогала его ссадину:

— ... Ранка на лбу — это к добру, через нее порча выходит.

— Да ну? Глупости все это.

— Не крутись. Думай, о чем тогда думал.

Он огляделся, заметил, как и тогда, летом, якорь, застрявший в иле, кусок ржавой лодочной цепи, след от костра. Но все было другое — осеннее, унылое...

Маша вышла из электрички, спустилась в лес и тут же заблудилась. И не у кого дорогу спросить. Только дятел стучит над головой.

Римма ехала в машине с оператором своим, Олегом. Их тоже лещий водил.

— Вот тут же был мостик! Я точно помню...

— А там не проехать.

— Да, не проехать. Давай назад. Только осторожно — лужа! Знаешь что, давай я сяду за руль...

— Спокойно, Римма Александровна.— Он так возмутился, что тут же въехал в лужу.— Вот теперь вы сядете, Римма Александровна.— Он вышел толкать машину. Римма тоже зачем-то выскочила — прямо в глубокую лужу.

Маша вышла на пригорок и увидела дачный поселок, дым из трубы на берегу.

Челноков все сидел и сидел на том же месте, глядя на воду, стараясь ни о чем не думать. Александра принесла ему горячей картошки, термос с чаем, зонт на всякий случай и картину — недописанный летний пейзаж, тот, что Гуляев начал на этом самом месте. А сама собралась в баню.

— А ты сиди пока, сиди думай, шапку не снимай, в шапке самое то...

— Погоди, ты сама-то в это веришь? — попытывался Челноков, обжигаясь горячей картошкой.

— Ишь, какой неугомонный!

— Ты ж сама в Дориана не веришь.

— При чем тут твой Дориан? Это каждый дурак умеет — порчу снять. Делов-то! Это мы в прошлом веке проходили.

— А почему я не умею?

— А ты потому, что не дурак,— тут же нашла Александр.— Умный больно!

— Я? — Однако ему понравилась ее тонкая лесть. Он-то себя чувствовал полным идиотом, но спорить с женщиной не стал. Александра, скидывая лишние одежды, удалилась в баню.

Маша подошла к дому со стороны огорода. Потопталась у крыльца, обнаружила, что дом не заперт:

— Есть тут кто? Ау-у!

По крутому скользкому проулку пробираясь к дому машина. Из нее выбралась Римма, перепачканная, измученная, но целеустремленная.

— Эй, Гуляевы! Есть тут кто?

Они встретились с Машей на крыльце.

— Он тут,— сказала Маша,— но, по-моему, он не один.— И отвернулась виновато. Они заметили, что из бани идет дым.

— Все равно, я должна его увидеть. Своими глазами.

Челноков растерялся. Он увидел, как Маша бродит под яблонями, как Римма чистит сапоги у крыльца. Он быстро собрал раскиданные на берегу предметы, сложил стул и спрятался в предбаннике.

— А я что говорила?! — В клубах пара показалась из-за двери голова Шуры.— Как по заказу! Теперь начинай все сначала, исправляй ошибки.

Он выглянул осторожно и снова забился в темный угол предбанника.

— Иди, Шур, встречай гостей.

— Я что ли? А ты?

— Не хочу.

— А чего же ты хочешь? — Александра завернулась в простыню, похватила свои вещи, стыдливо ойкая, скрылась в бане — одеваться. — То одно, то другое, помыться не дадут!

Кое-как одевшись, обернув волосы полотенцем, она вышла из бани и медленно стала подниматься на горку, навстречу гостям.

— Знаешь что, давай только не ссориться сразу,— он догнал ее и обнял за плечи. Она вытаращила глаза, а потом прильнула к нему всем телом.— Мы будем жить долго-долго и умрем в один день, да? — Он вел ее медленно-медленно, на виду у всех.

— Ну сказка! — закинула голову Александра. У забора они остановились.

— Так и будет.

Маша скрылась за яблоней, Римма ушла за сарай. Только оператор Олег выглянул из-за поднятого капота машины и стал случайным свидетелем их первого поцелуя.

Учебник по кинодраматургии

Александра Червинского
"КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ"

можно приобрести в редакции
журнала "Киносценарии"

по адресу: Москва, Воротниковский пер., д. 12
тел. 299-11-78, 299-47-74 — с 11 до 17 часов,
209-60-23 — круглосуточно.

О выходе в свет второй книги учебника
редакция сообщит дополнительно.

ПЕТР ЛУЦИК, АЛЕКСЕЙ САМОΡЯДОВ

КТО-ТО ТАМ, ВНУТРИ...

Иван, голый, в одних трусах, сидел на вертящемся стуле в огромной комнате и работал. Перед ним на двух столах стояли компьютеры, разная аппаратура, на трех мониторах непрерывно менялось изображение. Свет от настольной лампы освещал осклизшее лицо Ивана, его мощную спину, огромные руки. За окнами без штор стояла глубокая ночь.

«НАБЕРИТЕ ПРАВИЛЬНЫЙ КОД. ПРЕ-

Фильм по этому сценарию снимает режиссер Денис Евстигнеев совместно с французской стороной.

ДУПРЕЖДАЮ, ПРОГРАММА СНАБЖЕНА СПЕЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТОЙ» — мигала надпись на первом мониторе. На втором бешено вращалась сложная геометрическая фигура, похожая на угловатую каракатицу. «Каракатица» поворачивалась разными гранями, меняя цвет, и тут же под ней, в трех колонках менялись цифры. На третьем мониторе возникали рисунки и надписи: «СИСТЕМА ЗАКРЫТА. РАБОТАЕТ ЗАЩИТА РАСШИФРОВКИ КОДА. ВЕРОЯТНОСТЬ ПЕРВОГО ЗНАКА ПИ — 0,3333... ПАРОЛЬ НЕ РАБОТАЕТ».

Иван, покачиваясь на стуле, заглядывая в

толстый журнал, что-то непрерывно набирал на одном из компьютеров.

«НАБЕРИТЕ ПРАВИЛЬНЫЙ КОД — требовал первый монитор.— ПРЕДУПРЕЖДАЮ, ВЫ СОВЕРШАЕТЕ ВЗЛОМ».

Вдруг заиграла электронная музыка. «Каракатица» на втором мониторе замерла и стала малиновой. «Пи-8» — мигало под ней.

Иван оскалился в улыбке и, оттолкнувшись босыми ногами, проехал на стуле к другому компьютеру. Он быстро защелкал клавишами. «Каракатица» на мониторе снова бешено закрутилась.

— Ну давай, Пи-8 — прошептал Иван.— Давай, родной, колись...

Вдруг он прислушался. Откуда-то до него отчетливо донесся непонятный жалобный звук, похожий на плач ребенка или вой собаки.

Иван распрямился, замер, глядя в потолок. Звук повторился, еще тоньше и жалобней. Иван легко встал, не выключая машины, прошел через всю огромную комнату со стенами без штукатурки. Когда-то здесь на месте комнаты была коммунальная квартира, но стены сломали, теперь посреди комнаты на месте сорванного пола, в яме, валялся строительный мусор, лежали кирпичи, стояли мешки с цементом.

Звук не прекращался. По широкой доске Иван перешел через яму на другую половину комнаты. Здесь было чисто, стояло немного хорошей мебели. Иван равнодушно потрогал красные женские туфли, валявшиеся на столе. Потянувшись всем телом, как зверь, прислонился к дверному косяку, ведущему в спальню.

В спальне горел ночник. На единственной, огромной, почти трехспальной кровати, на животе спала голая девушка. Иван бесшумно прошел к кровати, лег на бок рядом с девушкой, оглядывая ее тело. Тихо погладил ее спину, бедра. Перевернувшись, лег, положив свою голову ей на спину. Протянув руку, дотронулся до ее головы, расправил пряди ее спутавшихся черных волос. Нашупал ее шею...

Он лежал, не двигаясь, не мигая, спокойно и равнодушно вслушиваясь в странный жалобный плач, идущий непонятно откуда. Вдруг он поднял голову, легко привстал на одной руке, оглядывая комнату. Бесшумно соскочив с кровати, он пошел в кухню.

На кухне Иван распахнул окно. Высунувшись по пояс из окна, вслушался в темноту. Звук стал сильнее, он шел откуда-то сверху. Иван перевернулся на спину, глядя в небо. Ноги его оторвались от пола. Мышцы на животе вздулись. Играя, он замер на подоконнике, вытянувшись всем телом, ровный как доска...

У подъезда он осмотрелся, пытаясь понять, откуда идет звук. Накинув на голое тело пиджак, пошел вдоль дома, задирая голову. Во дворе было пусто и тихо.

Иван перешел к стене соседнего дома, легко перепрыгнув по пути невысокий забор. Замер вслушиваясь. Звук стал громче. Он шел откуда-то сверху, словно с неба. Иван обошел дом и скрылся в подъезде...

Он легко, крадучись, как огромная кошка, прыгая через пять ступеней, взбежал наверх, на последний этаж и сразу, по железной лестнице, полез к люку на чердак.

Люк был закрыт на замок. Иван попробовал его свернуть, но не смог. Тихо спрыгнув на пол, он снял пиджак и, осмотревшись, ощупал пол на темной площадке. В руки ему попала какая-то железная деталь. Иван, зацепив ее, снова забрался к люку. Обхватив, как обезьяна, ногами лестницу, он обеими руками вставил железную деталь в ушко замка и, как рычагом, стал поворачивать. Мышцы его напряглись буграми, Иван всем телом навалился на замок и замер, не двигаясь, давя...

Прошло несколько секунд, вдруг петли на люке лопнули, на пол посыпались шурупы, и замок оторвался. Иван повисел немного, прислушиваясь. Все было тихо. Он спустился вниз, положил железку на место. Захватив пиджак, снова забрался к люку. Открыл его и вылез на чердак...

Непонятный звук снова появился. Теперь он был где-то совсем рядом. Пугая голубей, Иван в полной темноте, на ощупь, перебрался к чердачному окну. Он вылез на крышу, и темнота сразу вспыхнула тысячью огней...

Иван встал. Здесь, наверху, было светло, дул порывами ветер. Над городом низко шли облака, открывая изредка полную луну.

Было и скулило где-то за трубами. Иван прошел по крыше, оглядываясь удивленно. На краю крыши он увидел антенну. Самодельная антенна, плохо прикрученная, поворачивалась на ветру, как флюгер, издавая плачущие и воющие звуки, которые далеко разносились над крышами домов...

Иван, в два приема, выдрал антенну из гнезда и положил ее на крышу. Сразу стало тихо, только ветер порывами проходил по крыше. Иван, довольный, стоял на ветру, вглядываясь вдаль. Волосы его перепутались. Потом, словно очнувшись, он сел на самом краю, достал сигареты, закурил, глядя вниз. Внизу было темно и тихо.

Он лег на спину, пуская дым в небо... Из темноты снизу до него донеслось неясное треньканье. Он прислушался. Сел резко, вглядываясь в темный колодец двора... Снова смутное гитарное треньканье донеслось из-под деревьев, чьи-то голоса... Перекатившись на живот, он, продолжая курить, стал слушать. Он различил женский смех. Иван легко встал и пошел к чердачному окну...

Он осторожно отодвинул ветку и выглянул. В маленьком дворе стояла старая детская беседка. В беседке шевелились какие-то тени, кто-то перебирал струны гитары, словно настраивая ее. Ветер шумел в кустах. Иван вышел и неслышно подошел к беседке...

Длинноволосый горбатый парень с узким лисьим лицом сидел в беседке и, склонившись над гитарой, повторял один и тот же аккорд, словно позывные. Еще один, с бутылкой в руке, сидел рядом, покачивая головой в разные стороны. Третий, без движения, как покойник, с вытянутыми вдоль туловища руками и свернутой набок головой, лежал прямо на земле у входа. Кроме них, в дальнем углу беседки, опустив голову, сидела девушка. Густые рыжие волосы скрывали ее лицо.

Заметив Ивана, горбатый гитарист оскалил в улыбку гнилые зубы и перестал играть.

— И-и! — протянул он. — Ты чего, мужик, не спишь?

Иван не ответил, облокотился на перила беседки, глядя куда-то в сторону.

— Дряни выпьешь? — спросил его второй парень и потряс бутылкой. Иван молча взял бутылку, осмотрел этикетку, принюхался к черной жидкости. Он отхлебнул из горлышка и тут же выплюнул все фыркнув.

Оба парня тихо и гнусно захихикали. Иван сорвал с куста листья, вытер ими рот, один лист положил на язык, пожевал немного.

— У меня сухарик, сухарик есть, — вдруг засуетился гитарист.

Он протянул Ивану кусок хлеба. Девушка, сидевшая в дальнем углу беседки, подняла голову и, чуть откинув рыжие волосы, посмотрела на Ивана.

Парни шумно, в два глотка, допили бутылку, один из них зашвырнул ее в кусты.

— Это брат мой, — снова заговорил парень, показывая на лежащего. — Даже к дряни привыкнуть не может. Выпьет два стакана и сразу умирать ложится. Эй, Витек! — позвал он, тронул неподвижное тело. — Ты дыши, дурак, придет!

Гитарист, все скалясь, разглядывал Ивана.

— Слушай! — он вдруг радостно придвинулся к Ивану, и пальцы его тронули струны. — А давай водки хорошей выпьем! Хорошей водки, а? Ты, видать, мужик богатый, вон на

тебе пиджак какой! Давай «Абсолюта» возьмем, бутылок шесть! Оббухаемся по-черному, в дым! Так чтоб помер кто-нибудь! — Голос его становился все вкрадчивей, а пальцы шарили по струнам все быстрее и жарче. — Давай, чего жмешься? Я же вижу, что ты нажраться хочешь! Давай, угости нас, а? Я сбегая. Ну хоть по рюмочке выпьем... — почти шептал он Ивану в лицо. — Ночь-то какая, а? Выпьем по рюмочке, и все сбудется! Ведь ты ж хороший мужик!

Иван, все глядевший на девушку, повернулся к горбатуму, равнодушно посмотрел в его лисье лицо. Он порывлся в кармане и протянул гитаристу деньги. Тот засмеялся тихо.

— Хороший мужик, хороший, — он осторожно погладил Ивана по руке.

Взяв деньги, горбатый оглянулся на товарища. Они оба, не сговариваясь, быстро пошли из беседки в кусты и, почти бегом, скрылись за домом...

Иван встал у входа в беседку, опершись рукой о столб, глядя на громадный дом с редкими горящими окнами. Ветер тихо шевелил кусты под стеной дома. Что-то зашуршало позади Ивана, он оглянулся и увидел, что девушка встала в беседке спиной к нему.

Вдруг парень, лежавший на земле, захрипел и поднял голову. Оглянувшись дико, медленно, со стоном встал, цепляясь за перила беседки. Не сказав ни слова, он шатаясь пошел прочь и вскоре утащился в темноту, вслед убежавшим товарищам. Где-то в темноте раздался свист...

Иван отошел от беседки, постоял прислушиваясь. Заметив на земле что-то блестящее, он нагнулся и поднял из травы медную пуговицу. Подбросил ее, поймал, снова подбросил, но не стал ловить, а отбил ладонью в сторону.

Он повернулся к беседке. Девушка стояла у входа, прислонившись к столбу, там, где только что стоял Иван, и рассматривала что-то в своей ладони. Заметив, что Иван повернулся, она сжала ладонь и засунула ее в карман куртки.

— Что это у тебя? — спросил с любопытством Иван.

Девушка усмехнулась.

— Ну покажи, — попросил он, не двигаясь с места.

Она отрицательно покачала головой.

Иван шагнул к ней, но она тут же отступила на шаг в беседку. Он пошел быстрее, почти побежал. Девушка, отбежав за стол, вкопанный посреди беседки, забила в дальний

угол. Иван, схватившись руками за перила, загородил ей дорогу, не давая выскочить.

— Чего тебе надо? — весело, почти смеясь, сказала она, держа одну руку в кармане, другой упершись Ивану в голую грудь.

— Ну давай, покажи, что там у тебя? — тоже смеясь, сказал Иван.

— Отойди на шаг.

— Покажешь? — Он отступил на шаг.

Она вынула из кармана руку, разжала пальцы, и Иван тут же выхватил из ее руки что-то маленькое, в блестящей бумаге. Она бросилась на него, пытаясь отнять, но он поднял руки высоко над головой, разглядывая, разворачивая бумагу...

Она ударила его правильно, по-мальчишечьи, кулаком в живот. Он засмеялся.

— Отдай же! — сказала она строго.

Иван опустил руки, протянул ей развернутую конфету, поднес к самым губам. Она взяла.

— Спасибо, — сказала тихо.

Отвернувшись от него, она стала есть конфету. Иван встал одной ногой на лавку, пригнувшись, откинул ей рыжие волосы, чтобы получше рассмотреть лицо. Она отвернулась. Он снова отвел волосы. Она отворачивалась, но не отходила. Потом сама повернулась к нему, разглядывая его из-под спутанных волос. Вдруг прижалась к нему, обнимая одной рукой за шею, другой под пиджак, за спину.

Иван, обнимая и целуя ее, тихо задрал ей майку до самого горла. Перестав целовать, он стал осматривать ее грудь, коснулся губами тела. Поднял ей мини-юбку, оглядывая ее со всех сторон, как вещь или предмет. Она молча следила за ним, за тем, что он осматривает и трогает...

Он снял с нее трусики, она помогла ему, высвобождая ноги. Иван поднял ее и положил на стол, вкопанный в землю посреди беседки. Она смотрела на него, чуть приподняв голову, но ее лица из-под спутанных волос почти не было видно...

Очнулся Иван уже стоя. Он держал девушку, она, откинувшись, выгнулась, опираясь плечами о столб беседки, обхватив его руками. Иван замер, тяжело дыша. Он медленно опустил девушку на землю. Она вдруг ожила, еще покачиваясь, быстро заправила майку. Подобрал с лавки трусики, одела их и выскочила из беседки. Пошла быстрым шагом, но не выдержала и побежала, сразу же пропав в кустах.

Иван, отдышавшись, взял пиджак, продолжая смотреть в ту сторону, где скрылась девушка. Сел на лавку. Где-то у дома послышались далекие голоса. Он обернулся, но никого не увидел.

Ветер волной прошелся по кустам, и стало

тихо. Из-за тучи вышла луна. Иван сидел не двигаясь. Наклонившись, он поднял с земли брошенную бутылку, принялся. Бросил ее под ноги. Откинувшись назад, поглядел на луну. Встал, вышел из беседки. Постоял в полной тишине, оглядывая неподвижные кусты. Повернулся и пошел к своему дому...

Иван бросил пиджак на пол и подошел к столу, где горели экраны мониторов. Он, стоя, пощелкал клавишами, сел на стул. «Каракалица» на втором мониторе превратилась в правильный многоугольник и застыла. «НАБЕРИТЕ ПРАВИЛЬНЫЙ КОД И ПРИСТУПАЙТЕ К РАБОТЕ» — светилось на первом мониторе. Иван заглянул в журнал и стал набирать длинный ряд, состоявший из слов и чисел, сверяясь с рядом слов и цифр на третьем мониторе. Закончив, он нажал на клавишу. «Код правильный, приступайте к работе» — загорелось на мониторе. Иван улыбнулся и, снова нажав на клавишу, вошел в программу. Он не спеша полистал на экране схемы, графики, прочитал бегло какие-то документы. Довольный, он откинулся на стуле, заложив руки за голову. Потом, пощелкав клавишами, вынул дискету из компьютера, вложил в конверт, что-то написал и положил в стопку других конвертов, лежавших в ящике с надписью: «Вскрытые». Иван потянулся, отключив компьютер. Оттолкнувшись ногой, повернулся вместе со стулом, тут же поднялся и пошел на кухню...

На кухне он осматрел холодильник. Достал здоровый кочан капусты и, выщипнув целую четверть, стал с хрустом есть в темноте, глядя в раскрытое окно.

Где-то под самым небом пролетела, тоскливо каркая, невидимая ворона. Иван осмотрел небо, но не увидел ее. Бросив недоеденную капусту в ведро, он сунул лицо под кран, умылся и напился...

Вытираясь локтями, прошел в спальню, снял джинсы. Оставшись в одних трусах, осторожно лег рядом с девушкой.

Она спала на боку. Почувствовав его тело, она, проснувшись, едва приоткрыла глаза, увидела перед собой ладонь Ивана и сонно стала трогать губами его указательный палец, медленно забирая его в рот. Иван, разглядывая ее, спокойно и почти равнодушно погладил девушку по бедрам. Она задышала, ее рука вяло и слепо нашла его грудь, сползла ему на живот. Но она спала. Иван осторожно убрал свою руку, лег на спину, глядя в потолок. Потом закрыл глаза, чисто и спокойно вздохнул, как вздыхают засыпая, и выключил ночник.

Снова где-то за окном каркнул ворон. Еще раз. Иван, быстро поднявшись с кровати, стал

натягивать джинсы. Надел майку... По пути через комнату подхватил пиджак...

Хлопнула дверь, и он побежал по лестнице вниз, спеша, прыгая сразу через пять ступенек...

Он обошел беседку по кругу, постоял прислушиваясь. Ветер шевелил кусты, было тихо. Иван зашел в беседку, присел, оглядываясь. Нагнувшись, поднял с земли обертку от конфеты. Вдруг быстро пошел из беседки. Ветер налетел на него сильным порывом, прошел волной дальше, качая кусты. Иван пошел по кустам, в ту сторону, куда убежала девушка, тихо, потом все быстрее и быстрее, словно по следу. Войдя в чащу, он бесшумно побежал...

Он вышел к какому-то складу, и за длинным деревянным забором, почуяв его, сразу забегали, захрипели три огромных волкодава. Иван посмотрел налево, направо, быстро пошел вдоль забора налево, и собаки, за забором, не отставая побежали за ним. Они не лаяли, только хрипели злобно, прыгая грудью на старый шатающийся забор и, просовывая пасти в щели под забором, щелкали зубами.

Иван остановился. Поднял с земли ветку, сел на корточки и стал злить собаку, шлепая ее веткой по носу. Волкодав, захлебываясь хрипом, высунул морду целиком, стараясь схватить Ивана за руку, но Иван вдруг второй рукой сам схватил собаку за ошейник и вытащил ее из-под забора, как она ни упиралась. Он поднял огромного лохматого пса, встряхнул, и волкодав вдруг присмирел, только рычал тихо. Иван погладил пса.

— Чего ты, хорошая собака, хорошая...

Он отпустил собаку, и она тут же бросилась назад под забор. Иван снова пошел вдоль забора, быстрее, побежал. Забор перешел из деревянного в железный, потом уперся еще в один забор, каменный. Здесь был пролом, к которому вела тропинка.

Иван нырнул в пролом и оказался во дворе какой-то фабрики. Он огляделся, прислушиваясь к неясному механическому шуму. Прошел вдоль ряда грузовых машин, гигантских кабельных катушек и вышел прямо к цеху. Огромные окна цеха ярко горели, воздух и земля колебались от гула невидимых станков.

Иван на секунду растерялся, но тут же пошел к воротам в стене и открыл маленькую железную дверь...

Громадный, с недостижимым потолком цех был залит ярким светом. На бетонном полу длинными ровными рядами стояли ткацкие станки, крутились катушки с тканью, двига-

лись рамы, бегали челноки, и никого из людей. Иван пошел вдоль работающих станков, оглядываясь, стараясь сквозь грохот механизмов услышать человеческие голоса, но никого не было, только мерно гудящие, работающие станки.

Вдруг он увидел женщину, лет сорока, в платке и халате. Она шла от станка к станку, что-то делала в них, останавливаясь. Иван прошел за ее спиной, и она не заметила его.

Он пошел дальше, увидел еще двух женщин, одна из них устало улыбнулась ему. Он прошел через весь цех, никого больше не встретив, и по лестнице спустился к другой двери.

Сразу за дверью он наткнулся на толпу. Человек сорок женщин, двое или трое мужчин стояли группами во дворе, переговаривались, курили кое-где. Никто из них не обратил на Ивана внимания. Он прошел вдоль толпы, разглядывая лица девушек, женщин. Кто-то улынулся ему, кто-то посмотрел искоса.

Подошел автобус, и все спеша побежали к его раскрывшимся дверям. Иван заторопился, вглядываясь в их лица. Он обошел автобус, смотря в окна...

Двери закрылись, автобус уехал, и Иван остался один. Он пошел через пустую площадь к зданию управления, где горело одно окно на втором этаже. Постоял, не зная, что делать. Вокруг не было ни души, только гул из цеха разносился над пустой площадью.

Где-то заскрежетало, и огромная струя пара с шипением вырвалась из-под стены цеха. Иван прошелся вдоль управления, заглядывая в темные окна. Около одного из окон он задержался. Постоял, прильнув к стеклу. Оглянулся, но вокруг по-прежнему никого не было.

Он потрогал раму, пробуя открыть окно. Еще раз оглянувшись, быстро забрался на подоконник. Попробовал открыть форточку. За его спиной снова с шипением вырвалась струя пара. Иван ударил локтем по форточке, она звонко раскололась. Просунув руку, он открыл верхний шпингалет, но до нижнего не смог дотянуться. Тогда он вытащил осколки стекла и, по очереди просунув руки, как змея, с головой полез, подтягиваясь, в форточку...

Открыв окно, Иван спрыгнул в комнату, прислушался. Он закрыл окно, задернул шторы и огляделся. В комнате стояли шкафы с выдвигаемыми ящиками. Иван прошел вдоль шкафов, трогая, выдвигая ящики. Какие-то документы, чертежи.

Наконец, в самом верхнем шкафу он нашел то, что искал. Он по очереди, один за другим, вынул три ящика. Поставив на стол, стал рыться в них, перебирая карточки с фо-

тографиями. Это были женщины, старые, молодые, совсем старухи. Иван вглядывался в некоторые лица, другие пропускал. Иногда читал, снова отбрасывал, продолжал искать.

Когда в руки ему попала фотография лысого усатого мужика, он услышал шаги за дверью. Иван встал за шкаф, кто-то в коридоре подошел к двери. Потрогал ручку, проверяя замок. Постоял, прислушиваясь. Видимо, забеспокоившись, быстро пошел по коридору от двери. Где-то раздалась резкие встревоженные голоса...

Иван, не раздумывая, сорвал с окна шторы, высыпал в нее из ящиков то, что еще не успел просмотреть, и, связав шторы узлом, открыл окно. Выглянув, он прислушался к гулу, идущему из цеха. Выбрался наружу.

Пар снова ударил из трубы. Огромные ворота цеха медленно, со скрежетом двинулись в сторону открываясь. Иван перекинул узел за спину и побежал через пустынную площадь в темноту...

Светало. Иван сидел на пустыре под тускнеющим фонарем с усталым и равнодушным взглядом. Вокруг него, на развернутой шторе, на траве, в грязи валялись разбросанные карточки с фотографиями женщин.

Иван прутиком потрогал одну из них. Заинтересовавшись, поддел ее поближе, взял в руку. На фотографии улыбалась красивая светловолосая девушка.

Иван встал. Над ним поднималась железнодорожная насыпь. Где-то позади загудел тепловоз. Иван не спеша пошел через кусты, прудолжая разглядывать фотографию. Потом сунул карточку в куст и пошел, не оглядываясь, прочь.

В спальне было еще темно. Иван, сложив ноги по-татарски, голый сидел на кровати. Лицо его было спокойно и равнодушно. Девушка, свернувшись под простыней, спала на другом краю постели. Сквозь шторы в спальню пробивался утренний свет.

В чистой белой рубашке, в галстучке, Иван стоял на кафедре у доски и быстро, не останавливаясь, писал мелом. Из-под его руки выскакивали буквы, знаки, формулы. Написанное быстро заполняло черную длинную доску. За его спиной, в огромной университетской аудитории, амфитеатром, уходящим вверх, за партами сидели студенты.

Иван вдруг остановился. Прекратив писать, он резко обернулся к аудитории. Удивленно и

хмуро оглядел парты, как будто только теперь вспомнил, что две сотни человек записывают за ним каждую его букву. Иван вдруг быстро подошел к первому ряду, схватил чей-то конспект, вчитался. Отложив тетрадь, снова вернулся к доске, встал, задумчиво разглядывая свои каракули. Стер что-то ладонью. Снова стал быстро, не останавливаясь, писать. Мел крошился в его руке, не выдерживая скорости...

Он стремительно шел по пустому коридору. Свернув, сбежал вниз по широкой мраморной лестнице, снова свернул. Коридоры заполнили студенты. Иван сбавил шаг и пошел медленной, обходя людей.

Спустившись в вестибюль, он вдруг остановился и, развернувшись, быстро пошел назад.

У окна на лестнице стояли, разговаривая, две девушки. Одна из них, полноватая, с редкими рыжими буклями, что-то искала в своих тетрадках. Иван незаметно обошел ее сзади, разглядывая ее крупное лопухое лицо, густо усеянное веснушками, толстые щеки, маленькие глазки, сиреневые губы. Он вдруг, неловко, как кошка, двинулся к ней, подошел почти вплотную и, чуть наклонившись, вдохнул запах ее волос.

Ничего не говоря, не обращая внимания на опешивших девушек, он снова пошел к выходу, задумчиво, словно анализируя запах...

На улице, на солнце Иван усмехнулся и прибавил шаг. Подойдя к своей машине, он открыл багажник, швырнул туда листы с конспектами. В багажнике стоял ящик с «пепси-колой», половина бутылок пустых, половина полных. Иван достал одну бутылку, открыл ее и выпил залпом...

Он двигался в нескончаемом потоке других машин, часто останавливаясь, трогаясь, снова останавливаясь. Иван снял через голову галстук, расстегнул рубашку до живота, распахнул ее. Вытер галстуком грудь, подмышки, швырнул его на заднее сиденье. Сделал радио погромче...

Иван свернул в тихий переулок старого города и, подъехав к железным воротам трехэтажного флигеля, посигналил. Из будки рядом с воротами высунулся молодой вихрастый охранник. Узнав Ивана, он улыбнулся. Ворота двинулись в сторону, и Иван въехал в просторный заасфальтированный двор, огороженный высоким кирпичным забором. Ворота за ним тут же закрылись.

Во дворе, перед домом стояли в куче

«мерседесы», «БМВ», толпились люди. Двери и окна в доме были раскрыты настежь. Люди, перекиваясь, непрерывно выносили что-то из здания, другие заносили внутрь.

Посреди двора, на солнце, стояло два огромных стола. Один, заваленный бумагами, телефонами, другой, заставленный закусками, водкой, пивом, водой так плотно, что уже больше на него поставить было нечего. Отдельно от всех, в стороне, на туго набитых мешках сидел уже немолодой, полный мужчина в скромном костюме. Он бережно держал на коленях картонную коробку и, с неудовольствием глядя на суету, время от времени витирал платком пот со лба. Рядом с ним, держа руки в карманах, стоял громадный парень в белой рубашке. Из наплечной кобуры у него на боку торчал пистолет.

Иван прошел, оглядываясь, к столу с бутылками, наполнил минеральной воды. В руке он держал стопку дискет.

Среди суетящихся людей выделялся один. Высокий, как и Иван, по пояс голый, крепкий, как атлет, он стоял на солнце, упершись руками в пояс, как главнокомандующий. Ему подносили какие-то бумаги, что-то спрашивали, он тут же, давая указания, быстро подходил к дверям, останавливал людей с ящиками, заглядывал в них, снова возвращался на солнце, весело и зло глядел наверх, откуда, свесившись, что-то кричал ему офицер-пожарник. За ним неотступно следовал еще один охранник с кобурой под мышкой.

— Сергей Сергеевич! — кричал ему из окна пожарник. — Окна надо все открыть! Тяги не будет!

— Открывай! — отмахнулся Сергей. — Здорово, Иван! — сказал он коротко, но весело, заметив подошедшего Ивана.

Они пожали друг другу руки, Иван протянул ему стопку дискет. Тот взял.

— Взломал? — спросил он.

— Взломал, — ответил Иван.

— Все?

— Все.

— Про меня что-нибудь было?

— Я не смотрел.

Сергей внимательно оглядел Ивана, спрятавший дискеты в карман брюк.

— Скрытный ты человек, Иван! — Он оскандился в улыбку. — Ладно, сами посмотрим. Посмотрим, почитаем!

— Затопило? — спросил Иван, кивая на бегающих людей.

— Да нет! — Сергей снова уперся руками в пояс. — Так, ерунда. Сейчас офис жечь будем! Банк меня подставил, сейчас я его подставляю! Все пожу, возьму страховку и лечиться на месяц, в какую-нибудь дыру, в Бахрейн! — говорил он зло и радостно. — Всех баб трахну — и молодых, и старых! Всех, пока не

ослабну! Куда? — заорал он кому-то грозно. — Куда стул понес? А ну назад!

— Стул-то мой, личный! — У дверей стоял маленький щуплый мужик со стулом. — Я ж его из дома принес, Сергей Сергеевич! Обеденный стул-то!

Иван засмеялся беззвучно.

— Назад! — сурово приказал мужику Сергей. — Все должно быть честно, пожар так пожар! Еще бы пару трупов для правдоподобия, обгоревших! — Он снова повернулся к Ивану. — Значит, про меня нет ничего?

— Я не смотрел, — засмеялся Иван.

— Навнычко! — Сергей махнул мужчине, сидевшему на мешках. — Поди сюда! Выдай Ивану деньги!

— Да куда же я пойду, Сергей Сергеевич, я на деньгах сижу! — с обидой и раздражением крикнул мужчина и, заерзав на мешках, снова вытер со лба пот. — Идите ко мне, товарищ! — позвал он Ивана.

— Выдай ему полштуки! — приказал Сергей.

Ему тут же подали радиотелефон, и он, отвернувшись, вдруг быстро и чисто заговорил в трубку по-французски...

Иван подошел к бухгалтеру, сидевшему на мешках с деньгами.

— Сколько вам? — обиженно спросил тот.

— Четыреста, — ответил Иван.

— Он говорит, четыреста! — крикнул бухгалтер.

Не дождавшись ответа, он со вздохом открыл большую коробку, на которой была нарисована реклама апельсинов. Коробка была набита стоцолларовыми банкнотами. Бухгалтер, склонившись почти внутрь коробки, долго отсчитывал там что-то, потом закрыл коробку и протянул деньги Ивану. Иван не считая спрятал деньги в карман. Он отошел к столу. Оглядев стол, выбрал на блюде кисть винограда, стал есть, не спеша, отрывая ягоды по одной, наблюдая за происходящим.

Сергей, обернувшись, нашел его взглядом, подмигнул. Не отнимая радиотелефона, он взял еще одну трубку, которую ему поднесли.

— Никаких встреч! — сказал он в трубку, присев на стол. — Нет, все в силе, все в силе! Дайте мне один день отсрочки, у меня офис сгорел. Нет, физически сгорел, сгорел родимый, пепелище одно осталось, вот стою на пепелище, и слезы лью. Но все в силе, все в силе!

Кто-то подтащил две канистры с бензином, крикнув громко:

— Не курить, здесь не курить!

Два «мерседеса» с людьми развернулись бесшумно и один за другим понеслись в открытые ворота, а от ворот к Сергею, оглядываясь с любопытством, уже шел какой-то хлопек в костюмчике.

Его остановили два охранника, обыскали, прощупав полы пиджака, подвели к Сергею.

— Я представитель фирмы «Олимпия»,— представился хлопец.

— Так, и что дальше? — на секунду обернулся к нему Сергей.— Я вам что-то должен?

— «Олимпия».— Хлопец ласково улыбнулся.— Снятие стрессов. Отличный сервис, иглотерапия, массаж. Специальное дневное обслуживание только для солидных фирм. У меня тут четыре девочки...— добавил он.

Сергей молча, со злым любопытством смотрел на него.

— Иван, что ж ты так и не посмотрел, дискетку-то? — вдруг крикнул он.

Иван обернулся. Улыбнувшись, он покачал головой.

— Оральный, анальный секс...— проговорил хлопец, уже теряя надежду.

— Что? Веди! — приказал Сергей.

Хлопец, обернувшись к воротам, махнул рукой. От ворот быстро, гуськом, подошли четыре молодые девушки. Мужчины, носившие через двор ящики с бумагами, останавливаясь, глядели на них, улыбаясь с любопытством.

— Эти? — спросил Сергей, продолжая сидеть на стуле.

Он вдруг легко поднялся, прошел, голый по пояс, оглядывая выстроившихся в ряд девушек. Ощупал одну, вторую.

— Фамилия, имя? — спросил он одну из девушек командирским голосом.

— Вера,—ответила девушка.

— Иди в кладовку.— Сергей подтолкнул ее к гаражам.— Покажите ей кладовку! — крикнул он парням.

— Пятьдесят долларов в час,— сказал хлопец.

Сергей, похлопав себя по карманам, огляделся. Взял со стола бумажник.

— За час.— Он отсчитал деньги.

— А остальные? — удивился хлопец.

— Я плачу только за себя.

Сергей жестом позвал Ивана и не спеша пошел ко входу в здание...

Они спустились по лестнице в полуподвал. Здесь стояли какие-то ящики, тюки. У стены до потолка лежали перевязанные пачки. Сергей с силой выдернул из пачки черную кожаную куртку, протянул Ивану.

— Давно подарить тебе что-нибудь хотел,— улыбнулся он.

— Компьютеры тоже сожжешь? — спросил Иван, кивнув на коробки.

— Да, все,— равнодушно сказал Сергей.

— Слушай, дай я разобью один? — спросил Иван.

— Да хоть все! — Сергей засмеялся.

Иван, отложив куртку, огляделся. Выбрав одну из коробок, отдрал от нее стенку. Раскрыл упаковку, погладил осторожно новый, матово блестящий компьютер. Он размахнулся и ударил компьютер об пол. Сергей снова засмеялся. Иван из другой коробки взял новый телевизор и ударил его, прислушиваясь к грохоту, улыбаясь счастливо. Он взял еще один компьютер и тоже разбил его.

— Хороший компьютер,— сказал он.— Это самая последняя модель!

Сергей радостно смотрел на него.

— Не курить, не курить! — слышались крики.

В подвал, шумно топая, спустился парень, тащивший две канистры с бензином. За ним вошел пожарный офицер.

— Все помещение подготовлено, Сергей Сергеевич! — рапортовал он.— Только вот кожа, она плохо разгорится, ее подворошить надо, а то не сгорит.

— Ну подвороши, я, что ли, подворощу! — Сергей повернулся и пошел к выходу.

Иван подобрал с пола какую-то деталь из разбитого компьютера, пошел за ним...

Сергей шел по коридору, заглядывая в комнаты. Людей в здании уже не было, в пустых комнатах стояли новенькие столы с компьютерами, где-то звонили телефоны.

— Рыбок забыли! — закричал вдруг Сергей.— Кто за рыбок отвечает?

К нему подбежал один из парней и, подхватив большой круглый аквариум, осторожно понес его к выходу. Иван, стоя рядом с Сергеем, разглядывал какую-то картину на стене.

— Вроде все, а? — пробормотал Сергей, оглядывая помещение.

Он остановился и вдруг отбросил стол, стоявший у стены, сложенной старинной вечной кладкой. Из стены торчал черный кованый крюк, украшенный железными лепестками.

— Ты знаешь, что это? — Сергей указал на крюк.— Это литье, семнадцатый век. Ну-ка, лом сюда и кувалду! — крикнул он.— Это может быть или Строгановское, или Воробьевское литье. Теперь так не лют.

Он взял у парня кувалду и с размаху стал бить в стену, пытаясь раскрошить ее и выбить крюк. Иван подхватил лом и стал бить в стену рядом. Они били молча, сосредоточенно, как молотобойцы в кузнице, каждый знающий свое дело.

Выбив несколько кирпичей, Сергей ухватился за крюк руками и стал расшатывать, выворачивать его из стены. Иван, навалившись ломом, помогал ему. Наконец, кирпичи захрустели и крюк выскочил. Иван поднял его на двух руках рассматривая.

— Пуда два будет,— сказал он.

— Ну-ка,— Сергей взял у него крюк.— Хорошая вещь!

Он взвалил крюк на спину, и они пошли к выходу.

— Лично отвечаешь! — На улице Сергей отдал крюк одному из охранников.— Лично! Отвезешь домой, через неделю напомнишь.

Пройдя к гаражам, Сергей открыл дверь в кладовку, где среди лопат и метел сидела, причесываясь, девушка.

— Я счас, раздевайся! — сказал ей Сергей.

Люди, собравшиеся во дворе, все глядели на него, ожидая приказаний.

— Можно запаливать? — крикнул пожарник.

— Ладно, мы тут работаем, заходите через недельку! — Сергей весело пожал Ивану руку.— Запаливай! — крикнул он и, быстро отвернувшись, прошел в кладовку и захлопнул за собой дверь.

Пламя с ревом вырвалось сразу из всех окон. Парни во дворе радостно закричали. Иван, оскалившись, смотрел на пожар. Повернувшись, он не спеша пошел к своей машине...

Он поставил машину во дворе около дома. У подъезда на лавочке сидели в ряд четыре старухи. Они молча смотрели на Ивана. В стороне около маленьких качелей играли дети, где-то лениво лаяла собака.

Иван прошел через двор в дальний угол и вышел к беседке. Здесь было тихо и пусто. Он вошел в беседку, присел, оглядываясь. Днем здесь все выглядело по-другому. Иван поси-дел, закинув ноги на стол, вкопанный посреди беседки. Потом встал и пошел к дому...

Голый по пояс, он сидел перед компьютером в своей комнате и работал. В ногах у него стояло жестяное ведро, набитое вперемешку яблоками, грушами, огурцами, сливами. Иван не глядя брал их из ведра и просто сжирал, не отрываясь от компьютера, швырял огрызки в корзину для бумаг и снова брал из ведра. Из спальни доносилась музыка, но он не слышал ее.

В комнату в одних белых трусиках вошла его девушка. Она остановилась на краю ямы со строительным мусором, постояла, в задумчивости глядя на спину Ивана. Осторожно переступая босыми ногами по доске, перешла через яму на половину, где сидел Иван. Подошла к нему, улыбаясь, ласково обняла его за голую спину, потерлась об него грудью.

Он, оторвавшись от компьютера, повер-

нулся к ней. Взяв обеими руками за бедра, осмотрел ее, погладил по животу, потрогал трусики и снова отвернулся к компьютеру, продолжая работать.

Она постояла, водя пальцем по его плечам, спине. Повернувшись, пошла молча в спальню... Иван достал из ведра огурец и с хрустом откусил от него половину. Он щелкнул клавишами. «НАБЕРИТЕ ПРАВИЛЬНЫЙ КОД. ПРОГРАММА ЗАЩИЩЕНА» — горела надпись на одном мониторе. На другом, меняя цвет, бешено вращалась «каракатица».

Музыка в спальне стала громче, и в комнате снова появилась девушка. Теперь на ней были черные трусики. Она так же осторожно перешла через яму и неслышно подкралась к Ивану сзади. Снова обняла его за спину, погладила по волосам. Иван, не оборачиваясь, протянул руку и сжал ей щиколотку. Она тихо, ласково подула ему в ухо. Склонившись, выбрала из ведра грушу, провела грушей по его плечу, приставила ее к своему животу, разглядывая. Иван, продолжая гладить ее ногу, все выше и выше, обернулся к ней и вдруг отдернул руки.

— Сними, мерзость какая! — Он снова отвернулся к компьютеру.

— Почему? — обиделась девушка.— Это чистый шелк! — Она с удивлением осмотрела свои трусики.

Швырнув грушу в ведро, она крепко обхватила Ивана за спину, прижавшись к его плечу подбородком.

— Ну, поласкай меня,— сказала она.— Ты что, боишься черного цвета, а? Боишься...

Иван нашарил у себя за спиной ее бедра. Рукой, одним рывком сорвал с нее трусики и бросил на пол, так и не обернувшись. Она, опешив, зло оттолкнула его спину, быстро подобрала трусики, обиженная, побежала в спальню.

Иван работал, подбирая шифр. «КОД НЕ ВЕРЕН. НАЗОВИТЕ ВАШЕ ИМЯ» — требовал компьютер.— «ПРЕДУПРЕЖДАЮ, ВЫ СОВЕРШАЕТЕ ВЗЛОМ». «Каракатица» на экране монитора лихорадочно вертелась...

Громко стуча каблуками, в комнату вошла девушка. Она была уже в платье, через плечо у нее висела сумка.

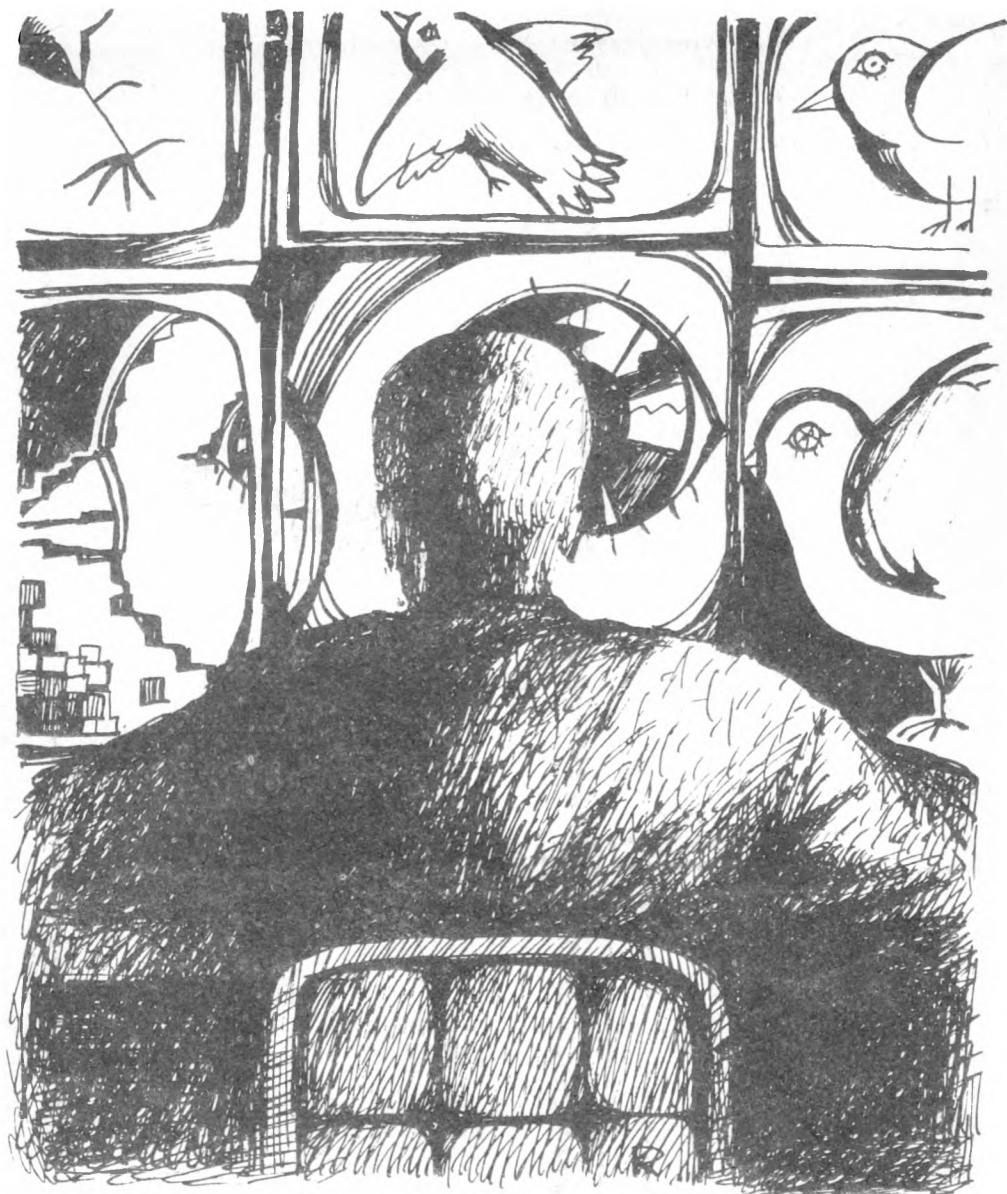
— Дай мне денег! — приказала она.— Слышишь, дай мне денег!

Иван оторвался от работы. Повернувшись, он спокойно смотрел на нее.

— Мне нужно пятьдесят долларов! — снова сказала она.

Иван встал, перешел через яму. Молча достал из бумажника деньги, обернулся, но ее уже не было.

Он вышел из комнаты. Она стояла в коридоре, открыв входную дверь. Он так же молча протянул ей деньги.

— Я приду завтра! — сказала она.

Иван пожал плечами.

— Или мне не приходиться?

— Я не знаю,— честно сказал Иван.

Она вышла, захлопнув дверь. Иван хотел уйти в комнату, но в дверь позвонили. Он открыл. Она стояла перед дверью.

— Знаешь, куда я сейчас пойду? — спросила она.— Я пойду на дискотеку. А вечером у меня будет самый лучший мужик! — Она улыбнулась.— Понял? Он будет дарить мне

цветы, ухаживать за мной, исполнять все мои прихоти! Он будет ласкать меня! А к тебе я больше никогда не приду! — Она повернулась и пошла по лестнице.

Иван постоял молча. Потом закрыл дверь. Вернулся в комнату и сел перед компьютером...

Закончив работу, Иван встал, прошелся по комнате. Вдруг лег на пол. Потянулся что было

сил, еще раз, так что все тело затрещало. Замер, раскинув руки и закрыв глаза... Вдруг вскочил одним прыжком...

Иван не спеша подошел к беседке. В беседке сидели две женщины, рядом играли маленькие дети. Иван постоял у беседки, не зная, что делать. Пошел не спеша вдоль кустов.

Он обогнул дом, прошел в другой двор, снова остановился, осматривая окна, балконы, людей, проходивших по двору. Какой-то резкий неприятный звук привлек его внимание.

За деревьями, в дальнем конце двора, над огороженной хоккейной коробкой по кругу пролетел маленький кордовый самолетик. Тонко воя бензиновым моторчиком, он снова взлетел над верхушками деревьев, снова нырнул вниз, и звук стих...

Иван подошел к коробке и увидел мальчика лет двенадцати, который, странно согнувшись, возился над маленькой кордовой моделью самолета.

— Это ЯК-3? — спросил Иван, разглядывая самолет.

— Нет, это «кобра», — ответил мальчик не оборачиваясь. — У них просто очень похожие силуэты.

Мальчик выпрямился, держа самолет в руках, и Иван вдруг только теперь понял, что он горбат. Мальчик улыбнулся, разглядывая Ивана, который стоял растерявшись, не зная, что сказать.

— Я его немного неправильно собрал, — заговорил он снова. — Вот видите, угол атаки крыла не тот. — Он смущенно повертел самолет. — Он или слишком вверх задирает, или вниз... Вы хотели что-то спросить? — Его спокойные глаза смотрели внимательно.

— Да, — Иван кивнул. — Я ищу одного парня... У него длинные волосы, худое лисье лицо. — Иван замаялся, не зная, как объяснить.

— Он горбатый, — улыбнувшись, подсказал мальчик.

— Да.

— Я не знаю его. — Мальчик покачал головой. — Я видел его два раза, он был у нас во дворе... Он плохой человек. — Он снова улыбнулся.

Иван старался не смотреть на его согнутую уродливую спину.

— А девушка, рыжая такая... Не встречал?

— Нет... хотя знаете что, тут есть одна рыжая девушка. Она недавно живет. Во втором подъезде, второй этаж и направо.

— Темно-рыжая? — спросил Иван.

— Да, длинные волосы, — мальчик показал рукой. — Вы ее ищете?

— Не знаю, может быть, ее.

— Она красивая, — мальчик улыбнулся. — Ее Катя зовут, она самая красивая здесь... Она поздно приходит.

Иван тоже улыбнулся. Он подошел ближе и протянул мальчику руку.

— Как тебя зовут?

— Константин, — ответил тот. — Знаете что, вы приходите через неделю. Он уже будет летать по-настоящему. — Мальчик отпустил самолет.

Иван поднялся по лестнице, нашел нужную квартиру и, прислонившись к двери, прислушался. Нажал звонок. Еще раз. За дверью стояла тишина. Оглядевшись, он поднялся еще на пол-этажа, прошел к окну, подергал за ручки.

Рама со скрежетом поддалась, он открыл окно и осторожно по поясу высунулся, глядя туда, где были окна квартиры.

Он увидел штору, угол комнаты, платье, висевшее на веревке...

Дома Иван сел за компьютер. Попробовал работать, но снова встал. Заходил по комнате — в одну сторону, в другую. Сел на края, взял кирпич, повертел его в руке, бросил...

Он застелил стол скатертью, придвинул стулья. Поставил на стол приборы...

Оглядев содержимое холодильника, достал все, что нашел... Он поставил на стол вазу с фруктами, овощи, сыр, нарезанное мясо... Обошел стол, разглядывая. Залез с ногами на стул, сел перед столом, замер не двигаясь, словно ожидая.

Раздался телефонный звонок. Иван спрыгнул со стула, схватил трубку.

— Да! — сказал он резко. — Да!

В трубке было тихо, потом пошли гудки. Он швырнул трубку, снова прошелся по комнате, встал у окна...

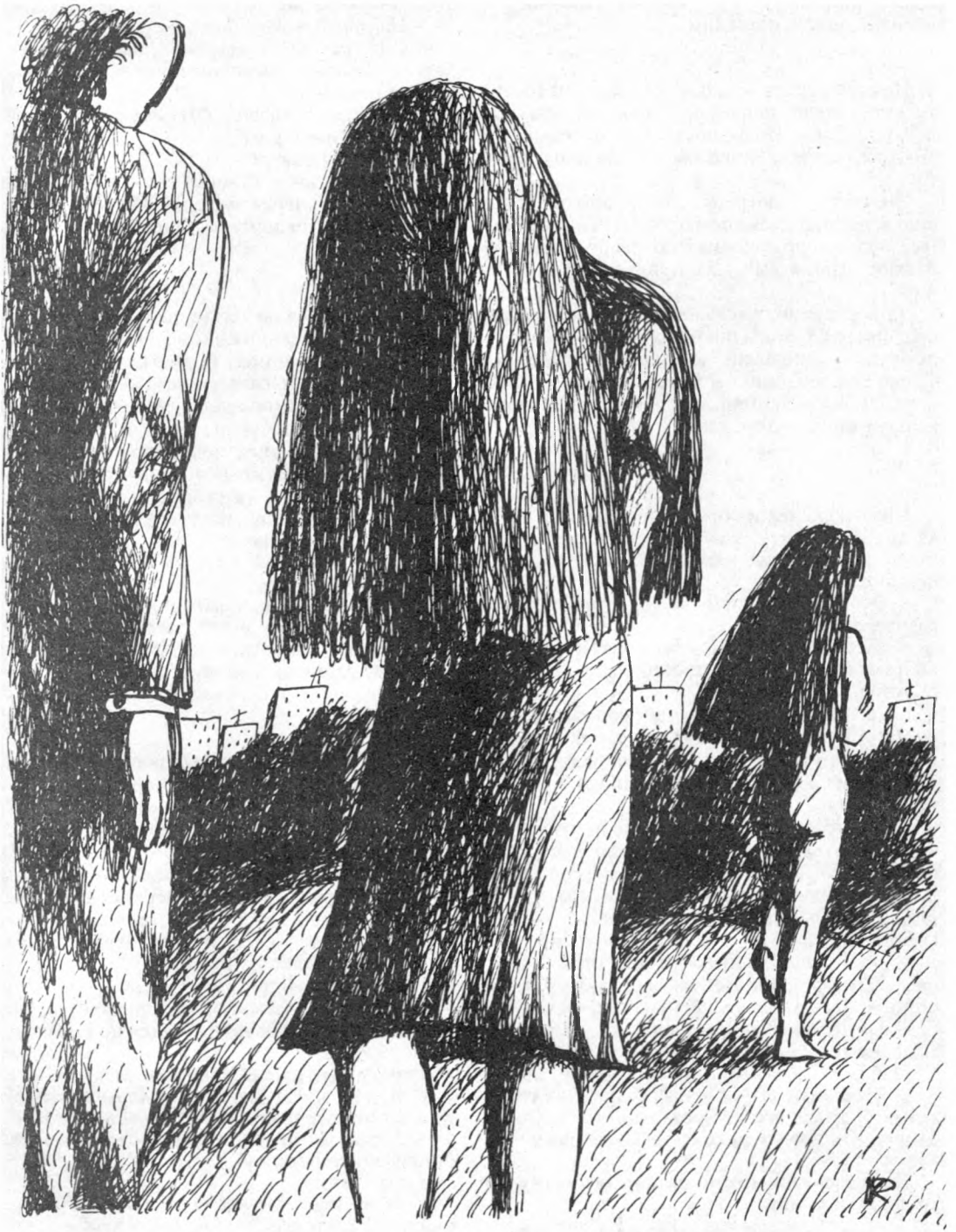
Позвонили в дверь. Иван вышел в коридор, открыл дверь. На пороге стоял невысокий худощавый, скромно одетый мужчина.

— Здравствуйте, вы Иван? — спросил он, улыбувшись вежливо.

Иван кивнул.

— Мне порекомендовали вас как очень хорошего специалиста. Можно к вам?

Иван молча жестом пригласил его в комнату. Мужчина вошел, следом за ним, вдруг выступив из-за стены, вошла высокая черноволосая женщина...

Войдя в комнату, мужчина огляделся и достал из кармана дискету.

— Я хотел бы, чтобы вы помогли мне расшифровать один материал,— сказал он.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил Иван мужчину.

— Нет, спасибо. Если только жене дадите холодной воды?

Иван сходил на кухню, принес стакан с водой, протянул женщине. Она взяла, мельком улыбнувшись Ивану, сделала маленький глоток и отошла к окну...

Иван прошел к компьютеру, вставил дискету, пощелкал клавишами. «ВВЕДИТЕ КОД» — потребовала машина. Иван набрал что-то на втором компьютере. Монитор вдруг моргнул, и на нем появилась маленькая розовая птичка. «ВВЕДИТЕ ПРАВИЛЬНЫЙ КОД» — повторила машина. Иван уставился на птичку. Мужчина, стоявший рядом с ним, спокойно смотрел на экран.

— Я обращался к разным специалистам, но ее не смогли открыть,— сказал он.— А работа срочная. Я вижу, у вас прекрасное оборудование. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени?

— Не знаю.— Иван снова покосился на женщину, стоявшую у окна.— Может быть, час, а может быть, неделю. Как повезет...

Мужчина достал из кармана сложенную пополам пачку долларов и протянул Ивану.

— Я думаю, вам повезет. Здесь одна тысяча. Еще девять вы получите сразу, как только откосте ее.

Иван взял деньги.

— Я открою ее,— он улыбнулся...

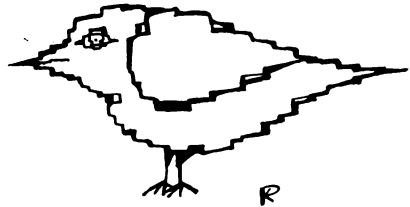
Они вышли в коридор. Мужчина протянул Ивану руку.

— Это очень срочная работа,— сказал он мягко.— Удачи вам.

Он взял женщину под руку, и они вышли из квартиры. Иван закрыл дверь, постоял раздумывая.

Достав из кармана деньги, пересчитав, он, радостный, прошел в комнату к столу. Выбрал самый большой кусок мяса, положил на хлеб сыр. Разрывая мясо зубами, с удовольствием жуя, он вернулся к компьютеру. Постоял, разглядывая птичку. Пощелкал клавишами. «Каракатица» на втором мониторе завращалась, набирая обороты. Вдруг она задрожала и расплылась, превратившись в бледно-зеленое пятно. Иван с изумлением смотрел на экран. Птичка на первом мониторе ожила. Она пробежала по экрану и остановилась, кивнула головой. «ПРИВЕТ. ДАВАЙ ПОИГРАЕМ» — прочитал Иван.

Он сел. Голова его вплотную придвинулась к экрану, словно он хотел получше разглядеть

птичку. Вдруг, словно что-то почувствовав, он встал и прислушался.

Быстро прошел в коридор, открыл дверь и замер опешив. За дверью стояла высокая красивая черноволосая женщина, та, что была у него с мужчиной полчаса назад. Она улыбнулась немного смущенно.

— Я сказала мужу, что поехала в парикмахерскую,— заговорила она неожиданно низким приятным голосом.— Можно еще воды?

— Да, конечно...

Обалдевший Иван пропустил ее в комнату. Он сходил на кухню, принес бутылку «пепси-колы». Она взяла, но пить не стала. Они постояли молча. Иван, онемев, не знал, что делать. Она улыбнулась ему, он улыбнулся в ответ.

— Где у тебя ванная? — Она подошла к двери в ванную.

Включила свет. Вошла, закрыла за собой дверь. Иван услышал шум воды. Он лег на пол, придвинувшись к щели. Увидел голые ноги. Встал, прошелся у двери взад-вперед. Руками зачесал назад волосы.

Дверь открылась.

— Иди сюда,— позвал голос.

Он подошел.

— Дай мне рубашку.

Он снял с вешалки рубашку, протянул не глядя. Она вышла в рубашке, улыбаясь. Обняла его. Он обнял ее. Под рубашкой на ней ничего не было...

Они лежали на полу, оба тяжело дыша, успокаиваясь. Она подняла руку, потрепала его по волосам.

— Ты молодец,— сказала она.— Это будет наш с тобой секрет...

Она выбралась из-под него, встала и снова зашла в ванную, закрыв за собой дверь. Иван, неподвижный, остался на полу...

Шлепая босыми ногами, оставляя на полу мокрые следы, он вернулся к компьютеру. Вода стекала с него ручьями, мокрые волосы прилипли ко лбу, словно он только что вышел

из моря. Он тяжело уселся в вертящееся кресло, уставился на птичку, замершую на экране монитора. Смахнув воду с глаз, он заработал на клавиатуре, набирая что-то. На экране появилась горизонтальная полоса. Теперь птичка стояла на земле. Иван вывел под клювом у птички несколько цифр. Птичка ожила и отвернулась от цифр. Иван откинулся на стуле, скрестив руки. Улыбнулся...

Он поднялся по широким ступеням и позвонил в тяжелую трехметровую дверь. Слева от двери висела массивная латунная табличка с названием банка. За спиной Ивана нескончаемым потоком шли машины...

Охранник впустил его внутрь. Иван прошел одну решетку, потом вторую, через Побразный вход. Раздался звонок. Иван вынул связку ключей. Второй охранник похлопал его по карманам, подвел к дежурному, что-то сказал ему. Дежурный тут же связался с кем-то по селектору, разглядывая документы Ивана...

Иван в сопровождении охранника прошел через просторный зал, в котором рядами стояли столы с компьютерами, за столами работали люди. В углу Иван заметил человека, по пояс заваленного пачками денег. Две женщины в резиновых перчатках и халатах уборщиц считали пачки, складывая их в обычные мешки, переговаривались о чем-то...

Они прошли через кухню, где в котлах на плите что-то варилось. Солидный мужчина в галстуке и дорогом клубном пиджаке, склонившись над котлом, пробовал ложкой борщ. Рядом с ним стоял повар...

В маленькой комнате, уставленной компьютерами, сидел худенький человечек с редкими всклокоченными волосами, в очках и в простой мятой рубашке. Он ел из тарелки вареную картошку, запивая молоком из пакета. Увидев Ивана, он оставил еду и встал, вытирая руки о штаны и с любопытством разглядывая вошедшего сквозь толстые стекла очков.

— Здорово, Мишка! — сказал Иван, и они обнялись.

Иван был выше его на две головы.

— Есть будешь? — Михаил, обняв его за пояс, потянул к столу. — Рязанской картошки... Давай, поешь, через базар шел, не удержался, купил полакомиться. Давай, ешь, ешь!

— А может, они тебе денег не платят? — засмеялся Иван.

— Денег у них море, хорошие ребята. — Михаил придвинул Ивану тарелку. — Вань, а

ведь ты, собака, преподаешь, я слышал, а? Или врут?

— Да так, ерунда. Восемь часов в неделю. — Иван ел картошку.

— А я думаю, что лет через пять ты деканом будешь, вот запомни мои слова! — Михаил покачал головой. — Я бы тоже, конечно, смог, но у меня дикция не та, да и робею я...

— Да смог бы. — Иван обнял его за плечи. — Там знаешь, студентки какие? Они бы за зачет поймали тебя, раздели и ласкали! — Иван похлопал его по животу. — Ласкали и возбуждали, ты перевозбудился бы и умер.

— Худые, как я, между прочим, и в очках, самые страшные бабники! От нас женщины плачут, мы как звери! Ты-то не женился?

— Нет, — Иван, улыбаясь, покачал головой.

— Одни мы с тобой остались с курса старые холостяки, все переженились, а жизнь проходит... — Михаил встал. — А я здесь, Ваня, тоже главный. Вся электроника — это я. Весь банк на мне! Я сто долларов в месяц уже получаю, понял? Но ты меня не слушай, ты преподавай. Ты ученый, светлая голова. Ты еще занимаешься компьютерами?

Иван достал из кармана дискету, вставил ее в компьютер. Пощелкал клавишами, и на дисплее появилась птичка. Михаил изумленно глядел на Ивана.

— Ты закрывал? — спросил Иван.

— Откуда у тебя это? — растерялся Михаил. — Это моя программа.

— Миша, — Иван встал и положил на стол пять столондаровых бумажек. — Скажи мне код. Я все равно бы взломал, но время не хочу терять.

Михаил молча глядел на Ивана.

— Я не могу, — он покачал головой. — Это же моя программа! Там банковские шифры.

— Миш, — Иван поймал его за руку, притянул к себе обнимая. — Знаешь, сколько я таких программ заломал? Мне один заказчик за эту птичку десять тысяч платит! Давай, говори код, и половина твоя. Все равно ведь взломаю, Миш...

— Я не могу, ты что? — тихо отозвался Михаил. — Как ты не понимаешь, это же я сам закрывал. Это же моя работа, Вань!

— Ну кто узнает? — горячо заговорил Иван. — Что тебе эти люди, родные что ли? Ведь наверняка бандиты или еще хуже! Давай, Мишка! Давай колись, и пять тысяч твои, штаны себе хоть купишь! Я ведь все равно взломаю, ты же меня знаешь! Ну ведь жалко, классная птичка, а, Миш?

— Да не взломаешь ты! — Михаил покачал головой. — Там такая штука у меня получилась, я сам не ожидал. Ни за что не взломаешь!

— Взломаю, — Иван улыбнулся. — Если человек закрыл, то человек и откроет. Через три

дня взломаю и открою! Не через три, так через пять, через неделю, время только жалко!

— Нет, и ни через неделю, и ни через год! Ничего у тебя, Иван, не выйдет, даже не пробуй!

Иван вздохнул. Он молча достал дискету из компьютера, сунул ее в карман. Собрал со стола деньги.

— Ладно,— сказал он.— Не хочешь помочь, твое дело. Думал, вместе заработаем.

— Вань, подожди! — испуганно заговорил Михаил.— Я ведь, наверное, про дискету-то сказать должен!

— Ну, иди, скажи,— спокойно сказал Иван.

— Ты дурак! — бросился к нему Михаил, глаза его блестели, он чуть не плакал.— Дурак! Ты что ж, обо мне подумал, что я товарища выдам? — Он встряхнул Ивана за плечи.— Ну, не лезь ты туда, Вань, слышишь?

— Открою, Миш,— Иван улыбнулся.— Ты уж меня прости.

— Ну иди.— Михаил отпустил его.— Ничего ты не откроешь.

Иван, смущенный, вышел из комнаты и пошел к выходу.

Он вышел на улицу, прямой, как гвоздь. Подошел к своей машине. Достал из кармана деньги — полтысячи, пересчитал их. Из другого кармана достал другую половину, сложил деньги вместе. Огляделся мрачно.

Чуть в стороне, вдоль тротуара начинался длинный ряд уличных магазинов. Иван подошел к ближайшему, хмуро глянул на витрины.

— Вот этот чемодан, кожаный, дайте! — приказал он продавцу.— Вот это что?

— Зонт,— удивился продавец.— Английский...

— Дайте, дайте...

Расплатившись, он швырнул в чемодан покупки и перешел к следующему магазину.

— Вот эти рубашки, все, дайте!

Иван шел от магазина к магазину и покупал все, что ему попадалось — костюмы, ботинки, ремни, все самое дорогое, и не глядя швырял, как попало, в чемодан.

Иван сидел в своей комнате перед компьютером и гонял птичку по всему экрану. Щелкая клавишами, он подсовывал птичке корм, кошку, клетку, но она не поддавалась. На другом мониторе шли, бесконечно меняясь, цифры, выстраивались схемы, графики. Иван разделил экран на четыре разноцветных квадрата. Птичка, очутившись в черном квадрате, запрыгала в нем, но выйти из него не смогла. Иван улыбнулся, откинулся в кресле. Поднялся и пошел из комнаты.

Иван шел через двор. Уже вечерело. Около домов играли дети, на скамейках сидели люди. В хоккейной коробке носилась огромная собака. Какой-то мужик играл с ней, швыряя ей старую шапку.

Иван остановился у дома и, подняв голову, нашел нужное окно. В окне горел свет... Он огляделся по сторонам. Сел на ближайшую лавку, рядом со старухой. Посмотрел на старуху, на детскую песочницу, снова на окно. Он осмотрел свои ладони, снова глянул на старуху, которая ласково и равнодушно следила за ним. Он встал и пошел к подъезду...

Ему открыла дверь рыжая девушка. На ней был простой домашний халат, ее красивое лицо покраснелось, руки по локоть были мокрыми.

— Привет,— вдруг охрипшим голосом сказал Иван.

— Здравствуйте,— она с любопытством смотрела на Ивана. Ее рыжие волосы были заплетены в косу, на лоб сбились густые лохматые пряди.

— Как поживаешь? — Иван вглядывался в ее лицо.

— Хорошо, а вы кто?

Иван пожал плечами.

— Ты меня не помнишь? — спросил он с иронией.

— Нет,— она, растерянно глядя на Ивана, покачала головой, открыла дверь шире.— Да вы проходите.

Иван зашел. Она еще раз внимательно осмотрела его. Засмеялась беззвучно, покачав головой.

— Идемте в комнату.— Она первая прошла в единственную комнату.

Комната была совершенно пустая. На полу вместо кровати лежали стопкой спортивные маты, застеленные красивым покрывалом. У стены, тоже на полу, телевизор, видеокассеты, два чемодана. В другом углу — две картонные коробки, книги.

На веревке, натянутой через всю комнату, на плечиках висели платья, рубашки. На стенах тоже висели на вешалках платья. На полу тихо играло маленькое радио.

— Я сняла квартиру, а мебели нет,— сказала она.— Но совсем недорого.

— Мы вчера с тобой познакомились,— сказал Иван.— Ночью,— уточнил он.

Она не выдержала его взгляда, села на свою постель. Ноги ее были широко расставлены, она смотрела в пол.

— Извините меня,— она взглянула на Ивана, коротко улыбнувшись.— Мы на улице познакомились или у Нины? — Она, сморщив лоб и нос, потерла ладонью затылок.

— На улице. Ночью, в беседке... Горбатый

парень на гитаре играл,— улыбаясь, стал помогать ей Иван.

Он прислонился к стене.

— Да, наверное, кто-то играл... Вы меня только извините, ради Бога! — искренне сказала она, глядя на Ивана, прижимая руку к груди.— Со мной никогда такого не было!

Иван беззвучно рассмеялся. Он с изумлением глядел на нее.

— Я у подружки была на дне рождения,— продолжила она.— И знаете, мы попробовали, вот просто из любопытства, там принес кто-то, и мы покурили какой-то наркотик. И я прямо сразу отрубилась, потом бегала, еще что-то, я даже домой не помню как пришла. Я не знала даже, что так получится, извините меня! А что там было, мы познакомились или что? Я упала или что, врала что-нибудь?

— Да нет! — удивленно и весело ответил Иван.— Вроде не врала ничего.

— Да? Это хорошо,— успокоилась она.— А на гитаре, я помню, кто-то играл, не помню кто...

Иван сел на пол.

— Тебя же Катя зовут? — спросил он.

— Да, Катя, а вас? Ой, вы встаньте с пола, лучше сюда садитесь! — Она подвинулась.

Иван поднялся и сел на постель рядом с ней.

— Простите, как вас зовут? — Катя чуть повернулась к нему, обхватив колени, прижавшись к ним грудью.

— Иван.

— Очень приятно...

Она вдруг встала, подала ему руку. Он тоже встал. Они снова сели. Помолчали.

— Ты, Катя, учишься или работаешь?

— Я училась, теперь работаю,— заторопилась она.

— А на кого училась?

— Я акробатикой занималась в экстрадидеопольском училище, а теперь вот в метро журналы продаю.— Катя улыбнулась, чуть махнув кистью руки.

— Так ты что, сальто делаешь? — обрадовался Иван.

— Почему же сальто? — обиделась она.— Акробатика,— многозначительно подняла указательный палец,— это все. Какое сальто, я могу шейпинг преподавать,— сказала она еще многозначительней.— Это же целая культура!

Они снова замолчали.

— А мы что, познакомились в беседке? Я что-то говорила? — снова вкрадчиво стала расспрашивать Катя.— Я что-то делала?

— Слушай, если ты, правда, ничего не помнишь, я ничего не буду тебе рассказывать,— сказал Иван просто.— Давай будем говорить, как будто мы только что познакомились.

Катя как-то вдруг напряглась. Она сидела, глядя в пол, трогая себя за пальцы ног.

— Вы лучше скажите,— попросила она глухо.— Что ж я себя буду чувствовать, как дура... Что там было?

— Ну, мы обнимались...— начал издали Иван.— Ну, целовались...

— И что дальше? — Катя вдруг начала краснеть.

Иван помолчал.

— Ты что, правда не помнишь? — спросил он.

— Что? — испуганно спросила она.— Я пошла к вам домой?

— Нет, все было на улице. В беседке.

Катя стала красной. Она вдруг встала резко и, как солдат на плацу — руки по швам, пошла вон из комнаты. Хлопнула дверь в ванную. Послышался шум воды. Иван посидел. Встав, прошелся тихо.

Он подошел к двери ванной, прислушиваясь, погладил дверь рукой.

— Слушай, как ты там? — позвал он Катю. Ему не ответили.

— Ты жива там? Ты держись, слышишь?

— Слышу,— глухо сказала Катя.

— Может, выйдешь? Чего там сидеть?

— Не выйду...

Они помолчали.

— Иван, вы случайно не больной? — спросила она серьезным голосом.

— Чем? — удивился он.

— Ну, болезнью какой-нибудь венерической.

— Не знаю,— засмеялся он.

Она вдруг тоже засмеялась за дверью.

— Теперь я, наверное, должен жениться,— улыбаясь сказал Иван.

— Вы женитесь, гляди, как же! Спасибо, хоть сказали. Может, я уже беременная...

— Может быть,— сказал Иван.

— Как вы могли, а? Ну, вот как вы могли, вы же взрослый уже человек! — Она вдруг заплакала.

Иван прислушался, постучал.

— Катя, ты чего? Да не плачь ты!

— Господи, стыдно как! — Она плакала навзрыд.

Иван уперся в косяк и выдал дверь. Она сидела на краю ванны, полной воды и мокрого белья, и плакала, закрыв лицо руками.

Иван поднял ее, обнял, она уткнулась ему в грудь, всхлиывая:

— Ты иди домой, Иван,— говорила она глухим голосом, шмыгая носом.— Ты не виноват. Иди, мне стирать надо.

— Ну, не плачь.

— Да я не плачу!

Он стоял, не зная, как утешить ее.

— Можно, я еще приду? — спросил он.

— Приходи, чего уж теперь.— Она отодвинулась от него, вытерла ладонью лицо.— Хорошо, хоть ты был, а то урод какой-нибудь или старик.— Она опять шмыгнула носом.

Он подошел к двери, но остановился. Достал ручку, написал прямо на стене.

— Это мой телефон и адрес,— сказал он.— Я живу через три дома от тебя. Постираешь, позвони,— он улыбнулся.

Катя кивнула. Он вышел...

Иван работал, сидя за компьютером. Птичка, загнанная в квадрат, скакала на экране, на другом экране не останавливаясь вращалась «каракатица».

Вдруг в дверь постучали. Еще раз, сильнее. Потом кто-то просто стал бить ногой в дверь.

Иван рывком распахнул дверь. На лестнице, улыбаясь и чуть пошатываясь, стоял Михаил. Под мышкой он держал какой-то сверток.

— Зарезать меня пришел? — Иван засмеялся, разглядывая товарища.

— Дурак ты, Ваня, старый дурак.— Михаил покачал головой.— Я в гости к тебе пришел! Пустишь?

Иван обнял его и повел в квартиру.

— Я вот тут водки купил, закуски какой-то,— Михаил скромно развернул сверток.

Он был немного пьян. Шурясь близоруко, он огляделся, ища, куда поставить бутылку. Иван отобрал у него водку и подтолкнул Михаила к накрытому столу, который приготовил еще днем.

— Давай выпьем! — сказал Михаил.

— Давай.

Иван разлил водку в стопки. Они чокнулись.

— За тебя, Иван! — сказал Михаил.— Я тебя всегда любил и уважал за бешеный и ясный твой ум. Собака ты!

— За тебя, Мишка! — засмеялся Иван.— Добрая ты душа!

Они выпили и молча обнялись. Михаил сам тут же налил по второй.

— Я тебе ничего говорить не буду! — он замотал головой.— Делай, как ты считаешь нужным! — Он кивнул.— Только ты ее все равно не откроешь! Я весь день проверял.

Они снова выпили. Михаил вдруг принялся.

— Бабами пахнет,— сказал он.— Прямо где-то здесь!

— Никого нет,— засмеялся Иван.

— Но ведь были! Были же? — Михаил толкнул его в живот.— Вся квартира у тебя бабама пропахла!

— Да ты ешь, ешь!

Иван сам взял со стола мясо, сыр и, осторожно обняв товарища, стал кормить его с рук.

— Иван! — жуя, заговорил снова Михаил. — Ты мне покажи машинку свою. Я посмотреть хочу!

— Что, интересно? — Иван потрепал его за ухо. — Ну, пойдем, покажу!

Обняв Михаила за плечи, он подвел его к своему рабочему столу. Михаил, оживившись, склонился над компьютерами, внимательно разглядывая кабели, провода. Потрогал какой-то черный ящик. Увидев на дисплее свою птичку в черном квадрате, он удивленно оглянулся на Ивана.

— Через три дня! — Иван кивнул улыбаясь. — А может, уже завтра.

— А это что? — Михаил показал пальцем на «каракатицу».

— Это главное. — Иван облокотился о стол, стал объяснять: — Это ты! — Он показал на птичку. — Этот компьютер ловит тебя, он следит за каждым твоим движением. А этот, — он похлопал по третьему монитору, — наблюдает и анализирует. Он смотрит за вашим поединком со стороны. Он, как полководец в засаде, следящий за ходом битвы. А это! — Он с гордостью показал на вертящуюся на дисплее «каракатицу». — Это программа, которую я придумал. Она, как крыса, как тысячи крыс, — говорил он увлеченно. — Они грызут твою защиту со всех сторон, и те, что погибают, порождают новых, и так — до бесконечности! Это — как ад. От этого нет спасения, — он радостно похлопал Михаила по плечу. — Через три дня, Мишка, они сожрут твою птичку!

Михаил молча смотрел на экраны мониторов. Потом наклонился и поцеловал свою птичку.

— Знаешь, что? — он улыбнулся. — Давай напьемся! По-настоящему, как раньше! Только не в квартире, а где-нибудь в кустах, на воздухе!

— Давай! — засмеялся Иван...

Они сидели на поляне во дворе и допивали вторую бутылку водки. На газете, расстеленной на траве, лежали остатки закуски. Стояла глубокая ночь, было тихо. И Михаил, и Иван — оба уже были пьяны. Михаил лежал облокотившись, улыбаясь как-то совершенно бессмысленно и счастливо. Иван сидел татарски, курил, глядя куда-то вдаль.

— Миша, а почему птичка? — спросил он.

— Так, — разомлевший Михаил покачал головой.

— Нет, но почему не рыбка, не собачка?

— Птичка — это я...

— Ну куда ты пойдешь? Ты пьян! — Иван, обнимая Михаила, пытался затащить его в подъезд.

Михаил непонятным образом все время выскальзывал из его рук и, мотая головой, пытался убежать.

— Я должен ехать домой! — говорил он. — Мне надо.

— Ну зачем?

— Ко мне девушка должна прийти.

— Врешь! Откуда у тебя девушка? Ну ведь врешь!

Они стояли, шатаясь, держась друг за друга.

— Иван, я тебя по-человечески прошу, как друга, отнеси меня домой! — вдруг пробормотал Михаил и начал оседать на землю.

Иван, поймав его, снял с его лица очки и нацепил себе на нос. Легко поднял Михаила, перекинул через плечо и пошел на дорогу. Содрав с себя рубаху, он вдруг побежал, широко и размеренно, как лыжник. Михаил, висевший вниз головой, очнулся и засмеялся счастливо.

Вернувшись в квартиру, Иван, пошатываясь, подошел к компьютерам. Посмотрел на птичку. Улыбнулся. Поцеловав клавишами, убрал квадрат. Птичка проскакала на середину экрана и остановилась. Иван выключил компьютер. Выключил второй, третий. Все три экрана погасли. Он снова улыбнулся. Вынул из компьютера дискету и выключил настольную лампу...

Его разбудил длинный, непрерывный звонок в дверь. Он вскочил с кровати и, как был, в трусах, прошел к двери.

На лестнице стоял мужчина, что вчера принес ему дискету.

— Доброе утро, — он улыбнулся, разглядывая голого Ивана.

Иван тоже улыбнулся. Пропустив мужчину в комнату, он прошел на кухню, напился из-под крана. Набрызгал воды себе на лицо, на грудь.

Мужчина стоял в комнате, улыбаясь, разглядывая беспорядок на столе. Иван залез под кровать, порылся там, достал коробочку. Вынул из нее, пересчитав, деньги...

Он вернулся в комнату, все так же в трусах. Положил, улыбаясь, на стол дискету, деньги. Мужчина внимательно и спокойно смотрел на него.

— Ничего не получится, — сказал Иван. — Я не могу открыть ее. Это не в моих силах.

— Я дам вам двадцать тысяч, — спокойно сказал мужчина.

— Дело не в деньгах, — Иван улыбнулся снова. — Просто это невозможно открыть. Это

закрыто насмерть. Никто это не откроет. Извините, что не могу помочь вам.

— Да ничего, пустяки,— мужчина тоже улыбнулся.— Что-нибудь придумаем. Спасибо, что хоть попробовали.

Иван развел руками. Мужчина взял дискету и пошел к двери.

— А деньги? — Акликнул его Иван удивленно.— Ваш задаток?

Мужчина обернулся:

— Оставьте их себе. Вы же работали...

Он вышел. Иван взял деньги, снова положил. Зевнул поежившись. Подошел к окну и по пояс высунулся наружу. Вдохнул широко, полной грудью, улыбаясь...

В небольшой университетской аудитории за столами сидели человек пятнадцать студен-

тов. Еще один смущенно мялся у наполовину исписанной доски. Иван не спеша прошаживался вдоль столов:

— Говорят, труд сделал из обезьяны человека. Но и волк трудится, добывая себе пищу! Трудится и муравей, и крот, и медведь, однако они не люди! Человек стал человеком, лишь когда научился думать,— Иван повернулся к студенту у доски,— думать головой. Только когда человек в первый раз смог к двум пальцам прибавить еще два, получить ровно четыре пальца и осознать результат, вот тогда он стал человеком...

Иван подъехал к старому пятиэтажному дому. Он вынул из машины пакеты, бутылки, взял под мышку ананас. Радостный, пошел к подъезду.

У подъезда толпились люди, стояла милицейская машина. Иван удивленно посмотрел на машину, на старух, шептавшихся о чем-то.

Он взбежал, прыгая через пять ступеней, на последний этаж. Дверь в квартиру была открыта, на лестнице тоже толпились люди, в основном женщины. Иван рванулся, но не смог пробиться через старух.

— Стол один, деревянный, четыре стула, один сломанный...— монотонно перечислял голос в квартире.

Иван, раздвинув старух, увидел милиционеру и двух людей в штатском.

— Кровать, шкаф с книгами, этажерка...— продолжал перечислять один из них, оглядывая маленькую однокомнатную квартиру.

— Из окна бросился, прямо на асфальт,— шептала позади Ивана какая-то старуха.— И все тихий такой был, скромный...

— Что вы говорите! — строго сказала другая женщина.— Чего ему бросаться? Он в банке работал, он сосед мой, его выбросили. К нему трое приходили, и машина внизу стояла.

Иван сунул какой-то старухе пакеты, ананас...

Расталкивая людей, бросился вниз...

Пробившись сквозь толпу, он увидел на асфальте замытое пятно, очерченное мелом...

Иван неподвижно сидел на скамейке в скверике. У его ног, чирикая, прыгала стайка воробьев. Он осторожно наклонился, положил руку на асфальт. Воробьи испуганно отлетели. Снова вернулись, прыгая совсем рядом с рукой.

Иван вдруг выхватил одного воробья, поймал его за лапки. Тот забился, вырываясь, закричал. Иван поднес его к самым глазам, рассматривая. Тот замер, испуганно косясь на Ивана. Иван улыбнулся, подул на него, тот

закрыв глаза. Иван подбросил его, и воробей выстрелил прямо в небо...

Он оставил машину у ее подъезда. Взбежал на второй этаж, постучал. Еще раз. Ему не открывали. Он прислушался. В квартире раздавались быстрые шаги, что-то двигали...

Иван вышел из подъезда и, оглядев стену дома, легко забрался на карниз. Уцепившись за водосточную трубу, он дотянулся до балкона. Спрыгнув на балкон, через открытую дверь вошел в комнату.

В комнате у голой стены стояли свернутые рулоном маты, чемоданы, упакованные коробки. Катя, не глядя на него, быстро ходила по комнате, продолжая собирать вещи. Она была в джинсах и мужской рубашке, волосы туго заплетены в косу.

Взяв одну коробку, она отнесла ее к двери. Вернувшись, взяла еще коробку, снова отнесла к двери. Вдруг быстро прошлась колесом по комнате и сделала сальто. Посмотрела спокойно на Ивана. Снова взяла коробку. Иван молча отобрал у нее коробку и, взяв с пола чемодан, так же молча пошел к двери.

Открыв дверь, он за руку завел Катю в свою квартиру. Так же держа ее за руку, прошел в спальню и поставил на пол ее чемодан.

— Это твой дом,— сказал Иван.

Она молчала. Он усадил ее на кровать.

— Есть хочешь?

Она покачала головой.

— Пить?

Она снова покачала головой.

— А чего хочешь?

— Водки хочу,— сказала она тихо.

Иван сходил на кухню, принес рюмку водки, стакан воды и кусок хлеба.

Она молча взяла рюмку, выпила залпом, сделала глоток воды из протянутого стакана. Взяла хлеб, пожевала немного. Потом тихо прилегла на кровати.

Иван прикрыл ей ноги покрывалом.

— Я вещи принесу,— сказал он и вышел из спальни.

Он медленно спустился по лестнице. Вышел во двор. Встал, прямой, огромный, с каменным лицом. Он огляделся равнодушно. Стемнело, и во дворе никого не было. Он пошел не спеша к своей машине, из которой торчали ее вещи. Вдруг остановился, прислушиваясь. Повернувшись, пошел через двор, все быстрее и быстрее. Навстречу ему послышалось треньканье гитары... Он побежал.

В беседе, склонившись над гитарой, перебирая струны, сидел длинноволосый горбатый парень. Заметив Ивана, он поднял голову, и его лисье лицо растянулось в улыбке. Рядом с ним сидел второй парень. Он развел руками, глядя на Ивана как на старого знакомого. Около него на лавочке сидела, опустив голову, рыжеволосая девушка.

Иван шагнул к ней и, взяв за подбородок, поднял ей голову. Она засмеялась весело, отодвигаясь от Ивана. Взмахнув головой, спутала волосы. Иван узнал ее.

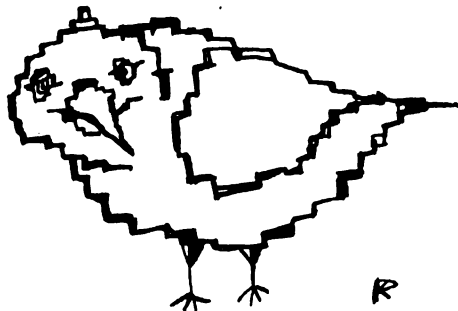
— Чего ты к бабе нашей прицепился? — сказал горбатый. — Она у нас одна, не обижай нас! — Он засмеялся, быстро перебирая струны.

Иван повернулся и пошел прочь от беседки...

Он быстро, напролом, шел через кусты, почти бежал.

Он выбежал на пустырь к какому-то сараю. Споткнувшись, упал на колени. Его лицо было

исцарапано в кровь. Он сел на землю и, прислонившись спиной к стене сарая, держась руками за голову, заплакал навзрыд. Опустив руки, вдруг рассмеялся сквозь слезы. Ударил себя по коленям, поднял голову, глядя на небо, снова засмеялся и заплакал. Он сидел у старой кирпичной стены и, потирая окровавленное лицо, качая головой, все плакал и смеялся...

ИНТЕРВЬЮ

ПЕТР ЛУЦИК: «МЫ КАЖДОЙ СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ ХОТЕЛИ ПОДНЯТЬ ДУХ ЧЕЛОВЕКА...»

— Начнем с очень оригинального вопроса: как живете?

— Нормально живем. Хорошо. Скромно. Работаем, в основном...

— Тогда конкретнее: после того как мы вас напечатали в 88-м году под рубрикой «Дебют» со сценарием «Праздник саранчи» — что изменилось в вашей жизни?

— Я женился. У меня дочка родилась. Сейчас ей уже два с половиной года. Но, может, не надо лучше о семье, а?

— А как же извечный читательский инте-

рес к жизни популярного Автора: как, с кем, на что?..

— Да разговоры все это! Нормально мы живем. Трудимся и получаем за свой труд. И, по московским масштабам, очень хорошо зарабатываем. А большинство — ненормально живет и недостаточно зарабатывает.

— Значит ваших заработков для нормальной жизни вам достаточно?

— Нет, не достаточно. Надо больше зарабатывать.

— А другие способы — не пробовали?

— Я всегда гордился тем, что не продаю,

старые фильмы, американские — мне нравятся! Там указано: сценарий такого-то. И я думаю, этот человек гордится своим фильмом...

— А вы своими — не гордитесь?

— Фильмами — нет. Ни одним.

— А сценариями?

— Всеми. За то, что написано, мне не стыдно. Когда у нас что-то не получается, мы обычно это прячем в стол. И никому не показываем.

— И много там, в этом столе?

— Много там бумаг всяких... черновиков, заготовок...

— То есть получается, вы работаете по системе заказов: к вам приходят, говорят: нужен сценарий, и вы приступаете...

— Так — и не так. Вот, скажем, «Дюба-дюба» был написан на третьем курсе. Что-то надо было написать — и написали. Его взяли — помимо нас уже — и сами понесли куда-то по студиям. Потом АСК решил купить эту вещь. Так и жили. Мы писали, кто-то брал сценарий, и через какое-то время нам звонили и покупали. Последнее время не так. Приходит человек... — я уже говорил, — «нужен сценарий!». Ты его спрашиваешь: «Про что? Хороший сценарий — это что, по-твоему?» И мы садимся и общаемся: что ему ближе, какие фильмы нравятся, он выражает свои эмоции, свое состояние, приблизительно, что бы он хотел сделать...

— А кто приходит — режиссер или тот, кто платит?

— Режиссер. Но он не приходит без... То есть заходят и другие режиссеры, просто так... Но обычно приходит режиссер, мы объясняем ему свои условия, на которых работаем, и если он может их удовлетворить, мы с ним сотрудничаем.

— А какие условия — процент от проката или как?

— Как правило, договариваемся о фиксированном гонораре.

— Сейчас задам вопрос, на который мы ни разу не получили вразумительного ответа. О природе совместного творчества. Явление редкое, потому и интересно. Как это получается у вас, как «идет процесс»?

— Это произошло, как я теперь понимаю, не случайно. Хотя внешне — случайно, мы попробовали вместе с Алексеем писать еще на первом курсе, когда только поступили во ВГИК. Ни он, ни я толком тогда не знали, как их писать, сценарии. Начали вдвоем разбираться, второй сценарий написали. Потом разобрались с этим делом и... сейчас я не могу вам рассказать, как мы работаем, кто чего делает...

— Технически хотя бы... Вместе сидите,

скажем, алюминий, не свожу никого ни с кем, — я имею в виду квартирный бизнес, — зарабатываю только пером, что называется... И Алексей Саморядов — то же самое...

— Кстати, вы писали что-нибудь отдельно друг от друга?

— Конечно. Алексей сказки пишет... Вообще-то давно не писали, работы много.

— Здорово звучит: зарабатываю тем, что пишу, но не пишу, потому что работы много...

— Ну правильно, — для себя это и есть для себя, не для денег. Хотя... сценарии мы тоже для себя пишем. Поднадоело, правда, это и ему, и мне. Очень уж труд неблагодарный. Сейчас же-приходят и говорят: «Нужен сценарий!» — «Когда?» — «Сегодня». — «Ну не могу же я к вечеру написать сценарий! Дай мне хотя бы месяц!» — «А за две недели не можешь?» Поэтому пишешь очень быстро, практически день и ночь, выкладываешься полностью — получается некий кусок тебя самого (причем это ж не проза, когда можно отложить, поправить), голый кусок. А потом с ним делают нечто, и получается фильм, который, как правило, не имеет никакого отношения к сценарию...

— Это профессиональная болезнь — недовольство фильмами по своим сценариям...

— Ну почему? Я смотрю, например, наши

обсуждаете или пишете отдельно, потом показываете?

— По-разному. Может быть и так, и эдак, вообще никак...

— По телефону, что ли?

— Ну, сейчас легче, сейчас вообще ничего друг другу не надо объяснять... Если раньше мы... Обычно это, знаете как... Ты наговариваешь... Такая борьба возникает... Сюжет то рушится, то возникает, то рушится кругом, третий, четвертый, пятый... То есть, когда вдвоем — как-то проще: ты не можешь сам себя обмануть. Ведь как человек сам себя уговаривает? Напишет что-нибудь и сам себе говорит: по-моему, это хорошо. Нет, ну это точно же хорошо! А когда вдвоем — лажа не пройдет, ни с той, ни с другой стороны... Остается только то, что должно остаться...

— Н-да... Понятно. А есть у вас какая-то система своя, конструкция что ли, постулаты?

— Нет. Только один постулат — чтобы было интересно.

— Никаких законов внутри драматургии?!

— Ну как — есть какие-то законы. Но в драматургии они не жесткие, их нельзя перечислить. Только один закон — чтобы было интересно.

— Почему вы выбрали такую профессию, что вас привело в кино?

— В восемьдесят пятом для тех, кто хотел работать в литературе, было два выхода: работать сторожем, дворником — и писать или попытаться получить какой-то официальный статус, охраняющий от статьи за тунеядство. Идея была проста: попробовать жить, то есть кормиться от того занятия, которое тебе нравится, а не помимо чего-то... Сделать его своей профессией. Помню, захожу в литературный институт — совершенно ничего не помню, что это за заведение. Меня вообще смутило, что надо сначала закончить этот институт, получить диплом, и только тогда ты получаешь право что-то делать в литературе. А во ВГИКе у меня были друзья, там было веселей, можно было учиться и при этом работать по специальности. Мы так и сделали: только пришли на первый курс — сразу попробовали работать в кино. И интересно же было! Ты что-нибудь придумаешь, а потом люди бегают, человек сорок, начинают снимать, и в результате что-то получается... Все всерьез к этому относятся, слова, реплики произносят, кто-то учит, изображает... Было любопытно очень.

— А ваш соавтор, Алексей Саморядов, он откуда пришел в кино?

— Он из Оренбурга сам...

— А вы тоже — не москвич?

— Я из Ташкента приехал. Так что мы оба из Азии. Но он с границы Европы, а я уж дальше туда...

— Может, поэтому все ваши сценарии такие... «крутые»? Это вам лично присущее качество или?...

— «Крутые» — в каком смысле?

— Всегда присутствует герой в ситуации, которая требует от него полной отдачи, полной выкладки, этакий американский тип...

— А, понятно. Ну, я думаю, просто у нас жизнь такая у всех: у кого-то в большей степени, у кого-то в меньшей. Мы вышли из состояния благополучной жизни. Да его и не было. А люди, поверьте, всегда сражались за свою жизнь, и в любые годы, во всем мире. Просто у американцев это... это их фольклор, скажем так. Теперь наш новый фольклор — он тоже такой. Человек все время поставлен на грань, наши дни это показывают. Сегодня ты лояльный инженер, получаешь зарплату, завтра вышел на улицу и вдруг попал в другую ситуацию: должен убивать или быть убитым, скажем. А может быть, с тобой произойдет романтическая история...

— Кстати, а лирика вас, как тема, никак не занимает?

— Лирикой мы всегда занимаемся. Все наши сценарии — про любовь. Просто не всегда там все присутствует ...

— А что такое любовь?

— Любовь — это состояние такое, когда человек раз — и любит. И ничего с этим не сделаешь...

— Как в «Кто-то там, внутри...», раз — и влюбился.

— Там вообще сложно все, в сценарии...

— А вы можете сказать, о чем этот ваш сценарий?

— Да, конечно, безусловно о любви. Но не о любви этого человека к девушке, с которой у него случайно все произошло в беседе ночью. Нет, это как бы о том, что человек все может, он сильный, смелый, отважный, умный фантастически, сатанински, все ему подвластно. Если что-то решил — идет и добивается. И вот так его жизнь подставляет. Но он ищет же! Пытается разобраться в чем-то... Мне вообще трудно сказать больше того, что написано. Там все написано.

— Из того, что мы прочли, — это история взломщика, интеллектуального, но взломщика. Из-за которого его приятеля выбрасывают из окна. Есть здесь какая-то прямая мораль: преступление — наказание?

— Нам хотелось показать, что ты можешь все. Вот, скажем, наш герой — он может все. Даже так: вот я сейчас могу встать, и пойти, и дойти до метро Новослободская. Это просто. Я дойду. Захожу — и дойду до Иркутска, захожу — пойду дальше, до Аляски, до Майямы и вернусь — я все могу. И он тоже: хочет открыть код — открывает, хочет женщину — получает, он может все. И все равно он, ока-

зывается, ничего не может, потому что где-то там все запечатано и к этому не подобрешься. В жизни вообще все непонятно. Ведь он, казалось бы, совершает совершенно определенные поступки, а они оборачиваются по-другому. Он всегда все взламывал. Раз в жизни решил не взламывать эту чертову программу — и тем самым убил своего друга, которого выкинули из окна. Хотел совершить хороший поступок — и в результате убил человека. Все нелогично, непросто. Нет больше линейных моралей, все по-другому стало. Вот я пытаюсь разобраться в этом: как же стало? Это первый шаг. Но мы все пока делаем какие-то первые шаги.

— Вы сами пытаетесь в этом разобраться? Или ваш герой?

— Мы сами, и посредством нашего героя тоже пытаемся...

— Понятно. Как бы вы поступили, если бы на вашу интеллектуальную собственность посягнули, украли?

— По-моему, это невозможно — интеллектуальную собственность украсть.

— Ваш герой взламывает код программы...

— Это не интеллектуальная собственность, это — карман, следовательно — другое. Я считаю, что интеллектуальная собственность — это то, что ты разумеешь, как бы. Это твое личное понимание чего-то, чего нельзя украсть. Им можно только поделиться. И то, если вы будете делиться с кем-то и он будет не готов — он и не возьмет. Этого нельзя ни навязать, ни украсть... Так же, скажем, как нельзя украсть идею, невозможно. Я раньше тоже думал... В Америке ее надо регистрировать: идея такая, такая, такая. Да никто не ворует идеи, потому что у каждого — свои. Потому что когда ты рассказываешь, ты видишь, ты имеешь в виду — свое. То есть это просто земля, на которой ты что-то делаешь. Тебе говорят: а-а, мне нравится эта история, — и делают абсолютно другое. Ты можешь совершенно спокойно взять идею, написать свой сценарий, и никогда в жизни никто не скажет, что ты у кого-то что-то украл.

— То есть вы считаете, что как только вы придумали и рассказали идею, она уже ничья, вернее, принадлежит всем?

— Я считаю, что как только ты придумал, как только тебе в голову пришла какая-то идея, то она уже есть, она уже существует. И спокойно может прийти в голову человеку в соседней комнате, за океаном, в любом месте. Если она пришла тебе в голову — она уже существует материально. Это совершенно точно. Я это замечал очень много раз. Сколько раз, помните, было в истории, когда одновременно в разных странах вдруг открывали радио или еще что-то там... Потому что прихо-

дит время, и... Как только ты придумал — значит прозвучало уже. И если ты услышал, значит еще кто-то может услышать...

— Значит вы из тех, кто умеет прислушиваться. И как вам слышится, какие идеи, какие темы будут в ближайшее время доминировать в кинематографе?

— Ну не знаю, мы не делаем это специально. Мне кажется, сейчас идет время возвращения, выяснения каких-то древних вещей, которые когда-то были утрачены, забыты, и нам нужно их заново понять. Простых очень вещей: что есть семья, что есть мужчина, что есть женщина, что есть их взаимоотношения. Не в смысле каких-то там наукообразных, придуманных или сконструированных историй для развлечения, а когда человек просто пытается понять, что значит, скажем, убить человека... Фильм «Непрощенный» Клинта Иствуда не видели? Который кучу «Оскаров» получил. Там просто люди идут убивать других людей. То есть он нам про это не рассказывает. Просто мы начинаем думать, что, оказывается, можно убить человека, пожалуйста, — но потом от этого что-то происходит... То есть какие-то фундаментальные, я бы сказал, законы жизни, они существуют, существовали и будут существовать в любых цивилизациях, любых общественных строях, религиях, любых национальностях, они есть в христианстве, и были до христианства, и будут после. Вот эти основные законы совмещения с человеком, вообще со всем остальным, мы все пытаемся осознать. Явно или неявно, подсознательно...

— И ваше переосмысление фольклора, в частности, в «Чугунных боггах» — это тоже такая попытка?

— Не знаю, мы в «Детях чугунных богов» вообще очень утилитарную цель преследовали...

— А как вы к этому герою, сценарию относитесь? Всерьез или...

— Да.

— ...с иронией все-таки?

— Всерьез и с иронией, конечно, как ко всему. Мы просто хотели как бы показать нашего простого человека, вот самого простого...

— Это русский характер в развитии?

— Нет, это обычный человек, который работает где-то там... Мы немножко утрировали — это же кино, — но ведь на самом деле так: наш человек каждый день совершает подвиг, каждый день, каждым своим движением. Просто дойти от завода до дома — это подвиг в каком-то смысле, для этого надо сделать усилие; это его нормальный рабочий день,

«Дети чугунных богов», режиссер Томаш Тот (Венгрия).

досуг, это его нормальный быт, это его нормальное воскресенье, это нормальная поездка к родственникам, это нормальное возвращение от родственников. И мы, когда это писали, хотели просто сделать мужской фильм, фильм о мужчине. Это такой русский трудовой Рэмбо. Он никого не бьет особо, не рубит, но если за ним понаблюдать, то он, пожалуй, будет и пострашнее и посильнее Рэмбо. И поскромнее. Вот мы хотели сделать такого человека. Он при всем при том скромный человек, не лезет никуда, но — жизнь такая...

— Это тоже — фильм о любви? Вы любите своего героя?

— Да, конечно! Всех! А он — герой, в смысле — любит чего-то такое, чего еще нет. Вот он ходит под этими звездами, чувствует, что что-то будет, а что — не понимает. Но он должен работать, каждое утро на смену приходит, его бьют, все кругом падает, его бьют, бьют, бьют, и в конце, когда он уже плачет, когда он как бы утомился духом, устал и расплакался, и ему непонятно, зачем вообще все, когда все на грани, ему говорят: а вот теперь иди и бейся, вот, оказывается, только теперь ты можешь идти... Он говорит: я же не могу, больной весь, избитый весь!.. А ему говорят: вот как раз сейчас ты стал бойцом. И он идет и бьется. Вот мы хотели что сделать. Это, опять же, — одно из... Я сейчас вам одно скажу, завтра еще чего-нибудь скажу...

— Ну да, там много планов, многоплановый фильм... И поскольку мы приближаемся к финалу беседы: вы могли бы работать в других странах?

— А мы работали... У нас контракт был в Голливуде, мы там сидели два месяца, писали... В результате получился опять какой-то русский сценарий... Нет, мы могли бы совершенно спокойно работать в Америке, да и в любой другой стране...

— Но фильм получился или нет?

— Он не получился по ряду причин. Был проект. Был интерес, потом интерес спал. У них огромное количество проектов, проходит один из ста... Мы могли бы стать голливудскими сценаристами, но для этого надо было бы жить там, знать язык, конечно, жить не один месяц и не один год.

— Тогда вот еще вопрос: а что вас тогда держит здесь?

— Мы же русские, в общем-то... Не в том смысле, что я там квасной патриот... Конечно, я патриот... Но... Тут просто от лени, наверное... Неохота мне уже. Если б мне было семнадцать лет, я бы, может, пошел в Голливуде пробиваться... Я ж немолодой человек, мне там учить язык этот английский, сидеть, улыбаться всем агентам, доказывать что-то... Я на своем языке пишу. Мне здесь понятно все, я этот язык чувствую и знаю. А чтобы писать

на том языке, мне надо сказать себе: вот, три года вычеркни сейчас и русских книжек не читай, а давай-ка ты переходи на тот язык... Конечно, можно там найти соавтора, и все это делается, безусловно... Но неохота, не надо... Вот почему-то неохота!

Я мог там остаться, как-нибудь так или эдак, половина людей так и делает... Тут вообще происходит нечто странное, и насколько я знаю, у Алексея то же: я больше трех месяцев в Америке не могу находиться. Через три месяца у меня наступает какое-то отупение, не знаю, какой-то голод, языковой чисто. Я начинаю искать русские книжки и, когда нахожу, даже пусть «Незнайку на Луне» Носова, начинаю перечитывать. Чувствую, что мне это нужно, как больному животному нужно какую-то особую траву...

— Скажите, а как вам интуиция подсказывает... мне не хотелось бы спрашивать, о чем будет следующий фильм...

— Наш?

— Да...

— Не знаю... Сейчас мы пишем сказку для фирмы Аллы Пугачевой.

— То есть сейчас потребовалась сказка. Что вы ждете, какая потребность у нашего зрителя возникнет в ближайшее время?

— Во-первых, эта страна, конечно, не сможет жить без своего кино. Исключено. И мы не сможем жить без своего кино. Хотя у нас кино свое будет всегда. А сейчас люди ждут и жадно ловят (независимо откуда придет это — из музыки, из кино, из книг, из газет, из слухов) какую-то трогательную правду, какие-то простые вещи, чтобы кто-нибудь сказал им: да, все хорошо, в общем-то, мы все живы будем, все здоровы, дети вот растут; семье надо жить, надо дружить, любить — простые вещи, которые помогают пережить, которые поднимают дух человека. Вот эта потребность. Она была всегда, кстати. Но сейчас она как никогда, по-моему, существует и, как никогда, не удовлетворена. Настолько сейчас печально все в кино, и подло, и мерзко. Из-за чего я ненавижу все свои фильмы — снимают про каких-то уродов, ну уродов просто! Ходят уроды, непонятно зачем и что делают, — вообще все непонятно. Вот «Дюба-дюба»: там человек, если решил сделать что-нибудь, сделает, добьется — пусть даже ценой жизни. Если ты решил — добьешься, это ж такая дух поднимающая мысль! Или «Дети чугунных богов» — мы хотели, чтобы выходил мужчина из зала и говорил: я тоже сильный, я тоже могу! Мы каждой своей историей хотели поднять дух человека...

Интервью вела
Марина Сергиенко

КУПИТЬ ДЕШЕВЛЕ, ЧТОБЫ ПРОДАТЬ ДОРОЖЕ

На рынках продают и покупают. В кино тоже существуют рынки. На такие рынки съезжаются фильмопроизводители, то есть те, кто фильмы снимает; прокатчики, которые покупают фильмы, чтобы их прокатывать; и посредники, которые фильмы покупают за рубежом, продают их на кинорынке, иногда покупают отечественные фильмы на одном рынке, чтобы продать их на другом кинорынке дороже. В общем, кинорынок живет по рыночным законам.

Правда, у прокатчика и у посредника должно быть особое чутье: купить именно тот фильм, который в данный момент принесет наибольший доход, то есть будет пользоваться особым спросом у зрителей. Впервые за историю отечественных кинорынков на V Международном Ялтинском кинорынке был проведен конкурс сценариев зрелищного, то есть нормального, кино, которое смотрят зрители всего мира: с увлекательным сюжетом, оригинальными характерами, современными ситуациями.

Какие же выводы можно сделать после проведенного конкурса?

Вывод первый. Чудес не бывает. Практически все победители — профессиональные сценаристы. Конкурс назывался «Надежда» и предназначался в основном для молодых начинающих сценаристов, но никаких ограничений, в том числе и для опытных сценаристов, ни для кого не было. Жюри читало сценарии и оценивало только его качество. Премию мог получить и маститый, и начинающий. И все-таки большинство премий получили молодые сценаристы. Сегодня они пишут интереснее, чем прилежавшие на экранах профессионалы среднего и пожилого возраста. В сценарной литературе явно идет смена караула.

Вывод второй. Сценарий американизировался по форме. Почти не было так называемого «русского сценария» — то есть киноповести, размеренной, безжанровой, с описаниями природы и описаниями героев, которые обычно в фильм не входят. Это скорее литературная, а не кинематографическая форма записи сценариев. После такой записи надо сделать еще киносценарий и режиссерский сценарий, которых нет ни в одной другой кинематографии мира. Но этой форме по-прежнему обучают во ВГИКе и на курсах.

Около тридцати сценариев дирекция кинорынка и Информкино ввели в компьютер, и теперь с новыми сюжетами, с новыми идеями, заложенными в сценариях, и с новыми именами могут ознакомиться продюсеры, режиссеры.

В этом номере журнала публикуются отрывки премированных сценариев. Сценарий «Ширли-мырли» (первая премия на конкурсе) явно выделялся. Режиссер В. Меньшов предложил идею сценария двум выпускникам курсов В. Москаленко и А. Самсонову. По-моему, это трио справилось с поставленной задачей блестяще, правда, и работали они над сценарием почти два года. А. Самсонов к тому же получил приз и за лучший синопсис вместе с журналистом Г. Пруслиным.

Сразу три премии получила сценаристка Марина Мареева: вторую премию за сценарий «Принцесса на бобах», опубликованный в журнале «Киносценарий» №2, 1993 г., за стилистику сценария «Тоталитарный роман», опубликованный в журнале «Новая юность», и продюсерский приз за воплощение образа современного предпринимателя в сценарии «Принцесса на бобах». М. Мареева, по-моему, не только умна и талантлива, но и одна из самых профессиональных сценаристов России.

Получил приз выпускник ВГИКа И. Бирюков за сценарий «Золотое дно». Это очень динамичный, с крутыми поворотами, триллер.

Несколько премий и призов получил сценарий А. Усова «Все, о чем мы так долго мечтали». А. Усов — сценарист известный и входящий, пожалуй, в пятерку самых профессиональных сценаристов России. Недаром именно его пригласил работать над сценарием «Кинемеханик Сталина» А. Кончаловский.

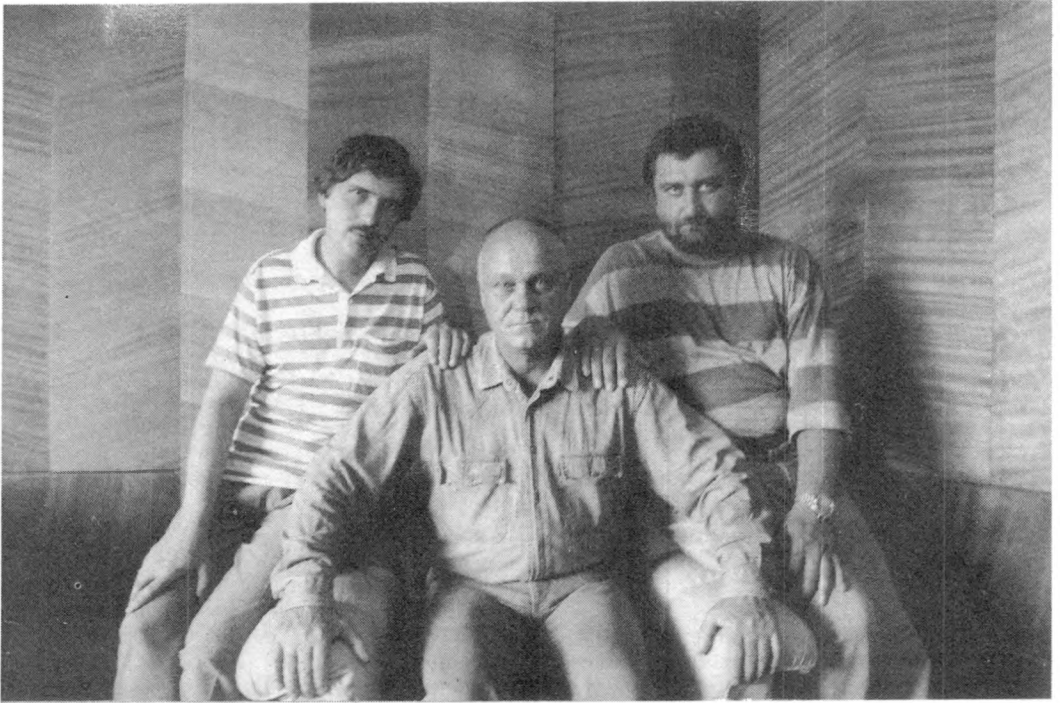
По отрывкам из сценария трудно судить о сценарии в целом. Но поверьте на слово — все отмеченные сценарии по-своему замечательны и оригинальны.

Татьяна Таратута, директор Ялтинского кинорынка, обещала на следующем кинорынке продолжить конкурс. Судя по ее энергии, четкости в организации работы конкурса и деловой хватке, это вполне может осуществиться. Этот конкурс начинался как благотворительный, и финансировали его женщины: Т. Таратута, Е. Халдей (фирма «Тэтри»), А. Атапина (фирма «Аван»), спасибо им за риск, но, по моим наблюдениям, женщины всегда рискуют с более точным расчетом, чем мужчины. Я думаю, что в ближайшее время на Международном Ялтинском кинорынке смогут действительно торговать не только фильмами, но и сценариями.

Американцы поняли давно, что без хорошего сценария с интересной историей зрелищных фильмов не бывает, сегодня мы это тоже начинаем понимать, а на Международном Ялтинском кинорынке это не только поняли, но и сделали первые практические шаги.

В. ЧЕРНЫХ, Председатель жюри конкурса сценариев Международного Ялтинского кинорынка

ВЛАДИМИР МЕНЬШОВ, АНДРЕЙ САМСОНОВ ВИТАЛИЙ МОСКАЛЕНКО

Основоположник «ширлизма-мырлизма» с верными соратниками «мырлятами».
Фото Владимира Пуцина

ШИРЛИ-МЫРЛИ

(Фарс для кино)

Фрагмент

В тридцатые-сороковые годы американцы, а следом за ними и наши кинорежиссеры почти всегда к этому приему прибегали, чтобы обозначить из ряда вон выходящее событие: многократной экспозицией сходили с печат-

ных машин газеты, крупными планами шли заголовки статей, один за другим следовали наезды на фотографии, сквозь фотографии проступали лица дикторов, взхлеб вещающих о чем-то в микрофоны; к этому добавлялись проезды вдоль бесконечных очередей у газетных киосков, многодетные семьи, прильнувшие к радиоприемникам,— и образ СЕНСАЦИИ был готов.

Фильм по этому сценарию снимает режиссер Владимир Меньшов на киностудии «Мосфильм».

Пожалуй, и наша картина начнется с такого же набора кадров, только ко всем прежним средствам массовой информации теперь нужно будет добавить новейшие — телетайпы, компьютеры, телексы, а самое главное — телевидение, и уже с телевизионных экранов будут сообщать нам дикторы о том, что произошло Невиданное, Неслыханное, Невероятное.

— **ГЕОЛОГИ АНАТОЛИЙ ИВАНОВ, РАВИЛЬ БИЛЕЛЕТДИНОВ И БРОНИСЛАВА РОЗЕНБАУМ,** — слышится во всех квартирах страны, — **ВО ВРЕМЯ ГЕОЛОГОРАЗВЕДКИ ОБНАРУЖИЛИ АЛМАЗ КОЛОССАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ!..**

А мы уже видим этих трех удачливых геологов посреди занесенной снегом равнины. Они передают из рук в руки гигантский алмаз и по очереди падают в обморок от счастья.

И вот уже туча вертолетов, затмевая солнце, несется к месту открытия. Из вертолетов высыпает правительственная комиссия, вместе с ней прилетели военные, телеоператоры, корреспонденты газет. В один миг пустынная равнина превращается в густонаселенный район.

Вся страна не отрывает глаз от телевизоров, где идет прямой репортаж из Якутии.

— Я сначала выкинуть его хотел... — рассказывает счастливый Анатолий Иванов.

— А я ему говорю: «Ты что — ох...» — ветер заглушает последние слова Брониславы Розенбаум.

— Я тоже, как она, подумал — алмаз! — радостно заключает Равиль Билелетдинов.

Алмаз-рекордсмен бережно укладывают на бархатную подушечку в специальный чемодан. А сам чемодан платиновым наручником приковывают к руке человека с хмурым непреклонным лицом...

И снова вертолетная армада, перекрывая на этот раз луну, включая на всю мощь прожектора, летит на основной аэродром.

В одном из вертолетов — хмурый человек с прикованным к нему чемоданом. Со всех сторон его окружили автоматчики, готовые открыть огонь на поражение в случае малейшей опасности.

А в другом вертолете разомлевшие от тепла и принятых трехсот граммов геологи продолжают давать интервью корреспондентам.

— Насчет названия у нас разногласий не было! — излишне широко размахивая руками, рассказывает Равиль Билелетдинов. — Назовем, говорю, в честь первой годовщины образования СНГ — «Первой годовщиной образования СНГ!»

— А я ему говорю: «Ты что — ох...» — и снова шум моторов заглушает последние слова Брони Розенбаум.

— То есть сразу согласились на такое название? — интересуется интервьюер.

— А там другого и не придумаешь, — разводит руками Толя Иванов. — Вы на алмаз-то посмотрите: он же вылитая первая годовщина этого... как его...

А параллельно идет весь этот трафаретный набор кадров: сменяют друг друга дикторы, говорящие на разных языках, ползут рулоны бумаги из телефаксов, бьют по глазам газетные шапки:

— **САМЫЙ КРУПНЫЙ АЛМАЗ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!**

— **АНГЛИЙСКАЯ КОРОЛЕВА РЫДАЕТ, ЗАКРЫВШИСЬ В СПАЛЬНЕ!**

— **ЮЖНО-АФРИКАНСКИЕ ШАХТЕРЫ ПОКЛЯЛИСЬ НЕ ВЫХОДИТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ, ПОКА НЕ ОТЫЩУТ БОЛЕЕ КРУПНЫЙ САМОРОДОК!**

Под охраной батальона автоматчиков шагает от вертолета к специально присланному самолету человек с хмурым непреклонным выражением на лице. Впрочем, такое же выражение и на всех остальных лицах: больно уж велика ответственность, слишком уж высоки ставки в этой игре.

Что подтверждает и Президент в своем выступлении по телевидению: «Если Правительство примет решение продать этот алмаз, то это не только решит проблему нашего внешнего долга, но и даст возможность всей стране три года отдыхать на Канарских островах. Переговоры с кенарями мы уже ведем...»

И опять летят, теперь уже в военном самолете. В центре — человек с чемоданом, а вокруг бесчисленное количество генералов. Из кабины пилотов вышел командир корабля.

— Туман в Москве сильный. По приборам садиться придется.

— А какие варианты есть?

— На запасной аэродром идти. В Питер.

— В Москву, в Москву, в Москву! — совсем как три сестры, застонали генералы.

А в Москве на Пушкинской площади в очередной раз столкновение, опять схлестнулись демократы с патриотами. Колотят друг

друга лозунгами — «СЕГОДНЯ ПРОДАДУТ АЛМАЗ, А ЗАВТРА ПРОДАДУТ ВСЕХ НАС!», «САМОРОДОК — НЕ ДЛЯ ВЫРОДКОВ!». Экстремисты свой транспарант развернули: «КТО ЗАГОНИТ НАШ АЛМАЗ — ТОТ ПОСЛЕДНИЙ ПИДАРАС!!» Представители партии сексуальных меньшинств возмущены этими словами предельно, пытаются с ножницами до транспаранта допрыгнуть.

Сплошной туман внизу, как будто в облако самолет садится, а не на землю. В пилотской кабине нервно переговариваются с диспетчерской: «Четыреста метров.— Все нормально идет.— Триста метров.— Двести метров. А кто это ведет-то нас? Ты, что ли, Витя? — Тут, брат, со всей страны специалистов собрали. Так, приготовились к касанию...— Сто метров... пятьдесят... двадцать... Есть касание! — Ну вот, а ты, дурочка, боялась!»

Вынырнула откуда-то сбоку желтая машина с надписью — «Следуй за мной», повела самолет по взлетной полосе, которую по-прежнему не было видно в густом тумане. Пилоты расслабились, принялись шуточки отпускать по поводу пережитого, бортмеханик уже и с кресла поднялся, начал складывать в кейс вещи, торопясь домой.

Самолет не успел еще моторы выключить, как примчался к нему трап. Серьезно, видно, к операции в Москве готовились, если даже трапом управлял полковник, никого из штатских на встречу не допустили. Тут же к трапу подскочили два бронированных ЗИЛа, из них вышли генерал армии и два генерал-полковника.

Открылся люк самолета, сначала сбежали вниз автоматчики, затем сквозь их строй пошел человек с чемоданом в сопровождении генералов. Подойдя к генералу армии, человек с чемоданом хотел было козырнуть и доложить, но генерал остановил его:

— Давайте без формальностей.

И вдруг, широко улыбнувшись, схватил человека с чемоданом в объятия и со словами «Благодарю за службу!» смачно поцеловал его в губы. После чего проделал то же самое со всеми остальными генералами. Генерал-полковники не захотели отставать от своего начальника и тоже набросились с поцелуями на вновь прибывших. Полковник, пригнавший трап, ограничился рукопожатиями.

— За отличное выполнение задания Президент повысил всех вас на одно звание! — объявил генерал армии. Посмотрел внимательно на человека с чемоданом и прибавил: — А вас сразу на шесть.

Хмурое непреклонное выражение на лице

чемоданосца моментально сменилось на ошарашенно-счастливое. Он отстегнул платиновый наручник и протянул чемодан генералу армии. После чего достал из нагрудного кармана листок бумаги, на котором места чистого не было от гербовых печатей и, очень извиняясь за все еще не искорененную бюрократию, попросил расписаться в получении ценного груза.

— Скажи еще спасибо, что отпечатки пальцев не требуют,— пошутил генерал армии, и все готовно расхохотались. Генерал передал чемодан услужливо оказавшемуся рядом полковнику, пригнавшему трап, поставил закорючку на бумаге и тут же застегнул наручник от чемодана на своей левой руке. Правой взял под козырек, сообщил деловито, кивнув на едва различимое в тумане здание «Внуково-2»:

— Все документы о званиях и новых назначениях получите в аэропорту. Только личная просьба Президента: не зазнавайтесь, товарищи. Не время сейчас для этого, сами должны понимать.

Синхронно хлопнули дверцы правительственных лимузинов, зачарованно смотрели вслед отбывшему начальству привезшие алмаз военные. Первым нарушил паузу чемоданосец, он забормотал быстро-быстро:

— Это, значит, кто же я теперь... значит, если через шесть званий... а если я сейчас... значит, кто я?..

Сумасшедшие его исчисления прервал выскочивший из тумана КраЗ, с визгом затормозивший перед самым шасси самолета.

— Охренели, что ли?! — завопил высунувшийся из кабины водитель.— Нашли место, где самолеты ставить!!!

— Охренел, что ли?! — вопили в свою очередь военные.— Нашел место, где на машине гонять!!!

Только КраЗ отъехал, как полезли из тумана какие-то «волги», «запорожцы», даже парочка «мерседесов» проскочила.

— Развалили страну!... — махнул рукой старший группы.— Правительственный аэродром, а они как по автобану раскатывают!

И первым зашагал к аэропорту. За ним потянулись остальные, замыкал группу все заметнее сдвигающийся по фазе чемоданосец.

— Генерал-полковник... генерал армии... — шептал он, загибая пальцы на руке,— маршал... Получается, генералиссимус я...

— Сейчас разберемся, Леша,— успокоительно похлопал его по плечу старший группы.

— Молчать, когда разговариваешь со старшим по званию!! — неожиданно откуда взявшимся басом рявкнул Леша.— Вы офицер или где?!

И, толкнув массивную дверь, генералиссимус Леша первым вошел в здание аэропорта. Вошел — да так и остолбенел. Потому что никакого здания не было, а было чистое поле с догорающими дымовыми шашками, еще недавно так удачно имитировавшими непролазный туман. Сзади наспех построенная декорация аэропорта «Внуково-2» поддерживалась деревянными откосами, на втором этаже противно поскрипывало распахнутое окно без стекол. Налетевший порыв ветра с силой захлопнул дверь в декорацию. Фасад покачнулся и рухнул наземь, открыв взглядам присутствующих «летное поле» с вырезанными из фанеры силуэтами двух самолетов. Чуть подалее, на шоссе, стоял самолет, только что доставивший драгоценный алмаз, из проносившихся в обе стороны автомобилях на него с недоумением поглядывали шоферы и пассажиры. Буколическую эту картинку довершал приближающийся к военным небритый мужик с козой на поводке.

— Отец, — хриплым голосом обратился к нему Леша, — мы где?

— Однако... — ухмыльнулся мужик, раскуривая «Беломор».

— Отец! — еще сильнее захрипел Леша. — Христом Богом прошу — где это мы?!

— Ну, положим, в России, — осторожно сказал мужик.

— И на том спасибо, — после паузы проговорил Леша. — А чуть конкретнее?

— Тульская область. Деревня Селезневка. Старший группы поднял лицо к синему безоблачному небу и завыл, как милицейская сирена.

Под такой же вой по осевой линии шоссе со скоростью 150 километров в час несся странный кортеж из двух правительственных машин и одного авиатрапа.

Генерал армии, сидевший в ЗИЛе, слегка приоткрыл прикованный к руке чемодан и едва не ослеп от блеска лежащего на мягкой подушечке алмаза. Лицо генерала расплылось в счастливой улыбке.

Но еще шире улыбался полковник, сидящий за рулем авиатрапа. Он не только улыбался, он пел:

Ши-ирли-мырли,
Ши-ирмани-ирли,
Ши-ирматъркин,
Мур-мур-кин!

Доехав до крестообразной развилки, машины поехали каждая по своей улице, трап тоже свернул в переулочек.

Вероятно, этот проезд и окажется фоном под титры будущего нашего фильма, здесь и возникает надпись во весь экран:

ШИРЛИ-МЫРЛИ

Потому что все, что до этого происходило, было всего лишь прологом, а настоящее действие только теперь начинается, когда...

...главарь московской мафии Козюльский, теперь уже не в форме генерала армии, а в безукоризненно сшитом смокинге, лакированных туфлях и белоснежной манишке с модной бабочкой, стремительно движется по коридору Международного торгового центра в Нью-Йорке. Одна из стен коридора сделана из затемненного стекла, и с высоты сто десятого этажа хорошо виден раскинувшийся на тысячах гектарах город Желтого Дьявола и пресловутая статуя Свободы.

К левой руке Козюльского по-прежнему прикован хорошо знакомый нам чемодан. Сопровождают его четыре молодых человека, на которых с трудом удалось застегнуть пиджаки шестьдесят второго размера.

Примерно таких же габаритов ребята ожидают их в многокомнатном «люксе», куда входит Козюльский со своей командой. В дальнем углу комнаты сидит за письменным столом коротышка с ухоженной лысиной и читает «Нью-Йорк Таймс».

— Морнинг! — приветствует его Козюльский. («Доброе утро!» — переводит за кадром приятный женский голос.)

— Хай! — казенно улыбается в ответ коротышка. («Сердечно рад встрече с вами», — объясняет зрителям переводчица.)

Дальнейший разговор идет на таком же отменном английском.

— Товар с вами?

— Как договорились. — Козюльский отступил от запястья чемодан. — Деньги доставлены?

— Конечно.

— Наличными?

Вместо ответа коротышка приоткрыл дверь в соседнюю комнату. Она была до потолка набита сто долларовыми купюрами, упакованными в тюки по десять миллионов.

— Очень хорошо, — дрогнувшим голосом сказал Козюльский. — А то я этим чекам как-то не доверяю.

Он протянул коротышке чемодан, тот раскрыл его... Даже эмоционально оступевшие громилы не смогли сдержать вздоха восхищения.

Коротышка подсел к столу, достал из кармана лупу, вставил ее, как монокль, в правый глаз и принялся изучать лежащее на подушечке чудо. Козюльский, стоя за его плечом, давал комментарии:

— Самый крупный за всю историю человечества... Чемпион мира по каратэ... в смы-

сле — по каратам. В Японии мне за него на три миллиарда больше предлагали, но я этим иенам как-то не доверяю... Кстати, им еще и стекло можно резать: самый прочный минерал в природе...

Коротышка вынул лупу из глаза, как-то странно посмотрел на Козюльского, потом небрежным движением руки сбросил алмаз со стола на пол. Тот с хрустальным звоном разлетелся на тысячу мелких осколков. Когда отзвонило, в комнате повисла гнетущая тишина. Прервал ее ошеломленный бас одного из охранников:

— Ни х... себе — прочный минерал...

(«Ни ху...» — бросилась переводить за кадром переводчица, но вдруг сообразила, что фраза именно по-русски и произнесена, испуганно ойкнула и замолкла. Поскольку дальнейший разговор шел на чистом русском языке, то переводчица в него больше не вмешивалась.)

— Фальшивка! — констатировал коротышка.

Козюльский сначала побелел, потом покраснел, потом позеленел.

— Какая блядь?!?! — Он не смог закончить предложения из-за нехватки воздуха.— Я спрашиваю,— предпринял он вторую попытку,— какая блядь подменила?!?!

— Ай, перестаньте сказать, Козюльский! — всплеснул руками коротышка.— Вы что, меня за фраера держите? Мы не на Привозе, здесь вам Юнайтед Стейтс оф таи Америка!!

— Мамой князюсь!! — бил себя в грудь Козюльский.— Я ж пять дней глаз не сомкнул! Я ж с этим чемоданом в бане мылся! Его ж кроме меня в руках никто не...

Вдруг какая-то мысль пронеслась в его голове, и он застыл с открытым ртом.

— Точно, шеф,— мрачно подтвердил его догадку один из громил, видимо, начальник охраны.— У самолета!

— Васька Кроликов, сука...— белыми губами прошептал Козюльский. Он даже глаза прикрыл, собираясь с силами.— Так... Кроликова в асфальт закатать!

— Есть, шеф! — Его охранники двинулись к выходу.

— Нет! — отменил свой приказ Козюльский.— В кислоте растворить!

— Есть!

— Нет! На ленты порезать. Для бескозырок! Но!!! — зарычал он страшно, и охранники испуганно замерли возле двери.— Но сначала из него камушек вытрясти!!!

А предназначенный для украшения морских головных уборов Василий Кроликов ехал в этот момент в такси по Москве. Был он на этот раз в штатской одежде, которая шла ему

значительно меньше, чем военная, в которой он подгонял трап к самолету с алмазом. Но настроение у Кроликова, как и в тот день, было превосходным, и он негромко мурлыкал: «Ширли-мырли-шир-манирли-шир-ма-тыр-кин-мур-мур-кин...»

— Душевная песня,— отметил таксист, когда Василий исполнил ее в третий раз.— Слова понимал бы — плакал бы!..

Такси остановилось в районе новостроек Москвы, среди одинаковых многоэтажек. Кроликов мышью проскользнул в подъезд одного из домов.

Здесь он на лифте поднялся на последний этаж, открыл люк, ведущий на чердак, прошел чердаком на другой конец дома, там снова открыл люк и оказался в другом подъезде. Маршрут этот для Кроликова был явно привычным.

Выйдя из лифта на седьмом этаже, Василий своим ключом открыл дверь сорок четвертой квартиры.

В сорок четвертую квартиру недавно попала бомба. Так, во всяком случае, эта квартира выглядела: вскрытый паркет, отодранный кафель, сваленные в одну кучу кастрюли, бутылки, нижнее белье и документы. В воздухе носился пух из разодранных перин и подушек. Удручающая эта картинка не мешала, однако, расположившимся у стола немолодым женщине и мужчине выпивать и закусывать соленной капустой.

— Васятка! — вскрикнула женщина, когда Кроликов вошел в комнату, и глаза ее наполнились счастливыми слезами.

— Мама!..— проникновенно сказал Василий и обнял женщину.

— Не забывает! — сквозь слезы похвасталась мама мужчине за столом.— Как только отсидит — сразу же к маме!

— Хорошего сына воспитала,— не без затруднения ворочая языком, одобрил мужчину поведение Василия.— Дай Бог каждому...

— По капустке-то соскучился? — любовно глядя на сына, спросила мама.— Любит он мою капустку,— опять не удержалась она от хвастовства.— Изю всех тюрем пишет: вспоминаю, говорит, мама, твою капустку...

— Хороший засол,— тяжело покачал головой мужчина.— Дай Бог каждому...

— Давай-ка я тебе свеженькой принесу,— направилась мама к балкону, но Василий усадил ее на месте:

— Отдыхайте, мама. Я сам все сделаю.

Он открыл дверь на балкон, где стояла кадушка с капустой. Подоконник рядом с дверью был сплошь уставлен кактусами. Из

кактусовых зарослей то тут, то там выглядывали маленькие радиомикрофончики.

— Заботливый он у меня,— неслось из подслушивающего устройства в машине, где сидел капитан милиции Пискунов.

— Дай Бог каждому...— бубнил в ответ сосед.

Пискунов улыбнулся, поднес к губам микрофон и негромко объявил:

— Объект на месте. Приступаем к операции задержания.

Из стоящего рядом с его машиной крытого грузовика посыпались ОМОНовцы в бронежилетах и с автоматами в руках.

— Кушай, кушай! — слышалось в машине, где сидел Козюльский. — Небось на Колыме такой капусточки нету?

— Там капусточка — не дай Бог никому...— отвечал за Васю сосед.

Козюльский довольно улыбнулся, поднес к губам микрофон и негромко объявил:

— Объект на месте. Приступаем к операции задержания.

И тут же поползла вверх вдоль стены дома люлька строительная, в которой стояли переодетые под маляров громилы-охранники.

— Что ж вы, мама, так себя запустили? — с присущей ему тактичностью поинтересовался Василий после первой рюмки.— Квартирку вот совсем не убираете.

Мама обиженно поджала губы.

— Я, Васенька, в квартире этой два раза в день капитальную уборку делаю. Плюс — ремонт.

— Мать у тебя чистюля, дай Бог каждому...— вскинул голову совсем было заснувший сосед.

Василий хлопнул вторую рюмку, оглядел разгромленную комнату и вежливо продолжал гнуть свое:

— Откровенно говоря... может, у меня что с глазами?..

— Глаза у тебя, Васенька, здоровые,— успокоила его мама.— Ты, козел, только на голову больной. С детства.

Кроликов поперхнулся капустой, откашлялся, потом сказал:

— В кругах, к которым я близок, мама, слово «козел» — очень обидное. Постарайтесь поэтому его в разговоре не упоминать.

— Ты мне лучше скажи, что ты такое свистнул, что у меня по два раза на день обыски?! — перла на него мама.— Я утром паркет положу — вечером его менты вскрывают, я

вечером кафель приклею — утром его Козюльский отдирает!

— Такую жизнь — не дай Бог никому...— подтвердил сосед.

— А Николай Григорьевич, бедный!..— приобняла соседа мама и всхлипнула: — Он за это время понятным семнадцать раз был!

— Не дай Бог каждому...— тоже заплакал Николай Григорьевич.

ОМОНовцы занимали боевые позиции на лестничной площадке у двери в квартиру 44.

— Начинаем по моему команде...— прошептал Пискунов, вынимая из кобуры пистолет.

Люлька с «малярами» уже почти достигла уровня балкона квартиры 44.

— Начинаем по моей команде...— прошептал Козюльский, вынимая из подмышки пистолет.

Николай Григорьевич и мама умильно взирали на развалившегося на диване Василия. После четвертой рюмки его потянуло на разглагольствования.

— На днях начну виллу строить на Ленинских Горах. Этажа на четыре. С парком, конечно. Первый этаж вам, мама, отдам.

— Да я как-то к соседям здесь привыкла...— робко засомневалась мама.

— Можно и с соседями,— не возражал Василий.— Николай Григорьевич, на Ленинские Горы переедете? Николай Григорьевич,— окликнул он засыпающего собеседника,— вы как себя чувствуете?

— Слабеть стал в последнее время,— очнулся сосед.— С утра еще вроде ничего, а вечером просто с ног валюсь. Два шага сделаю и падаю, два шага сделаю...

— Это мы подлечим в Швейцарии,— успокоил его Кроликов,— и мой геморрой тоже.

— Геморрой — это от сидения,— авторитетно вставила мама.— Сидишь много. Надо ходить.

За приятным этим разговором они не замечали, как вырастают за окном фигуры громил во главе с Козюльским.

— Главное — фактор неожиданности,— почти неслышно давал инструкции Козюльский.— Разбиваем стекла и с криком врываемся. Приготовились...

Громилы замахнулись прикладами автоматов, но в это время вылетела от взрыва входная дверь в квартиру 44, и с криками сквозь клубы дыма в комнату начали врваться ОМОНовцы во главе с Пискуновым.

Сильнее всего фактор неожиданности подействовал на громил за окном. Они завизжа-

ли от страха, подняли вверх руки, а двое вообще прыгнули с люльки вниз, не учтя, что сорок четвертая квартира находится на седьмом этаже.

Но Пискунов ничего этого не видел. Сжимая двумя руками пистолет, он смотрел только на Кроликова.

— Руки за голову! Лицом к стене! — выкрикивал Пискунов все положенные для этого момента фразы.— Попался, голубчик! От нас не убежишь! МУР есть МУР!

Василий, спокойно рассматривая прыгающего перед ним милиционера, вдруг быстро опустил руку в карман пиджака, схватил там что-то и сунул себе в рот.

— А-а-а! — забились за окном в истерике охранники.

Только теперь Пискунов обратил на них внимание. Он подошел к балкону и открыл дверь:

— Вы по какому вопросу, товарищи?

— Алмаз! — задыхался Козюльский.— Алмаз сейчас сожрет!

Пискунов бросился к стоящему с раздутыми щеками Василию и начал трясти его за лацканы пиджака:

— Выплюнь! Выплюнь национальное достояние, Кроликов!!

Но Кроликов сделал глотательное движение, и на глазах изумленного Пискунова алмаз изо рта переместился в горло, прошел пищеводом и оказался в желудке. Ввиду крупности предмета весь процесс просматривался отчетливо, как под рентгеном.

— Ну, козел...— зловеще проговорил Козюльский.— Теперь, если хочешь легкой смертью умереть, сам себе хакаки делай.

— За козла ответишь,— предупредил Василий и громко кинул.

— Товарищи, что это вы? — укоризненно сказал Пискунов, подходя к балкону.— Рабочий класс, а разговариваете как мафиози какие-то... И вообще — давайте договоримся: милиция свою работу делает, а вы — свою.

Захлопнул дверь на балкон и приказал отрывисто:

— В больницу! Быстро!

По длинному больничному коридору шли седой доктор в белом халате и шапочке и капитан Пискунов.

— А вы не ошиблись? — сомневался доктор.— Такой объем просто не пройдет в глотку.

— У Кроликова все пройдет,— горько усмехался Пискунов.— Аферист высшей пробы. Восемь судимостей. Двадцать три побега. Знает три языка: мордовский, нанайский и румынский. Читает на суахили. Играет на всех инструментах. Во время последней отсидки

играл в сборном оркестре балалаечников Тюменской и Сургутской колоний. И вот вместе с балалайками...

Доктор остановился, уставился на Пискунова, и тот, нагнувшись к его уху, доверительно сообщил:

— Триста струн! Из чистого золота! Колки из платины! Ну кто знал-то?!

Доктор был потрясен. Они вошли в рентген-кабинет.

Там на белой табуретке сидел Василий Кроликов. Рядом с ним стоял молоденький лейтенант, в дверях еще двое с автоматами. Охраняли.

Увидев вошедших, Василий поднялся, обаятельно улыбаясь:

— Очень рад видеть. Позвольте представиться: Кроликов, музыкант.

Он схватил доктора за руку и энергично потряс. Наручные часы доктора с пестрым циферблатом незаметно соскользнули и оказались в кармане у Кроликова.

— Музыкант? — переспросил доктор и обернулся к Пискунову: — Это не тот?

— Прекрати, Кроликов! — взвился Пискунов.— Ключка у него такая — «Музыкант», — пояснил он доктору.— Пальчики у него больно музыкальные. А ну верни часы доктору!

Кроликов засопел, сунул руку в карман пиджака, достал часы и потрясенно уставился на них.

— Полтергейст...— пробормотал он и испуганно сунул часы в руку доктору.

— Раздеться! — приказал Пискунов.

Кроликов скинул пиджак и рубашку. Все тело его было синим от татуировок. Доктор начал ощупывать рыхлый кроликовский живот. Там была нарисована полногрудая красотка, и со стороны могло показаться, что доктор ласкает нарисованную девушку.

— Мать бы пожалел, Кроликов.— Пискунов решил заполнить паузу воспитательным процессом.— Совсем сына не видит.

— Вот это не надо! — обиделся Василий.— Я-то маму не забываю. Только как к ней ни приду, там уже вы сидите.

— При пальпировании ничего не обнаруживается,— удивленно сказал доктор, оторвавшись от красотики на животе.— «Не счесть алмазов в каменных пещерах...»,— серьезно задумавшись, негромко пропел он.

Лицо Василия перекошилось, как от зубной боли.

— Кончай!! — завопил он, когда доктор попытался продолжить арию.

Доктор испуганно отпрыгнул в сторону, а Пискунов спросил строго:

— Что за хулиганство, Кроликов?

— Не могу, когда фальшивят,— объяснил

Василий.— Просто себя не помню. Убить готов! — добавил он с остервенением.

— Точно,— кивнул головой Пискунов в ответ на немой вопрос доктора.— Он и моего пения не выносит. Не знаю уж, почему,— вдруг обиделся он.— Я, между прочим, Кроликов, в самодеятельности с большим успехом выступаю!

— М-да...— сказал доктор.— Тут целый комплекс запущенных болезней. Посмотрим, что покажет рентген.

В соседней комнате, где стояла рентгеновская установка, их встретил громадный санитар в белом халате.

— Что-то я вас раньше не видел. Вы новенький? — спросил у него доктор.

— Сегодня первый день,— угрюмо ответил санитар.

— А раньше где был?

— В сумасшедшем доме. В буйном отделении.

— Ага. Значит, знакомы с работой санитаря?

— Знаком...— Подобие улыбки появилось на мрачном лице.— Они на меня вшестером наваливались, когда связать надо было.

Доктор ошеломленно уставился на санитаря, и тот пояснил:

— Я там на излечении находился. Справка имеется.

— Понятно...— после паузы кивнул доктор головой и выразительно посмотрел на автоматчиков, застывших в дверях.

На них же с тоской смотрел и Кроликов, давно уже узнавший в громиле-санитаре начальника охраны Козюльского. Но путей к спасению не было...

— Давайте посмотрим желудочек у больного,— осторожно предложил доктор.

Санитар грубо взял Василия за шею, подвел к установке и засунул в специальную кабинку.

— Сам отдашь или как? — негромко поинтересовался он при этом.

— Сам! — без спора согласился Кроликов.— Как только стул будет. Первый стул — ваш.

Санитар сморщил нос.

— Не дышите, больной! — громко рявкнул он.

Доктор и Пискунов смотрели на светящийся экран рентгеновского аппарата.

— Абсолютно чистый желудок,— развел руками доктор.

— Неужели переварил?! — ахнул Пискунов.

— Каких размеров алмаз? — уточнил доктор.

— Вот такой,— показал Пискунов двумя руками.— С мой кулак.

Доктор задумался. «Не счесть алмазов...» — начал было мурлыкать он, но моментально осекся.

— Как он может выйти этим же путем? Как? — с жаром спрашивал за экраном Кроликов санитаря.

— Я тебе сейчас покажу, как...— пообещал санитар.

В левом углу экрана появился человеческий кулак в его рентгеноскопическом варианте.

— Вот он, вот он! — заволновался Пискунов.

— Странно...— недоверчиво рассматривал кулак доктор.— Но в любом случае это очень опасно для здоровья. Может случиться защемление...

Кулак два раза резко ткнулся в желудок Кроликова. Тот захрипел и, жадно лоя ртом воздух, вывалился из кабинки.

— Дышите, больной! — опять рявкнул санитар.

— Что это с ним? — испугался Пискунов.

— Защемление началось...— простонал Василий.— Умираю!..

Кроликов засучил ногами и закатил глаза.

Доктор наклонился над полуголым пациентом.

— Пульс нитевидный. Фактически пульса нет,— констатировал он.— Носилки! Быстро!

Лейтенант и санитар схватили стоящие у стены носилки, уложили на них хрипящего Кроликова и потащили к двери. Когда Василия пронесли мимо доктора, он трясущейся рукой ухватил его за рукав:

— Помогите мне, милый человек! Я еще молод! Жить хочу!

И докторские часы опять соскользнули в карман умирающего Кроликова.

Носилки с Василием вынесли во двор. Шофер реанимобиля помог загрузить носилки в машину, захопнул заднюю дверцу... И реанимобиль тут же тронулся с места, резко набрал скорость, выбил легкие больничные воротца и уехал.

Пискунов и доктор, шофер и громиле-санитар заворуженно смотрели вслед беглецу-автомобилю.

— Часы! — посмотрев на руку, заметил пропажу доктор.

Реанимобиль несся по улицам Москвы. На шоферском месте сидел Василий и крутил баранку, распевая при этом:

— Ширли-мырли-шир-манирли-шир-матиркин-мур-мур-кин!

В зеркало заднего обзора Кроликов увидел догоняющую его милицейскую машину. Он

включил сирену и мигалку, выехал на встречную полосу и нажал на газ.

Милиционеры на перекрестках останавливали движение, пропуская ревущие сиренами реанимобиль и милицейскую машину. Вдруг реанимобиль резко завернул в арку старинного дома. Пискунов не успел среагировать, и милицейская машина промчалась мимо. Потом с визгом стала тормозить.

В уютном дворике около подъезда стояла молодая беременная женщина. Под руку ее поддерживала мамаша необъятных размеров.

— Вот видишь, Галочка, уже приехали! — успокаивала она дочь. — И пяти минут не прошло, как вызвали...

— Я, кажется, уже рожаю... — постанывала Галочка.

Кроликов остановился около роженицы, выскочил из реанимобиля и распахнул задние дверцы. Он был уже в белом халате и в белой шапочке.

— Осторожно! Вот так... — помогала мамаша дочке лечь на носилки.

— Это проходной подъезд? — спросил Василий.

— Да, доктор, — кивнула мамаша.

— Без меня не начинайте! — попросил Кроликов роженицу, захлопнул дверцы и побежал к подъезду.

Едва он в нем скрылся, как во двор влетела милицейская машина. Пискунов с пистолетом в руках подскочил к реанимобилю. За рулем никого не было.

— Здесь... — прошептал лейтенант. Он стоял возле задней дверцы.

Пискунов рывком распахнул дверь и, держа пистолет двумя руками, взял пассажиров на мушку.

— А-а-а! — закричала лежащая на носилках Галочка.

— А-а-а! — закричал Пискунов, увидев, что происходит на носилках.

— А-а-а! — запищал вдруг младенческий голос.

Подъезд, действительно, был проходным, но вторая дверь оказалась заколоченной. Кроликов безуспешно пытался открыть ее. Затем бросился обратно. Но к подъезду уже направлялись Пискунов с лейтенантом.

Кроликов нажал на кнопку вызова лифта и в нетерпении подпрыгивал на месте, ожидая, пока он спустится. Сквозь стеклянные двери

подъезда хорошо был виден приближающийся Пискунов. Нервы у Василия не выдержали, он кинулся бежать вверх по лестнице. Однако путь ему преградила шумная праздничная компания, спускавшаяся вниз. В центре компании двигалась неопределенного возраста симпатичная женщина в белой фате, из веселых выкриков можно было понять, что вся эта процессия направляется на регистрацию брака. Пробиться сквозь процессию Василию не удалось, она его захватила и неумолимо несла к дверям, где уже стоял торжествующий Пискунов. Но и Пискунов не мог войти в подъезд, пока не пройдет через дверь вся компания. Он только удавом смотрел на отступающего вглубь подъезда кролика-Кроликова. От такой невезухи Василий в отчаянии схватился за голову руками и сел на пол.

Увидев, что Кроликов пропал, Пискунов начал обеспокоенно оглядываться и вдруг обнаружил его возле длинного белого «линкольна», стоящего во дворе. Василий успел уже переодеться во фрак с красной гвоздикой в петлице. Он элегантно усадил на заднее сиденье невесту в фате, сам сел рядом и захлопнул дверцу машины, скользнув по Пискунову равнодушным взглядом. «Линкольн» отчалил от подъезда, следом за ним тронулся и кортеж из множества заграничных автомобилей. Замыкал кортеж реанимобиль, за рулем которого сидела необъятная мамаша, отчаявшаяся дожидаться сгинувшего доктора.

— Ну, аферюга!... — почти восхищенно проговорил Пискунов, глядя вслед «линкольну». И скомандовал лейтенанту: — В машину!

Когда стих рев моторов, из подъезда появился ничего не понимающий Кроликов. Сумасшедшая улыбка блуждала по его лицу.

— Во хреновина-то... — бормотал он. — Чудо какое-то...

Последняя мысль заставила его посерьезнеть. Василий поднял лицо к небу и принялся истово молиться. Потом грохнулся на колени и начал биться головой об асфальт. В таком положении и застала его въехавшая во двор «Скорая помощь».

Религиозный экстаз моментально оставил Кроликова. Он вскочил на ноги и скандално закричал:

— Сколько вас можно ждать?! Роды уже начались! Я Бога молю, чтобы все обошлось!

Шофер и доктор выскочили из машины, схватили носилки и бросились к подъезду.

— Какой этаж? — на ходу спросил доктор.

— Последний! Самый последний! — Василий показал пальцем наверх.

Доктор и шофер скрылись в подъезде. Василий сел за руль «Скорой» и уехал.

ИВАН БИРЮКОВ

ЗОЛОТОЕ ДНО

(Фрагмент)

Толпа почтительно расступилась, и я увидел Гарика. Рядом с ним стояла высокая красивая блондинка.

Благоухая одеколоном, Гарик с усмешкой оглядел нас:

— Ну и кто чемпион?

— Вот этот, — кто-то услужливо ткнул в меня пальцем.

Гарик сделал удивленное лицо:

— Bravo, Журналист! Сколько выиграл?

— Пятьсот.

Гарик присвистнул:

— Достойно. Ставлю тысячу, поборемся?

Вокруг сдержанно загалдели.

— Спасибо за интересное предложение, — усмехнулся я. — Но я этим не занимаюсь и не зарабатываю на жизнь. Вот только старого друга потешил, — кивнул я на Соленького.

Лицо Гарика насмешливо сморщилось:

— Чемпион не имеет права отказываться, ты разве не знаешь?

Я бросил укоризненный взгляд на Соленького. Тот, как ни в чем не бывало, выложил на стол только что выигранные сто пятьдесят долларов:

— Я сегодня разбогатею.

Я отрицательно помотал головой.

Джефф удивленно посмотрел на меня.

— Неужели боишься? — прищурился Гарик.

Его спутница смотрела на меня с легким презрением.

— Но ведь он же нечаянно победил, правда? — невинно спросила она, глядя мне в глаза.

«Ах ты, сука», — подумал я.

Гарик вопросительно уставился на меня своими немигающими карими глазами:

— Я могу поверить в долг.

Поверх его плеча я посмотрел на Костю. Поймав мой взгляд, он принялся сосредоточенно протирать стакан, разглядывая его на свет. Я решил:

— Господа, я предупреждаю всех: развлекаюсь подобным образом в последний раз. — Я обвел всех взглядом, задержавшись на невозмутимом лице Соленького. — У вас есть чемпион — Джефф. А меня считайте любителем, ясно?

Гарик переглянулся со своей красавицей, она слегка улыбнулась.

— Садись, Гарик, — предложил я.

Соленький чиркнул спичкой, зажег потушенную плошку.

Джефф уступил место Гарику.

Тот снял пиджак, оставшись в жилете поверх светло-коричневой рубашки, передал его своей даме и уселся напротив меня.

Мы приготовились, и я почувствовал, как ноют мои мышцы после схватки с Джеффом.

Болезлики полушепотом делали ставки.

Соленький опять взял на себя обязанности судьи.

— Готовы? — невозмутимо спросил он.

Мы кивнули почти синхронно.

— Начали!

Я сразу нажал его кисть, вложив в это усилие всю свою злость. Нужно свалить его одним движением, иначе мне не победить — слишком сильно устала рука, а Гарик оказался серьезным соперником.

Загорелое лицо Гарика налилось кровью от напряжения, пальцы побелели.

Все вокруг молчали, только негромкая музыка нарушала тишину да горячие фитили сухо потрескивали в плошках.

Локоть Гарика дрогнул и чуть скользнул в сторону.

— Локоть! — рявкнул Соленький.

Его окрик словно помог моему усилию: кисть Гарика согнулась, и я стал прижимать его руку к столу.

Если бы он так не презирал меня, он бы уже сдался. Только невероятным усилием воли он еще пытался сдерживать мой натиск. Но вот запахло паленым, его рука все ниже склонялась над плошкой, и огонек уже лизал его кожу.

Я вдруг ярко вспомнил Женьку, его разбитый окровавленный рот, его горящие ненавистью зеленые глаза, и чуть ослабил нажим.

Он понял мое намерение и заскрипел зубами, но не произнес ни звука.

Я слышал, как потрескивает его кожа, но не спешил дожать его, желая, чтобы он сдался сам.

И он сдался.

В горле его что-то тоненько пискнуло, он

перестал сопротивляться, и я погасил его рукой огонек плашки.

Гарик отдернул свою руку, его карие навывали глаза непроизвольно повлажнили.

Все молча смотрели на черное обгоревшее пятно на тыльной стороне ладони Гарика.

Растолкав толпу, к столу в тишине протиснулся Костя. Он густо черпнул тампоном из блюдца с медвежьим жиром и приложил его к ожогу.

Гарик побледнел от этого прикосновения. Казалось, его зубы сейчас искрошатся — так крепко он их сжал.

— Чистая победа,— глухо сказал Соленький, сгребая со стола деньги. Он взял меня под руку и повел к стойке.

Перед нами все расступались.

По пути к стойке бара я перехватил пристальный взгляд блондинки. Дама Гарика смотрела на меня изучающе, в глубине ее зеленых глаз светились удивление и интерес к моей особе.

Костя молча налил нам водки, ни разу не взглянув мне в глаза.

— Журналист!

Я повернулся к залу.

Гарик стоял, надевая пиджак, все такой же бледный, с горящими ненавистью глазами:

— Получи выигрыш.

Он вынул бумажник и, не считая, достал пачку сотенных, протягивая мне.

Я понял его игру и потому не тронулся с места. Наоборот, я влез на высокий табурет и кивнул, протягивая руку:

— Давай.

Какое-то мгновение казалось, что он сейчас взорвется, но он сдержал себя — какая все-таки сила воли у парня! — и подошел ко мне.

Я взял у него деньги и сунул в задний карман джинсов:

— Выпьешь?

Болельщики напряженно следили за нами, не говоря ни слова.

Гарик усмехнулся бледными губами и взял перебинтованной рукой стаканчик. Быстро, чтобы не было заметно, как дрожит его рука, он опрокинул в себя водку и аккуратно поставил стакан на стойку.

— До встречи, Журналист,— давась бешенством, попрощался он, резко повернулся и вышел из бара, забыв о спутнице.

Я посмотрел на нее:

— Вы не выпьете с нами?

Ничего не ответив, она прошла к выходу и хлопнула дверь.

Толпа прихлынула к стойке, загудела возбужденными голосами. На меня поглядывали с опаской, как будто я заболел чумой.

Слева от меня на табурет влез Серега — парень, проигравший Соленькому.

— Считай, что ты наполовину труп, Журналист,— с сочувствием и симпатией пробормотал он.— Лучше уезжай отсюда куда-нибудь на материк, от греха подальше.

Я невесело усмехнулся и отрицательно помотал головой. Костя неожиданно посмотрел мне прямо в глаза и ободряюще подмигнул:

— Он абориген, куда ему бежать?

Сашку я так и не дождался.

Я нашел его на другой день ближе к вечеру.

Солнце уже клонилось к зубчатым вершинам синих сопков, обливая каким-то очень теплым, желто-оранжевым светом узкую долину Ржавого.

Целый день я брел с карабином по ключу, обследуя старые ползаросшие полигоны, изредка промывал лоток-другой и теперь крепко утомился.

Забравшись на отвалы очередного полигона, я снова остановился, чтобы с высоты осмотреться вокруг, и наконец увидел его.

Впрочем, вначале я не понял, кто это. Я просто увидел метра в ста от себя привязанного к лиственнице голого человека. Когда я, задыхаясь, подбежал к нему вплотную, я с трудом различил в распухом от побоев и комариных укусов лице знакомые черты.

Сашка, видимо, не слышал меня. Он механически мотал головой и терся по правой, то левой щекой о собственные плечи, пытаясь отогнать облепивших его комаров, судорожно тер ноги одна о другую, словно танцует какой-то страшный танец, и непрерывно стонал.

Его руки с посиневшими до черноты кистями были вывернуты назад и связаны тонким кабелем с другой стороны дерева.

— Сашка... Саня... Суки... Сашка...— бормотал я в ужасе, перерезая кабель.

С невнятными стонами, с каким-то звериным рычанием он стал скрести свое тело, облепленное раздувшимися от крови комарами. Он, казалось, даже не реагировал на мое присутствие.

Я сорвал с себя легкую хлопчатобумажную куртку и накиннул ему на плечи:

— Сашка, что с тобой? Ты слышишь меня?!

Это же я, Димка!

Я боялся, что он сошел с ума от этой пытки комарами. И тут он заговорил:

— Тварь паскудная! Убью суку! Говно жрать заставлю!!

— Саня! Да очнись же ты!! — заорал я.

Он разлепил распухшие от укусов веки, поднял на меня налитые кровью глаза с огромными зрачками, осмысленно, узнавая, посмотрел на меня и вдруг заплакал.

Здоровый, почти двухметрового роста,

неукротимый и буйный, отважный и безрас- судный Сашка — плакал, по-детски морща лицо.

Я прижал его к себе, гладил по голове, шептал «Сашка... Саня...», а он плакал и судорожно обнимал меня почерневшими и распухшими руками.

Наверное, не больше пяти минут прошло с тех пор, как я увидел его с гребня отвала, но мне эти минуты показались вечностью, наполненной жестоким состраданием и слепящей яростью.

Наконец, он снова взглянул мне в лицо и, не веря своим глазам, спросил:

— Димка? Это ты?

— Саня...

— Я думал, с ума сойду...— Он принялся яростно чесать свои ноги от щиколоток до живота.

— Кто тебя... привязал? — в два приема, давась своей яростью, спросил я.

— Гарик.— Сашка вдруг перестал всхлипы- вать, его глаза мгновенно высохли и запыла- ли мрачным огнем.— Мне сегодня же нужно его найти!

— Не спеши,— я пытался образумить его, хотя меня самого душили те же чувства.— Поймаем его в тайге, вместе со всей его шепульню накроём!

— Ох, жрут! — прорычал Сашка, отгоняя от себя тучу комаров.

— Где твоя одежда? — опомнился я, глядя на его распухшее голое тело.

— Не знаю.

— Ну, где тебя раздевали?

— А...— Он огляделся и, прихрамывая, побежал вдоль отвала. Подхватив свой кара- бин, я побежал за ним.

У места, где отвалы разрежали узенький ручей, стояла сколоченная из досок проход- нушка — Сашкин промывочный прибор, ря- дом валялись кайло и лопата, расколотый на- двое лоток и выпотрошенный рюкзак. Вокруг всего этого была разбросана Сашкина одеж- да.

Он быстро натянул на себя джинсы, затем, скинув мою куртку, натянул через голову фут- болку.

Пока он судорожно одевался, я обошел его стоянку, чуть в стороне нашел среди валунов «вертикалку» двенадцатого калибра с разби- тым вдребезги прикладом, осмотрел замок и стволы.

Ничего страшного, приклад можно выре- зать новый, еще лучше.

Натянув сапоги, Сашка склонился над ручьем и долго плескал ледяной водой себе в лицо и на голову, жадно глотал ее и снова плескал.

Я присел на валун и терпеливо ждал, пока он умоет нестерпимо зудящее от укусов лицо.

Наконец он поднялся, вытерся полой курт- ки и, затолкав в рюкзак разбросанные вещи, закинул его за плечи:

— Пошли, Димка. Накроем его в американ- ском баре.

— Может, лучше в тайге? — Я протянул ему разбитое ружье.— Зачем нам лишняя рекла- ма?

— Дурак ты! — мрачно рявкнул Сашка.— В тайге он при исполнении, а в баре — обычное говно!

— Что значит — при исполнении?

— Ты что, ни черта не знаешь? — даже удивился Сашка.— Он начальник золотой охраны Компании.

— Сколько всего? — Гарик раздавил в пепельнице сигарету, место ожога на руке было заклеено пластырем.

— Четырнадцать семьсот пятьдесят три,— молодой стрелок со «стечкиным» на поясе отметил что-то в журнале и подвинул его по столу вместе с ручкой Гарику.— Распишись.

Гарик небрежно чиркнул в журнале.

Они сидели за столом в небольшом поме- щении без окон. Кроме деревянного стола, покрытого блестящим пластиком, и четырех кресел, в углу комнаты отливал воронеными боками массивный сейф, а вдоль стены на- против двери тянулась пирамида с автомата- ми и карабинами. Под ними аккуратными рядами лежали цинки с патронами и ящики с гранатами. В углу напротив сейфа стоял лабо- раторный столик с высокоточными элект- ронными весами.

Голые стены этого помещения были закле- ны служебными инструкциями и образцами документов, над столом висел большой ка- лендарь на 2003-й год с фотографией обна- женной девушки.

— Это тебя Журналист подпалил? — с любопытством спросил стрелок, кивая на заклеенную пластырем руку Гарики.

Тот оттолкнул от себя журнал и не мигая уставился в глаза стрелку:

— Я вижу, это тебя забавляет?

Стрелок вильнул взглядом, лицо его вытя- нулось:

— Да ты что, Гарик?.. Просто тут старатели болтают всякое...

— Кто именно? — холодно спросил Гарик.

Стрелок засуетился, передвинул на столе брезентовый опломбированный мешочек с золотом и выдвинул ящик стола.

— Сейчас...— Он торопливо порылся в бумагах, стараясь не встречаться взглядом со своим командиром.— Вот!

Гарик взял протянутый листок, вниматель- но прочел три фамилии с указанием должнос- тей.

— С Кузьминым я сейчас разберусь,— вернул он листок.— А этих двоих уволить.

Стрелок еще больше заволновался, растеянно облизнул вдруг пересохшие губы.

— Но, Гарик...— начал он заискивающим тоном.— Ведь разгар сезона!.. Дымов...

— Передай Дымову,— перебил его Гарик,— что я прошу об этом одолжении в его же интересах. Понял, придурок?

— Хорошо.— Стрелок вскочил из-за стола, опустив взгляд.

Гарик несколько секунд смотрел на него снизу вверх, затем тоже встал:

— Отдай ребятам металл и документы и приведи мне Кузьмина.

Гарик раскрыл бронированную дверь с узкой щелью, прикрытую щитком, затем обычную деревянную дверь с глазком и вышел на воздух.

Прихватив со стола мешочек с золотом, взмокнувший стрелок поспешил за ним.

Он торопливо запер обе двери и трусцой подскочил к массивному бронированному автомобилю.

В дверях фургона, свесив ноги, сидел темноволосый крепкий парень, в раскрытом вороте форменной рубашки виднелась тельняшка.

— Держи, Игорь,— молодой стрелок торопливо сунул ему документы и золото.

— Ты чего как наскипидаренный? — ухмыльнулся Игорь.

Тот искоса взглянул на стоящего у двери Гарика и, махнув рукой, побежал к полигону, откуда доносился глухой гул работающих бульдозеров.

Гарик проводил его мрачным взглядом, затем посмотрел на Игоря:

— Ты что, забыл инструкцию?

Блаженствующий на солнце Игорь торопливо бросил сигарету, обиженно и удивленно посмотрел на Гарика, забрался в душную полутьму фургона и захлопнул за собой бронированную дверь.

— Оборзели совершенно,— раздраженно пробормотал Гарик.

Он оглядел стоянку старателей: затянутый брезентом временный ремонтный бокс для бульдозеров, две серебрястые цистерны с горючим и три передвижных домика на санях. Вокруг всего этого — перемолоченная гусеницами бульдозеров голая земля. Из-за бокса показались две торопливо идущие фигуры.

Гарик, широко расставив ноги, ждал их приближения.

Запыхавшийся стрелок со «стечкиным» остановился в двух шагах:

— Вот, привел.

Гарик мотнул головой, отпуская его.

Кузьмин оказался громоздким голубоглазым мужчиной лет сорока пяти с обширной

лысиной и виноватым выражением одутлова-того лица.

— Привет, Гарик,— переводя дыхание, поздоровался он.— Чего звал?

Гарик молча ударил его в лицо.

Кузьмин покачнулся, прикрыл грязной от мазута ладонью разбитый рот:

— За что?

Гарик ударил его ногой в пах и, когда тот согнулся — коленом в лицо.

Кузьмин упал на спину, из носа сильно потекла кровь. Гарик молча наблюдал за ним.

Перевернувшись на бок, Кузьмин неуклюже встал на четвереньки, затем поднялся на ослабевших ногах:

— Ты что, Гарик, озверел? Что я тебе...

Гарик снова сбил его с ног.

— Не понял? — зло спросил он, глядя на Кузьмина, который корчился в грязи.— В следующий раз ты откусишь свой поганый язык.

Молодой стрелок торопливо открыл дверь золотоприемной кассы и скрылся внутри.

Гарик оглянулся на закрытую дверь, обошел машину и уселся рядом с водителем в форме стрелка охраны:

— На Веселый.

В американском баре мы появились далеко за полночь. Сашка вошел в бар первым. При входе он остановился, быстро оглядел небольшой зал, где сидело несколько завсегдаев, затем направился к двери в казино. Я шел за ним.

Здесь, видимо, привыкли к виду распухших и разбитых физиономий и поэтому не обращали на нас излишне пристального внимания. В зал казино я попал в первый раз, но Сашка не дал мне даже толком оглядеться — я лишь бегло осмотрел рулетку, пару карточных столов, где шла игра в покер, и бильярдный стол.

В немногочисленной толпе игроков и зевак Гарика не было, и Сашка вернулся в бар.

У стойки он, наконец, остановился, бросил в угол рюкзак, положил среди стаканов разбитое ружье и влез на табурет.

Освободившись от своего рюкзака и карабина, я устроился рядом.

Костя с встревоженным лицом подошел к нам, придвинул бутылку водки и два стакана:

— Что случилось, мужики? Здесь с оружием не принято.

— Гарика видел? — резко спросил Сашка, разливая водку.

Костя бросил взгляд на его разодранные кабелем кисти рук, кивнул:

— С час как ушел.— Он быстро обвел взглядом полутемный зал бара.— Там в углу за столиком — пара его ребят.

Сашка выплеснул в себя водку и сразу пошел в угол бара.

— Все повреждения в баре за мой счет,— бросил я Косте, передал ему через стойку свой карабин и неторопливо пошел к выходу. У двери я остановился и повернулся лицом к залу, опершись плечом о стену.

Мне совсем не жаль было этих молодых подонков, стрелков военизированной охраны Гарика.

Саня действовал с холодной, я бы даже сказал — хладнокровной яростью. Подойдя к столу, за которым сидели парни Гарика с двумя девицами, он молча выдернул за шиворот ближайшего и первым же ударом сломал ему нос. На мой взгляд, этого было вполне достаточно, но он поднял его с пола, приставил к стене и, придерживая левой рукой за горло, правой принялся месить его физиономию.

Во втором стрелке я узнал Славика, который отнял у меня золото. Славика, видимо, сначала поразила Сашкина стремительность и внезапность, но он быстро сориентировался и сзади набросился на Сашку, попытался оторвать его от приятеля.

Тогда Сашка отпустил свою потерявшую сознание жертву и принялся за Славика.

Только тогда девочки завизжали, приковав внимание посетителей к сцене яростного и безмолвного «избиения младенцев».

Я внимательно следил за тем, чтобы моему брату не мешали.

Из двери в зал казино высунулся молодой парень, быстро оценил происходящее и решительно направился к Сашке, на ходу вынимая из кармана шикарного костюма металлический кастет.

Я по пути поймал его руку с кастетом и резко ударил его в переносицу. Он мешком свалился к моим ногам. Подобрал кастет, я снова отошел к двери.

Сашка, видимо, опьянел от крови противника, его ярость росла с каждым ударом. Но расхodoвал он ее зря, парень уже, кажется, отключился и давно упал бы, не прижимай его Сашка к стене.

Я подошел и тронул Сашку за плечо:

— Саш, хватит, он тебя уже не понимает.

Сашка с такой яростью отбросил меня, что я едва устоял на ногах.

— Идиот!! — заорал я.— Ты сейчас убьешь его!

Сашка, словно очнувшись, перестал месить то, что минуту назад было лицом Славика, разжал свою левую руку и молча проследил, как тот сполз по стене и кучей тряпья свалился на своего напарника.

— Нужно вызвать милицию! — неуверенно пробормотал женский голос из полумрака зала.

Сашка повернул на голос искаженное страшной гримасой распухшее лицо:

— Неужели нужно?..

Его улыбка могла бросить в дрожь кого угодно.

— Все нормально, старик,— торопливо произнес мужской голос.— Это у нее нервное. Я пошел к стойке.

Немного помедлив, брат присоединился ко мне и налил себе водки.

— Костя, этих троих нужно в больницу, они подрались между собой,— посоветовал я, кладя «трофейный» кастет на стойку.

Костя озабоченно кивнул.

Из зала, чуть покачиваясь, к нам подошел Солененький.

— Есть хотите? — спросил он.— Пойдем со мной, мама родная? Жужу нас накормит, она золотая баба.

По визгливой деревянной лестнице ветхой двухэтажки мы поднялись наверх. Солененький открыл ключом дверь квартиры с жестяной шестеркой на рыжей обивке.

— Тихонечко только, дети спят,— хриплым шепотом предупредил он.— Раздевайтесь.

Свет в прихожей он включил только после того, как плотно прикрыл дверь в одну из комнат.

Мы повесили на вешалку оружие, куртки, сложили в углу рюкзаки, стащили грязные сапоги.

— Это мой порт приписки,— гордо объявил Солененький,— последняя гавань. Проходите в кухню.

Чуть скрипнув, открылась дверь, которую прикрывал старик, и в прихожую вышла обширная и просторная, как русское поле, женщина в белой ночной сорочке.

Это было зрелище!

Ей было чуть за тридцать. Вся — от матово-белого лба до кончиков кругленьких пальцев босых ног — она была молочного-розоватой, округлой и упругой. Густые каштановые волосы были заплетены в две толстые косы, перевязанные тряпичными бантиками, круглое лицо с мягким румянцем на скулах морщилось от яркого света, на правой щеке был розовый след от подушки, низкое декольте распирало теснящиеся круглые груди. Вся она была — тучность и плодородие, зрелость и спелость.

— Ты что, с ума сошел? — строгим шепотом спросила она Солененького и легонько смазала его по лохматому затылку своей мягкой ладонью.— Сколько времени?!

Не дожидаясь ответа, она окинула нас с Сашкой взглядом маленьких голубых глаз и приветливо улыбнулась, блеснув золотой фиксой:

— Здравсте, полуночники. На кухню проходите, я сейчас че-нибудь соберу.

Мягко ступая босыми ступнями, она подтолкнула нас на кухню.

Солененький довольно подмигнул мне.

Пока мы рассаживались за столом, Жужу включила электроплиту, расставила на конфорках кастрюлю и сковородки:

— Деточка, возьми там в холодильнике.

Солененький с готовностью вынул из холодильника бутылку водки, скрутил пробку и поставил в центре стола.

— Голодные, небось, как собаки? — говорила Жужу, быстро и ловко собирая на стол. — Выпейте пока для аппетита.

— Спасибо, Жужу, — поблагодарил я.

— Что-то я вас не припомню. — Она снова с любопытством оглядела нас с Сашкой. — Недавно здесь?

— А я вот вспомнил, — вдруг сказал Сашка, со странным выражением на лице следя за Жужу. Впрочем, на таком распухом лице трудно было определить какое-либо выражение. — Ты в «инкубаторе» училась?

— Ну, — подтвердила Жужу, помешивая ложкой в глубокой кастрюле и заинтересованно глядя на Сашку.

— Точно, — мрачно сказал Сашка. — Любка Игонина.

Жужу внимательно всмотрелась в его лицо и медленно помотала головой:

— Нет, не помню. Ты что, со мной училась?

Сашка кивнул:

— Ты в восьмом была, я в десятом. Сашка Волков.

— Ну и морда у тебя, — необходимо рассмеялась Жужу. — Ни за что бы не узнала! Земляк, оказывается, надо же! наших теперь осталось — по пальцам пересчитать.

Она выключила конфорку и стала накладывать в глубокие тарелки чудовищные порции картошки с мясом.

— Ну а ты? — обратилась она ко мне.

— Это же Димка Волков! — радостно сообщил Солененький.

— Братя, что ли? — удивилась она. — Совсем непохожи. Но оба хорошенькие.

Солененький счастливо заулыбался, влюбленными глазами глядя на Жужу.

— Это кто же тебя такой кликухой наградил? — с тем же мрачным видом спросил Сашка. — Тебя же в «инкубаторе» Игогошкой звали, бегала такая — сумчатый тушканчик.

Она вдруг густо покраснела, мне показалось, что у нее даже грудь покраснела от смущения:

— Это я сама, — она улыбнулась, справ-

ляясь со смущением. — У всех проститутток клички.

— Что-о?..

— А чего такого? — Жужу явно стала забавляться. — А как же жить-то теперь? У меня же трое.

Она разложила перед нами вилки и тоже уселась, опершись грудью о стол.

Я ожидал, что ее груди вот-вот вырвутся наружу из глубокого выреза.

— Я и уборщицей пробовала, когда со съемки уволили, и мониторщицей, и поварихой в артели. Только там больше трахаться приходилось, чем готовить. Деньги давали — я, дура, отказывалась сначала. — Она засмеялась своим воспоминаниям и кокетливо объяснила: — Я ведь и сама люблю это дело. Ну, а потом решила: чего по тайге мыкаться? Лучше тем же самым дома заниматься: и денег больше, и при детях опять же.

— Что, так и трахаешься при детях? — недовольно спросил Сашка.

— Ты чего, дурак что ли? — удивилась Жужу. — Я для этого дела комнату у подруги снимаю. Да ты ешь, чего смотришь, сиськи не видел?

Сашка взял вилку и принялся мрачно есть.

Солененький разлил по стаканам:

— Ну, за встречу, и пусть они содхнут!

Жужу тоже выпила с нами, положила в рот корочку и снова оперлась о стол:

— Люблю смотреть, как мужики едят, особенно когда голодные. Это вот чучело тоже подкармливаю. Деточку. — Она с неожиданной лаской посмотрела на Солененького. — Да и положено, он ведь мой сутенер.

Я чуть не подавился от удивления, у Сашки тоже глаза округлились.

— Как?.. — Я растерянно посмотрел на старика и с удивлением заметил в его глазах сдержанную гордость.

— Да тут ко мне приставали какие-то — чтобы я им платила значит — да Деточка их быстренько отшил, — засмеялась Жужу. — Одного порезал даже — так, не до смерти, вот и отстали. Да он мне вроде няньки на самом деле: с пацанами возится, как Лев Толстой, все проститутки завидуют.

Мы с Сашкой переглянулись, и я с уважением посмотрел на худого неопрятного старика с сивой косматой головой.

Оказывается, нож за голенищем — не просто деталь его костюма.

— Ладно, Жужу, — ласково, как дочери, сказал Солененький. — Иди спать, деточка, дай мужикам поговорить.

Жужу легко поднялась, нарочно потянулась, стрельнув в Сашку кокетливым взглядом, и пошла к выходу. Уже выходя, дразняще зацепила Сашку крутым бедром, хихикнула:

— Спокойной ночи, мужики, посуду в раковину уберите, я утром помою.

Сашка проводил ее мрачным взглядом.

Солененький налил еще по одной, мы молча выпили и стали доедать то, что осталось в тарелках.

— Ну и что теперь делать собираетесь?— вдруг спросил Солененький.

Сашка тут же налился кровью:

— Заставлю Гарика говна нажраться.

Солененький улыбнулся с мрачным удовлетворением:

— Хоть на старости лет мужиков встретил. Думал уже — все, захирела Колыма. На этих, прости Господи, старателей — сил нет смотреть, жопу лижут каждому говнюку.

— Ты давно здесь? — неожиданно спросил меня Сашка.

— Скоро полтора месяца.

— В одиночку стараешься?

Я кивнул.

— Десятину платишь?

— И не собираюсь.

— И что, до сих пор не трогали?

— Почему — последнее предупреждение получил.

Сашка кивнул:

— Теперь твоей голой жопой комаров покроят.

— Ну, это мы посмотрим! — разозлился я.

Сашка пренебрежительно махнул рукой:

— Чего ты ерепенишься? Они и не таких ломали.

— Таких не ломали.

Сашка с удивлением посмотрел на меня и сменил тему:

— Чего из столицы сбежал?

— Здесь лучше.— Я не врал, здесь мне действительно было лучше.— Правда, такого неприкрытого скотства не ожидал здесь увидеть... А ты давно вернулся?

— Еще в прошлый сезон.— Сашка закурил.— В артель сначала сунулся, к Дымову.— Он зло усмехнулся и разлил остатки водки по стаканам.— Чистенько там у него в бараках, всех бриться заставляет каждый день.

— Чего же тут плохого?

— Только дурака из себя не строй,— поморщился Сашка.— Это тоже часть их рабской системы — так же как штрафы, стукачество и беспрекословное подчинение... В общем, долго я у него не задержался.

Сашка затушил папиросу и мрачно устал себе в тарелку:

— Я бы вообще отсюда уехал, только некуда мне... Ты поселки брошенные видел?

Солененький сочувственно вздохнул.

— У тебя хоть семья, а у меня, кроме этого,— Сашка неопределенно повел рукой — ничего нет и не было.

Сашка взял свой стакан, мы молча посмотрели друг на друга и выпили.

— Зато ты свободен,— возразил я.— Это чего-то стоит.

Он усмехнулся.

— Свободен драться за свою свободу... Свобода обреченных.

Сашка неожиданно разозлился:

— А ведь началось все из-за какого-то придурка толстожопого! «Государственная добыча нерентабельна!» — зло передразнил он.— Это же какому мудаку в голову пришло?! Золото добывать — нерентабельно! А теперь вот — мертвые поселки, вместо людей — рабы Дымова и ему подобных! Была Колыма — стала территория. Один большой кусок пирога, золотое дно! Артели, картели, япошки, американцы — сосут со всех сторон золотишко, а эти ублюдки в правительстве никак не нарадуются — сбагрили с рук вторую Аляску! Придушил бы толстожопых!

— Тише, Саш,— попросил Солененький.— Дети же спят.

Сашка замолчал, остывая.

— Эх, деточки,— вздохнул Солененький.— Теперь только на вас вся надежда. Мне бы годков двадцать сбросить...

— Вообще, братец,— словно не слыша его, подвел итог Сашка.— Ты в такое дерьмо вляпался — даже не представляешь! Ехал бы лучше к себе на телевидение, чего тебе там не хватало?

— А ты что, один здесь хочешь погеройствовать? — ядовито спросил я.— Ведь уеду — от тебя комариков отогнать будет некому!

Сашка, против ожидания, не разозлился. Внимательно посмотрел на меня и вдруг улыбнулся:

— Останешься?

— А ты что, запретишь?

— У тебя же семья там,— примирительно сказал Сашка.

— Была семья...

— Понятно... Сколько же лет мы не виделись? — вдруг спросил он.— Десять?

— Одиннадцать,— поправил я.— С девяносто второго. Ты ведь даже адреса не оставил, когда свалил.

— Ладно,— Сашка хлопнул меня по плечу.— Пойдем отсюда, пора и честь знать.

Мы встали из-за стола.

— Да,— Сашка вынул из кармана бумажник, вытащил оттуда толстую пачку денег — рубли, доллары, йены — вперемешку, протянул Солененькому: — отдай Любе, и чтоб больше к ней ни один козел не подошел!

Солененький непонимающе уставился на него.

— Чего смотришь? — зло сказал Сашка.— Женюсь я на ней...

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ

"Нестерпимо хочется жить! Видеть, двигаться, думать, спорить. Жить! Что за черт — ведь мне уже столько лет! Когда же наступит время — слякоть, тусклость и мокрый снег — когда легко будет помереть: пора!

Нет, не пора!

Господи, дай мне пожить хотя бы еще немного".

29 сентября Евгению Иосифовичу Габриловичу стукнуло 94 года. Мы публикуем отрывки из его новой, еще не напечатанной книги — и поздравляем Евгения Иосифовича с днем рождения.

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ ИГРА В КУКЛЫ, ИЛИ МЕЛОЧИНКИ

Сильная разница

Несколько лет тому назад я издал три тома моих сочинений. С той поры утекло немало всего. Я еще кое-что написал: четвертый том. И решил опубликовать. Он перед вами.

Возможно, покажется, что все тут всего лишь мелочинки. Неверно! Это **ВРЕМЯ** мое. Скажу даже так: это **ПОВЕСТЬ**, только отличная от обычной структуры этого жанра. Роман, составленный из мелочей, кажущаяся пестрость и несовместность которых и есть его **ОСНОВНОЙ СЮЖЕТ**. А может, все это, разбросанное как после взрыва, и есть **РОМАН** в стиле эпохи великой смуты, в эру смятений — умственных, продовольственных, вещевых?

Не скрою — автору очень хочется, чтобы ожили эти клочки. Но (это известно каждому, даже еще не добравшемуся до совершеннолетия) в жизни есть сильная разница между тем, чего хочется, и тем, что претворяется в плоть и кровь.

И действительно становится жизнью.

Первый опыт вневедомственной автобиографии

В течение долгих лет я рвался писать о себе. Не тут-то было! Начальство стояло намертво: надо было писать о Типичном. А я был насквозь нетипичным. Я был одним из тех, кто путался на обочине и метался по сторонам. Я был пасынком Времени, не **СВОИМ**.

Побывав смолоду в анархистах и накоротке посидев за это в Малом доме Лубянки (заметьте, в Малом, а не в воспетом лучшими поэтами и прозаиками нашей страны — Боль-

шом), я уже тогда стал понимать, что счастье людское не в том, чтобы жить без властей (идея, за которую я сидел), а в том, чтобы правители стали умней. Однако где взять таких? Сколько ни перебирают — их нету. Ни тогда, ни теперь. Есть дельные, но не так чтобы уж. Согласные на костер во имя страны, но лучше бы без костров. Все гуще — от года к году — становилась борьба, но это были плевки, а не пламя.

Плевки, утвержденные, отработанные и неизнурительные.

Во всяком случае я пользовался ими в газетной работе. И всякий раз побеждал в журнальной схватке с капитализмом. И хотя очень многое я разобрал в нашей жизни, мне, хотите верьте, хотите нет, до сих пор еще как-то странно, что победу празднуют сегодня не эти, одобренные самым высоким начальством, плевки, а именно те, в кого плевалось. Но что будет завтра?

Ох, и злосчастно же, хотя и придурковато, мое поколение!

Второй опыт вневедомственной автобиографии

Приближался финал Тридцатых. Сперва (в начале этих строгих десятилетий) я был послан газетой на коллективизацию. Затем на многие славные стройки эпохи — и так вплоть до самой войны. Я видел все, о чем так воздушно и даже с тонкой усмешкой пишут теперь мемуаристы и о чем в те свирепые годы не дозволялось и кашлянуть. Нет, это не было ни усмешливо, ни медово. И если командированный журналист на бегу касался хоть кром-

ки той бестолковщины и несчастий, что было в действительности, то тут же обваливались редакционные депеши: «мрачно, безрадостно, пишете надежды и свет». Как, впрочем, слышать, точно такие депеши обваливаются и сейчас.

Вот мы, журналисты тридцатых, и откалывали надежды. Делали свет. Писали не то, что видели, а то, что обязаны были увидеть. И поразительно — если обязан, то видишь именно то, что обязан. Тут-то я и вызубрил соцреализм.

Да, попадались такие, что писали правду. Врезали как надо. Лупили по лысинам и зубам. Впрочем, надо признать, что тот, кто осипше бубнил неладное, вскоре исчезал со страниц и из глаз. Неизвестно куда, — вернее всего, в одну из тех географических точек, которых не сыщешь даже на картах Генерального Штаба.

Скажу честно (теперь почему не сказать?), мне всегда втайне нравились эти осипшие. Этим я долго и тайно верил. И даже в меру своих немощных сил писал о таких. Конечно, не лично о них, а о Софье Перовской или Томасе Кампанелле. Но тот, кто в те годы читал, без труда понимал, что не о Кампанеллах тут речь. В то время мы были лучшими читателями на свете. Читателями между строк.

А потом наступила война.

Во время войны, как спецкор центральной военной газеты, я побывал на многих фронтах. На Западе, Северо-Западе, Юге, под Сталинградом и на Кавказе. Видел бесстрашие, но и великое бегство. Героев и болтунов. Прославленных (нередко совсем не по праву) полководцев и ротных заляпанных лейтенантов, деливших с солдатами пули и кашу, плащ-палатки и хлеб. Видел героев — и это действительно были герои. И видел таких, кто ни духом, ни рылом не был героем, хотя писалось о нем (и я сам писал), что он — богатырь. Ведь о войне в главном пишешь то, что сотворено хвастовством, планками на груди и приказами политинстанций. Редкий очерк в газете (в том числе, конечно, и мой) обходился без геркулесов. Они так и остались в вечности, в книгах и в наставлениях потомству.

Но несравненно чаще, каждый день, каждый час я видел таких, кто не был ни геркулесом, ни богатырем и не мечтал ни о славе, ни о победах, а только о том, чтобы все это скорей закруглилось и ты остался жив.

И очень много полуубитых, безглазых, с оторванными ногами, утративших память и разум.

Вот это и есть то главное, что я обязан был (уже далеко не первый) сказать о войне и как раз сейчас, когда расфуфыренное начальство сияет на памятных встречах, повествуя о том, чего не было да и не могло быть. Потому что

война в штатных поминаниях это нечто в корне другое, чем та же война в лесах, оврагах, разбитых квартирах, оторванных на четверть окопах, в болотах, среди товарных вагонов и на чердаках. И генералы в отставке, сегодня расчерчивающие на картах памятные схемы побед и сражений, это, поверьте, в своем большинстве тоже совсем другие, нежели те, кто действительно победил.

Хотя теперь говорят, что победили те, кто сегодня расчерчивает. Да и имеет ли это нынче значение? Те годы ушли, все сбилось, отуманилось, и чудачки, пытающиеся сегодня втемяшить то, что действительно было, уже кажутся чокнутыми, если не дочиста сумасшедшими. Шамкают что-то да вдруг и заглачат. К чему бы?

Плакать — это и мне самому кажется уже несколько чужесур. Но и в моей памяти осталось от величайшей войны только какое-то месиво из пыли, пожаров, стрельбы, ночевков, дорог, заплечных мешков, мертвецов, переправ, бомбежек, солдатских сапог и вони гниения.

И только одно — навсегда, непонятно, необъяснимо увязло в уме, животе и в ушах. Не дробится и не мельчает...

...Медсанбат, солдатик семнадцати лет, пробитая грудь, подкрадывающаяся смерть, белые губы и стон, в котором мольба и надежда:

— Мама! Мама! Мама!

Вот и все, что я могу без вранья сказать о войне. А возможно, не только о ней:

— Мама! Мама!

Слюнтяйство и сантименты? Возможно. Но все же.

О затонувшем

Как у каждого литератора за долгие годы, у меня затонуло немало в дальнем ящике письменного стола. Недавно я наткнулся на этот ящик. Перечел и подумал: а не выцарапать ли все это? Собрать и выпустить на простор? Этот след жизни и времени. Вперемежку. Эти остружки и мелочинки.

Все, что замерло в дальнем углу.

Ключки разных лет. И даже десятилетий. Хотя вплотную они и не говорят ни о чем, происшедшем именно в эти годы, а скажут с кочки на кочку и что-то мычат на скаку. Например:

Из середины восьмидесятых страх

Со школьных парт нам известно о роли экономических факторов в судьбе человечества. Об этом написаны тома. Однако с другого бока идеалисты, впадая в ересь, твердят, что

ведущая роль не в желудке — в идеях. По этому случаю тоже написаны тома.

Но что-то не примечал я такого обилия фундаментальной письменности о том, какую роль сыграл в судьбе человечества СТРАХ. Как он менял, ломал, коржежил людей и события.

Страх — как ведущая пружина Истории! С годами мне стало ясно, что именно СТРАХ не менее важен для объяснения общественного хода и политической сутолоки, чем — да простит меня Карл Маркс! — экономика. И — пощади меня Кант! — идеи.

О том, что такое российский СТРАХ, его вес и значение в ее Истории, может поведать каждый, кто не спал по ночам, пугаясь каждой проезжей и вдруг застопорившей у подъезда машины.

Я не спал и пугался. И поэтому кое-что понял в Истории человечества. И России. Что-то помимо души и желудка.

Наш человек, живущий плохо, скудно, стесненно в средствах, спрессованно в жилплощади, неладно в семье, отвечает на все заграничные расспросы однозначно и твердо: прекрасно!

— Как с работой?

— Прекрасно.

— С деньгами?

— Нормально.

— С детьми?

— В порядке.

Интервью завершилось. Я толкаю расспрашиваемого в бок:

— Ну, что вы им наплели?

— А что?

— Ведь врете вы все о себе. Пора, наконец, научиться говорить правду.

— Только не шпионам! — парирует он.

Мы так привыкли говорить то, что не думаем, что я и сам сбился с толку — что думаю, а что не думаю.

Смотрел недавно фильм «Твой современный». Я — автор его сценария. Знаю, хвастаться совестно, однако, ей-богу, четверть века с гаком в нем было сказано все, что должен сказать художник о ПЕРЕСТРОЙКЕ. Не верите — купите билет в кино и взгляните сами.

Анекдот

Существовало ли у нас сопротивление застойным явлениям, которые вызывают такое негодование сейчас?

Думаю, все же существовало, хотя его

нынче сильно преувеличивают. Однако боюсь, что историки упустят одно из его воплощений: изустные анекдоты, те, что бродили по закоулкам, спальням и лестницам. Конечно, тут было немало лузги. Но были поистине вдохновенные.

Откуда они? Где рождались? Кто их придумал? Где эти безвестные Ювеналы? Называли многих, но на проверку оказывалось — не они.

А может, это просто совслужание в кепчонках, пальтишках, с портфелями, шарка после государственных дел от метро домой, на пути к щам и ко сну? Нестерпима была в те оглохшие годы охота острить. Хотя и опасна для жизни.

Отдых

Был в доме отдыха. Ничего. Комната о две койки, занавески, салфеточки. На вторую койку подсадили еще одного. Мужик как мужик. Спит, ходит, ест, песни мурлычет, бег трусцой. А кто он такой? Чем дышит? Каких убеждений? Ругать при нем коммунистов? Хвалить? Обкладывать демократов? Песочить правительство или поощрять? Непонятно!.. Так и промолчали мы с ним все двадцать четыре дня. Бог его знает, какой он есть? Кому служит?

А так ничего мужик. Ест, спит, храпит, зарядочку делает. Бег трусцой.

О Боже, почему я не верю в тебя.

Третий опыт внештатной автобиографии

В конце двадцатых я начал регулярно печататься, стал штатным работником многих газетных изданий, исколесил в поездах, тарантасах, телегах почти четверть страны и видел немало таких, кого по строчкам газет действительно можно было назвать большевиками. То были люди (в наши странные дни это не так-то легко втолковать сегодняшним) действительной веры в ИДЕЮ. В равенство, правду, интернационал, пролетариат и всемирное братство. И бился за эту идею, не жалея себя.

НЕ ЖАЛЕТЬ СЕБЯ — поймет ли это теперь кто-нибудь с партбилетом. Когда я клялся недавно, дурак, студентам, что близко знавал таких, надо мной (я чувствовал это шкуркой) подсмеивались. Хотя и помалкивали. Ежидно хранили молчание.

— Таких не бывает! — угадывал я в этом молчании.— Человек не может себя позабыть. Это из сказок соцреализма. Валяй что-нибудь посвежей!

Однако в те годы все это было (хотя и не

часто), и мы, газетчики, тоннами засылали в редакции очерки и заметки о людях, не жалевших себя. И чем больше не жалели себя наши герои, тем приветливей отзывались о наших трудах редакции.

Тогда-то и родился советский газетный стиль, просуществовавший десятилетия,— подвиги вылизанные, гладкоумильные, лишенные тряски, мата, забубенности, переборов гармошки, ароматов овчины и неделями не скидываемых сапог. Грязь, слезы, смерть, но как бы отдельно от человека пронумерованные, инвентаризованные и хранимые напоказ. Подсвеченные сверху, снизу и сбоку. И всему этому обязана была верить необъятная страна, где издавна в каждом овраге теснилось свое чувство бога и черта.

И, казалось бы, верили. Но как теперь уже полностью ясно — всего лишь в пределах руководительского контроля, а на полатах с женой и за бутылкой с приятелем молили совсем другое. Я это точно помню и с этой памятью не сойду. И никогда не поверю, что этого не знали те, наверху, которым шли сверхсрочные донесения от тысяч фискалов, вбитых повсюду, чтобы всеми средствами электрической, устной и рукописной связи **ДОНОСИТЬ**.

Знали, что массы живут и мозгуют вовсе не так, как говорят на собраниях, съездах и даже в сортирах.

Вот тогда-то пробились, окрепла, взяла всенародный разгон та нравственная материя, которая на долгие десятилетия определила душевную жизнь страны: одно в себе, другое для всех. Одно придушено, глухо, тишком, другое — во всю силу глотки.

А ведь именно ЭТО (если сверлить в настоящую глубину) определило суть многого в дальнейшем существовании России. Да, кстати, и тех государств, кто был под ее началом, а теперь пытается покричать отдельно. Вопить и помалкивать особняком. На отлете.

Надо было хвалить — в этом было назначение искусства. Хвалить, чтобы жить, чтобы были дом, семья, пища, чтобы сделать (пусть с грубейшими вымарками) хоть долю того, для чего, по твоим понятиям, ты был выброшен на планету. И мы хвалили. Я так наострился хвалить, что даже сейчас, когда, казалось, можно с этим повременить, мне как-то неловко и не с руки вспоминать настоящую правду.

Ну, а потом? После войны? Потом была жизнь: счастье, невзгоды, ревность, удачи, попреки, болезни, отчаяние.

Потом будет смерть.

Но об этом уже столько написано!

Шорох

— Социализм! — сказал кто-то из подждавших исследования мочевых путей.— Но к чему он тебе? Станешь душевней? Нет. Отзвучившей? Нет. Перестанешь завидовать, ненавидеть? Нет. Примиришься с бестолочью того, кто над тобой командирствует? Нет. Будешь жить лучше и думать шире? Нет. И твои дети не перестанут считать тебя дураком?

— Не перестанут.

— Так к чему же тогда был весь этот шорох?

Шлепанцы и туманы

Вот как проходит время:

Все становится безразличным: чеченцы и ссоры писателей, и то, кто гений и кто подлец, и споткнулось ли человечество или шагает по-прежнему своим твердым, вечным, неизменным путем и ничем никуда его не свернешь, несмотря на пули и ультразвук.

Отныне тебя интересует только одно: опростался ли у тебя с утра желудок или нет. Если нет — все мерзко и страшно. Если да — все волшебное: и стены, и унитаз, и шлепанцы, и туманы над речкой, и уведомление о долге в кассу взаимопомощи. Прекрасны начальники, и ласковы ночи.

А если три дня подряд нет опростания, то не существует уже ничего, ни Гомера, ни Гете, ни облака, застрявшего над сосной, ни тряпки для вытирания ног перед входом в квартиру.

Вот это и есть конец, хотя после этого ты еще можешь жить год или даже двадцать три года.

— Кто я такой? — спросил Семенych.— Я — человек на три с плюсом. Ну, на четыре с минусом, черт с вами, соглашусь!

Однополчане

На встрече однополчан (в те годы, когда они еще встречались) генерал-лейтенант, подвыпив, сказал:

— Я вам не раз говорил, однополчане мои, что Россия стала другой. А теперь, после всей этой ПОСЛЕВОЙНЫ, после Верховных Советов, президентских указов, митингов, трехцветных знамен, икон, клобуков, торжеств в память Серафима Саровского, трактиров Макдональдса, сексраутов и ларьков пепси-колы, скажу: Россия какой была, такой и осталась. В ней все, что было от века: разбойный свист и колокола. И Петр Великий, и Лжедмитрий. И жулики, каких свет не видал, и гении, каких тоже не знал да так и не распознал.

И каталажки и Матерь Божья.

Это сказал на встрече однополчан генерал-лейтенант, кандидат наук, прошедший войну от Калужских ворот до Рейхсканцелярии.

А Ванька-сержант шепнул мне на ухо:

— А черт ее разберет, какой Россия на самом деле была! Все, кто знал ее при царе, перемерли. А теперь походи разберись, изменился ли русский народ? Или как был, так и есть. Все на этом же месте!

Порхающие записки

В конце тридцатых я, начинающий сценарист, женился. Родился сын Алексей. Жили мы возле дачной станции «Клязьма» Ярославской дороги, и каждое утро, гуляя с Алешей, я проделывал с ним ритуальный путь: вперед — к станции и назад — к даче. И вот, когда мы добирались до станции, мимо мчались на север странные поезда. Сплошные товарняки: теплушки с глухо забитыми окошками. Однако сколь прочно ни заколачивай то, что хранишь, всегда, по порочной нашей традиции, останется щелочка или даже щель. И вот через эти, черт знает как уцелевшие щели порой выпархивали записки. Они долго металась по воздуху вслед мчавшимся красным вагонам, но, утомившись, все же падали на траву. Алеша, играя, гнался за ними и приносил их мне, когда они застревали на обочине, на траве или на кустах.

Записки — все на оклочках, в осьмушках листа, были разные. В одних стояло только одно: «Прощай!» В других, рядом с этим, значилось слово «целую». В третьих — их было немало: «Не верь никому, даже близким». В четвертых: «Живи, я погиб, ты свободна». В пятых — такие шли редко и нервно: «Оля, расти Егорку. Все вранье. Твой Коля. Прощай».

Удивительно — всюду сбоку, едва заметно, как бы шепотом, значилось: «Все, кто найдет, передай, если не сдохла в тебе душа». Еле заметно и безнадежно значился телефон или адресок, куда передать. Но так, в ветер и в стук колес.

Представьте, ведь находились, случалось, и передавали: еще не издохла вконец душа и было не то чтобы подло, а попросту неумогу не сыскать человека, кому адресовался тот последний, замученный голос.

Но длилось это недолго. Душа вскоре сдохла.

Напомню

Напомню, в который раз: каждый, кто сочиняет или намеревается сочинять, имеет заветную тетрадь, куда, торопясь и путаясь,

заносит сюжеты, сценки, разговоры — все внезапно подгляданное или подслушанное, или же вдруг ни с того, ни с сего блеснувшее в голову.

А среди всего этого множества малоразборчивого, невнятного, как бормотание, особливо отчеркнуты НАМЕРЕНИЯ, то есть нечто такое, что уже имеет свою походку, свой отдельный смысл. Корни того, что должно возрасти, однако когда, в какой год, месяц, час — этого вам не скажет и сам литератор.

Есть в дальнем углу такие отчеркнутые НАМЕРЕНИЯ и у меня. Планы, люди, страдания, страсти, слова — порой разбросанные по сторонам, порой уже слитые в некое единство, уже нашедшие друг друга. Иной раз обрывки, подчас уже целость.

Что станет с этими намерениями? Какая судьба ожидает их? Реализуются ли они? Или же так и останутся намерениями, нашедшими свой последний приют в этой авторской похлебке?

Не скрою, автору очень хочется, чтобы ожили эти ростки. Но (это известно каждому, даже еще не доползшему до совершеннолетия) в жизни есть сильная разница между тем, чего хочется, и тем, что претворяется в плоть. И в кровь.

Итак, по десятилетиям.

Заря девяностых

— Я не вечен, — говорил Ермолкин, да так проникновенно, что наворачивались слезы, хотя втайне мечталось, чтобы он поскорей подох.

— Видела я, представь себе, какой-то заушный портрет Маркса. Не бородатый, а безбродый и молодой.

Самая большая ошибка молодежи в уверенности, что пришло ЕЕ время. Все уже было на свете. Было и ее время.

— А знаете, почему так туго в стране с перестройкой? — спросил Викентий Савельич собрание.

— Почему? — это вопрос из президиума.

— Потому что натасканы мухлевать, — ответил Викентий Савельич. — Прежде знали все ходы и выходы. Нанузуть. Теперь приходится мухлевать по-новому. Другим макаром. Не враз приспособишься, нужен срок.

Так и сказал. И это на митинге о либерализации. Да, ослабла власть. Выдохлась. Паралич. Куда мы идем? До чего доболтались? Господи, помоги России!

— У правды, слава богу, не одна сторона. Это сказано в девятнадцатом веке. И кажется, Энгельсом.

— Сам ты Энгельс! Болван! Ну посуди сам, дурья твоя голова, мог ли Энгельс сказать такое!

— Как дико сложилась моя судьба,— сказал мне в антракте торжественного балета один старый друг, крупный деятель, украшенный всеми регалиями.— Ты только прикинь. Всю жизнь я радовался не тому, что радовало, печалился не о том, что печалило, возмущался не тем, что действительно возмущало. Говорил не то, что хотелось, женился не так, как надобно было жениться... Ну, что ты на это скажешь?

— А все-таки Плисецкая была нынче слабее обычного,— сказал я.

— Дайте жалобную книгу! — сказал гражданин в магазине, когда ему не досталось капусты.— У нас в стране можно добиться чего-либо только испугом,— пояснил он сгрудившейся на скандал толпе, после того как продавщица все-таки подгрестила к нему книгу жалоб.

Жалоб, но не капусты.

Капитон Петрович сказал:

— А после к власти пришли реформаторы. И все вокруг вмиг стали приверженцами реформ. С восторгом. Поистине это прекрасно! Но вот что свербит: если бы (на несчастье) к власти пришли консерваторы, то не только бы все осталось по-прежнему, но и мы в тот же миг сделали бы поборниками именно такого оборота судьбы. И тоже с восторгом. Где-то я читал о том, что Моисей сорок лет водил по пустыне своих соплеменников, чтобы вытравить из них рабов.

Это сказал Капитон Петрович.

А Петр Капитонович сказал так:

— При чем тут Моисей? У нас нет рабов, есть идейные колебания. Но глобально ты прав: дай срок, либералов прижмут и все встанет на место. Да и теперь — кто крутил, тот и крутит всем, хотя и кажется, что крутят другие. В этом, брат, все могущество ПРИВЫЧНОГО, а это сильнее поэтов, газетчиков, митингов, депутатов и межконтинентальных ракет. Железной всего на свете.

Именно так и сказал Петр Капитонович.

Вот и пойми — кто из них прав? Тот, который о рабах, или тот, что о тех, кто всем крутит, хотя мне мерещится, что крутят другие?

Пришла иная пора. Поначалу она представлялась обычной тасовкой речей и кресел. Но

понемногу, неожиданно-негаданно для тех, кто ее начинал, высветилось, что это действительно ПОВОРОТ ВСЕГО.

Легко ли? Десятилетиями скопились такие привычки вранья, мазни, причитаний, что впору начать все с истоков. Все по-иному. С Кремля, Мавзолея. По-другому надо пылать, говорить, даже верить и сомневаться. Возможно ли это? Да не одному — всей России. А ведь Россия в свой черед не одна. Она из многих, и многого не перечесать.

Так сказал Капитон Петрович.

А Петр Капитонович, человек русский, обратно ему возразил:

— Хватит болтать, дамы и господа! Пора дело делать!

Вот это слова наши, русские, бодрые, проверенные историей!

В чем новый ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ путь искусства? В том, что будут допущены «рок», детективы, секс, сумеречное сознание, смешение реальности с миражами и многое другое, столь яростно бичевавшееся в застойные времена? Да, наверно, и в этом. Но главное — далеко не тут.

Главное, если помозговать, в напряжении духовной, нравственной жизни искусства. Произошел (впрочем, будем несколько осторожней), происходит медленный, осмотрительный выход наружу сокровеннейших мыслей, заветных бесед, подспудных прозрений и страхов. Явление той скрыто лежавшей душевной МАССЫ, к которой даже издали не подпускалось наше искусство. К ней-то и должен сегодня припасть художник. Да не вскользь, на скорую нитку, а вплотную, впитаться, укорениться в ней. В этом-то (а не в сексе и снах) настоящая Перековка в изображении нашего человека.

Хотя внешне наш человек вроде бы и живет как жил, со всей своей суетой, пересудами и головной болью.

Это я слышал на именинах.

—В «Трех сестрах» Чехова было бы нужно, чтобы Соленый убил Тузенбаха на дуэли, придравшись к неверной тасовке карт. Скандал был бы естественней и правдивей.

— Но как тогда быть с моральным обликом Тузенбаха?

— Да, это вопрос вопросов!

Он писал роман, оглядываясь каждой строчкой на то, что скажет о нем Совет Министров.

— Мы — самые лучшие в мире читатели между строк.

Где я это слышал? Не помню. Пожалуй, тоже на именинах. Не слишком ли умственными стали именины?

— Ну что ж,— сказал лектор,— царизм мы рассмотрели. Теперь рассмотрим марксистский период истории России.

А на Валааме, на пристани, я слышал такое:

— Эй, не тарыхти мне об империалистах. Я три раза был в Штатах. Люди как люди. Как мы. С ними можно и выпить, и поговорить. Плохо лишь, что они русского языка не понимают.

Никто не откликнулся. Теплоход дал второй гудок, все затолкались к сходням.

Легенда была обязательна в системе наших художеств. Миф о зажиточности. Сказание о близком счастье. Былины об общенародном согласии. Задача кино сводилась к тому, чтобы не пропустить на экран **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**. И наше кино не пропускало. А то, которое пропускало, не пропускали в кинозал.

И что же? Эпоха большевиков сделала свое, пока слабо, уныло изученное дело. Сменилась сама **АУРА** русского искусства. Извечно человеколюбивая, прославленная своими мольбами о совести, правде, душевной раскрытости, российская муза стала петь ненависть, подозрительность и вражду. Призывы к добру сменились призывами к истреблению. Искусство славилло подлость, безжалостность и наушничество. И как я уже говорил (сколько же я наговорил!), по законам сообщающихся сосудов все это тут же просачивалось в жизнь. В конторы, кухни, подъезды, коммуналки, троллейбусы.

Перемалывался самый климат общественных отношений. Он стал жестоким, неприязненным, кляузным, ледяным.

И обоснованная тревога: не перемололся ли бесповоротно? Несмотря на фанфары в честь демократии. И новые мифы.

— Теперь, вспоминая застойные годы и свою юную душу,— сказал поэт Аким на своем юбилее,— я вижу, что это была горячая душа. Однако оглядываясь назад, я вижу, что вслед за тем были годы ее отшлифовки. Приведения к гладкости, к **ГОССТАНДАТУ**. Я учился вгонять в **ГОСТ** любовь, мысли, похвалы и гражданский долг. Мне предписывалось следовать **ГОСЗАКАЗУ**, и я ломал себе мозг и

кости, топтал, уминал себя. То, что я написал в те годы, это, конечно, Я, но после выездки и дрессировки.

— Я стал примерным и почитаемым,— продолжал Аким, известный каждому грамотному человеку.— Моим стихам обучают в школах, меня цитируют с самых высоких кафедр. Я признан всеми — правыми, левыми и теми, что посередке. Но мы-то знаем,— сказал Аким,— и в дни перелома об этом надо кричать: быть всеми признанным — не самое лучшее для поэта. Истинная поэзия порой приближается, становится рядом, глаза в глаза, порой уходит в невнятное бормотание. И это сплетение, совмещение и невнятность и есть самое бесценное в стихах.

Так говорил Аким, и его слова сопровождались овацией, потому что это был истинный, честный, открытый глас Перелома. А я скажу откровенно: врал! Никогда он не дробил себя, не ломал себе мозг и кости. И вообще делал все, что требовалось, и даже поспешней, чем требовалось. И сейчас делает все, что надо. И даже резвей.

Но был юбилей, и следовало ему аплодировать, и я аплодировал. Изю всех сил.

ЖЕНЩИНА: — Вот так конец столетия! Войны. Бомбы. Женская брошенность и одиночество!

Поразительно, что злосчастия, если судить по газетам, тормозят у границ государств, с которыми у нас отличные отношения, и обрушиваются на страны, с которыми у нас отношения — дрянь.

Ничего я не написал!

О скольком я так и не написал! Хотя мог бы, обязан был.

О сталинских временах, например. Но не о лагунках и лесоповалах — об этом сказано страшно и сильно,— а как раз о том, что в эти зверские годы я и множество множеств таких, как я, жили как все, жили, как люди живут, спали, ели, нежились, гуляли, хворали горлом и животами, любили, интриговали, смотрели кино и спектакли, пробивались на тепленькое, отталкивая других, лъстили, кадили, торопились к врачам, приметив отечность под глазом. Вот эта слитность каторжных зон, воню, этапов, вшей, лютоости, мертвых тел на снегу, лживости, беспощадности с постоянно текущим, суетным, неизменным, всегдашним, как вздох, как зевота, и есть та генеральная мысль, которую подарила нам всем Эпоха в награду за то, чтобы было мирно, безропотно и покорно. И чтобы помалкивали.

Но молчал я не только поэтому. Молчал, потому что верил. Сперва не верил. И долго. Потом поверил. Затем опять не поверил.

И вот как раз об этом — о том, как под самый финал, под развязку, с седыми клочками волос на затылке, я навсегда усомнился, об этом и надо было бы в самых подробностях, пространно и обстоятельно написать, распороз мозг и душу. Однако не написал.

Ничего я не написал!

Жили, как люди живут

Мы жили среди ужасного. И жили, как люди живут. Работали, веселились, дружили, ссорились, влюблялись, болели, выздоравливали, растили детей, чего-то добились, чего-то нет, обедали, спали и просыпались. Все, как всегда, во все времена. Вот так и прошел наш срок, хотя, как подумаешь, он был, наверно, один из самых кровавых и страшных в истории человечества.

Мы даже построили кое-что. Конечно, гораздо меньше и хуже, чем предполагалось.

Без всяких машин и прочих шалостей двадцатого века. Одними пальцами — измятыми и полуобрубленными.

Но что же все-таки изменилось за время, что я живу? Кроме вождей и призывов? Неужто за всеми этими бурями, кровью, застенками, подъемными стройками и гробами — ничто?

Тут идут споры. Одни говорят, что люди наши какими были, такими остались, несмотря на могилы, доклады и колючие ссылки. Другие — что мы поумнели.

Не знаю. Наверно, действительно стали умней.

Но только на сцене Большого театра.

Господи, дай!

Нестерпимо хочется жить! Видеть, двигаться, думать, спорить. Жить! Что за черт — ведь мне уже столько лет! Когда же наступит время — слякоть, тусклость и мокрый снег — когда легко будет помереть: пора!

Нет, не пора!

Господи, дай мне пожить хотя бы еще немного.

В Ялте

На фиг! Конец больнице! Больше я туда не вернусь. К дьяволу эти примочки. Я — в Ялте. Весна. Цветут абрикосы. Вечер. Колотится где-то электродвижок. Дышу черноморскими бризами. Сиджу под старым, побитым судьбой кипарисом. Горит облепленная порхающей живностью лампочка. Черное небо, Черное море, черный, весь в звездах, ветер.

Сиджу, сочиняю. Сперва что-то очень длинное, потом — покороче.

Встречи с Господом Богом

Было полпервого ночи, телевизор показал все, что смог — не только песни и пляски, но и то, как внешне смотрится сперматозоид, — показал и умолк до утра, а Кешки все не было, не возвращался. Это, правда, с ним случалось и прежде, и разъяснял он такие внештатные обстоятельства твердо и правдоподобно: встреча с любимым приятелем детства или еще куда проще — задержало начальство. Набор оправдываний, известных всем загулявшим супругам, занесенных в святцы семейного бытия, в его бормотания и псалтыри. Скучных, как жвачка, прокисших, как наспех просоленные грибы. Но все же съедобных, если их прополощешь. Надо только уметь полоскать.

В общем грянула заплочность, а Кешки все не было, и она, Катя, хоть и легла в постель, но не смогла уснуть и заволновалась и, повертевшись без сна на диване, служившем им уже год или даже полтора, решила, что не заснет и что надо выйти на воздух и дожидаться Кешку. Снаружи, вне этой истасканной и замызганной комнаты, которую они снимали задорого, потому что хотя и были по внешнему виду супругами, но незаконными, нелегальными, а за это надо было особо трясти кошелек.

Катя накинула пальтецо, обвязалась платком и вышла. Стояла бесспорная ночь. Город залег до утра, на бульваре, что по соседству и куда вышла Катя, — ни звука, ни человека. Она походила по главной аллее, мимо всего истоптанного, полусъеденного, смятого и выброшенного человечеством за день. Кешки не было. Разом, одним махом, вдруг погасли последние бульварные фонари. Кешки не было. Это ее не шутя беспокоило.

Бульвар был вдрызг пуст — вы даже не можете представить себе, каким безлюдным может быть бульвар в два часа ночи. Какими глухими и приунывшими бывают небо и облака. Пригорюнились даже ветер, хотя по привычке еще по-дневному поигрывал опавшими листьями. Спросонья закапал дождь, но вскоре примолк. На одной из бульварных скамеек сидел гражданин — единственный, кто еще не уснул среди прилежного человечества. Катя под села. Человек молчал. И она молчала в мыслях о том, как выжить дальше. Ей теплей было и от того, что среди этой глухоты рядом, беззлобно сидел на бульварной скамье человек.

Наконец, он спросил:

— Вы кто?

— Женщина, — ответила Катя.

— Это я вижу,— отметил он.
Он был стар, но не очень. Одет наспех. Живые глаза, борода. Обтертый и очень подштопанный.

— А вы кто? — в свой черед спросила она.

— Я — Бог,— сказал он.— Господь Бог.

— Нет, я серьезно,— улыбнулась она.

— Серьезнее не бывает,— отозвался подштопанный.— Я — Всевышний. Создатель всего. И небес, и бульвара.

— Почему же вы здесь? — хохотнув, спросила моя героиня.

— Где?

— Здесь, на Земле.

— Хотел поглядеть, как вы тут.

— Ну и как?

— Нормально,— ответил Бог.

— Нормально?! — вспыхнула Катя.— Грыземся, обманываем, убиваем, мошенничаем, воруем, подписываем, изменяем!

— И что? — сказал Бог.— Живете именно так, какими и были в моих намерениях. Кто вам вбил в башку, что человек запланирован Мною на кротость и доброту? На искренность. Всепрощение. Вздор! Я вовсе так и не проектировал человека. Нет, он придуман мною головоломней. Намного извилистей. Неизмеримо хитрей. Подлей. И выстроен, как заду-ман.

Он примолк. Снова проснулся дождь. Катя подняла голову.

— Слушай,— сказала она.— А может, ты вправду Бог? — сказала она.— Докажи.

— Чем? — спросил Бог.

— Каким-нибудь чудом.

— Как это?

— Так. Ну сотвори что-нибудь, например, исчезни. Разом!

— Ладно, захлопни глаза!

Катя зажмурилась. Через пару секунд раскрыла глаза. Бога не было. Нигде. Ни на лавке, ни под, ни сбоку.

Она воротилась домой. Кеша был дома.

— Где ты была? — спросил он ее, как всегда гневно, когда сам подгуляет.

— Пошталась,— сказала она.— А ты где был?

— Поштался,— ответил он.

— До трех часов ночи?

— Встретил старого друга,— сказал Кеша именно то, что она ожидала услышать.— Не виделась с самой войны. Вспоминали бои и походы. Вот я маленько и подзадержался.

Он врал. По всему было видно, что был он у бабы.

— Знаешь,— сказала она,— а я видела Бога.

— Ко-го? — удивился он.

— Бога.

— И что?

— Ничего. Поговорили.

— С кем?

— С Богом.

— О чем?

— О Главном.

Он долго молчал и недоуменно глядел на нее. Потом обнял и поцеловал.

— До чего ж я люблю тебя! — сказал он.— И знаешь — за что?

— Не знаю.

— За то, что ты не едучая,— сказал он.— Слушай, я хочу жрать. И изжарь мне яичницу.

И она пошла на кухню жарить яичницу.

Она, говорившая с Богом. Так сложно и по-стержневому.

На той же скамейке

Однажды под утро муж Кеша возвращался домой. Шел он от бабы, и ему не хотелось домой: начнут разборки, где был, где застрял, не стыдно тебе и так далее. Бульвар, по аллейке которого он вяло топал, был совершенно пуст: предутренняя, какая-то неохотная стыль, не то еще ночь, не то пора кряхтеть на работу. Пусто, вокруг объедки, вчерашний сор, но нет человека. Безглазы дома, безлюдны скамейки. Но на одной из них все же сидел старичок. Рассветный, слякотный, высохший старичок. В кепке и телогрейке.

Кеша подсел. Закурил. Дал прикурить старичку. Они молчали. Солнце, отряхиваясь, выползло из конуры, где переночевало.

— Ты кто? — спросил старичка муж Кеша.

— Я — Бог,— сказал тот.

— Нет, я серьезно.

— Господь Бог,— повторил тот.— Все вижу и ведаю. Знаю, что тебе неохота идти домой. Помолись, тебе станет легче.

— А как это? — спросил Кеша.— Что это — помолись?

— Покайся в грехах. Я их отпущу.

— И что?

— Тебе станет проще.

— Черт побери! — не к месту припомнив дьявола, подумал муж Кеша.— А может, он вправду Бог. Может, и впрямь станет легче?

И он, придушив сигарету, стал выкладывать грехи. Полагаю, что спяну. Их была тьма-тьмушная.

— Я многих губил. Вся жизнь. Беспардонно, без просыпа.

— Ну кто не губил! — отозвался Бог.

— Я предавал друзей.

— Ну кто их не предавал! — опять отозвался Бог. Он, видно, и вправду был милосердным.

— Ругал то, что было геройским и человеческим. И восхвалял то, что было ужасным.

— Это делали все.

Но Кеша уже вошел во вкус. В шутку, а может, и спяну он стал раскапывать все свотное, подлое, что сотворил. И оказалось —

куда ни глянь — все было гнусно, вкрадчиво, мерзостно и брехливо. Вся его жизнь была как бы выдумана на потребу зла, как бы сделана для начальства.

— Ну и что? — каждый раз отзывался Бог. Господь Бог.— Все были сляпаны для властей.

— Но я же писатель! — воскликнул Кешка.— Об этой беде я обязан был написать. Дорыться до всех доскональностей. Пробраться во все извороты и выбоины. Во все, что может быть вскоре забыто, утеряно навсегда.

Бог призадумался. Старенький старичок. Чего он, бедный, только ни повидал!

— Да, тут ты прав,— сказал он.— Все было на белом свете. Все будет, как было. Но таким, как это было на самом деле, когда ты толкся на свете,— это может понять только тот, кто все сам видел. Другим это понять нельзя. Ступай и пиши!

И Кеша пошел домой.

Жена встретила его гневно-миролюбиво.

— Где ты пропадал?! — закричала она.

— Понимаешь, встретил тут одного,— сказал он,— давнего друга, еще со времен войны.

— Друга?! — закричала жена.— У бабы ты был — вот где ты был!.. Жрать хочешь? Нет? Тогда иди, досыпай!

И Кеша пошел досыпать. Он, повидавший Бога.

Конечное понимание

Всю жизнь он стонал, что ему не дают сочинять то, что он хочет. То, что образует его мечту и сущность. Что в нем целый склад воспрещенных суждений, несслышанных замыслов, небывалых сюжетов и образов, осле-

пительных мыслей, беспримерных идей, которые свершили бы перелом в искусстве, если бы их позволили выпустить в свет. Но он бессилён — всюду амбарный затвор и запреты.

Однако вот подошло время — амбары все настежь, замки сорваны, запреты разбиты. Сочиняй все, что умеешь! Никто не остановит тебя. Не сдержит, не осадит. Выкладывай самое главное, самое сокровенное, заветное, скрытое, что годами задыхалось в тебе.

И что же? Он творит ту же дребедень, что сочинял дотопе. И человечество перелистывает его столь же вскользь, равнодушно, мимоходом, как и тогда, когда он был повязан по швам. Где великие замыслы, небывалые образы, сокровенное и удушенное, где пророчества, раздирающие душу в кровь? Их в нем нет, как не было и тогда, когда они были насмерть запрещены.

Мы так же бесцветны нынче, как были порожними вчера. И вот приходит конечное понимание — видно, дело не только в кнутах и запретах.

Заставьте десяток наших «совков» воскликнуть всего лишь два слова: «Боже мой!», и вы услышите сотни разных его означений. Тут и смирение, и надменность, и молитва, и злоба. И страх, и зевота. И стон из-за недочетов в канализации, и жалоба на икоту. Все это в одном: «Боже мой!»

Вот ты и издал этот крик посреди дороги. И снова иди!

Крик как крик. Не отчаяннее других. Но, правда, и не поощрительней.

Подписаться на журнал "КИНОСЦЕНАРИИ"

можно, начиная с любого номера.

Цена по каталогу на I полугодие 1994 года —

250 руб. за один номер. Индекс 70434.

Журнал выходит один раз в два месяца.

Подписавшись в редакции, вы сэкономите

деньги на почтовых расходах.

Наш адрес: Москва, Воротниковский пер., 12

Проезд до станции метро "Маяковская";

телефоны: 299-11-78; 299-47-74.

THE

АНОНС

CRYING

GAME

В ближайших номерах журнала будет опубликован литературный сценарий ирландского фильма «Возмутительная игра» (The crying game), выдвинутый на соискание Оскара по пяти номинациям: за лучший сценарий, лучшую режиссуру, лучшую актерскую игру, лучший монтаж и лучший фильм. Автор сценария и режиссер фильма — НЕЙЛ ДЖОРДАН

«Это история двух людей, сумевших найти любовь — что бы мы ни называли этим словом — в мире, где так много разделяет нас».
Фергюс — Стивен Ри, Дил — Джей Дэвидсон

Фильм, снятый за какие-то пять миллионов долларов, уже принес доход в шестнадцать, и эта сумма наверняка удвоится или даже утроится. Ирландский драматург и режиссер Нейл Джордан не рассчитывал на подобный успех. «Я просто решил снять то, что мне хочется,— рассказывает он.— Я понимал, что откровенный фильм, в котором пойдет речь о расовых проблемах, о терроризме и о сексе, на американской студии снять никто не позволит. И вовсе не был уверен, что это вообще где-нибудь возможно. Но именно такой фильм я сам хотел бы посмотреть».

THE CRYING GAME

Заложник — Форест Уайтейкер, Фергюс — Стивен Ри.
Фотографии получены от журнала ВИДЕОАСС

ЭДУАРД ТОПОЛЬ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ СКРИПКИ

Из книги "Асины рассказы"

Когда моя племянница Ася уезжала из СССР в эмиграцию, таможенники не разрешили ей взять с собой любимую скрипку. Я уже писал об этом немножко в рассказе «Как Ася уезжала в эмиграцию», но там я не написал об одной истории, которая с этой скрипкой приключилась. Тогда это был очень боль-

шой секрет, и писать об этой истории было еще нельзя. А сегодня можно.

Я вам хочу рассказать о приключениях скрипки-четвертушки. Четвертушкой ее называют потому, что она в четыре раза меньше обыкновенной скрипки, на ней учатся играть самые маленькие дети. Сделать такую скрипку

очень трудно, особенно чтобы звук у нее был не какой-нибудь, а такой же хороший, как у большой скрипки. Представляете, скрипка малюсенькая, а играть на ней можно все, что играют взрослые скрипачи на взрослых скрипках!

И вот у Аси в Москве была такая скрипка, сделанная еще триста лет назад в Италии одним знаменитым мастером. На этой скрипке Ася уже в шесть с половиной лет играла Концерт Вивальди ля минор. Посудите сами: можно ли было оставить в Москве такую скрипку? Конечно, нет. Да и кому ее оставлять? Соседям, которые играть на ней не умеют? Или КГБ на память?

В общем, сидим мы дома перед самым отъездом в эмиграцию и горюем. Вдруг приходит мой друг, немецкий режиссер Матти Гешонек, который в это время учился в Москве, и говорит:

— Слушай, одолжи восемьдесят рублей, мне нужно в Прагу лететь очень срочно.

— Пожалуйста,— говорю,— а зачем тебе в Прагу лететь, если не секрет, конечно?

— Нет, не секрет, меня там Мария ждет. Она туда на два дня приехала, чтобы со мной увидеться.

Ну, мне сразу все ясно стало. Дело в том, что Матти и Мария давно любят друг друга. Раньше они оба жили в Восточном Берлине; Мария была известной певицей, но за то, что она подписала несколько писем-протестов в защиту честных писателей, ее заставили уехать из Восточной Германии в Западную. И так они оказались по разные стороны границы: Матти в Восточной Германии, а Мария — в Западной. А они, как я уже сказал, очень друг друга любили, и они стали назначать друг другу свидания то в Праге, то в Варшаве, куда Матти мог полететь по своему паспорту. И вот он приходит ко мне и говорит:

— Дай мне восемьдесят рублей в долг и дай Асину скрипку. Я ее отдам Марии, а она отправит ее вам, когда вы будете в Израиле или в Америке.

Ну, тут мы очень обрадовались, а я спросил:

— А ты не боишься, что тебя на таможне проверят и найдут скрипку?

А он говорит: нет, не боюсь. Нас, немецких студентов, на таможне не очень внимательно проверяют, а я на всякий случай, говорит, еще и пьяным притворюсь, чтобы они вообще меня за своего приняли.

И вот он взял Асину скрипочку, положил в футляр и спрятал в мешок, где у него лежала гитара, с которой он никогда не расставался. Я ему дал деньги, и он укатил в Шереметьево.

День проходит, два, три, четыре — пора бы уже Матти вернуться из Праги, а его все нет. Я уже стал волноваться, думаю — а вдруг его

Рисунки Юлии Зубревой

арестовали на границе за то, что он детскую скрипочку вез...

И вдруг — звонок в дверь, приходит какой-то человек — глазки прозрачные, пиджак темный, галстук узенький. Познакомились, и он спрашивает:

— Когда вы в последний раз видели Матти Гешонек?

Ну, думаю, все, пропал Матти, арестовали, наверно, вместе со скрипочкой.

— Не помню,— говорю,— вы, наверно, лучше знаете. И вообще,— говорю,— вы у него спросите.

— Ага,— говорит он неопределенно.— Мы спросим. А письма вы от него получаете?

— Откуда? — говорю я удивленно.

— Ну, мало ли... Из Западной Германии, например.

Ой, как я обрадовался! Ага, думаю, значит не арестовали, а просто сбежал мой Матти к своей Марии, вот молодец, вот что такое настоящая любовь!

Ну, а этот, в штатском, покрутился еще,

посмотрел на наши вещи, уже в ящики упакованные, и говорит:

— А вы куда собрались?

— А мы,— говорю,— в эмиграцию собрались.

— А-а! — говорит.— А я-то хотел у вас подписку взять, что если вы от этого Гешонка письмо получите, вы его нам передадите. А вы, наверно, с ним уже сами увидите, там, на Западе.

— Ага,— говорю,— наверно, увидимся.

— Ну, ладно,— говорит,— счастливо!

Через несколько дней я действительно узнал, что бежал наш Матти из Праги в Западную Германию со своей Марией. Как она его вывезла — не знаю. Или в машине спрятали, или еще как-то — ума не приложу...

Ладно, думаю, сбежал так сбежал, но почему он нам писем не пишет? Что с нашей скрипкой слышно, где она? Уж, думаю, если Мария могла своего Матти, у которого рост метр восемьдесят семь сантиметров, увезти через границу, то маленькую скрипку они тоже, наверно, как-нибудь вывезли.

И что же вы думаете? Ничего подобного! Приезжаю я в Италию, тут же пишу этой Марии письмо в Западную Германию и сообщая ей Асин адрес в Израиле. Чтобы они ей скрипку выслали. Да только не тут-то было! Через две-три недели приходит от Аси письмо из Израиля, и она мне пишет, что дядя Матти звонил ей по телефону из Гамбурга и сказал, что скрипка осталась в Праге у одного знакомого музыканта. Матти боялся взять эту скрипочку, потому что если бы его арестовали, то и скрипку бы арестовали, а так, он говорит, этот чешский музыкант скоро полетит в Данию и там передаст скрипку раввину главной датской синагоги.

Ну, хорошо, я думаю, а как же потом эта скрипочка из Дании в Израиль прилетит? И не присвоит ли ее по дороге кто-нибудь?

Написал я про все это еще одно письмо Матти в Западную Германию. А он мне не отвечает. Месяц проходит, два проходит, целый год прошел — нет писем от Матти. Ну, думаю, пропала скрипка! Играет на ней какая-нибудь чешская девочка или какой-нибудь датский мальчик...

И что вы думаете? Так оно и было. Уже потом я узнал подробности путешествия Асиной скрипки. В Праге играла на ней маленькая-маленькая девочка Илона, дочка того музыканта, который должен был эту скрипку в Данию отвезти. Целых полгода она на ней играла или даже больше — пока ее папа получал разрешение ехать в Данию с концертом. А потом он приходит к своей дочке и говорит:

— Придется тебе расстаться с этой скрипочкой, пора ей в Данию уезжать.

Илона — в плач, не хочу, говорит, такую

замечательную скрипочку отдавать, у нее звук очень хороший. А папа ей говорит: это нечестно, это же не твоя скрипка, она из Советского Союза убежала, чтобы найти в Израиле свою хозяйку, девочку Асю.

Тут Илона успокоилась, отдала скрипку, они ее спрятали на дно чемодана и — полетел музыкант в Данию.

И вот приехала скрипка в центральную датскую синагогу, к главному раввину. Открыл он футляр, увидел скрипку и думает: зачем ей просто так лежать в синагоге, ждать, пока найдут адрес какой-то израильской девочки Аси. Пусть на этой скрипке пока какой-нибудь другой ребенок играет. И стал на этой скрипке играть датский мальчик Оле-Хаим, сын кантора.

А чешский музыкант между тем написал письмо Матти Гешонку и сообщил ему, что скрипка уже в Дании, но Матти в это время был в Африке — снимал кино про слонов и носорогов для германского телевидения. Поэтому письмо музыканта лежало без всякого ответа еще несколько месяцев, и все это время датский мальчик Оле-Хаим разучивал на Асиной скрипке ноты и гаммы.

Вернулся, наконец, Матти из Африки, увидел старое-старое письмо и послал срочную телеграмму в Данию. Мол, так и так, отправьте, пожалуйста, скрипку ее хозяйке Асе в Израиль, в город Тель-Авив, в консерваторию. Получил эту телеграмму датский раввин, приходит к мальчику Оле-Хаиму, чтобы забрать скрипку, а мальчик как-ак расплачется, не хочу, говорит, отдавать эту скрипку.

Раввин ему говорит:

— Дорогой Оле-Хаим! Это скрипка не

простая, она из Советского Союза убежала, чтобы найти свою хозяйку, которая теперь живет в Израиле. Представляешь, она в Чехословакии подпольно жила, чешскую девочку музыку научила, а потом сюда в Данию приехала и тебя тоже научила на ней играть — и все это для того, чтобы мы помогли скрипке найти ее хозяйку в Израиле!

Подумал мальчик Оле-Хаим и говорит:

— Хорошо, — говорит, — пусть эта скрипка

едет в Израиль, но я хочу напоследок сыграть на ней что-нибудь для этой девочки.

Вот какой оказался толковый мальчик Оле-Хаим!

Взял он скрипку, поставил перед собой магнитофон и сыграл для Аси то, что умел, то, чему его эта скрипка научила. А потом еще сказал несколько слов на иврите, передал Асе привет и свой адрес.

А через месяц в Израиле, в городе Тель-Авиве, приходит в консерваторию какой-то иностранный дядя в ермолке и с маленьким футляром под мышкой и спрашивает, где тут занимается девочка Ася из Москвы. Ну, ему показали — говорят, вот в этом классе. Подошел он к двери, слышит — а там кто-то на скрипке гаммы играет. Открыл он дверь: стоит возле учителя черноглазая девочка, играет на скрипке-половинке. Увидела она чужого дядю с футляром под мышкой и остановилась, глаз с футляра не сводит: узнала свою московскую скрипку.

А приезжий дядя достал скрипку и протянул Асе.

— Ну, — говорит, — я сейчас проверю — твоя ли это скрипка или не твоя. Если сумеешь сыграть какой-нибудь скрипичный концерт на этой скрипке, значит, действительно, твоя она, и стоило ей столько по всем странам путешествовать, чтобы к тебе добраться.

А Ася уже прижала скрипку подбородком к плечу и вдруг засмеялась:

— Ой, какая она стала маленькая!

А учитель тоже засмеялся:

— Это не скрипка стала маленькая, а ты стала большая!

Тронула Ася струны смычком, заиграла.

А приезжий иностранец стоял и слушал. Он уже понял, что не ошибся, что не зря эта скрипочка скиталась в поисках своей хозяйки.

ЭВАКУАЦИЯ

Давным-давно, когда была война, мама увезла нас в Сибирь, подальше от фронта. Нас — это меня и мою младшую сестренку. Мне было тогда четыре года, сестре восемь месяцев, а маме — двадцать три года, совсем молоденькая у нас была мама. Мы жили до войны в Баку, папа был инженер-строитель, и у нас была замечательная квартира в самом центре Баку.

Но война подходила все ближе и ближе, и мама решила спасти нас, своих детей. Она взяла на руки мою маленькую сестренку, один чемодан с пеленками и меня, и вот мы поехали через всю-всю Россию в далекую Сибирь.

Папа поехал нас в Сибири устраивать. У папы было две странности. Во-первых, в раннем детстве, когда ему было три года, он играл ножницами и случайно выколол себе левый глаз. То есть не весь глаз целиком, а как раз хрусталик. Издали это было совершенно незаметно, глаз остался целым, но если посмотреть ближе, то в центре глаза был виден маленький черный треугольничек, как раз посередине хрусталика. Папа этим глазом ничего не видел, и поэтому его не взяли на фронт. А его второй и самой главной странностью была любовь к диапозитивам. Диапозитивы — это такие цветные картинки на стек-

ле, которые можно пускать на стенку через проектор. Сейчас их делают на пленке и называют «слайды», а раньше их делали на стекле, и у папы было, наверно, тысяч пять таких диапозитивов или даже больше. Целых два огромных чемодана! И папа решил спасти свои диапозитивы. Он не взял никаких вещей, а только два огромных чемодана с диапозитивами. И так мы поехали в эвакуацию.

И по дороге папу обокрали. Это было очень смешно. Мы ехали поездом, в общем вагоне, где все видят, у кого сколько вещей и чемоданов. И я думаю, что вор по всему поезду долго высматривал, у кого из пассажиров самые большие чемоданы. Самые большие и самые тяжелые чемоданы были, конечно, у моего папы. Кто мог подумать, что в этих огромных кожаных чемоданах, тяжелых, как сундуки, человек везет в эвакуацию не какие-нибудь ценные вещи, а цветные стеклянные диапозитивы, или, как говорила моя мама, «стеклышки»!

И вот ночью, когда все спали, папа услышал, как кто-то осторожно стаскивает у него с ноги сапог. Папа спал на второй полке не разуваясь, потому что у него были очень хорошие сапоги, и он боялся, как бы их не украли. И вдруг он посреди ночи слышит, как кто-то дергает с него сапог — не сильно, а чуть-чуть.

Сдернет немножко и уйдет, потом вернется и опять чуть-чуть сдернет. Ну мой папа тоже был не дурак — он притворился, что не слышит, что крепко-крепко спит, а сам не спал, а думал так: если я сейчас вскожу, вор скажет, что я все это выдумал, что никакие сапоги он не дергал. Поэтому, думал папа, надо дать вору сдернуть с меня сапоги и тут же вскочить и схватить его, что называется, с поличным.

Теперь представьте себе такую картину: мой папа лежит и притворяется, что крепко спит. А вор в это время потихоньку стаскивает до половины. Ну, думает папа, сейчас он с меня снимет оба сапога, а я ка-ак вскожу босиком и ка-а-ак схвачу вора за шиворот!

И в это время... В это время поезд подошел к станции, и вор потихоньку взял два папиных чемодана и потащил их к выходу. Папа все ждал, когда вор с него сапоги украдет, а тот в это время уже спустился из вагона с папиными чемоданами, и только тогда какая-то соседка толкнула папу в бок и сказала, что у нас украли чемоданы. Тут папа вскочил с полки, а бежать-то и не может — сапоги на нем болтаются, наполовину снятые. Пока он прыгал и натягивал эти замечательные, хромовые сапоги, вор с чемоданами уже перебежал через платформу, нырнул под другой поезд, который стоял рядом, и был таков.

А папа выскочил из вагона и стал бегать по платформам, искать этого вора в ночной темноте, но когда он увидел вдали какого-то человека с двумя чемоданами в руках и погнался за ним, наш поезд тронулся, и мама стала кричать моему папе, что она из-за его стеклышек не будет высаживаться на этой станции, что если он хочет видеть своих детей, пусть садится в поезд и наплюет на эти стеклышки, а если ему стеклышки дороже детей, то пусть остается на этой станции навсегда.

Ну, папа прыгнул на ходу в поезд, и мы поехали дальше, в Сибирь, но всю жизнь, до глубокой старости папа не мог забыть эту сибирскую станцию Заклуга, на которой у него украли два чемодана диапозитивов. А я очень живо представлял себе, как это бедный вор тащил в темноте два тяжелых чемодана, обливался потом и мечтал, как он разбогатеет, когда, наконец, убежит от папы с этими чемоданами и откроет их! И вот, наконец, он убегает за какие-то склады, прячется там, торопливо сбивает с чемоданов замки, открывает крышку первого чемодана и сует в чемодан жадные руки. Что это? Какие-то стеклышки! Он еще ничего не понимает, он чиркает спичками, чтобы рассмотреть, что это за стеклышки, и видит, что на них нарисованы картинки из детских сказок: Золушка, Маленький Мук, Конек-Горбунок и Дюймовочка. Тут он

высыпает эти стеклышки из чемодана на землю, думая, что, может быть, хоть что-нибудь ценное есть на дне чемодана, но там, конечно, ничего нет. Тогда он открывает второй чемодан. Ну уж во втором чемодане, думает он, должно что-то быть, не станет же, думает вор, нормальный человек тащить в эвакуацию два чемодана стекла! И что же он видит во втором чемодане? Все те же детские стеклышки!

Я думаю, что вор еще долго пытался найти что-нибудь ценное в папиных чемоданах. Наверно, он даже разрезал дно и крышку, надеясь, что в них спрятаны какие-нибудь ценные камни или золото, а мол стеклышки папа вез просто так, для маскировки. А когда он понял, что все-таки, кроме стеклышек, в чемоданах действительно ничего нет, вот тут, я думаю, вор сел над этими чемоданами и заплакал, ругая моего папу последними словами.

А в ночном поезде, который шел по Сибири, в темном вагоне на второй полке плакал мой папа, ругая вора. Лучше бы он снял с меня сапоги! — говорил папа. — Лучше бы он отнял у меня последние деньги! Ведь я собирал эти диапозитивы с самого детства, когда дядя Исаак приехал из Америки и купил мне волшебный фонарь в одесском магазине «Вассерман и К°»...

Но долго моему папе плакать не пришлось. Я не знаю, арестовали ли когда-нибудь вора,

который украл чемоданы, а моего папу арестовали на следующий день после этой истории. Военный патруль искал в поездах шпионов и тех, кто прячется от службы в армии, и они арестовали моего папу, потому что самый важный документ о том, что он не видит одним глазом и освобожден от службы в армии, папа, конечно же, держал в одном из украденных чемоданов. И вот теперь украли и стеклышки, и документ, и папу арестовали и отправили в госпиталь на проверку. Там семь месяцев проверяли, видит его глаз или не видит а мы с мамой поехали дальше, в Сибирь, теперь уже без папы.

Я не помню все это путешествие, но помню, что в городе Улан-Удэ рыжий, в военной форме, дядя Лева, хирург военного госпиталя, не пустил нас к себе домой, и посреди сибирской зимы мы втроем оказались просто на улице: моя молодая красивая мама с восьмимесячной дочкой на руке, с чемоданом в другой руке, и со мной, четырехлетним мальчиком, который держался за полу ее легкого бакинского пальто. Я помню, мы шли по каким-то замороженным, ледяным улицам назад к вокзалу, я ревел от холода и отморозил ноги, мама дышала на мою сестренку, чтобы хоть как-то ее согреть, и вместе с дыханием падали на мою сестренку горячие мамини слезы.

Но я не хочу, чтобы у вас после этого рассказа было грустное настроение, поэтому я

расскажу вам сейчас одну веселую историю про нашу эвакуацию. Даже две истории: про быка и про конфету.

Мы с мамой поселились в деревне под городом Иркутском. Мама там устроилась на работу счетоводом, а одна добрая женщина пустила нас жить на веранду своего домика. Эта веранда все равно зимой пустовала, никто там не жил, потому что там не топили. Это была летняя веранда, там было одно большое окно, тонкие деревянные стенки из досок и тонкая дверь из дикта. И вот на этой летней веранде моя мама поставила «печку» — железную бочку с маленькой дверцей и длинной трубой, которая тянулась от этой печки через всю комнату в окно, в форточку.

И вот мы втроем — я, мама и моя сестренка — стали жить на этой веранде и спать на одной кровати, которую тоже сконструировала наша мама из старых досок и какого-то матраса. Конечно, проще всех было моей сестренке, которой тогда было восемь месяцев, потом — девять, потом — десять и так далее. Она себе сидела на кровати, укрытая всеми одеялами, болела золотухой, бронхитом и другими детскими болезнями, раскачивалась взад-вперед и говорила только два слова: «Ко лебом». На ее языке это значило: «Молоко с хлебом». Я и сейчас хорошо помню, как она сидит на этой кровати, маленькая, рыжая, с золотухой на голове, раскачивается взад-вперед и просит: «Ко лебом! Ко лебом!»

Немного трудней было моей маме — она всю ночь топила эту печку, утром колола на дворе замерзшие осиновые и березовые дрова, приносила их в комнату и поручала мне топить печку днем, оставляла нам с сестрой литр молока и кусок хлеба, который ей выдавали на работе, и уходила на службу. Там она сидела в теплой конторе, считала на счетах и писала какие-то бухгалтерские отчеты, а вечером, когда темнело, приходила домой.

И совсем трудно было, конечно, мне. Мне было трудней всех. Потому что я никуда не мог выйти из нашей веранды, я должен был целый день топить печку и слушать, как моя голодная сестра просит: «Ко лебом» — то самое молоко с хлебом, которое мы с ней съели и выпили еще утром.

Сегодня, когда кто-нибудь рассказывает мне о своих трудностях или когда у меня у самого плохое настроение, я говорю себе — а вспомни-ка «Ко лебом», вспомни, каково было твоей маме в эвакуации — одной с двумя детьми и литром молока и куском хлеба в день на троих...

Впрочем... впрочем, иногда мы ели картошку. Это был большой праздник, когда маме в конторе выдавали картошку. Тут уж у нас был целый пир — представляете, молоко, картошка и хлеб! Что еще нужно для счастья? Но

скоро в деревне картошка кончилась, и пир наш кончился. Сельские ребята-подростки ходили в поле, лопатами разбивали замерзшую землю и выискивали недобранную картошку, и однажды я уприсил маму отпустить меня с ними. Мне было уже пять лет, у меня был детский совок с еще старых, довоенных времен — совок для игры в песочек, и вот с этим совком я пошел с ребятами на поле — вечером, тайком, чтоб не видел сторож. Был сильный мороз и ветер, совок стучал о мерзлую землю, я плакал и злился и все-таки наковырял штук восемь мороженных картофелин. О, из них получились самые замечательные олады в моей жизни! Без масла — откуда тогда масло! — просто зажаренные на сковородке пополам с мамиными слезами — это были самые вкусные олады, потому что я сам, своим совком накопал эту картошку. Ведь всегда нам вкусно то, что добудешь сам, своим совком...

А в другой раз я пошел с ребятами в лес, за хворостом. А в лесу бродило деревенское стадо — коров отпустили в лес, чтоб они себе сами под снегом траву искали. И они находили: там, где солнце припекало на пригорках, там снег стаял и коровы находили прошлогоднюю траву и ели. А вместе с коровами пасся бык. И ребята от нечего делать этого быка раздражили, и бык расвирипел и погнался за нами. Старшие ребята — врассыпную, а я — самый маленький — побежал по прямой к дому, и бык выбрал меня. Он бежал за мной, нагнув голову с рогами, а я бежал от него без оглядки. Как я успел добежать первым до нашей веранды — не помню. Помню только, что дверь мне некогда было открывать, я, как кошка, сиганул через окно, через форточку, и в ту же минуту бык со всего маху выбил рогами окно и всей мордой оказался у нас в комнате, на нашей веранде. Представляете, такая картина: мы с сестренкой забились на кровать у стены, а прямо перед нами бычья морда, с рогами и красными от бешенства глазами, и он еще дергает головой так, что вся веранда трясется, а вытащить голову из окна не может, застрял, рога мешают. Ну, потом соседи позвали маму из конторы, мама позвала пастуха, и пастух за рога повернул бычью морду так, чтобы вытолкать его из окна...

Так мы жили-поживали в ту зиму, и вдруг перед самым Новым годом маме послали в город Иркутск. Я не хотел ее отпускать, я боялся оставаться один с сестрой на целых два дня, и мама тоже боялась нас оставлять одних на двое суток, но что было делать маме, если ей приказали ехать? И вот, я помню, она уехала рано-рано утром, оставила нам с сестрой целый кувшин молока, буханку замечательного черного, мокрого, как глина, хлеба и целую поленицу нарубленных дров и — уеха-

ла на маленьком грузовичке. Я не помню, как я провел тот день. Наверно, я по-взрослому разделил хлеб и молоко на два дня, но когда мне надоело слушать нытье моей голодной сестры «ко лебом, ко лебом», я, наверно, отдал ей завтрашнюю порцию и сам, конечно, съел свою завтрашнюю порцию. Сытые, мы с сестрой уснули, и к вечеру наша печка погасла, а мы спали и, наверно, вконец замерзли бы ночью, если бы вдруг не вернулась наша мама. Она потом говорила, что просто сердцем чувствовала, что ей надо срочно вернуться, и уговорила шофера ехать ночью по тайге обратно из Иркутска в село, отдала ему все свои карточки на продукты на целый месяц, лишь бы он ее обратно привез в тот же день. И вот она приезжает и видит: наша печка давно погасла, а мы с сестрой, полузамерзшие, спим себе на кровати. Еле-еле мама нас тогда разбудила и отогрела. И так она радовалась, что еще застала нас в живых, что совершенно меня не наказала за то, что я уснул, а наоборот, сказала, что привезла нам с сестрой подарки — две настоящие конфеты.

Сегодня конфетой никого не удивить. Сегодня каждый может пойти в магазин и купить конфет. А тогда, во время войны, ничего сладкого в магазине не продавали, ни конфет, ни сахара, и только на базаре можно было за очень большие деньги купить самодельные конфеты: длинные, сваренные из сахарина и какой-то пастилы и завернутые в цветную бумагу, они были похожи на макароны с распущенными цветными концами. И вот две такие замечательные конфеты мама привезла нам с сестрой в подарок.

Для меня это был самый настоящий праздник! Потому что, я вам честно скажу, в детстве я был очень большой сластена. Еще когда мы

жили в Баку и не было никакой войны, мама, папа и все мои родственники просто закармливали меня всякими сладостями.

И вот представьте себе, что вот такой мальчик-сластена уезжает с мамой в эвакуацию в холодную и голодную Сибирь, ест один раз в день кусок хлеба с молоком и картофельные, жаренные без масла оладьи из мерзлой картошки, и вдруг этому мальчику привозят из города самую настоящую, целую и сладкую конфету (и в придачу — совсем забыл вам рассказать — настоящие кожаные ботиночки на лето). Вы представляете, какой это был праздник и как быстро я эту конфету слопал!

А моя сестренка попробовала конфету и... выплюнула. Потому что конфета была сладкая, а она никогда еще в жизни ничего сладкого не ела. Ей сладкое было непривычно, невкусно. И тут моя мама заплакала. Она смотрела, как ее дочка не ест конфету, потому что не знает, что такое сладкое, не знает, что в мире бывает какая-нибудь другая еда, кроме молока с хлебом,— мама смотрела на это и плакала.

А я, конечно, съел эту вторую конфету. И утром, когда мама ушла на работу, я одел новенькие ботинки, хотя мама сказала, что эти ботинки на лето. Но я не мог удержаться, я одел новенькие ботинки, черные, со шнурочками, завязал шнурочки и пошел гулять по улице, по морозу и снегу — хвастаться перед ребятами. В снегу я промочил эти ботинки насквозь и поставил их на печку сушиться, чтоб мама не заметила, что я в них гулял. И, конечно, ботинки сморщились, но мама меня не ругала. Она еще поплакала о том, что моя сестренка не знает вкуса сладкого и отпустила меня снова копать с ребятами мороженую картошку...

ПРО ТАРАКАНА ШУРУПИКА, МЫШКУ СУСАННУ И ПОПУГАЯ КОСТЮ-ОДЕССИТА

Недавно я получил вот такое письмо: «Здравствуйте, Эдуард Тополь. Прочла в газете ваши «Асины рассказы» и очень почувствовала вам, что вы, любя животных, лишены радости общаться с ними».

Я очень обиделся. Кто сказал этой тете, что я лишен радости общения с животными? Ну и что, что я в эмиграции? Разве в эмиграции нет зверей или всяких других животных, с кото-

рыми можно общаться, а точнее, говоря нормальным русским языком,— дружить?

И вот я решил рассказать о тех, с кем я подружился с самых первых дней эмиграции. Дело было так.

Когда я прилетел в Нью-Йорк, поселили меня, как и других эмигрантов, в огромном

отеле в Бруклине. Мне дали комнату под са- мой крышей, на двадцать первом этаже, и это была даже не нормальная комната, а какая-то голубятня — маленькая комнатка в башенке, у которой все стены и потолок прогревали- сь солнцем. Короче, жара там была такая, что когда я первый раз открыл дверь в свою комнату, я прямо отскочил в коридор — такая жара там стояла.

Поэтому я поставил в комнату свой чемо- дан и ушел гулять — я решил, что к ночи, когда солнце спрячется, комната остынет, и я смогу в ней хотя бы поспать. И вот я гулял по Нью- Йорку, по набережной Гудзона, по грязным и не очень грязным тротуарам, и очень мне этот Нью-Йорк не нравился. Во-первых, жара ужасная, духота, во-вторых, я по-английски ничего не понимаю, и, в-третьих, как быть с работой? Кому тут нужен писатель который по-английски писать не умеет?

И вот, злой и голодный, прихожу я поздно вечером в гостиницу, поднимаюсь на свой двадцать первый этаж, открываю комнату, включаю свет и — батюшки, что же я вижу!

По столу, по стене, по моей сумке с вещами ползают тараканы — прямо сотни тараканов, тыщи!

Тут со мной просто истерика случилась, нервный припадок — стал я этих тараканов бить. Честное слово — так я рассиховался, так обиделся, что схватил свою тапочку и стал бить тараканов почему зря — и на стене, и на столе, и на подоконнике. А потом упал на кровать и заплакал. От злости. Думаю — зачем я в эту Америку приехал? С тараканами жить?

И так уснул.

Утром проснулся и пошел искать себе работу. Как раз меня НАЙАНА послала в тот день в большой книжный магазин «Харпер энд Роу» — сказали, что там есть для меня замечательное место — грузчиком. О'кей, — я сказал, — грузчиком так грузчиком, я человек не гордый. Пришел в этот «Харпер энд Роу», вижу, действительно, в самом центре Манхэт- тена замечательный книжный магазин и даже издательство, в двадцать этажей, печатают разные книжки. Ну, думаю, это как раз для меня: сначала буду книжки таскать, а потом как-нибудь познакомлюсь с хоршим редак- тором и свою книжку напечатаю. И вот иду я к директору магазина, говорю: здравствуйте, гуд афтернун, меня к вам НАЙАНА послала грузчиком работать. А мне говорят: здравст- вуйте, гуд афтернун, хау ар ю, ду ю спик спан- ниш? Я очень удивился — при чем тут «спан- ниш», как я могу по-испански разговаривать, если я по-английски еле-еле? Нет, говорю, ай кант спик спаниш, ай спик инглиш э литл бит. А они говорят: иськьюз ми, извините то есть, нам нужен грузчик, который на двух языках разговаривает: на аглийском и на испанском.

Короче, не взяли меня на работу грузчиком в магазин «Харпер энд Роу». Что было делать? Купил я булку в магазине, йогурт и помидоры и пошел в свою гостиницу. Сажу в своей жаркой комнате, ем помидоры с булкой, йогуртом запиваю. Тут вижу — из-под кровати таракан выползает. Осторожно так выползает, как на разведку. Остановился и смотрит на меня своими таракаными глазками. Я и гово- рю ему:

— Ну что, — говорю, — Шурупик, ду ю спик спаниш?

Почему я его Шурупиком назвал, сам не знаю, а только он на эту кличку сразу отозвал- ся — пошевелил усиками, как будто носом шмыгнул, и пополз к крошкам от булки, кото- рые я на пол просыпал.

Так мы с ним и подружились, и он стал моим самым первым другом, которого я пов- стречал в Америке. Таракан Шурупик.

Что бы со мной ни случилось — меня на работу не взяли, в сабее ли я заблудился, писем долго нет из Израиля от моей племян- ницы Аси или в НАЙАНЕ меня обидели, — я уже не унывал, не отчаивался, как раньше, а знал — теперь я уже не одинок, есть у меня друг в гостинице, который ждет меня не дож- дется, — таракан Шурупик.

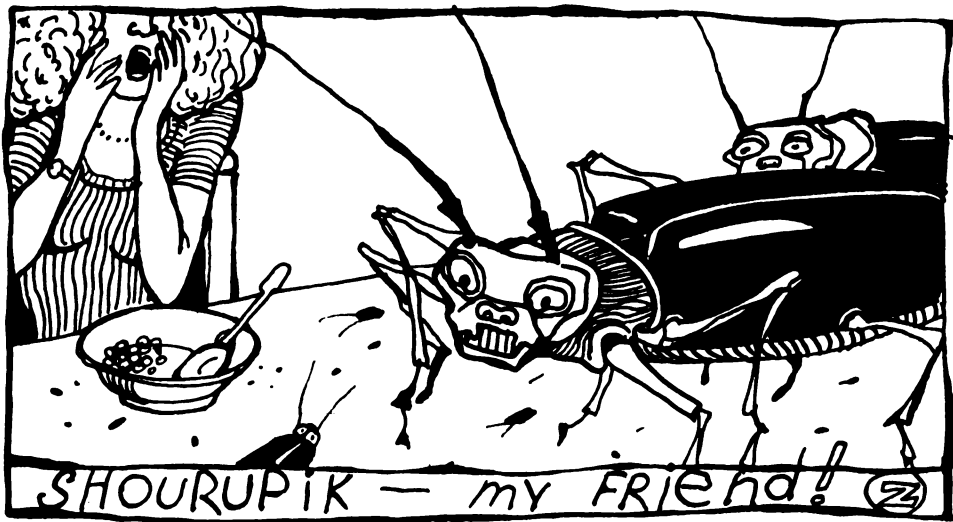
Я приносил ему самую вкусную еду — пе- ченье, булки, макароны, но больше всего мы с ним любили овсяные хлопья. Я в Советском Союзе очень любил овсяную кашу, которая там называется «Геркулес», и здесь я тоже нашел свою любимую овсянку — она по-а- мерикански называется «оутс». И тут я выяснил, что у нас с Шурупиком совершенно одинако- вые вкусы: он так полюбил эти овсяные хлопья, что если бы я не закрывал банку с оутсом, он бы там поселился, наверно.

Во всяком случае, прихожу я как-то домой, открываю дверь, смотрю — а у меня на подо- коннике, где стоит обычно банка с овсянкой — просто пир горой! Мой Шурупик созвал друзей со всей, наверно, гостиницы и угощает их моей овсянкой. А все потому, что я забыл банку закрыть как полагается. Вот они и ус- троили народное тараканье гулянье на моем подоконнике, как на Пятой авеню. Черные тараканы, рыжие, маленькие какие-то букаш- ки — кого только нет! А Шурупик у них самый главный, сидит верхом на банке, усами разма- хивает и как будто приглашает:

— Налетай, братва, всех угощаю!

Посмотрел я на это дело и говорю:

— Эх, ты, Шурупик, Шурупик, добрая душа! Другой бы какой-нибудь таракан на твоём месте один эту овсянку ел, втихомолку, а ты, наоборот, всех друзей позвал — и знакомых, и незнакомых. Молодец! Сразу видно — амери- канец! Ладно, говорю, гуляйте, я ведь теперь тоже американец — добрый и щедрый. Тем

более,— говорю,— Шурупик, что это наш прощальный вечер, завтра должен я съезжать из гостиницы, больше меня тут НАЙАНА не держит.

Сел на кровать и стал смотреть, как тараканы мою овсянку едят. Но то ли их электричество напугало, то ли мой голос не понравился, только разбежались они кто куда, один мой Шурупик остался. Сидит на подоконнике, смотрит на меня пристальным взглядом и усами шевелит, как будто спрашивает: неужели ты меня, лучшего друга, бросишь в этой гостинице?

Нет, говорю, Шурупик, дорогой мой друг, как я могу тебя бросить, разве друзей бросают?

Посадил я его в банку из-под овсянки, сложил чемодан, взял свою пишущую машинку и пошел по Нью-Йорку искать себе пристанище. У одних знакомых прожил два дня, у других — три, у третьих — целую неделю. Вижу: нигде моему Шурупика не нравится, сидит себе в банке, не вылезает, как будто говорит: пора, мол, нам свою квартиру иметь, самостоятельно жить, а не у чужих людей. У них, мол, своих тараканов хватает.

Ладно, чего не сделаешь для лучшего друга, нашел я квартиру на Вашингтон Хайтс, возле самого Гудзона,— светлая, просторная, чистая квартира. Принес свои вещи, открыл коробку из-под овсянки и говорю:

— Ну вот, Шурупик, будем мы с тобой в этой квартире жить. Нравится?

Смотрю — вылез мой Шурупик из банки, осмотрелся по сторонам, пошевелил усами и — пополз на кухню, обследовать. Сначала всю кухню обследовал, потом гостиную, по-

том спальню и выбрал себе место в самом углу за газовой плитой.

Вот так поселились мы с Шурупиком на новом месте, и длинными вечерами я с ним подолгу разговаривал на самые разные темы. О жизни, об эмиграции, об Америке. Поговоришь, бывало, отведаешь душу, «Голос Америки» послушаешь и ложишься спать.

Хорошо мы жили, душевно. А потом стал я замечать, что скучно Шурупика. Оставляю я ему крошки на столе, а утром смотрю — он уже из соседних квартир друзей пригласил на эти крошки, опять пир устраивает на весь дом. Ну, мне не жалко, разве я стану для лучшего друга какие-то там крошки жалеть! Но только обидно, конечно,— он у меня единственный друг, а я у него — не один. Целые толпы его друзей-тараканов ходят ко мне с вечера до утра, а некоторые даже — стал я замечать — просто поселились с Шурупиком на кухне. Чужие тараканы, не мои, заняли кухню и так отвлекают Шурупика по разным делам, что мне с ним и поговорить нельзя, занят он, все новых и новых тараканов расселяет по углам, за холодильником, за газовой плитой, за кухонным шкафчиком. Даже стало страшно заходить на кухню.

Разозлился я тогда, выпил водки для храбрости и захожу на кухню, говорю громовым голосом:

— А ну-ка, братцы-тараканы, марш отседава! Дайте мне с моим другом Шурупиком наедине поговорить! Выходи, Шурупик, на мужской разговор!

Вижу: выползает мой Шурупик из-за плиты, смотрит на меня и ждет — что я ему еще скажу. А я и говорю:

— Ты меня уважаешь? Нет,— говорю,— ты меня не уважаешь. Понавел сюда гостей, а меня — лучшего друга! — бросил.

Молчит мой Шурупик, стыдно ему стало.

— Ага,— говорю,— стыдно стало? Правда глаза режет?

И вдруг — вижу: пошевелил мой Шурупик усами, как будто носом шмыгнул, и побегал куда-то за кухонный шкафчик. Думаю, зачем он туда побегал, интересно? Неужели просто струсил от такого мужского разговора?

Но тут из-за кухонного шкафчика выглядывает эдакая остренькая мордочка с глазками-бусинками. Кто бы вы думали? Мышка! Маленькая-маленькая, и смотрит на меня — испугаюсь я или не испугаюсь? А я тоже смотрю — испугается она меня или не испугается? Долго так смотрели мы друг на друга, прямо друг другу в глаза — знакомились. А потом она шукш-шукш — просеменила в угол к пакету с мусором, схватила какую-то там крошку и — назад, за шкафчик.

Открыл я холодильник, достал кусочек сыра, отломил краешек и положил на пол возле шкафчика. Потому что мышки больше всего на свете любят сыр. Особенно голландский. Ну, в Америке с голландским сыром нет проблем, даже швейцарский можно запросто купить в любом магазине, так что моя новая подруга мышка Сусанна теперь каждый вечер имела замечательный десерт, как какая-

нибудь итальянка. Все итальянцы после любой еды любят сырами закусывать. Вот и моя мышка Сусанна перешла на итальянский рацион.

Стали мы теперь втроем дружить: я, таракан Шурупик и мышка Сусанна. Сидим по вечерам, балагурим — я чай пью, Шурупик по стенкам ползает, вечернюю гимнастику делает, а мышка Сусанна возле моих ног сыром угощается. Скушает все, встанет на задние лапки, передними умоется перед сном и — до свиданья, за свой шкафчик. И очень я был Шурупика благодарен за то, что он меня с Сусанной познакомил.

А скоро у нас еще один жилец появился — попугай Костя-одессит. Об этом попугае вообще нужно отдельный рассказ писать, но пока я вам коротко скажу: мне его соседи-итальянцы подарили. Старенький попугайчик, грудка уже голая почти, перышки выпали, и никаких слов он не говорил, кроме «кхе-кхе эсса». Может быть, по-итальянски это что-нибудь другое значит, но я решил, что это он по Одессе скучает, поэтому иногда у него получалось «Эх, Одесса!» Вот я и решил, что он в молодости жил, наверное, в Одессе, а потом улетел в дальние страны, но всю жизнь вспоминает: «Эх, Одесса!» И я назвал его Костя-одессит.

И так славно мы жили-поживали теплой компанией, как вдруг неожиданно-негаданно со мной беда приключилась. Влюбился я с первого взгляда. В одну замечательную тетю. Красивую — ой! И пригласил ее к себе в гости.

И вот, представляете, приходит она в мою квартиру и что же видит? На кухне толпы тараканов живут, как у себя дома. Главный над ними Шурупик — как хочет командует, по ночам целые парады устраивает, сам на кухонном столе сидит, как на трибуне мавзолея, а внизу — тараканьи войска маршируют, и маленькие букашки за большими тараканами бегут, как солдаты за танками. А в углу, возле ящика с мусором, мышка Сусанна совершенно спокойно сидит себе на задних лапках, сыр кушает и смотрит на мою гостью своими черными глазами. А на холодильнике клетка с Костей-одесситом, он кряхтит перед сном: «Эх, Одесса!»

Представляете, какое это произвело впечатление на тетю, в которую я влюбился?! Она от возмущения даже покраснела вся, даже заплакала:

— Как же,— говорит,— ты можешь в такой грязи жить?! С мышами, с тараканами! Все,— говорит,— ухожу от тебя! Или я, или — тараканы! Выбирай!

Ну? Что мне делать? Ужасное положение. С одной стороны — друзья, а с другой — такая красивая тетя. Как быть? Пробовал я ее уговаривать — мол, чем тебе мои тараканы меша-

ют? Что тебе моя мышка Сусанна? Я, говорю, тебе буду отдельный сыр покупать, а мышке отдельный. Ни-че-го не помогает! Заупрямилась — и все тут. Или, говорит, я, или — тараканы. Ты, говорит, знаешь, как меня зовут? Знаю, говорю, Эмилия. Вот, говорит, а Эмилия в переводе с греческого — Божественная. Ну, как же, говорит, я, Божественная женщина, могу с мышами и тараканами жить? Ну, говорит, ты сам подумай!

И действительно, я подумал, ерунда получается, логично — Божественная женщина как может жить с тараканами?

Вздыхнул я глубоко-глубоко, взял своего попугая Костю-одессита и отнес к соседям. Извините, говорю, он по ночам так кричит и так по своей Одессе скучает, что моя Божественная женщина слышать этого не может. Потом позвал мышку Сусанну, накормил ее последний раз лучшим швейцарским сыром и говорю: «Прощай, дорогая Сусанна, придется тебе новую квартиру искать, потому что теперь моя Божественная женщина наведет в квартире такую чистоту, что я уже никаких крошек не смогу тебе на кухне оставить. Она очень строгая и будет за мной в оба глаза следить. А ты же видела, какие у нее глаза — я от этих глаз просто голову теряю».

Ничего мне Сусанна не сказала, а просто повернулась гордо и ушла.

Теперь пришла очередь тараканов. Пошел я в магазин, купил несколько бутылок спрея от тараканов, вернулся домой, посадил Шурупика в старый спичечный коробок, в котором я из Советского Союза пуговицы привез, а потом закрыл все окна и распечатал все бутылки спрея. Открыл краники и — наутек. Думаю, пусть все тараканы сами из квартиры разбегаются, а мы с Шурупиком на пару убежали. Не мог же я, действительно, своего самого первого американского друга бросить на погибель вместе с другими тараканами!

Через несколько часов вернулись мы с Шурупиком домой, он в спичечном коробке сидит, а я всю квартиру подмел, полы вымыл и позвонил своей Божественной женщине. Все, говорю, выполнил я твою волю, приезжай в гости.

И вот приехала она, поцеловала меня — молодец, говорит, умница! Больше на пол не сори, тараканов не разводи, тогда я буду у тебя жить.

Ну, что мне делать? Не сорю теперь, сыр возле кухонного шкафчика на полу не оставляю и не кормлю попугая. А только целыми днями ухаживаю за своей Божественной.

Но иногда поздно вечером, когда уснет моя Божественная, я тихо-тихо уйду на кухню, включаю «Голос Америки», открываю спичечный коробок и сидим мы с Шурупиком вдво-

ем, как бывало. Чай пьем, по душам разговариваем.

Только вы, пожалуйста, не говорите об этом ни-ко-му! Пусть это будет наш секрет. А то скажет кто-нибудь моей Божественной женщине, она тогда у меня последнего Шурупика отнимет.

ИРОНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

ГРИГОРИЙ ГОРИН
ИРОНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

МИХАИЛ КОЗАКОВ

...Миша Козаков — самый юный Гамлет России. Помню его еще молодым красавцем с пышной прической, всегда окруженным восторженными поклонницами, славой и сплетнями. Сплетни для актеров всегда были важнее рецензий, выдумки предпочтительнее «правды», я имею в виду одноименную газету...

О Мише Козакове сплетничали всегда. После грандиозного успеха фильма «Убийство на улице Данте» пошел слух, что Миша — обрусевший француз, любовник Бриджит Бардо, побочный сын Шарля де Голля... Потом почему-то стали говорить, что он — итальянец, отсюда, мол, и «улица Данте», и вообще его подлинная фамилия не Козаков, а «Козанов...»

После многосерийного фильма, где он снялся в роли Феликса Дзержинского, пошел слух, что Козаков — поляк, тайный агент нескольких разведок и на своих вечерах, читая стихи, передает шифром секретные сведения тем, кто понимает... (Говорят, были случаи, когда тех слушателей, которые понимали Бродского в исполнении Козакова, вызывали «куда следует» для дачи объяснений...)

Известие о том, что Козаков — еврей и уезжает в Израиль, потрясло всю общественность... Казаки насмерть обиделись... По Дону прокатились волнения... В синагогах ликовали!

Потом поползли слухи о его необыкновенных успехах на Земле Обетованной... Рассказывали, что он выучил иврит за неделю, играет на нем много ролей (в том числе и женских под фамилией «Селезнева»). А в свободное время выступает с речами и чтением стихов в кнессете.

И еще говорили, что он сказочно богат — купил огромную квартиру и теперь выгодно сдает ее же по двойной цене самому себе.

И вот я сижу в квартире Миши в Тель-Авиве на улице Боруха Спинозы. Квартира действительно большая, но, как выясняется, слишком дорогая и ее, очевидно, придется сменить. На иврите Миша говорит мало, в основном употребляя слово «лехаим», понятное мне без перевода... На русском живо интересуется новостями из Москвы, рассказывает о своем житье: с шести утра учит язык, потом учит роль, потом снова учит язык, по-

том репетирует роль, потом играет спектакль, потом — короткий сон, во время которого разговаривает на двух языках сразу... Он совсем не изменился с момента нашей последней встречи в Москве — разве что стал сосредоточенней и добрей: ни о ком из своих коллег не говорит плохо. Качество редкое для служителей театра в Израиле и в России...

Я смотрю на него, слушаю и думаю, какую же новую легенду привезу о нем в Москву. А расскажу я вот что: оказалось, Миша Козаков — не полуеврей, не полурусский, не четвертьфранцуз, а самый что ни на есть чистокровный АРТИСТ — со всеми достоинствами и недостатками, присущими людям этого особого, Богом избранного народа...

ГАЛИНА ВОЛЧЕК

Слово, определяющее ее профессию, не имеет женского окончания («режиссерша» — звучит пренебрежительно). Но сказать про Галю «режиссер» тоже неверно. Слишком сильно в ней женское начало, чтобы она согласилась им поступиться. Поэтому театр придумал ей особый титул: «главный режиссер».

«Главный режиссер» — это не название, не должность. Это — судьба. Применительно к театру «Современник» — доля.

«Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...» Уверен, Некрасов не возражал бы против этого определения при-

менительно к Галине Борисовне. Он не был антисемитом, издавая журнал «Современник» без добавления «наш» в жестком невзоровском понимании.

От мужского режиссерского ремесла она взяла все необходимые профессиональные навыки: хриплый голос, сигарету в зубах, твердый характер, умение вовремя и по делу употреблять те самые запретные слова, без которых, как выяснилось, в России не может руководить никто, даже президент. Это ведь он назвал после путча своих бывших соратников «мудаками». Слово настолько расхожее в театральном закулисье, что, вероятно, отсюда пошла гулять версия: а не режиссер ли он этого спектакля?

Впрочем, Бог с ними, с мужскими качествами. Поговорим лучше о ее женских достоинствах. Они бесспорны: красота, эlegantность, остроумие. Но главное не в этом. «Сила наша — в наших слабостях», — говорит шекспировская Катарина из «Укрощения строптивой».

Это и про Галю. Женских слабостей у нее достаточно, и она их не скрывает. Расплакаться из-за неудачной прически, расстроиться, если нужная шмотка уплыла к подруге, порадоваться, если шмотка оказалась той мала...

Какое счастье быть естественной и знать, что твои друзья тебя не осудят.

С родным театром у нее сложнейшие взаимоотношения, недоступные пониманию даже фрейдистов. «Современник» для нее — отец, супруг и дитя одновременно... «Крутой маршрут» ее жизни, «Смирненное кладбище» не сыгранных ею ролей...

И если понравится новый спектакль — не будьте занудами, не ищите блох и «концепций», просто позвоните Волчек и скажите: — Спектакль, Галина Борисовна, потрясающий! — И чтобы доставить истинное наслаждение, добавьте: — И выглядела ты, Галка, в этом синем костюме — шикарно!

ВУДИ АЛЛЕН

На наших страницах снова — Вуди Аллен. И последние новости из его бурной жизни (предпоследние — в № 1 за этот год). К сожалению, печальные. В июне 1993 года в суде Манхэттена почти три недели слушалось дело «Вуди Аллен против Миа Фэрроу». Бывший муж требовал от бывшей жены права опекуна над их общим сыном Сатчелом и двумя другими детьми, которых они усыновили. Обычно удачливый, Аллен этот процесс проиграл. Он не только не стал опекуном детей, но даже встречаться с ними ему разрешено только в «особых условиях»: либо в присутствии третьих лиц, либо по строгому расписанию — один-два раза в неделю, либо если на то будет разрешение психологов. Между тем обвинения в том, что Аллен развращал свою семилетнюю приемную дочь Дайлан Фэрроу с него сняты, а связь его с приемной дочерью Сун-И и вовсе не может считаться криминальной, поскольку основана, видимо, на взаимности, а девица — совершеннолетняя. Строгость суда более всего похожа подпитана яростной ревностью Миа Фэрроу: роман с Сун-И разрушил не только тринадцатилетнее счастливое супружество, но и прочнейший и счастливейший творческий союз режиссера с актрисой, сыгравшей первые роли в большинстве его фильмов. О чем больше жалеет Миа Фэрроу, мы, вероятно, не узнаем. Что думает по этому поводу Вуди Аллен — тоже. Во всяком случае, строить догадки по этому поводу не стоит, пока он не снимет свой следующий фильм — скорее всего, как обычно, по сценарию из собственной жизни.

Манхэттенский суд мотивировал свой вердикт тем, что Вуди Аллен «слишком занят собой, слишком эгоистичен и ему нельзя доверять». И если судить о человеке по тому, что отстукивает его пишущая машинка, последнее, во всяком случае, очень близко к истине...

ВУДИ АЛЛЕН

(из сборника «Побочные эффекты»)

Я ОБРАЩАЮСЬ
К ВЫПУСКНИКАМ

Ни разу за всю историю человечеству не было так ясно, что оно стоит на распутье. Одна дорога ведет к отчаянию и утрате последних надежд. Другая — к полному вымиранию. Дай Бог, чтобы нам хватило мудрости сделать правильный выбор. Я, однако, говорю об этом отнюдь не с унынием, а с кошмарной уверенностью в совершенной бессмысленности бытия — что может быть неверно расценено как пессимизм. Это не пессимизм. Это лишь трезвый взгляд на трагедию современного человека. (Под «современным человеком» здесь имеется в виду всякий родившийся в период между заявлением Ницше «Бог умер» и записью шлягера «Моя рука в твоей руке».) Есть два основных способа описать эту трагедию, хотя некоторые философы-лингвисты предпочитают свести ее к математическому уравнению: его легко решить и таскать в бумажнике.

В простейшем виде проблема такова: способен ли человек с моим размером брюк и шириной плеч постичь смысл жизни? Вы оцудите, какой это трудный вопрос, признав, что наука надежд не оправдала. Конечно, ей удалось победить множество болезней, расшифровать генетический код и отправить человека на Луну; но оставьте восьмидесятилетнего наедине с двумя юными официантками — ничего не произойдет, как и в прежние времена. Ибо подлинные проблемы непреходящи. В конце концов, можно ли увидеть в микроскоп человеческую душу? Ну, хотя бы мельком? Вероятно; но, судя по всему, только в очень мощный, с двумя окулярами. Мы знаем, что мозг самого современного компьютера не столь совершенен, как мозг пчелы. Правда, то же можно сказать и о некоторых наших родственниках, — но с ними видишься только на свадьбах и по особым случаям. А от науки мы зависим постоянно. Допустим, у меня появляются боли за грудиной. Мне велят

сделать рентген. Но что если от рентгеновской радиации я заработаю что-нибудь пострашнее? Обдумать всесторонне не успеваю — кладут в реанимацию. Дают кислород, и тут, естественно, один практикант решает закурить. После чего на глазах изумленной публики я, в одной пижаме, пролетаю над зданием Центра международной торговли. И это называется наука? Да, конечно, благодаря науке мы знаем, как пастеризовать сыр. И что говорить, в раскованной компании это штука приятная. Чего не скажешь о водородной бомбе. Доводилось ли вам видеть, что бывает, когда она скатится со стола? А что проку в науке тому, кто бьется над извечными загадками бытия? — Откуда взялся мир? Давно ли? Началось ли все со взрыва — или по слову Божию? Если по слову — то почему было не произнести его на две недели раньше, чтоб мы застали побольше теплых деньков? Что конкретно имеется в виду, когда говорят «человек смертен»? Судя по всему, это не комплимент.

Да и религия, увы, настроения уже не поднимает. Мигель де Унамуно где-то восторгается «неутомимой настойчивостью разума», — но ведь она не всякому по плечу. Особенно при чтении Теккеря. Я часто думаю, как, наверно, легко жилось древнему человеку, верившему во всемогущего, доброжелательного Создателя, который присматривает за всем на свете. Вообразите его разочарование, когда жена вдруг начала терять талию. Современный человек далеко не так спокоен. Он ввергнут в пучину безверия. Он, как это деликатно называют, «некоммуникабелен». Он повидал ужасы войны и хорошо знает, что такое стихийные бедствия и вечера знакомств. Мой близкий друг Жак Моно часто рассуждает о случайности Вселенной. Он убежден, что все на свете появилось по чистой случайности, за исключением разве что его завтрака, который — тут не ошибешься — состряпала

домработница. Естественно, вера в божественный промысел вселяет спокойствие. Но это вовсе не снимает с человека ответственности. Разве не сторож я брату моему? Сторож. Интересно, что в моем случае эту честь я делю со смотрителями городского зоопарка. И все же без Бога мы чувствуем себя сиротливо и создаем себе нового — бога технологии. Но что может объяснить технология, когда новенький бьюик (Нат Зипски, мой хороший приятель, не поездил на нем и трех дней) влетает в витрину ресторана «Телячьи нежности» и посетители едва успевают броситься врассыпную? За четыре года мой гостер ни разу не работал как следует. Я действую строго по инструкции, закладываю два ломтика хлеба, и через секунду он выстреливает их обратно. Один такой выстрел сломал нос очень дорогой мне женщине. И мы надеемся, что болты, шурупы и электричество решат проблемы? Конечно, телефон — вещь хорошая. Да и холодильник. И кондиционер. Но отнюдь не всякий кондиционер. Тот, что купила моя сестра Хенни, — нет. Он работает с диким грохотом, но пролады не приносит. Вызвала мастера. Стало хуже. Ну, что поделаешь, — сказал мастер. — Не нравится, покупайте новый. Сестра стала упрашивать, но мастер попросил не действовать на нервы. Этот человек явно некоммуникабелен. Более того, он все время улыбается.

Вся беда в том, что наши руководители не подготовили нас к жизни в технократическом обществе. Что поделаешь, политики либо некомпетентны, либо продажны. Иногда и то и другое сразу. Государству нет дела до нужд маленького человека. Уже в пять минут седьмого бесполезно звонить в Конгресс своему депутату. Не отрицаю, демократия пока остается наилучшей формой общественного устройства. В демократическом обществе, по крайней мере, защищаются гражданские свободы. Гражданина нельзя беспричинно подвергнуть пыткам, бросить в тюрьму или заставить досмотреть некоторые бродвейские шоу. По сравнению с тем что творится в Советском Союзе, это небо и земля. В тоталитарном обществе человека приговаривают к тридцати

годам исправительно-трудовых лагерей только за то, что он насвистывал. Через пятнадцать, если он не перестанет свистеть, его расстреливают. Плечом к плечу с фашистским варварством шествует по планете терроризм. Никогда за всю историю человек так не боялся включить электромясорубку — из страха, что она взорвется. Насилие порождает насилие, и по некоторым прогнозам, к 1990 году доминирующей формой общественных отношений станет похищение детей. Перенаселение накалит все проблемы до предела. Цифры свидетельствуют, что уже сейчас на Земле живет гораздо больше народу, чем нужно, чтобы перенести самый тяжелый роаяль. Если призыв прекратить размножение не будет услышан, к 2000 году негде будет сесть пообедать; или придется ставить стол на голову незнакомым людям. В этом случае они должны будут не двигаться около часа, пока мы закончим с компотом. Несомненно, разразится энергетический кризис; автовладельцам будет отпускаться бензина только на то, чтобы сдать назад на полметра.

Но мы не желаем принять вызов — и вместо этого оглушаем себя наркотиками и сексом. Общество слишком далеко зашло в своем либерализме. Когда еще так расцветала порнография? И вечно попадаетесь четвертая-пятая копия, на экране ничего не разберешь. Надо признать — у нас нет ясных целей. Мы так и не научились любить. Нам не хватает лидеров и четких программ. Мы разобщены духовно. В полном одиночестве мы проносимся по жизни, со звериной жестокостью срывая друг на друге свое отчаянье и боль. К счастью, мы пока не утратили чувство меры. Таким образом: подводя итоги, можно не сомневаться: будущее сулит огромные возможности. Но также таит западни. Надо умудриться не попасть в западню, не упустить возможности и вернуться домой часам к шести.

Перевод с английского
Олега Дормана

Не забудьте подписаться!

L
I
Z
A

ЛАЙЗА, РОЖДЕННАЯ БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ

Отрывки из книги

Глава вторая

Джуди Гарланд и Винсенте Минелли развелись в начале 1951 года, потратив большую часть денег на оплату психиатрам и на медицинский уход за Джуди. Оба они были непреклонны в том, что, несмотря на развод, никогда не перестанут заботиться о Лайзе.

Согласно соглашению об опекунов, Лайза должна была проводить по шесть месяцев то с матерью, то с отцом. Уже с пяти лет она становится обительницей двух миров, маленьким дипломатом, путешествующим между двумя галактиками, в которых царили очень разные божества.

Когда Лайза оставалась с Винсенте, она становилась принцессой Голливуда и жила в башне из слоновой кости, окруженная блестящей мишурой показного благополучия. Ослепленный своей всепоглощающей любовью к дочери, Винсенте в ее детские годы старался посвятить ей всего себя, демонстрируя все великолепие тонкого художественного мастерства, артистического таланта, непревзойденного дара рассказчика.

Винсенте научил Лайзу, когда ей исполнилось всего лишь пять лет, исполнять песню под названием «Любовь на продажу». С годами он обучил ее и другим не менее замысловатым любовным песням. Выбор книг для нее был тоже далеко не детским и весьма эклектичным... Лайза постоянно требовала любви к себе, и Винсенте не останавливался ни перед чем для удовлетворения ее желаний. Спустя годы, когда дни детства остались в далеком прошлом, Лайза и Винсенте получали глубокое наслаждение от воспоминаний о любом событии, в котором проявлялась рабская

привязанность отца к дочери. Винсенте делал все, что было в человеческих силах, чтобы окружить дочь любовью и вниманием. Эта любовь была сродни колдовской. Он был первым мужчиной, который так любил ее, и всю свою жизнь Лайза будет отчаянно искать другого мужчину, чья любовь к ней могла бы сравниться с отцовской. Ничто не могло поколебать привязанности Винсенте к дочери, и в этом отразились его одиночество, чувство вины и жажда поиска родственной души. Для Лайзы образ отца был (и остается) сродни лику нежного волшебника, чары личности которого подпитывались магической атмосферой Голливуда и его картин.

Некоторые утверждают, что Винсенте часто уклонялся от своих отцовских обязанностей, что Лайза в воспоминаниях идеализировала его до неузнаваемости. Как бы то ни было, наиболее веское доказательство его любви к ней, его особой нежности и привязанности — те театральные костюмы, которые он с такой одухотворенностью создавал для нее. Они были символом его любви, его артистического таланта, символом того мира, в котором отец и дочь уединялись, чтобы жить друг для друга. Отец был для Лайзы хранителем и защитником, учителем и наставником. «Я всегда была папиной девочкой. Он был таким удивительным, терпеливым и надежным, — вспоминала Лайза не без ностальгии. — Он заставил меня поверить в то, что я самая очаровательная, самая лучшая девочка в мире». Для Лайзы Винсенте был всем. И она была всем для него, пока в его жизни не наступили перемены. Лучшее всего об особенностях их взаимоотношений свидетельствует сама Лайза. Когда Винсенте начал писать автобиографию, Лайза заметила ему, что книга неполна, пока в ней нет ее высказываний об отце. Тогда Винсенте предложил ей дополнить книгу. Хотя Лайза писала об отце в конце семидесятых, она (сама не бесталанная писа-

Продолжение. Начало в № 4, 1993 г.

тельница) с безукоризненной точностью смогла воссоздать картины детства.

В автобиографии Винсенте пишет: «Я обрушил на нее свою любовь. Если я безумно баловал Лайзу, то сказочный мир наших взаимоотношений компенсировался строго упорядоченным стилем ее жизни у Джуди. Как бы Лайза ни любила мать, Джуди олицетворяла долг и заботу. Я же ничего не просил у нее, кроме любви».

Глава третья

Винсенте полагал, что для Лайзы будет очень важно воочию познакомиться с громадным талантом матери, чтобы лучше понять ее. С этой целью он, подавив желание держать Лайзу при себе, отправляет ее в Англию, где она проводит целую счастливую неделю с Джуди, разделяя с ней блеск триумфального приема, оказанного актрисе страной, которая всегда так любила ее.

По возвращении домой шестилетняя Лайза узнает из вечерней программы новостей о том, что Джуди вышла замуж за Сиды Лафта. Винсенте был рад известию о замужестве Джуди: надеялся, что Сид сделает ее жизнь

более спокойной. Он мечтал, чтобы у Лайзы наладились хорошие взаимоотношения с Джуди, но правда была неутешительной. «Джуди чаще всего души не чаяла в Лайзе, но наступали периоды, когда она полностью забывала о ней. Слава Богу, я мог быть рядом с ней в это трудное время»¹. На детские годы Лайзы выпали такие эмоциональные нагрузки, которые ей были не по плечу.

Психиатры подметили, что любой ребенок, даже в возрасте Лайзы, хорошо ощущает отношение матери, понимает ее чувства, что в конечном счете сказывается на эмоциональном строе самого ребенка. Несмотря на всепоглощающую любовь к Лайзе, Винсенте оказался не в состоянии оградить ее от воздействия эмоциональной неуравновешенности Джуди. Он делал все, что мог, чтобы развить в ней артистичность, тонкость художественного восприятия, доставшиеся ей по наследству от отца и матери, однако другая сто-

¹ После замужества Джуди переезжает с мужем в Калифорнию, где принимает участие в съемках нового фильма «Рождение звезды». (Прим. переводчика.)

Винсенте, Жоржетта, их дочь Тина Нина и Лайза.

Лайза со своей маленькой сестрой Тиной Ниной.

рона наследия матери тяжело сказалась в ее будущей жизни.

В течение шести месяцев в году, когда Лайза жила с Джуди, ей приходилось выполнять одновременно обязанности няни, утешительницы, секретаря, отстаивать «публичный имидж» своей матери. 21 ноября 1952 года Джуди родила вторую дочь — Лорну Лафт.

Лайза отнеслась к своей маленькой сестренке с большой привязанностью, сразу же впустив ее в свой мир. Она не устраивала никаких ссор, не проявляла недовольства по этому поводу. Во взаимоотношениях с Джуди Лайза не демонстрировала ничего, кроме подчинения.

В своих материнских поступках Джуди проявляла строгость вместе с эмоциональными всплесками любви. Хотя ее зависимость от наркотиков неизменно сказывалась на ее отношениях с дочерью, Джуди, тем не менее, стремилась научить Лайзу различать подлинные ценности и даже старалась внести в ее жизнь элементы порядка. Она решительно не желала, чтобы Лайза превратилась в типичного отпрыска артистов Голливуда, подчеркивала важность хорошего воспитания.

Джуди испытывала постоянные колебания между ролью и обязанностями строгой матери и поведением женщины, находящейся под властью наркотиков, и Лайза была свидетельницей различных ее превращений. Естественно, будучи травмированной и смущенной всем увиденным, чувствуя свою незащищенность, Лайза регулярно искала прибежища у отца.

Незадолго до того, как Лайзе исполнилось двенадцать, Винсенте взял ее с собой на обед к Ли Гершвину в Беверли Хиллз. В доме были и очень известные артисты, близкие друзья семьи Гершвин. Роджер Иденс сидел за роялем, Джин Келли и Фрэнк Синатра пели. Вдруг Роджер попросил спеть Лайзу. Джин Келли вспоминает: «До того времени я полагал, что Лайза была просто обычным приятным ребенком с огромными, как у отца, широко открытыми глазами. Но у нее оказался дар». Когда Джин предложил, чтобы Лайза выступила с ним на телевидении в специальной программе, запланированной на 24 апреля 1959 года, Винсенте спросил разрешения у Джуди. Джуди согласилась. Лайза и Джин вместе исполнили песню «Для Меня и Моей Девушки», ту самую, которую Джин впервые спел с Джуди в 1942 году.

Во время репетиций Лайза быстро освоила танцевальные па, и после выступления (на настоящей публике) Джин не мог не подивиться ее спокойствию, уверенности, отсутствию «сценического» страха, как если бы она была профессионалом на сцене. Позднее он заметил: «Я не думаю, что ей может повредить то, что у нее талантливые родители, но не уверен, что ее талант лишь от них». Лайза после представления сказала, что ее дебют был интересным, но больше всего она любит танцевать.

Несмотря ни на что, Джуди настояла на том, чтобы Лайза все свое внимание сосредоточила на учебе, заметив при этом: «Мне более всего хотелось учиться, когда я уже была юной звездой. Что толку заниматься в течение двадцати минут с личным учителем, а затем выйти на публику и спеть песенку. Моя дочь Лайза, как все дети, поступит в колледж. И только закончив его, она может идти куда угодно». Джуди следила за занятиями дочери столь ревностно, что Лайза сменила четырнадцать школ. Летом 1960 года Джуди устроила Лайзу на учебу в пансион в Аннекси во Франции. Вместе с шестью другими американками она изучала французский язык, которым восхищался ее отец и который впоследствии так пригодился ей в артистической карьере.

В январе 1961 года Лайза стала посещать известную во всем мире Школу Театрального Искусства в Нью-Йорке (атмосфера ее была блестяще воссоздана в фильме «Известность»). В том же году она отработала все лето в Летнем Театре Хайяниспорта штата Массачусетс. Официально ее должность считалась ученической. Она не получала зарплату, но испытывала радость от исполнения эпизодических ролей в фильмах «Барбанная песнь

Лайза по прибытии в Нью-Йорк с Лоркой, Джоем и Джуди в марте 1958 г.

цветка», «Будь здесь со мной», «Возьми меня с собой». Ей нравилось играть, она больше не говорила о карьере танцовщицы. В актерской игре Лайза находила спасение от всего. Она с головой окунулась и в репетиции спектакля «Дневник Анны Франк», где у нее была главная роль¹. Премьера спектакля состоялась 8 декабря 1961 года, и Джуди вместе с Сидом были на представлении. Позднее Джуди вспоминала: «Я всегда знала, что она великолепно танцевала, но мы с Сидом были просто ошеломлены ее успехом в драматической роли. Она на репетициях показала себя настоящим профессионалом, слушалась только режиссера и не позволяла матери вмешиваться своими советами».

Глава шестая

Вместе со студентами театральной школы в Скарсдейле Лайза отправилась в гастрольную поездку в Италию и Израиль со спектаклем «Дневник Анны Франк». Дороти Л. Силверсон, финансировавшая поездку в Израиль, вспоминает о Лайзе-подружке в то время: «Она была удивительной девушкой. Вне сцены она была такой веселой и дружелюбной. Ее интересовало всё. Всякий раз, когда мы останавливались в каком-либо достопримечательном месте, Лайза оживленно разглядывала все с большим энтузиазмом. Она была такой милой и роль Анны Франк играла так искренне. Один из министров Израиля, присутствовавших на представлении, сказал позднее, что он никогда не видел ни одной молодой актрисы, которая играла бы столь убедительно. Она была очень хороша».

Однако и после успешной поездки Лайзы в Израиль Джуди не оставила своего намерения дать ей хорошее, пусть и не слишком систематическое образование и записала ее на посещение курса в Сорбонне. Лайзе уже исполнилось шестнадцать. Полная энтузиазма и добра ко всем, она оставалась в чем-то ребенком. Винсенте пытался внушить ей любовь к Парижу, но в этот момент своей жизни Лайза не была готова возлюбить Город Света и сказала матери, что чувствует себя в Париже несчастной и одинокой. Джуди уступила: проучившись один семестр, Лайза покинула Сорбонну. Это произошло в конце 1962 года; никогда с тех пор она не посещала какую-либо другую школу или университет. Формально ее образование было закончено.

После этого в жизни Лайзы происходит крутой поворот. Она заявляет о своем реше-

нии стать актрисой — сначала Винсенте, который всегда поддерживал любое ее начинание и дал ей свое благословение. В Лос-Анджелесе Лайза сообщает о своем желании Джуди. Всегда обладавшая тонкой интуицией, Джуди, которая знала честолюбие дочери, страстность ее порывов, также дала согласие.

Глава седьмая

Для дочери Джуди Гарланд и Винсенте Минелли логично было бы начать артистическую карьеру в Голливуде. Вместо этого Лайза избрала «Великий Путь»: «Я хотела попасть на Бродвей. Я не хотела быть кинозвездой. Театр — эта неизведанная территория, — а не Голливуд, не кино. Для моих родителей же это было именно то место, с которым они ни за что не связали бы свою судьбу».

Было вполне очевидно, что ее имя автоматически открыло бы дорогу на прослушивание в любом городе, и она знала это. Но заметила как-то: «Быть дочерью большой «звезды» одновременно означает и помощь, и помеху. Это хорошо, поскольку люди всегда обратят на меня внимание и выслушают меня. Но я должна постоянно «выдерживать сравнение». Поэтому и возникает очень странное ощущение».

На пробах Лайзу прослушивал Артур Уайтлоу, продюсер музыкальной комедии «Самая лучшая ножка, вперед!», возобновленной после 1941 года, и она получила роль второго плана. «Дело вовсе не в известных фамилиях актеров, — заявил Артур Уайтлоу. — Мы прослушали шесть юных отпрысков семей, знаменитых в шоу-бизнесе. Лайза оказалась единственной, у кого был талант. На первом прослушивании она была очень напугана. Она пела едва слышно. Как только она обрела уверенность, ее талант сразу проявился...»

В те далекие дни в Нью-Йорке Лайза брала уроки у Дэвида Сорина Коллиера, одного из лучших преподавателей вокала, который сам был талантливым певцом и актером. Лайза проработала с ним два года, о которых он вспоминает так: «Во время пения ее голос начинал хрипеть, а он должен был быть чистым. Поэтому я учил ее петь так, чтобы не форсировать голос. По сравнению с Лайзой у Джуди голос — более мягкий и нежный. Голос Лайзы сильнее. В вокальном отношении Лайза, как и Джуди, способна на многое. Подобно матери, она — великолепная актриса, которая пением выражает все свои чувства...»

Хотя спектакль «Самая лучшая ножка, вперед!» состоялся не на самом Бродвее, его премьера, которая прошла 2 апреля 1963 года, могла поспорить в успехе с любой бродвейской постановкой. В газете «Нью-Йорк Пост» Ричард Уотс-мл. писал: «Мисс

¹ Она играла в этой пьесе, когда училась в школе Скарсдейл. (Прим. переводчика)

Первое профессиональное выступление Лайзы и Джуди в телевизионной программе Джуди, 1963 г.

Минелли выступает в роли второго плана, играя кокетливую девушку из подготовительного класса, она сумела доказать, что талантлива». Лайза отмечала: «Я понимаю, что всю свою творческую и личную жизнь я проведу под знаком сравнения с карьерой моей матери. Я ничего не имею против этого — сейчас. Но однажды, полагаю, мне захочется, чтобы обо мне говорили как об актрисе, которая не просто дочь Джуди Гарланд, но сама по себе — Лайза Минелли. Я знаю, что когда я пою, я напоминаю свою мать, но я делаю это непреднамеренно. Просто так получается. Иногда я слышу свой голос на пластинке и сама удивляюсь, насколько мой голос походит на ее. Это меня пугает. Но мы ведь постоянно вместе дурачились дома, напевая и пританцовывая...»

За роль в спектакле Лайза получала 45 долларов в неделю, но она увеличила свой

доход благодаря выступлениям в телевизионных постановках. Вместе с другими актерами Лайза записала телевизионную передачу «Рождественская встреча с Джуди Гарланд», где она выступила вместе с Джуди. Присутствие Лайзы в передаче помогло и самой Джуди, которая не стремилась «переиграть» свою дочь. С большой щедростью она оказывала Лайзе помощь во всем, и это вернулось к ней сторицей. Хореограф Дэнни Дэниэлс, который работал вместе с матерью и дочерью над постановкой танцев, вспоминает: «Поскольку Лайза была очень смысленной, она быстро схватывала все, и когда Джуди забывала что-либо, Лайза с готовностью ей подсказывала: «Нет, мамочка, в этом па впереди левая нога...»

15 ноября Лайза внезапно почувствовала озноб, у нее поднялась температура (камень в почке), и ее отправили в госпиталь в Седаре. Она была на полпути к выздоровлению, когда стало известно об убийстве президента Кеннеди. Джуди и Джон Кеннеди испытывали взаимную симпатию: Джуди временами советовалась с Президентом, как лучше поступить в ряде закулисных дел, а перед тем как закончить с ней беседу, Президент неизменно просил ее спеть песню «Над радугой». Теперь, наблюдая за тем, как развиваются события вокруг убийства, Лайза, сама еле сдерживавшая слезы, почувствовала, что ее мать на грани истерики. Джуди вела себя как обезумевшая, дралась и кричала, подобно дикому зверю. В отчаянии Лайза пыталась успокоить ее. В биографии Джуди, написанной Джеролдом Франком вместе с Лайзой, эта сцена описывается так: «Лайза пыталась справиться с ней, стараясь прижать Джуди к стене, когда та бросилась на нее, уговаривала ее: «Мамочка, пожалуйста, не надо, ты ушибеешься, а ведь он не хотел бы, чтобы ты повредила себе что-нибудь».

В январе 1964 года Лайзе предлагают участвовать в гастрольной поездке с постановкой «Карнавал», и она с радостью соглашается. Джуди, частично из опасения за здоровье дочери, а в основном из-за нежелания отпускать ее от себя, из Калифорнии, делала все, чтобы помешать дочери участвовать в премьерном спектакле в Минеольском театре 28 января. Она даже сделала 18 января официальное заявление о том, что Лайза не будет выступать в «Карнавале». Лайза провела много дней в слезах, в борьбе между желанием привычно повиноваться матери и стремлением следовать своим планам. Тем не менее, несмотря на угрозы со стороны Джуди, которая обещала «стащить дочь со сцены», Лайза появилась в «Карнавале» — 28 января в театре Минеола и затем 11 февраля в театре Пейпер Милл в Миллбурне. После этого Джуди никогда больше не мешала карьере своей дочери.

Глава восьмая

18 июня 1964 года Лайза впервые появилась на английском телевидении в представлении «Шоу Клифа Ричарда». Перед спектаклем она устроила пресс-конференцию. Куря сигарету за сигаретой, очень худая, Лайза обмолвилась, что накануне она посетила ночной клуб, где дала импровизированное представление. И, подумав, добавила: «Я не исполнила песни моей матери. О, нет. Запомните это. Я спела «Рождение Блюза», «Сделай это для моего бэби» и «Еще один на дорогу», а не «Над Радугой».

Я не стараюсь подражать своей матери. Я определенно не хочу прожить всю свою жизнь на вторых ролях. Не знаю, смогу ли я когда-либо петь так, как она. Меня нельзя с ней сравнивать. Она такая необыкновенная личность...»

После пребывания в Англии Лайза, вернувшись в Америку, провела все лето, участвуя в представлении «Фантастики» с Эллиотом Гулдом. В течение всей работы Эллиот и Лайза были верными друзьями. Гулд даже сказал своей тогдашней жене Барбаре Стрейзанд, что Лайза недостаточно самолюбива. По словам Эллиота, его «работа заинтересовала Лайзу не меньше, чем ее собственная...»

К тому времени Джуди, прослушав первый записанный Лайзой альбом под названием «Лайза! Лайза!», была потрясена растущим талантом дочери... и решила прибегнуть к ее помощи, чтобы вернуть свой успех. Она пригласила Лайзу выступить вместе с ней на сцене Палладиума в Лондоне. Лайза, понимая, что мать эксплуатирует ее чувство к ней, отказалась... Но Джуди проигнорировала все протесты Лайзы и объявила о дате их совместно выступления в Палладиуме.

По воспоминаниям зрителей, тот вечер в Палладиуме носил ностальгический характер и был настолько наполнен эмоциями, что весь зал в едином порыве вставал, кричал, стучал в знак одобрения, услышав исполненные Лайзой восемь сольных номеров и двенадцать дуэтов с Джуди. Впоследствии один из критиков вспомнил: «Временами появилось ощущение, что вместо Лайзы слышишь и видишь Джуди Гарланд, какой она была двадцать пять лет назад».

У Лайзы, однако, были совершенно иные цели. Выступление в Палладиуме стало переломным моментом в ее отношениях с Джуди.

С самого начала она не хотела участвовать в представлении. Она говорила позднее: «Это было ужасно, шоу было сентиментальным до глупости, а я выглядела полной идиоткой». Принося себя, Лайза, как всегда, оставалась щедрой, но затушевывала подлинную драму

того вечера: возникающее вполне очевидное соперничество Джуди с собственной дочерью.

Когда бы ни заходила речь о ее жизни с Джуди, Лайза решительно избегала говорить о семейных драмах и конфликтах.

Однако на этот раз гордость Лайзы за свою судьбу, за столь нелегко одержанные победы пересилила в ней желание постоянно защищать мать.

Двадцать семь лет спустя после того знаменательного выступления в лондонском Палладиуме Лайза, беседуя на телевидении с Филом Донахью, объяснила, что же тогда произошло: «В моей семье жизнь всегда протекала в ускоренном ритме. Мы за два часа одолевали то, на что другие матери и дочери тратят годы. Между нами вспыхнуло соперничество.

Представьте себе, все начинается, и я слышу, как она своим великолепным голосом, полным гордости, объявляет: «Леди и джентльмены, Лайза Минелли». И я выхожу на сцену, пою, и публике это нравится, и я слышу, как она кричит из-за кулис: «Молодец, бэби, давай, бэби, давай, молодец!»

Тогда я спела вторую песню, и мне аплодировали еще громче, и она говорит: «Браво». Я подумала про себя: «Вперед, Минелли, вперед». Это было настоящее соревнование, но такое нежное...

В конце мы ушли со сцены вместе, и она сказала: «Здорово, детка. Это было просто здорово». И похлопала меня по спине, добавив: «Встретимся в уборной». И я отправилась туда, но, оглянувшись, вдруг увидела, как она снова бежит на сцену, чтобы вновь поклониться публике, а когда я решила сделать то же, она сказала: «Нет, не надо». Но я вышла с ней».

С того момента перед Лайзой будет постоянно стоять дилемма, весьма грустная для любящей дочери: либо быть на равных, а то даже и превзойти свою мать в успехе и удаче, либо выйти из этого соревнования и пожертвовать своим талантом и карьерой на эстраде. Но она была рождена для эстрады. То есть по сути выбор был такой: соревноваться и побеждать или остаться в безвестности.

В тот вечер в Палладиуме родственная связь между Лайзой и Джуди в области искусства была навсегда разорвана, и неудивительно, что Лайза обратилась к другой связи, которая бы заменила ей первую. За кулисами ее поджидал идеальный кандидат на эту роль, новый союзник, который будет неотступно с ней, пока они оба не повзрослеют.

Хотя Питер Аллен и Лайза родились на разных континентах, разделенных тысячами миль, оба они были созданы для сцены. Лайза в возрасте десяти лет танцевала «Маленького Лебеда» в театре «Палас», в Нью-Йорке, а

Питер в юном возрасте с мрачным видом исполнял в Австралии песенку «Мамми» и завоевывал первые места на многочисленных конкурсах. Они принадлежали к разным кругам, но их жизненные пути переплелись. Сходны были полученные ими травмы и раны...

После представления Джуди познакомила Лайзу с Питером: «Это юноша, о котором я тебе столько говорила. Питер, а это — моя дочь, о которой я тебе столько говорила. Вы великолепно подходите друг другу». Хотя Питер был гомосексуалист, Джуди была твердо уверена, что он — самый подходящий мужчина для Лайзы...

Питер Аллен станет первым мужчиной (не

считая отца), которого Лайза полюбила; первым в когорте жизнерадостных, веселых и ярких мужчин, которые стали частью ее жизни. Его отношение к ней походило на братское, и это ее привлекало. Но привлекательным для Лайзы впоследствии оказался и совершенно другой тип мужчин, скорее похожих на отца-наставника...

Мужчины в ее жизни будут постоянно делиться на забавных, подчас чересчур впечатлительных, отношения с которыми походили на родственные, и на властных, с успехом исполнявших роль наставников.

Перевод М. Петрухиной

Продолжение следует

А Н О Н С

В следующем номере и номерах будущего года читайте:

**сценарии фильмов-призеров
фестивалей и конкурсов:**

- "МАКАРОВ" — ВАЛЕРИЙ ЗАЛОТУХА — Приз "Киношока" и др.,**
"ВСЕ ТО, О ЧЕМ МЫ ТАК ДОЛГО МЕЧТАЛИ" — АНАТОЛИЙ
УСОВ — Приз Эйзенштейна и конкурса "Надежда",
"ОКНО В ПАРИЖ" — ЮРИЙ МАМИН, АРКАДИЙ ТИГАЙ — Приз
"Киношока",
"THE CRYING GAME" (ВОЗМУТИТЕЛЬНАЯ ИГРА) — НЭЙЛ ДЖОР-
ДАН — "Оскар"-93.

А также:

сценарии АНДРЕЯ СМИРНОВА "ПРЕДЧУВСТВИЕ" И АНАТОЛИЯ
УСОВА "ВСЕ ТО, О ЧЕМ МЫ ТАК ДОЛГО МЕЧТАЛИ",
кинокомедию ВАЛЕРИЯ ЧИКОВА "ПРО БИЗНЕСМЕНА ФОМУ",
детективы ЭДУАРДА ТОПОЛЯ и ЛЕ КАРРЕ,
непубликовавшиеся сценарии ВЛАДИМИРА НАБОКОВА, ВЛАДИ-
МИРА ЛОКШИНА, ОТАРА ИОСЕЛИАНИ,
произведения ВУДИ АЛЛЕНА,
продолжение биографии ЛАЙЗЫ МИНЕЛЛИ, учебника АЛЕК-
САНДРА ЧЕРВИНСКОГО, книги ГРИГОРИЯ ГОРИНА, интервью,
эссе, воспоминания.

АЛЕКСАНДР ЧЕРВИНСКИЙ

КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ

Художественное или коммерческое?

Возьмите как пример картину "Огненные колесницы". За исключением второй линии, подсюжета и удачной комбинации узнаваемого и нового, замысел этой истории лишен других коммерческих качеств, соответствующих нашему списку.

1. Это не "абсолютная идея". История олимпийской команды 1920 года, выраженная одной фразой, вряд ли заинтересует массового зрителя.

2. Обстановка действия незнакомая, и герои не американцы.

3. История подпадает в две вовсе запрещенные категории — картина историческая и биографическая.

4. Даже форма фильма выбрана не лучшая. Документальный фильм был бы гораздо уместнее.

5. Стоимость "исторических" декораций весьма увеличивает бюджет.

Неудивительно, что, обладая всеми этими качествами, картина "провалилась", заработав всего лишь одиннадцать миллионов долларов и огромный успех. Дело в том, что Голливуд сам не знает, что ему нужно. Множество картин не подпадают под перечисленные коммерческие критерии, но приносят миллионные доходы и премии их авторам.

Тем не менее, список имеет смысл, ибо мы говорим о *реальных в ближайшее время шансах* вашего замысла. "Огненные колесницы", так же как "Ганди", "Кто пролетел над гнездом кукушки", "Поля смерти" и "Взвод", годами пробивались к производству и упорно отвергались главными студиями.

Хотя такие яркие исключения из голливудских правил очевидны, многолетнее изучение этого вопроса показывает, что больший потенциал все равно имеют замыслы с большим коммерческим рейтингом.

Результатом этого изучения является важ-

ный вывод относительно вашего замысла: очевидный конфликт между искусством и коммерцией. Легко потерять надежду и стать в оппозицию к голливудской погоне за долларом и системой рейтингов. Поэтому кино- и телефильмы и представляют собой череду посредственностей, ставящих перед собою убогие задачи и ничего не достигающих. И ставка на звезд, и специальные эффекты, и прочие "безусловные гарантии" всегда происходят за счет качества истории и сценария.

Именно потому, что голливудские фильмы так часто скучны, вторичны и бессмысленны, у большинства писателей существует предубеждение против *любых* коммерческих расчетов.

Эта ситуация понятна, но она нереалистична и бесперспективна. Делать такие расчеты необходимо, и это с очевидностью доказывают такие фильмы, как "Инопланетянин", "Огненные колесницы", "Человек дождя", "Ханна и ее сестры", "Крамер против Крамера", "Афера", "Роксана", "Тутси", "Офицер и джентльмен", "МЭШ" и многие, многие другие, доказавшие, что произведение искусства может одновременно иметь коммерческий успех и состояться как художественное явление.

Как начинающий сценарист, вы должны осознать факт: если вы хотите стать *профессиональным* сценаристом, вы должны писать сценарии фильмов *для зрителей*. Конечно, это здорово — написать сценарий, о котором вы мечтаете, но не надейтесь, что он поможет вам в кинобизнесе, если только несколько зрителей заплатят за него деньги и посмотрят его по телевизору. Вы должны (если вы собираетесь зарабатывать на жизнь сценариями) писать сценарии фильмов и телевизионных сериалов, которые способны окупиться и принести доход. Или вы должны понять, что пишете для собственного удовлетворения, не имея в виду никаких материальных соображений.

Столь же часто встречается ошибочная уверенность в бессмысленности всякой на-

дежды на самоудовлетворение, на достижение художественных целей. Разуверившийся автор рассчитывает только заработать. Это еще более бесперспективный путь, поскольку писание сценариев должно доставлять удовольствие в первую очередь самому пишущему. Надежда "просто заработать" еще реже приводит к желаемому результату, чем полное игнорирование коммерческих факторов, поскольку сценарий, основанный на "жареной" идее, лишенный эмоционального отношения сценариста, почти наверняка не будет продан и поставлен. "Портрет нимфетки, или соринка в глазу", может, и звучит гарантией заработать миллионы, но если у вас лично нет вкуса к такого рода сценариям, то — будьте уверены — вам этих миллионов не заработать.

Чтобы определить, включает ли ваш замысел необходимое сочетание коммерческого и художественного потенциала, ответьте на следующие вопросы:

1. Готов ли я посвятить этому замыслу следующие полгода моей жизни?

Если нет, как бы привлекательно "жареной" ни была идея, ищите другую. Иначе после полугодия мучений вы ничего не заработаете.

Если ответ положительный, переходите к следующему пункту.

2. Имеет ли этот замысел коммерческий потенциал?

На этот вопрос легко ответить, проверив идею по уже известным вам параметрам. Если замысел соответствует всем (или на один меньше) пунктам, значит он обладает коммерческим потенциалом.

Если ответ и на этот вопрос — положительный, вы можете работать над этой историей, поскольку она вам интересна и имеет шанс на коммерческий успех. Но если ответ отрицательный, ответьте на следующий вопрос:

3. Несмотря на то что эта история не принесет несомненного коммерческого успеха, настолько ли я страстно желаю над нею работать, чтоб делать это в любом случае?

Другими словами, рождены ли вы, чтоб писать этот сценарий ценой бессонных ночей и самоистязаний?

Если ответ отрицательный, обращайтесь к другому замыслу. Если вами не владеет страстное желание, то разумнее, заботясь о своей карьере, поискать более перспективную идею и оставить этот замысел до времени, когда вы будете тверже стоять на ногах.

Но если ответ положительный и вы горите желанием работать над этой историей, то вам надо приниматься за работу по следующим причинам.

Писание, кроме всего прочего, должно доставлять удовольствие от самой истории, которая воздействует на вас эмоционально.

Ваши сценарии все равно не продаются.

Или служат образцами того, что вы можете делать в поисках другой работы. Для образцов не так важен их коммерческий потенциал. Вы даже лучше представите свой талант, ежели будете писать для самоудовлетворения, а не по расчету.

В конце концов, если вы хорошо напишете сценарий на основе вашего страстного желания работать, вы, очевидно, сможете найти еще кого-то, кто разделит эту вашу страсть, и фильм будет поставлен.

За исключением фильмов-продолжений, любой фильм в списке чемпионов проката потребовал несколько лет борьбы, отступлений и резкого неприятия большими студиями — пока его не начали финансировать. Это касается и "Звездных войн", и "Полицейского из Беверли Хиллз", и "Десяти заповедей", и "Унесенных ветром", и "Крокодила Данди", и "Кто пролетел над гнездом кукушки", и бесчисленных прочих кассовых чемпионов. Каждый из них состоялся лишь благодаря страсти своих авторов и их преданности своему замыслу.

Модификации вашего замысла

Оценка замысла полезна в течение всего процесса писания сценария и помогает видоизменять и углублять историю в соответствии с большинством пунктов предложенной системы оценки. Вы, безусловно, должны довести вашу идею до состояния, когда замысел соответствует первым пяти обязательным пунктам: герой, сопоставление, мотивация, препятствия и отвага. Вы можете также изменять и модифицировать свою идею в соответствии с остальными характеристиками.

1. Если замысел недостаточно захватывает читателя, нельзя ли добавить нечто, что сразу придаст интерес и сделает привлекательнее общую идею?

2. Можете ли вы к первоначальному замыслу добавить другую идею, чтоб создать вторую линию или подсюжеты?

3. Если место действия мало знакомо, нельзя ли, не разрушая другие аспекты истории, перенести действие в Америку?

4. Если история похожа на другие, нельзя ли добавить элементы новизны?

5. Если стоимость съемок вашей истории предельно высока, нельзя ли уменьшить ее, изменив время или место действия или сократив число действующих лиц?

Резюме

1. Любой замысел может быть выражен в одной фразе: *Эта история про _____, который хочет _____.*

2. Главные источники замыслов историй:

Экранизация

Реалии современности

Исторические события

Заголовки

Личный опыт.

3. *Коммерческий потенциал* означает способность убедить тех, от кого зависит создание кино- и телефильмов, что ваш сценарий может принести доход.

4. *Художественный потенциал* означает способность убедить читателя, что сценарий может представлять ценность сам по себе.

5. Пять необходимых элементов любого сценария:

Герой

Сопоставление

Мотивация

Преграды и препятствия

Отвага.

6. Качества, повышающие коммерческий потенциал:

"Абсолютная идея"

Узнавание и новизна

Вторая линия и подсюжеты

Знакомые места действия.

Коммерческие категории:

Приключения, детективы, история любви, комедии, драмы

Правильный выбор форм

Низкая стоимость.

7. Качества, повышающие художественный потенциал:

Развитие характера

Тема.

8. Три вопроса, которые надо себе задать, решая конфликт между искусством и коммерцией:

Готов ли я потратить полгода жизни на писание этого сценария?

Обладает ли этот замысел коммерческим потенциалом?

А если не обладает, достаточно ли страстно я привязан к этой идее, чтоб работать над нею в любом случае?

4

ХАРАКТЕР

Есть два пути подступиться к сценарию. Первый — начать с идеи и придумывать соответствующие ей характеры действующих лиц. "А что если трое парней захотят ограбить Чейз Манхэттен банк". Таков замысел. И вы "наполняете" его характерами, в зависимости от чего у вас может получиться или рядовой триллер, или "Собачий полдень".

Другой способ начать работу — придумать главных действующих лиц, как называют это

американцы — *характеры*. Из характера вырастет необходимость действия, потом само действие и история. Пример такого подхода — "Алиса здесь больше не живет" или "Возвращение домой". У Джейн Фонда возникла идея характера и ситуации, она рассказала ее своим помощникам, и появился сценарий.

В любом случае, в обоих вариантах, *на всех стадиях и моментах сценарного творчества, ваша цель — максимальное эмоциональное вовлечение читателя и зрителя*. Ваш первоначальный замысел оценивался в первую очередь как потенциальная возможность вызвать эмоции и привлечь внимание зрителя к фильму, характеры — это средство передачи зрителю эмоций.

Как и в замысле, краеугольный камень работы над характерами — очевидные, зримые мотивы действия героя.

Работе над характером во всех учебниках уделяется одно из главных мест.

В этой главе будут разобраны разные компоненты хорошо "работающего" характера и рассказаны способы создания характеров по знакомым уже нам направлениям: узнавание, мотивировка, конфликт и тема. Здесь будет рассказано, как следовать этим принципам для создания оригинальных, эмоционально захватывающих характеров действующих лиц.

ТРИ СТОРОНЫ ХАРАКТЕРА

Любой характер рассматривается с трех сторон:

Физический облик: возраст, пол, внешность, недостатки.

Личность: развитие, манера поведения и т. д.

Происхождение: все, что случилось с характером до его появления в этой истории.

Легко понять, как важна каждая из трех сторон для вашей истории. Сравните, к примеру, Рокки Бальбоа из "Рокки" с Давидом из "Военных игр", и вы увидите, насколько иначе сложилась бы каждая история, если характеры были бы хоть как-то изменены. Давид очень плохо развит физически и легко возбудим. Эти моменты влияют на накал конфликта в истории так же, как и на развитие характера. Если бы Давид был физически мощнее, барьеры на его пути не казались бы ему такими пугающими. Зато его высокий интеллект помог ему стать победителем и придал всей истории логику, оригинальность и увлекательность.

С другой стороны, Рокки, чтоб зритель верил в происходящее на экране, должен обладать большой физической силой. Если бы он был при этом интеллектуален, как Давид, то у него появился бы выбор между кулаками

и другим видом деятельности, и история, как она есть, не могла бы существовать. Знание того, что происходило с героем до его появления на экране, также необычайно важно для рисунка всего его поведения, для логики развития сюжета, сопоставления себя с героем и симпатии к нему.

Как сценарист, вы должны тщательно изучить ваших героев — с каждой из трех сторон. Если вы не знаете ваших персонажей внутренне и внешне, они не смогут эффективно действовать в вашей истории.

Многие преподаватели советуют, прежде чем вы приступите к писанию самого сценария, составить полные биографии ваших героев, по крайней мере главных из них. По меньшей мере, надо написать план биографии ваших героев от рождения до появления в вашей истории, чтоб быть уверенным, что вы их знаете не хуже, чем ваших близких друзей. Даже если этот подготовительный материал не найдет применения в сценарии, ваши герои будут действовать гораздо более естественно и результативно, если вы будете знать историю их жизни.

На начальном этапе у вас, вероятно, есть основанная на замысле и логике идея, кто будет героем вашей истории. Возможно, вы ясно представляете себе и других персонажей, включая их физический облик, особенности характера и биографии. Но когда-нибудь вы столкнетесь с необходимостью создавать характер из ниоткуда, из самого схематического о нем представления.

Вы можете оказаться в одной из двух типичных ситуаций:

1. Вы уже имеете в виду характер, основанный или на реальности (из жизни или экранизации), или созданный вашим воображением, и вам лишь надо убедиться, что характер действует в сюжете достаточно эффективно.

2. Вам надо создать характер "из ничего".

В любом случае, вы должны представить себе качества, необходимые данному персонажу, и как каждое из этих качеств проявляется в процессе развития истории. Начнем с детального описания и изучения героя, со всеми необходимыми по ходу дела соображениями. Затем перейдем к другим типам главных героев (мстительным, рефлектирующим, романтическим), затем к второстепенным персонажам.

СОЗДАНИЕ ГЕРОЯ

Герой вашей истории — это персонаж, чьи мотивы поведения движут сюжетом, кто является центром истории, кто большую часть времени присутствует на экране и с кем в первую очередь сопоставляет себя зритель. Поскольку вашей целью является эмоцио-

нальное воздействие на зрителя, герой — инструмент такого воздействия.

Создавая героя, наиболее соответствующего вашему замыслу, сперва вы должны выделить черты его характера, необходимые для естественного и логического соответствия героя основной идее. Затем вы должны создать необходимые для читателя моменты "узнавания", возможности сопоставления и в результате найти характер, придающие ему (ей) привлекательность и неповторимость. Ваша цель — вызвать у зрителя интерес к герою, которого он еще не видел в соединении с эмоциональным сопереживанием, возникающим в результате сопоставления себя с ним.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ЭСКИЗ ХАРАКТЕРА

Конечно, у вас имеются основанные на вашем замысле общие соображения, каким должен быть ваш герой. Определенные качества его диктуются и сюжетом. Если героиней фильма задумана женщина-гимнастка, то логика подсказывает определенный пол, возраст и физические данные. Если ваш замысел основан на реальной истории, вы начнете с еще более точного определения героя. И хотя вы имеете право варьировать и спрессовать правду даже в документальной драме, по крайней мере 80 % характера будет продиктовано реальными обстоятельствами, о которых вы пишете.

Однако предположим, что вам совершенно не ясно, каким должен быть ваш герой, и вы начинаете с самых общих о нем представлений. Как поступить?

Сперва задайте себе вопрос, какие параметры определяет для героя сюжет сам по себе. Должен ли характер быть наделен определенным полом, возрастом, интеллектом, внешностью или особенностями характера?

Затем обратитесь ко всем источникам, описанным в главе о замысле (заголовки, реальные события, ваш личный опыт), на сей раз ради стимулирования воображения при создании характера вашего героя. Как и при работе с замыслом, ключ к успеху в том, чтоб не останавливать себя, не тормозить поток фантазии, раньше времени не редактировать самого себя. Прежде чем сфокусировать свое воображение на конкретном образе, откройте себя для множества вариантов, независимо от того, близки они или далеки от искомого характера.

В конце концов исследуйте сферу интересов вашего замысла. Пишете ли вы о межпланетном пространстве, диком Западе или парикмахерской, почитайте соответствующую литературу и поговорите (если сие возможно) с людьми, имеющими к этому отношение.

Ознакомление, исследование и интервью стимулируют вашу мысль и помогут создать и развить характеры, соответствующие вашему замыслу сценария и приковывающие внимание читателя.

Когда характер вашего героя начнет приобретать форму, сосредоточьте внимание на одной из главных его функций — возможности для зрителя себя с ним сопоставить (идентифицировать).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИЛИ СОПЕРЕЖИВАНИЕ

Идентификация, сопоставление себя с персонажем, означает, что читатель или зритель эмоционально сопереживает герою. Другими словами, зритель себя отождествляет с героем. Если герой в опасности, зритель испытывает чувство страха, если герой проигрывает, зритель опечален.

Читатель и зритель должны идентифицировать себя с вашим героем. Способы достижения этого перечислены ниже в порядке степени их воздействия. Хотя главным образом это относится к вашему главному герою, но принципы эти легко применимы и к другим действующим лицами вашего сценария, в случае если в первую очередь и главным образом они применены к главному действующему лицу.

1. Герой должен вызывать симпатию

Это наиболее употребимый способ вызвать у читателя сопереживание, сопоставить себя с героем. Часто понятия *"вызвать симпатию"* и *"сопоставить себя"* имеют один смысл.

Если вы можете заставить зрителя жалеть героя, сделав его жертвой незаслуженной беды, вы немедленно достигнете высокой степени сопереживания, идентификации зрителя с героем. Примеров применения этого способа так много, что труднее найти пример фильма, где этого нет. Герой "Роксаны" страдает из-за своего носа, "Ганди" мы видим впервые, когда его сбрасывают с поезда, потому что он "цветной". Даже в комедии "Истребители привидений" героя выгоняют из университета.

Незаслуженная беда может быть результатом определенного события (женитьба отца на злой мачехе в сказке) или составлять часть обстоятельств жизни героя ("Роксана").

В любом случае, чем раньше на экране будет задействован этот способ — как обстоятельство жизни героя или событие, происшедшее в самом начале сюжета, — тем эффективнее и сильнее будет сопереживание зрителя. Это, без сомнения, самый эффективный способ идентификации, который может применить автор.

2. Герой должен оказаться в опасности

К "вызыванию симпатии к герою" близко стоит способ заставить зрителя волноваться за героя, попавшего в опасную ситуацию. Отличные примеры — фильмы про Индиану Джонса, которые начинаются эпизодами, где жизнь героя в страшной опасности.

Угроза поимки, раскрытия тайны, потери, поражения в борьбе могут быть также эффективны в зависимости от содержания фильма. Разные фильмы дают примеры разных физических или эмоциональных *угроз*, относящихся к героям и увеличивающих сопереживание зрителя.

3. Герой может вызывать любовь зрителя

Если зритель полюбит вашего героя, это несомненно укрепит сопереживание, так же как это происходит в жизни, когда нас больше волнует тот, кто нам нравится. Есть три способа заставить читателя полюбить героя. Их можно применять поодиночке или все разом:

Сделайте героя хорошим и добрым.

Сделайте героя смешным.

Сделайте героя умелым в своем деле.

Используйте по крайней мере один из способов идентификации с вашим героем. Иначе ваш читатель не будет в достаточной мере заинтересован в его судьбе, чтобы воспринимать развитие событий эмоционально. Если это окажется возможным и вы примените два или три указанных приема, сопереживание герою еще более усилится.

И еще. Вы должны позаботиться о решении проблемы идентификации **НЕМЕДЛЕННО**. Создайте симпатию к герою, опасность для него, вызовите у зрителя любовь к нему, как только он будет представлен на экране.

Лишь после того как вы создадите идентификацию, вы можете заняться демонстрацией его пороков. Вы можете сделать героем кого угодно. Убийцы, диктаторы и растлители малолетних — все уже побывали в положительных героях, но сперва позаботьтесь о сопереживании, а потом показывайте отрицательную сторону вашего героя. В противном случае зритель не будет ему сочувствовать.

4. Познакомьте зрителя с героем как можно скорее

Зритель ждет появления кого-нибудь, чтобы начать ему сопереживать и "болеть" за него. Чем скорее этот персонаж появится на экране, тем эффективнее будет работать сценарий. Остается лишь пожалеть о фильмах, где герой не появляется в первые 10 минут.

5. Наделяйте героя какой-то силой

Сила вызывает у зрителя восхищение и способствует идентификации на самом фан-

тастическом уровне. Мы все хотели бы быть сильнее, и посредством идентификации себя с сильным героем это нам удастся. Сила проявляется героем в трех вариантах.

Сила над людьми. Это такие характеры, как Чарльз Фостер Кейн в "Гражданине Кейн", Дон Карлоне в "Крестном отце". Эти характеры привлекают внимание не потому, что они похожи на зрителя, но потому, что стоящие за ними богатство, сила и власть вызывают наше тайное восхищение, и мы испытываем особое удовольствие в сопоставлении себя с ними, отделяя при этом себя от зла и аморальности совершаемых ими с помощью своей силы поступков.

Способность к действию без колебаний. Нынешняя популярность героев типа Рэмбо Сильвестра Сталлоне не столько в том, что страна политически поправела, сколько в том, что эти герои умеют действовать не колеблясь. В их действиях нет неопределенности. Они видят, что должно быть сделано, и они немедленно делают, невзирая на опасности, малые шансы на победу или несоответствие политическим или моральным нормам. Они обладают силой, превышающей опущенные природой пределы, которой остальные люди, увы, лишены.

Когда Рэмбо узнает о судьбе военнопленных, реакция его проста: "Они должны быть освобождены, и я должен это сделать". Его не волнует мнение об этом политиков, опасность или численность противника. Он просто применяет свою силу. Для зрителя, чувствующего себя бесконечно бессильным перед лицом войны, преступности, отравления окружающей среды, политиков, начальства и налоговой инспекции, сила Рэмбо неодолимо привлекательна.

Смелость выразить свои чувства, невзирая на реакцию окружающих, выражена многими ролями Джека Николсона и Эдди Мерфи. Они постоянно создают характеры, выражающие гнев, юмор и желание, совершенно не адаптируясь к восприятию окружающих.

Когда Бобби заказывает пшеничных гренков в "Пять маленьких пьес", когда Мак Мерфи восстает против сестры Рэчел в "Кто пролетел над гнездом кукушки", когда дьявол демонстрирует свое желание обладать женщинами в "Ведьмах из Иствика" или когда Аксель Фоли орет на гостиничного администратора в "Полицейском из Беверли Хиллз", характеры демонстрируют силу необузданных эмоций, и эта сила притягательна для всех нас, боящихся поднять голос. Будучи такой, она создает необходимую идентификацию зрителя с героем.

6. Поместите героя в знакомую обстановку

Время жизни героини, место, где она рабо-

тает, ее дом и семейные обстоятельства — все это может стать дополнительным средством идентификации. Например, в картине "Деревня" Джессика Лан играет жену и мать, живущую на современной американской ферме. Естественно, это не означает, что идентифицировать себя с нею может лишь та, кто живет в таких же условиях. Подразумевается, что зритель знает о множестве людей, живущих в такой обстановке. Этого не произойдет, если кино будет про пещерных людей или русского князя.

Подобным образом легче идентифицировать себя со школьниками и студентами колледжей, копами, докторами, секретаршами, родителями или рабочими парнями, чем с Амадеусом. Фильмы, подобные такому, нуждаются в отличных от предложенного списка способах создать ощущение причастности.

8. Сверхгерой

Герои фантастических и приключенческих фильмов, такие как Супермен, Индиана Джонс и Джеймс Бонд, проникают в подсознание зрителя и достигают эмоционального эффекта как фигуры, сходные с героями мифов, легенд и сказок.

Даже если нет ни малейшего сходства наших жизней с существованием героев таких фильмов, мы идентифицируем себя с ними на фантастическом уровне. Сила нашего воображения идентифицирует нас с самыми невероятными поступками мифических героев.

9. Глазами героя

Иногда идентификация крепнет по мере того, как зритель всего лишь *получает информацию* одновременно с тем, как она становится доступна герою. В детективах, например, зритель получает улики по мере того, как ими овладевает герой. "Жар тела" — прекрасный пример фильма, где герой служит глазами зрителя, ибо мы понимаем, что происходит в этой истории лишь по мере того, как понимает это Нед Расин.

Иногда зритель воспринимает события не глазами героя, а глазами второстепенного персонажа. В фильме "Выбор Софи" героиней несомненно является сама Софи, но отправной точкой для идентификации и выяснения правды относительно героини является молодой человек по имени Стинго. Достоинство этого способа в том, что сперва и очень быстро можно достигнуть идентификации с очень знакомым образом, а затем по мере движения сюжета *перенести* эту идентификацию на героя.

Хороший пример того, как работают все эти способы, — фильм "Тутси". Герой картины Майкл Дорси — в общем-то ничтожный тип,

равнодушный к мнению окружающих. Его заботят только его актерская работа, возможность подцепить новую женщину или вовремя смыться, если поймают на вранье. Однако зритель готов идентифицировать себя с ним, симпатизировать ему и смотрит сквозь пальцы или даже приветствует его нечестность и эгоизм.

Самые первые сцены с Майклом (первое представление его) показывают, как его выгнали с показа не потому, что он плохой артист, а потому, что он маленького роста и слишком скромн, или потому, что они просто не обратили на него внимания. (Незаслу-

женная беда.) Затем мы немедленно видим, что он уважаем как преподаватель актерского мастерства (хорош в своей профессии!) и хочет помочь Терри и Санди (хороший человек!). Кроме того, он смешной, живет и работает в знакомой обстановке, и ему грозит опасность разоблачения, когда он притворяется женщиной.

Комбинированное применение разных приемов в этом сюжете — блестящий пример того, что характер может обладать недостатками, слабостями, даже весьма отрицательными чертами, но остаться в фокусе симпатии и эмоционального сопереживания.

**Весь комплекс банковских операций
при проведении операций "день в день"**

АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ БАНКА "КРЕДИТ-МОСКВА"

ПРАВЛЕНИЕ:

Москва, 113054, 6-й Монетчиковский пер., 8, М. Павелецкая.
Тел.: (095)233-42-43, 237-58-54

СОКОЛИНОГОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Москва, 111250, Госпитальная площадь, 16.
Тел.: (095)263-11-28, 263-26-38, 263-14-37

МОСКВОРЕЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Москва, 113184, Б. Ордынка, 51.
Тел.: (095)233-14-30

КУНЦЕВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Москва, 121354, Можайское ш., 41.
Тел.: (095)443-16-01, 443-18-08

ОСТАНКИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Москва, 129223, просп. Мира, ВВЦ, павильон № 1.
Тел.: (095)216-14-68

НОВОАЛЕКСЕЕВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Москва, 129626, Новоалексеевская ул., 16.
Тел.: (095)286-26-80, 286-26-05

СОДЕРЖАНИЕ

- ПРИЗ ЭЙЗЕНШТЕЙНА**
15 Ираклий Квирикадзе "УБИЙСТВО ВИЛИАМА ШЕКСПИРА"
- ШЕСТИДЕСЯТНИКИ В 90-Х**
64 Наталья Рязанцева "ЭФФЕКТ ДОРИАНА"
- КИНОЭПОХА БЕСПРЕДЕЛА**
86 Петр Луцик, Алексей Саморядов "КТО-ТО ТАМ ВНУТРИ..."
- ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА "НАДЕЖДА"**
112 Валентин Черных "КУПИТЬ ДЕШЕВЛЕ, ЧТОБЫ ПРОДАТЬ ДОРОЖЕ"
- 113 Владимир Меньшов, Виталий Москаленко, Андрей Самсонов "ШИРЛИ-МЫРЛИ"
- 122 Иван Бирюков "ЗОЛОТОЕ ДНО"
- ИЗ РУКОПИСИ МАСТЕРА**
129 Евгений Габрилович "ИГРА В КУКЛЫ, ИЛИ МЕЛОЧИНКИ"
- АНОНС**
140 "The Crying Game"
- РАССКАЗЫ КИНОДРАМАТУРГА**
142 Эдуард Тополь "ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ СКРИПКИ", "ЭВАКУАЦИЯ", "ПРО ТАРАКАНА ШУРУПИКА, МЫШКУ СУСАННУ И ПОПУГАЯ КОСТЮ-ОДЕССИТА"
- ИРОНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ**
154 Григорий Горин "МИХАИЛ КОЗАКОВ", "ГАЛИНА ВОЛЧЕК"
- РАССКАЗЫ ВУДИ АЛЛЕНА**
158 Вуди Аллен "Я ОБРАЩАЮСЬ К ВЫПУСКНИКАМ"
- ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗД**
161 Венди Ли "ЛАЙЗА, РОЖДЕННАЯ БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ"
- БИЗНЕС В КИНО**
169 Александр Червинский "КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ"
- ИНТЕРВЬЮ**
4 Наталья Рюрикова "КИНО — ЭТО НЕ БУТЫЛКА "ХВАНЧКАРЫ"... И
43 "СПИНОЙ К АМЕРИКЕ"
57 Марина Крымова "ОБЛОМОК ТРЕХ ИМПЕРИЙ"
107 Марина Сергиенко "МЫ КАЖДОЙ СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ ХОТЕЛИ ПОДНЯТЬ ДУХ ЧЕЛОВЕКА..."

Гл. редактор Н. РЮРИКОВА

Редакционно-общественный совет: В. АЗЕРНИКОВ, Э. АКОПОВ, И. ВАСИЛЬЕВА, А. ГРЕБНЕВ, А. ИНИН, Е. КЛЕЙНЕР, А. КРИНИЦИНА, А. МАМИЛОВ, А. МЕДВЕДЕВ, В. МЕРЕЖКО, Н. РЯЗАНЦЕВА, М. СЕРГИЕНКО (отв. секретарь), П. ФИНН, В. ФРИД, А. ЧЕРВИНСКИЙ, В. ЧЕРНЫХ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Сдано в набор 22.06.93. Подписано к печати 29.09.93. Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр. отт. 12,87. Уч.-изд. л. 14,0. Печать офсетная. Бумага типогр. офсетная. Гарн. "литературная". Заказ № 1430

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12
Телефоны: 299-11-78, 299-47-74

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

Лайза
в роли
Салли Боулз,
принесшей ей
Оскара,
в «Кабаре»

ИСПОВЕДЬ СЕРГЕЯ ПАРАДЖАНОВА
в следующем номере

сценарий
КИНО №5